

АНТОЛОГИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ

СТРАТЕГИЯ

В ТРУДАХ ВОЕННЫХ
КЛАССИКОВ

Серия
«Антология отечественной военно-политической мысли»

Редакционный совет серии:

- С.В. Степашин** — доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН
(председатель редакционного совета);
- Н.С. Столяров** — кандидат философских наук, профессор
(заместитель председателя редакционного совета);
- М.А. Гареев** — доктор военных наук, профессор;
- И.С. Даниленко** — доктор философских наук, профессор;
- В.А. Двуреченских** — кандидат философских наук, доцент;
- А.А. Коровко** — кандидат философских наук, доцент;
- А.В. Коровников** — доктор юридических наук, академик РАЕН;
- А.А. Пискунов** — генерал-майор, аудитор Счетной палаты
Российской Федерации;
- Е.М. Примаков** — академик Российской академии наук;
- О.Н. Слоботчиков** — кандидат политических наук;
- С.Л. Соколов** — маршал Советского Союза;
- М.С. Сурков** — доктор экономических наук, аудитор Счетной палаты
Российской Федерации;
- Е.И. Шапошников** — помощник Президента Российской Федерации,
маршал авиации

Москва
Издательский дом
«Финансовый контроль»
2003

Серия
«Антология отечественной военно-политической мысли»

СТРАТЕГИЯ
В ТРУДАХ ВОЕННЫХ КЛАССИКОВ

Москва
Издательский дом
«Финансовый контроль»
2003

УДК 355.43
ББК 68.2
С 83

Вторая книга из серии
«Антология отечественной военно-политической мысли»

Автор и научный руководитель проекта
Игнат Семенович Даниленко

Стратегия в трудах военных классиков / Редакционный совет серии:
С 83 С.В. Степашин (председатель), Н.С. Столяров (заместитель председателя),
М.А. Гареев, И.С. Даниленко, В.А. Двуреченских, А.А. Коровко,
А.В. Коровников, А.А. Пискунов, Е.М. Примаков, О.Н. Слоботчиков,
С.Л. Соколов, М.С. Сурков, Е.И. Шапошников. — М.: Издательский дом
«Финансовый контроль», 2003. — 592 с. (Антология отечественной военно-
политической мысли).

ISBN 5-902048-24-9

В труде дается научно-критическая оценка творчества известных военных теоретиков, отечественных и зарубежных, по вопросам стратегии. В его создание основной вклад внесли выдающиеся русские ученые А.Е. Снесарев и А.А. Свечин. Книга предназначена для военных — профессионалов и политиков, работников и учащихся научных и учебных заведений, всем интересующимся историей и современными проблемами стратегической мысли.

УДК 355.43
ББК 68.2

ISBN 5-902048-24-9

© Издательский дом
«Финансовый контроль», 2003
© Оформление: Издательский дом
«Финансовый контроль», 2003

Уважаемый читатель!

Мы представляем вам вторую книгу из серии «Антология отечественной военно-политической мысли» — уникального проекта российского книгоиздания. Прошло почти 80 лет со времени выхода в свет двух томов «Стратегии в трудах военных классиков». Труд представляет собой обзор творчества известных военных теоретиков разных стран специальной редакционной комиссией, два члена которой — А.Е.Снесарев и А.А.Свечин — вошли в классику военной мысли XX века. Судьба книги не была гладкой: относительно большой тираж в пять тысяч экземпляров в 30-е годы был почти весь уничтожен, а сохранившиеся экземпляры изъяты из общедоступного пользования, упрятаны в спецхраны. В результате пострадали отечественная военная мысль и политика, которая этой мыслью питается, поскольку из интеллектуальной базы был изъят очень ценный для их развития элемент.

Труд удивляет объемом и качеством проделанной составителями работы, богатством научного содержания написанных ими статей. Такое было под силу только военным энциклопедистам, людям незаурядного таланта. В двух книгах содержится анализ и оценка творчества 19 авторитетных военных мыслителей из шести стран (России, Англии, Франции, Германии, Австро-Венгрии и Швейцарии), живших в XVIII, XIX и начале XX века, а также приводятся характерные работы названных авторов или отдельные избранные места из них.

Сегодня важно не только по достоинству оценить труд «Стратегия в трудах военных классиков», содержащий большое количество идей, но и, опираясь на их опыт, идти дальше по проторенному пути. Многоликость войны продолжает расти. Множатся и системы стратегий их подготовки и ведения. Не сданы в архив ударные стратегии. Набирают силу стратегии ведения различных вялотекущих войн, в том числе скрытых, подлинный смысл, цели и методы ведения которых объект военной агрессии может обнаружить только после того, как потерпит сокрушительное поражение.

Главная идея политической стратегии России на исключение любых войн должна основываться не только на собственных намерениях, но и учитывать реальную переменчивую ситуацию в международных отношениях. Пока исторический процесс имеет мирно-военный характер. Углубление его познания требует существенного развития военно-политической мысли. Для этого и нужна опора на ее классику. Пример есть, нужны последователи. Они найдутся, если российское общество их позовет на это важное для его исторической судьбы дело.

С.В. Степашин, генерал-полковник,
доктор юридических наук,
профессор, академик РАЕН

КЛАССИКА ВСЕГДА АКТУАЛЬНА

Эта формула справедлива вдвойне, когда классики пишут о классиках, как это имеет место в нашем случае. Конечно, и классики могут ошибаться и быть в чем-то неправыми. Но их суждения, аргументация и в подобных ситуациях поучительны, настраивают на эвристическую волну. Сказанное в полной мере относится к воспроизводимому в данной книге сочинению.

Создать такое произведение за короткое время не под силу одному человеку даже большого таланта. И действительно это сделала специально организованная группа, выступившая под общим именем: «Высший военный редакционный совет». Из ее состава в книгах указан только один человек — Александр Андреевич Свечин: в первом томе в качестве автора вводной статьи «Метод стратегического мышления» и в обоих томах в качестве редактора. Ему было отдано должное как инициатору подготовки и издания такого обширного и ответственного труда. К тому же он взял на себя основную массу труда по исполнению собственной идеи. Весомым было участие и других членов совета. Вероятно, не во всем было общее согласие членов совета. Поэтому все статьи, посвященные анализу и оценке творчества военных теоретиков, отнесенных к классикам, подписаны от имени редакции Высшего военного редакционного совета, а не конкретным авторам или авторами.

Высший военный редакционный совет действовал при Реввоенсовете республики, а последний был в то время высшим военным ведомством Советского государства. В него входили люди, разные по военному опыту и профессиональной подготовке, служебному положению и так далее. Среди членов совета были влиятельный в то время политик, пользовавшийся особым доверием председателя Реввоенсовета Советской республики Л.Д. Троцкого, И.Т. Смилга (председатель совета), журналист В.И. Полонский, крупные военные специалисты С.С. Каменев, А.Е. Снесарев и А.А. Свечин. Совет выполнял важную военно-политическую функцию в формирующемся Советском государстве: он задавал тон в формировании военной идеологии и определял основные направления развития военной науки.

Не умаляя роли других членов этого совета, можно уверенно утверждать, что ключевая роль в нем принадлежала А.Е. Снесареву и А.А. Свечину — выдающимися военным теоретиками, ставшими классикам военной мысли XX века первой величины, как это ясно теперь. К сожалению, роль этого совета в истории отечественной военной мысли не изучена и не оценена. Но, несомненно, она значительна. В личностном плане в данном деле особая роль принадлежит Андрею Евгеньевичу Снесареву. Он является автором идеи и организатором практического налаживания издания научной военной литературы в первые годы Советской власти, создания для этих целей специальных редакционных советов. Их задачей, по его мнению, был не идеологический контроль над военной мыслью, а обеспечение охвата ею всего обширного поля военной проблематики последними достижениями отечественной и иностранной военной науки. Он считал, что военная мысль должна развиваться на базе не одной методологии, а на основе применения разных методологий, методом их своеобразной конкуренции в поиске и производстве научной истины.

Когда А.Е. Снесарев был назначен начальником академии Генерального штаба РККА (это случилось летом 1919 года), он сразу же стал проводить в жизнь принципиальную установку на то, что военные кадры с академическим образованием должны творчески осваивать отечественную и зарубежную военную классику. Эта его деятельность нашла поддержку у большинства профессорско-преподавательского состава академии, особо активную и деятельную у наиболее авторитетного профессора А.А. Свечина. Между Снесаревым и Свечиным установились творческие и личные дружественные отношения. Вначале в целях издания научной военной литературы А.Е. Снесарев организовал в академии Генштаба РККА редакционный совет. Через некоторое время он был преобразован в Главную военно-научную редакцию, наделенную правом решающего голоса в делах издания военной литературы. В последующем на основе опыта работы этой редакции и был создан Высший военный редакционный совет при Реввоенсовете Республики.

Деятельность Снесарева по организации издания научной литературы сыграла важную роль в развитии в 20-е годы военной мысли в нашей стране, поскольку этот процесс существенно зависел от того, на литературе какого качества эта мысль будет базироваться. К сожалению, эта деятельность не получила должного общественного одобрения в свое время и исторической оценки в последующем. Хотя опыт этой деятельности интересен и актуален для нашего времени.

Исторически сложилось так, что в 30-е годы почти все члены Высшего редакционного совета (за исключением С.С. Каменева) оказались не в чести у политической власти, хотя и по разным причинам и в разное время. Заодно не в почете оказалось и все изданное по решению этого совета. Не стала исключением и «Стратегия в трудах военных классиков».

И все же этот труд сыграл важную роль в отстаивании положительной тенденции в истории отечественной военно-политической мысли в 20-е годы, которые были очень сложными для ее судьбы. Дело в том, что в это время жестко сталкивались разные подходы к определению направления, методологии и содержания военной науки. Именно в этот исторический период складывались новые, командно-административные отношения между идеологией и политикой государства и военной мыслью. К тому же внутри государственной идеологии и политики разворачивалась яростная борьба за стиль и характер их отношений со всеми сферами и проблемами общественной жизни. Военная проблематика оказалась не в тени и не на обочине этой яростной борьбы. Наоборот, от подхода к решению военных проблем существенно зависело решение многих других проблем.

После завершения Гражданской войны Советской власти надо было думать о своей военной политике серьезно и ответственно хотя бы с позиции интересов своего самосохранения, не говоря уже о защите заявленных планов построения нового общества. К тому же считалось, что выполнение этих планов приведет к усилению военно-политической конфронтации с капиталистическим окружением.

Проблема разработки и проведения реалистической военной политики государства оказалась очень трудной и ответственной задачей по сравнению с написанием и провозглашением деклараций о всеобщем и справедливом мире. Эта политика всегда и везде существенно зависит от того, как относят-

ся к войне, представляют ее содержание, оценивают вероятность, цели и последствия правящие круги и интеллектуальная элита, различные общественные слои и группы страны. Военная политика государства — важный и чувствительный предмет внутренней и международной политической борьбы. Поэтому отношение к войне переменчиво, оно может иметь разную степень общественного согласия. Показателем его является общественное мнение. Оно зависит от уровня развития и влияния в обществе военной науки, авторитета военных теоретиков.

Военная наука начала формироваться и получила «права гражданства», то есть признание общества и государства в конце XVIII века. С этого времени почти во всех странах активно идет процесс «обнаучивания» своей и чужой военной практики, анализируется и оценивается военно-политическая ситуация, делаются обобщающие выводы и прогнозы, которые предлагаются государству и обществу для выработки своей позиции, принятия оптимальных решений и действий в меняющихся исторических условиях. Слабостью военной науки оказался преимущественно ведомственный метод ее развития, малая доступность для общественности, сфокусированности ее содержания на проблемах только технологии подготовки и ведения войны и слабая связь с вопросами раскрытия ее природы, социального смысла и целей. Обычно война провозглашалась извечной исторической данностью со времен Адама и Евы и предполагалось, что конец ее наступит с концом истории. Задачей науки ставился поиск путей победного воевания.

Причиной обособленного, можно даже сказать, некоего сектантского положения военной науки явилась сложившаяся система мирно-военного разделения труда, то есть выделение профессиональной группы людей, которые постоянно занимаются вопросами подготовки и ведения войны, и малое непосредственное участие в решении военных дел остального общества. Такое же разделение труда пришло и в науку, в ней военная наука выделилась в особую область. Но разделение общественного труда порождает непростую проблему его интеграции, от решения которой в большой мере зависит эффективность существующей системы разделения труда, в интересах повышения которой она и осуществляется. Применительно к мирно-военному ходу исторического процесса проблемы разделения и интеграции труда оказались чрезвычайно сложными и ответственными, в том числе и в научном плане. Была и другая причина замкнутости военной науки: нежелание просвещать вероятного противника, стремление преподнести ему в войне шокирующие сюрпризы.

Военная история первых десятилетий XX века убедительно показала, что военная борьба в этом веке требует не только невиданной физической силы, создаваемой на базе индустриального производства, но и большой военно-профессиональной интеллектуальной мощи. Но и это не все — необходимы еще обязательное устойчивое духовное одобрение и активная поддержка всего общества. В войне побеждает, как правило, тот, у кого их сочетание в условиях конкретной исторической ситуации лучше. Идея отказа от постоянной, в своей основе профессиональной армии, имевшая широкое хождение перед Первой мировой войной, потерпела полный крах на основе ее опыта. Упрощенные представления об общенародности войны и постановке военного дела были отвергнуты большой военной практикой в начале XX века.

Первая мировая и Гражданская войны дали для военной науки огромный материал как для осмысления новой техники, средств и методов военных действий, то есть для развития теории военного искусства, так и для развития общей теории войны, — для развития фундаментальных разделов военной науки. Объективно создались предпосылки, позволявшие и побуждавшие сделать существенный шаг в развитии военной науки как науки о войне и переломить устойчивую тенденцию ее развития как науки только о подготовке и ведении войны, то есть науки о воевании, а не целостной науки о войне как общественном явлении.

Но военная наука, перспективы ее дальнейшего развития оказались в Советском Союзе в начале 20-х годов в сложном трудном положении. Во-первых, в результате двух войн и двух революций в стране существенно поредели кадры военных ученых. При окончании Гражданской войны за рубеж ушла многотысячная армия и большая группа опытных и талантливых начинающих военных теоретиков. Во-вторых, революционный экстремизм обесценивал старую военную науку и норовил начать создавать ее новый вариант с «чистого листа» вместо критической оценки того, что сделали предшествующие поколения военных ученых. Существовала реальная угроза того, что страна останется с воинственными революционными лозунгами, но без военной науки, а следовательно, и без способности обеспечивать свою военную защиту. Одного здравого смысла для организации военного дела уже стало явно недостаточно. Это было ясно всем здравомыслящим политикам.

Надо отдать должное Советской власти за то, что она хотя и не уняла полностью революционный экстремизм по отношению к предшествующей военной науке, но и не позволила ее полностью развалить. Так, она не только сохранила старую академию Генерального штаба (на закрытие академии не дал согласия лично В. И. Ленин), которая с 1832 года была основным военно-научным центром Российской империи. Более того, новая власть воссоздала эту академию в конце 1918 года под названием «академия Генерального штаба РККА». Это было сделано после того, как старая академия, будучи передислоцирована в начале 1918 года вначале в Екатеринбург, а затем в Казань, после занятия последней белыми в большинстве своем перешла на их сторону. В академии Генерального штаба РККА были собраны крупнейшие военные специалисты, известные военные теоретики России, не покинувшие Родину после двух революций 1917 года и Гражданской войны. Таким образом в стране осталось главное — непрерывность, связь времен в военной мысли, развитии военной науки.

Серьезные военные теоретики, считавшие себя лично ответственными за судьбу страны, понимали, что при любом общественном строе и режиме государственной власти их Родине будет жизненно нужна военная наука, способная постигать тенденции развития войны в новое время, что без этого невозможно правильное и своевременное решение проблем государственного военного строительства, а следовательно, и обеспечение военной безопасности страны. Лидерами так настроенных военных мыслителей в 20-е годы и стали бывшие генералы старой армии А.Е. Снесарев и А.А. Свечин. Они были признаны авторитетными военными теоретиками еще до мировой войны. На фронтах этой войны они показали высокие качества на командных и штабных должностях. Именно за это были удостоены генеральских званий и выс-

ших наград, включая орден Святого Георгия. Снесарев был награжден этим орденом дважды: IV и III степени. Существенный вклад они внесли и в организацию Красной Армии. Судьба как бы умышленно свела их в академии Генерального штаба РККА в интересах развития военной науки.

В то время решался вопрос: чему и как учить военные кадры нового государства? С точки зрения большой исторической перспективы это был центральный вопрос военной политики государства и ее реального воплощения в условиях наступившего мира. Это было время выбора между революционными лозунгами по проблемам войны и действительной военной наукой. Среди молодых военных кадров, выдвинувшихся в Гражданскую войну, многие в то время находились в состоянии победной эйфории в этой войне, отвергали не очень понятную им старую военную науку, пребывали под гипнозом революционных политических лозунгов. Мол, победили без военных специалистов, деникиных, юденичей и колчаков, и дальше будем побеждать. Хотя военные специалисты, которым страна была обязана победой, эти выдвинутые революции, были оставлены в тени.

Военные специалисты, прошедшие Первую мировую и Гражданскую войны, знавшие историю иностранной и отечественной военной мысли и практику различных войн, были настроены иначе. Да, считали они, войны XX века, особенно Первая мировая и Гражданская, поставили перед военной наукой много принципиально новых вопросов. Без учета опыта этих войн наука была уже не вправе претендовать на роль толкователя военной истории, свойств и законов современной войны, рекомендовать рациональные подходы к организации военного дела, приемы и методы ведения грядущей военной борьбы.

Такие военные специалисты, как А.Е. Снесарев и А.А. Свечин, их коллеги и соратники по научной и педагогической деятельности, тянули военную науку не к отжившим догмам дореволюционной военной науки, в чем их нередко обвиняли, не к пройденным ею историческим периодам, в которых были как озарения, так и поучительные тупиковые направления мучительного безрезультатного поиска. Наоборот, они были озабочены тем, чтобы вывести военную науку на уровень требований нового времени, сделать ее надежным средством ориентации государства в его делах по подготовке страны к грядущим суровым испытаниям в неизбежных будущих войнах. В том, что последние случатся, они не сомневались. Только время и характер их точно определить никто не был в состоянии. Люди такого рода не поддавались очарованию революционной фразой, хотя не считаться с ними не могли. В этом отношении интересны воспоминания А.Е. Снесарева о своем руководстве Академией Генерального штаба РККА в 1919–1921 годах. В них он пишет: «Я готов был идти по путям замены плохого старого хорошим новым, даже сомнительного прежнего и хотя бы также сомнительным новым, но я не мог поступиться хорошим и определенно необходимым прошлым в пользу еще не испытанного хотя бы обольстительного грядущего»¹.

Но не всем в академии и за ее пределами такая позиция ее тогдашнего начальника нравилась. В этом отношении показательным является следующий случай. В 1920 году группа старых военных специалистов объединилась в «Учредительное собрание по организации академии военных наук» и опубликовала по этому поводу следующее решение: «...Новая академия должна быть

ученым учреждением для разработки всех вопросов, связанных с войной. Учредительное собрание отнеслось к войне как к бесконечно сложному явлению, заслуживающему самого внимательного изучения». И вот слушатель Академии Генштаба РККА А. Федин в журнале «Военное знание» изложил свое отношение к этому вопросу следующим образом: «...Опыт, проделанный военспецами в течение двух лет над Академией Генштаба, показал нам, что революция недостаточно встрясла из наших военспецов военно-научную пыль и ненужный хлам, так как за эти два года они не сумели дать нам тех методов, той программы, которая повела бы нас прямым рациональным путем, отвечающим запросам жизни, то вполне позволительно полагать, что специальная академия будет схоластической, оторванной от жизни, что она осуждена будет вариться в собственном соку и продолжать анализы над отвлеченными неизвестными, блуждающими где-то в беспредельном пространстве, ничего общего с жизненным и реальным не имеющими»².

Среди военной молодежи настроенных «вытряхивать из военспецов военно-научную пыль и ненужный хлам» было немало. Для серьезных военных мыслителей было ясно, что прямой рациональный путь познания войны очень труден и невозможен без изучения военной классики. Знакомство с ее идеями является обязательным условием академического военного образования.

Когда А. А. Свечин начал преподавать в академии стратегию, он с одобрения и полной поддержки начальника первым делом позаботился о том, чтобы его слушатели ознакомились с работами классиков по этой учебной дисциплине. Молодой красный командир — слушатель академии того времени Кирилл Афанасьевич Мерецков, будучи Маршалом Советского Союза, уже на склоне лет, с большой теплотой и благодарностью вспоминая лекции профессора Свечина, писал: «Из первых профессоров наиболее сильное впечатление на меня произвели Александр Андреевич Свечин и Василий Федорович Новицкий, в прошлом офицеры русской армии, перешедшие на сторону Советской власти, эрудированные специалисты военного дела, оригинальные мыслители, замечательные преподаватели. Хорошо знали они и штабную службу. Это было важно вдвойне, так как в 1918 году составление документов в Красной Армии кое-кто считал одно время чуть ли не буржуазным пережитком, и от этого предрассудка не сразу избавились»³.

Запомнилась маршалу и поучительная шутка профессора Свечина, с которой он обращался к слушателям академии: «Вы должны овладеть военной мыслью прошлого и узнать как можно больше, только после этого, если понадобится, вы сумеете делать все наоборот»⁴.

Лекции Свечина, критически оцененные, с дополнениями и изменениями, внесенными членами редакции Высшего военного редакционного совета, и составили основу двух книг «Стратегия в трудах военных классиков».

Традиционный курс стратегии, который читался в дореволюционной академии Генштаба, не мог быть принят ни в качестве образца, ни в качестве основы в новых условиях. Создание нового курса представляло собой задачу чрезвычайной сложности и ответственности. За нее могли взяться только необычно одаренные и ответственные люди. И они нашлись в лице А. Е. Снесарева, А. А. Свечина, В. Ф. Новицкого и других военных теоретиков.

Но дело это было чрезвычайно ответственным и сложным. Речь шла о стратегии как науке, ответственной за подготовку и ведение войны, а следовательно и в большой степени за судьбу страны. Неудовлетворенность состоянием этой науки назревала давно, уже в конце XIX века, прежде всего фактом отсутствия взаимосвязи в развитии военной стратегии со стратегией развития страны. Последняя не имела четких ориентиров. А это обрекало военную стратегию непрерывно приспосабливаться к поворотам непоследовательной общей политики государства. В этом отношении показательной является статья Е.И. Мартынова «Обязанности политики по отношению к стратегии», опубликованная в 1898 году, в которой автор по существу доказывает, что отсутствие взаимосвязи между военной стратегией и долгосрочной стратегией в политике государства явилось причиной многих неудач, имевших место в истории нашего Отечества.

После неудачной войны с Японией в 1904-1905 годах в адрес стратегии, ее теоретического уровня и преподавания в Академии Генштаба посыпались обвинения вплоть до признания имевших в этом деле недостатков основной причиной позорного для России ведения и завершения этой войны. Такого рода обвинения были большим преувеличением. Основная вина за эту войну лежала на общей и военной политике государства. Безусловно были и серьезные основания для претензий к стратегии. Как наука и военное искусство она не полностью отвечала условиям и задачам нового века, прежде всего тем большим изменениям в природе и содержании войны как общественного явления, которые произошли к началу XX века.

После войны с Японией и до Первой мировой войны в теории стратегии были подвижки, но у государства не появилось принципиально новых, как сейчас говорят, прорывных военно-стратегических и политических идей. Практика этой войны и последовавшей за ней Гражданской войны не выдвинули и полководцев, чей бы практический опыт стал общепризнанно ценным для развития теории стратегии в Советском Союзе.

Эти войны показали, что связь между военной стратегией и политикой участников войны стала более сложной и органичной. Для постижения этих явлений требовался подъем стратегической мысли на новый исторический уровень в соответствии с происшедшими изменениями войны как общественного явления. Такой подъем был возможен только в результате критической опоры на классику, отечественную и зарубежную. И для этого надо было сделать ее доступной для ознакомления хотя бы военных профессионалов и занимающихся военными вопросами политиков. А для этого требовалось прежде всего опубликовать ее, и для облегчения восприятия дать краткие содержательные пояснения.

«Стратегия в трудах военных классиков» раскрывала историю многотрудного поиска путей углубления познания войны на основе различных подходов изучения процессов ее подготовки и ведения в течение почти двух веков крупными военными мыслителями ряда европейских стран. Такая панорамная картина истории военной мысли позволяла более успешно решать проблему собственного пути дальнейшего развития стратегической мысли, постижения войны в условиях XX века. Без такой картины собственная военная мысль имела вероятность стать на путь ограничения стратегии рамки собственного опыта, возведенного в абсолют, или стать на путь заимствования такого же ограниченного опыта другой страны, возведенного в образец для подражания.

Надо отметить, что такого рода исследования развития стратегии у нас уже предпринималась первым профессором стратегии Николаевской военной академии (Генерального штаба) Николаем Васильевичем Медемом, который еще в 1836 году выпустил труд «Обозрение известнейших правил и систем стратегии». Но после этого прошло большое время. К тому же Медему было отведено почетное место в военно-справочной литературе, но идеи его не получили развития. Даже в «Стратегии в трудах военных классиков» хотя ему и отведено заметное место, но далеко не то, которого он заслуживает в истории военной мысли. Есть основание полагать, что у членов Высшего редакционного совета было намерение вернуться к нему в следующих заявленных томах в связи с анализом творчества Клаузевица. Это было логично, так как Медем дал очень глубокую и интересную оценку не только Жомини, которая воспроизведена в «Стратегия в трудах военных классиков», но и еще более глубокую оценку вклада Клаузевица в развитие военно-стратегической мысли, которую логично следовало воспроизвести в посвященной ему главе. Но, к сожалению, заявленные последующие тома не последовали.

Хотя в двух книгах представлены 19 военных классиков, но по методологии творчества они условно разделяются как бы на две группы: 1) тяготеющих к поиску рецептов, принципов и правил рационального ведения войны; 2) рассматривающих войну как исторически изменчивое явление и по этому не вкладывающееся в схему неизменных принципов и правил.

У сторонников первого подхода много прародителей и последователей, но особо ярким и последовательным является Жомини. Второй подход наиболее аргументированно представлен Клаузевицем. Последний в число представленных в двух первых книгах военных классиков не вошел, а два следующие, в которых ему планировалось отвести значительное место, не состоялись.

Но и А.А. Свечин и А.Е. Снесарев все же посвятили Клаузевицу собственные специальные исследования. Снесарев в 1924 году закончил рукопись, посвященную исследованию его жизни и творчества, но публиковать ее не стал. Скорее всего, он поступил так по причине того, что его взгляды расходились с официальными взглядами по ряду вопросов. Впервые его рукопись была опубликована только в 2001 году в сокращенном виде в «Военно-историческом журнале» и отдельной книгой — в Военной академии Генерального штаба ВС РФ⁵. Свечин в 1935 году в серии «Жизнь замечательных людей» опубликовал книгу «Клаузевиц», которая давно стала библиографической редкостью. И все же эти две работы позволяют сделать вывод о том, что Клаузевица с полным основанием можно присоединить к классикам военной мысли, которые рассматриваются в первых двух томах «Стратегия в трудах военных классиков».

А.А. Снесарев и Е.Е. Свечин, как и в свое время Н.В. Медем, рассматривая системы стратегии, созданные различными известными военными теоретиками, заметно разделяют их по отношению к творчеству Жомини и Клаузевица. В их творчестве наиболее принципиально воплощаются указанные два разных подхода к науке о войне и стратегии как прикладной теории ее подготовки и ведения.

Жомини как военный теоретик сформировался на основе изучения практики наполеоновских войн. Как и многие теоретики XIX века, да в заметной их части XX века, он абсолютизировал этот опыт, возвел его в принципы военной науки. И на этом пути он достиг высокого совершенства. Как заметил еще

в свое время Медем, если следовать принципам, то только тем, которые обосновал Жомини, потому что он это сделал лучше других. Только само обоснование принципов в военной науке Медем считал непродуктивным путем ее развития. Он считал более верным подход Клаузевица, который отрицал правомерность обоснования военной наукой принципов ведения военной борьбы, поскольку война как общественное явление чрезвычайно изменчиво по целям, содержанию и в некоторой степени даже по своей природе.

Медем является первым теоретиком, который констатировал принципиально разные подходы к стратегии Жомини и Клаузевица. Более того, он указал не только принципиальную разницу их подходов, но и установил факт непоследовательности Клаузевица, которая вела его в итоге на позицию, схожую с позицией Жомини, в принципе тождественной ей.

Внимательно исследуя ход мысли Клаузевица, Медем замечает: «Сообразно с основной мыслью Клаузевица ограничиваться одними рассуждениями, избегая всех положительных наставлений, кажется, не должны встречаться в его сочинении никакие безусловные правила для действий. Однако же мы видим, что автор не только предложил некоторые подобные правила, но представил одно из них в виде основания всей стратегии. Это правило следующее: *все соображения полководца должны иметь главным предметом бой*, который есть единственное средство к достижению цели войны. Очевидно, что это правило то же самое, на котором основаны главные выводы генерала Жомини; что оно ведет неминуемо к теоретической системе, основанной, почти исключительно, на одном материальном элементе, и потому явно противоречит и основному плану автора и многим другим его мыслям, изложенным сообразно с этим планом»⁶.

Действительно, фундаментальные положения Клаузевица о природе и свойствах войны как общественного явления серьезно разошлись с его прикладными выводами для стратегии, с его утверждением решающей роли боя в ее практической реализации. А это уже проявление рецептурного, то есть предписываемого подхода к организации подготовки и ведения войны, что означало введение в военную науку принципа, которой Клаузевиц отрицал. Медем посчитал, что такое серьезное противоречие не могло быть незамеченным самим Клаузевицем. И он нашел у последнего указание на это: «Столь очевидная противоположность вывода из действительных войн с правилом, принятым за основание всей стратегии, не могла ускользнуть от внимания самого автора. По смерти генерала Клаузевица нашли в его бумагах собственноручное замечание, в котором поясняется, что он под словом *бой* разумел, не только непосредственное действие оружием, но и *те* случаи, где бой хотя и не происходил в действительности, но был возможным, или *те* даже, где один из противников, ослабленный какими бы то ни было средствами, — видя невозможность успеха, — избегает сражения. Но ежели мы примем в столь обширном смысле слово *бой*, то неоспоримо, что основное правило сочинителя превратится в следующую, никакого определенного наставления не заключающую, аксиому: «все соображения должны иметь целью ослаблять или истреблять, какими бы то ни было способами, силы противника и лишать его средств к защите». Теперь спрашивается, уничтожил ли сочинитель, изменив, таким образом, смысл основного правила, выше упомянутые противоречия? Мы отвечаем: нет; ибо, изменяя, таким образом, смысл ос-

нования, он должен был переделать всю часть сочинения, бывшую выводом или следствием этого основания, в первобытном его смысле»⁷.

Но Медем не отметил тот факт, что Клаузевиц умышленно остановился на развитии фундаментальных вопросов теории войны, чтобы не оторваться от военной практики своего времени. По этому вопросу в кратком слове «От автора» к своему основному труду «О войне» он пишет следующее: «Философские заключения не избегались, но в тех случаях, когда связь доходила до крайне тонкой нити, автор предпочитал ее обрывать и снова прикреплять к соответствующим явлениям опытного порядка. Подобно тому как некоторые растения приносят плоды, лишь при условии, что они не слишком высоко вытянули свой стебель, так и в практических искусствах листья и цветы теории не следует гнать слишком вверх, но держать их возможно ближе к их родной почве — реальному опыту»⁸.

Следовательно, в данном случае мы имеем факт, когда Клаузевиц — автор фундаментальной теории войны уступает Клаузевицу — автору прикладной теории войны, то есть теории воевания — подготовки и ведения войны, чем преимущественно и была военная наука в XIX и XX веках.

Именно разрыв между фундаментальной и прикладной теорией войны явился своеобразной ахиллесовой пятой, слабым местом даже для крупных военных теоретиков стратегии. В этом вопросе сказались сложность природы и множество общесоциологических свойств войны, трудность их увязывания с техникой и технологией (искусством) ее подготовки и ведения, которые меняются очень быстро. На этой проблеме часто и спотыкается политика, ведущая к войне стихийно или целенаправленно.

Создавая «Стратегию в трудах военных классиков», похоже, что инициаторы этого дела были прежде всего озабочены тем, чтобы помочь политике государства избежать типичной ошибки: упрощенного подхода к войне, неверных подходов в делах ее подготовки и ведения.

К сожалению, их усилия не получили поддержки, их теоретическая деятельность была жестоко оборвана в начале 30-х годов. Правда, Свечину удалось ее еще продолжить несколько лет между первым и вторым арестами и судами (в 1931-м и 1937 годах). Страна лишилась двух крупнейших военных теоретиков, способных решать как прикладные, так фундаментальные проблемы науки о войне. И это существенно сказалось на общем уровне ее развития, поскольку были оборваны самые перспективные направления ее развития.

Фундаментальная и прикладная части науки о войне в Советском Союзе оказались искусственно расчлененными. Первая часть была выделена в особую теорию «Марксизм-ленинизм о войне и армии», а вторая часть стала набором прикладных военных дисциплин, объединенных и подчиненных стратегии как общей теории и искусству практической подготовки и ведения войны.

Такая конструкция науки о войне оказалась не во всех отношениях продуктивной. Прежде всего, возникла монополизация взглядов в обеих (фундаментальной и прикладной) частях: в фундаментальной теории в абсолют была возведена классовая доктрина природы войны; в прикладной теории в абсолют были возведены вооруженные средства ведения военной борьбы.

А жизнь требовала выхода на новый уровень науки о войне, перед которым в свое время остановился Клаузевиц, не желая отрываться от практики своего ис-

торического времени и высказывать пророчества о будущем характере и содержании войны. Но при этом он все же сделал важную оговорку о том, что в войне «все соображения должны иметь целью ослаблять или истреблять, какими бы то ни было способами, силы противника и лишать его средств к защите». И это сказано в первой четверти XIX века, когда традиционный бой вооруженных сил был фактически единственным средством «ослаблять и уничтожать» противника. Другие средства были или неэффективными, или малоэффективными.

То обстоятельство, что достижение целей войны наряду с боем в традиционном понимании будет возможным другими средствами и методами, относящимися по привычке к мирным, станет проявляться уже в новом, XX веке. Но это не всем и не сразу станет понятным. Многие не увидят проявление нового в войне ни в опыте двух мировых войн первой половины XX века, ни в опыте холодной войны.

Снесарев особо подчеркивал, что война в XX веке ведется «не только мечом». Но в Советском Союзе упорно сводили сущность войны к вооруженной борьбе и вне ее военную борьбу по своим целям и характеру отказывались принимать за войну. Сказался жесткий процесс догматизации мышления.

После Второй мировой войны дополнительно возникла ситуация гипноза ракетно-ядерным оружием. Именно то, что это оружие сделало вероятной не только абсолютную, но и абсолютную глобальную войну с гибелью обоих участников и попутным уничтожением всего человечества, трансформировало военную борьбу в нетрадиционное русло холодной войны. Но советская военная наука не смогла в ней даже разглядеть войну. В этом сказались и большая цена пренебрежения военной классикой при монополии и догматизации классики политико-идеологической.

Профессор И. Даниленко

Примечания:

- ¹ А.Е. Снесарев. Два года во главе Академии. В кн. Военная академия за пять лет. — М., 1923. С. 57.
- ² Федин А. Несколько слов об «академии военных наук». // Военное знание. — 1920. -№3-4 (11-12). — С. 19-20.
- ³ Мерецков К.А. На службе народу. — М., 1969. — С. 62.
- ⁴ Там же. — С. 72.
- ⁵ Снесарев А.Е. Жизнь и труды Клаузевица. — М. 2001, 236 с.
- ⁶ Обзорение известнейших правил и систем стратегии. Составил Николай Медем. — С-Петербург, 1836. С. 155-156.
- ⁷ Там же, с. 159-160
- ⁸ Клаузевиц К. О войне. — М., Госвоениздат, 1934. С. 9.

СТРАТЕГИЯ

**В ТРУДАХ
В О Е Н Н Ы Х
КЛАССИКОВ**

ЛЛОЙД — НАПОЛЕОН

МЕДЕМ — ВИЛИЗЕН

ЛЕВАЛЬ

ВЕРДИ-ДЮ-ВЕРНУА

ФОН-ДЕР-ГОЛЬЦ

ФОШ

ШЛИФФЕН

ТОМ ПЕРВЫЙ

Высший военный редакционный совет

ВВЕДЕНИЕ

МЕТОДЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Искусство вождя — это, прежде всего, искусство усмотреть верную цель и указать путь к ее достижению. На любом фронте человеческой деятельности, чтобы одержать успех, нужно искусство вождя; в не меньшей степени требуется и грамотность исполнения. Боремся ли мы со стихией, боремся ли за достижение высшего уровня экономического благосостояния или за распространение наших политических убеждений, вынуждены ли мы взять в руки оружие, чтобы отразить врагов внешних, всюду перед нами возникают вопросы, как и куда ориентировать эту борьбу, и какова должна быть техника этой борьбы. Отсюда, естественно, родится деление искусства борьбы на его стратегию и на тактику.

Тактика — это техника действий войск, упорядочение, организация их усилий для достижения определенного результата наиболее прямым, скорым и экономным образом. Стратегия — это самое определение результата, которого надо добиваться. Точное разграничение между этими двумя областями работы, однако, встречает такие затруднения, что часто являются даже сомнения в том, существует ли в действительности граница между ними. На эти сомнения наталкивает нас также и необычайная пестрота и противоречивость определений, данных стратегии выдающимися военными мыслителями. Бюлов, первый пустивший в ход термин «стратегия», видел в стратегии ту часть военного искусства, которая охватывает деятельность полководца до момента, когда в поле зрения появляется неприятель, и военное искусство переходит в тактику. Жомини видел в стратегии искусство двигать массы на театре войны, Гнейзенау — расчет времени и пространства, Клаузевиц — искусство применения боев для достижения цели войны. Эрц-герцог Карл понимал под стратегией искусство полководца, определяющее ход военных предприятий; это определение в новейшее время уточнено Блуме, который видит в стратегии полководческое искусство за вычетом тактики; под последней же он подразумевает все, что касается употребления вооруженных сил в бою и упорядочения их действий с точки зрения боевых требований. Богуславский дал ему другое развитие: стратегия у него обратилась в искусство вождения армии, в искусство старшего начальника в отдельном районе театра военных действий, а тактика — в искусство управления войсками; граница проведена им по иерархической лестнице, и эта грубая квалификация стратегических и тактических вопросов, в зависимости от «табеля о рангах», от служебного положения командующего армией или командующего дивизией, все шире получает распространение в наше время. Вилизен видел в стратегии учение о сообщениях, Мольтке — систему подпорок, Шлихтинг, опираясь на выраженную однажды Мольтке мысль, оценивал стратегию как искусство «идти врознь, имея в виду требования своевременного сосредоточения». Верди-дю-Вернуа в первом томе третьей части своего исследования о ведении войны определяет стратегию как часть учения о войне и в то же время часть

самой военной деятельности, которая, с точки зрения всех оперативных моментов, охватывает как научное исследование войны, так и подготовку и ведение ее. Определение трудное и перекладывающее наше недоумение с понятия стратегии на не менее туманное представление об определяющем ее оперативном моменте. Впрочем, через 2 года в пятом томе третьей части Верди уже чистосердечно признается, что он сомневается в том, имеются ли вообще основания для проведения границы между стратегией и тактикой...

Читатель, который даст себе труд вдуматься в эти определения, будет поражен противоречивостью взглядов на стратегию. Поясним эту пестроту примером, взятым из области, где свобода нашей мысли не затруднена какой-либо предвзятостью или шаблоном. В Токио землетрясение вызывает стихийный пожар. Борьба с пожаром столицы, как и всякая борьба, имеет свою стратегию и тактику. Попробуем квалифицировать по этим двум категориям возникающие соображения. Что надо защищать в первую очередь — императорский дворец, министерства или спасти музеи с неоценимыми художественными ценностями? Надо ли отстаивать квартиры богачей или же фабрики и пролетарские кварталы? Как использовать для локализации пожаров имеющиеся линии бульваров и садов? Как учесть при организации противопожарной работы, при условии разрушения водопровода, нахождение воды для пожарных машин только в некоторых, точно определенных районах? Как учесть при организации тушения пожара направление ветра? Где использовать мощное оборудование пожарных частей и где только простейшие средства — топоры, лопаты и ведра — с которыми явятся на пожар войска? Какие меры принять для снабжения продовольствием работающих на тушении пожара людей? Как обеспечить порядок, необходимый для успеха работы? В какой степени допустить разброску пожарных средств и децентрализацию самой работы?

Читатель, который попытается распределить эти вопросы на стратегические и тактические, легко справится с квалификацией части их, а перед другими станет в тупик. Что же говорит нам теория? Бюлов скажет, что пока мы не прибыли на пожар, мы действуем стратегически, а как только соприкоснемся с огнем, принуждены действовать тактически. Клаузевиц скажет, что искусство тушения отдельного пожара — тактика, а искусство комбинирования усилий по тушению отдельных пожаров для спасения города — стратегия. Богуславский будет утверждать, что работа брандмейстера — это тактика, а брандмайора — стратегия. Вилизен заметит, что объекты стратегии — это все то, что лишает огонь пищи, и все то, что питает усилия пожарных. С его точки зрения под стратегию подойдет заблаговременное проложение в городе обширных полос садов и пустырей, являющихся преградой огню, издание пожарных правил, регулирующих застройку города, обязывающих возводить брандмауеры, запрещающие застройку деревянных зданий и так далее; проложение пожарной сигнализации и обеспечение запасов воды, соответственное расквартирование пожарных частей, изолирование пожаров от тех участков, где огонь может получить наибольшее распространение. Определение Мольтке гласит, что стратегия всеми правдами и неправдами должна найти выход из катастрофического положения. И так далее.

Если мы сравним эти определения, отрицающие одно другое, с результатом нашей личной работы, то мы признаем, что все они содержат известную час-

тицу истины, и, тем не менее, совершенно неудовлетворительны. Большинство из них будет поражать нас своей односторонностью. Поэтому, как мы ни проникнуты уважением к великим мыслителям, посвятившим десятки лет на углубление в вопросы стратегии, мы не можем присоединиться ни к одному из прежде данных определений, и — это участь всех стратегических писателей — должны дать свое. По-видимому, число определений стратегии должно равняться числу пишущих о ней...

Как и во всякой борьбе, во взятом нами примере стихийного пожара одни вопросы могут быть разрешены, не выходя из кругозора узко пожарной специальности, а другие, наоборот, очень обширны, так что только та или иная исходная политическая точка зрения, определенное понимание экономических вопросов и интересов, подход к ним не с кругозором пожарной техники, а из общих требований благоустройства города, могут дать им различное решение. Тактика охватывает те вопросы, которые могут быть решены с субъективной точки зрения данной специальности. Все же те вопросы, ответ на которые лежит не исключительно в данной специальности, а требует объективного подхода, учета политического и экономического момента, а также учета возможностей снабжения, относятся к стратегии.

Проводимая нами грань между стратегией и тактикой¹ быть может не слишком резка, но это вполне отвечает современному развитию военного искусства, которое не усматривает в настоящее время в них резко подчеркнутого различия, и которое выработало в нашем языке новый термин «оперативный» для обозначения тесно граничащих областей стратегии и тактики.

Наше определение отрицает очень определенное в настоящее время тяготение к стратегическим брандмайорам и тактическим брандмейстерам, так как признает сферу стратегической деятельности за каждым самым маленьким начальником, когда перед ним встанет вопрос, который не может быть решен, исходя из узко боевых соображений. Начальник разъезда, который в течение гражданской войны, вместо того, чтобы выслать дозор для осмотра деревни, ведет и демонстрирует на ее улице свой разъезд полностью, чтобы вызвать уверенность в своих классовых единомышленниках и вызвать на свет своих сторонников в деревне, уже выходит из пределов тактики и совершает *стратегический* акт. Командир первого русского корпуса, принимая 14 августа 1914 года решение отвести свои расстроенные войска назад, из их скученного положения, где они находились под ударами противника, тактически действовал правильно, но совершал *стратегическое* предательство, так как открывал неприятелю сообщения самсоновской армии. Наступательные действия юго-западного фронта на карпатском фронте *стратегически* были глубоко ошибочны, так как не отвечали возможностям нашего тыла питать это предприятие вооружением и снарядами. Важнейшая *стратегическая* ошибка Людендорфа заключалась в том, что он стремился обратить в завоевательную войну борьбу, которую Германия, при сложившихся мировых соотношениях политических сил, могла вести только оборонительно.

Мы предлагаем следующее определение: стратегия — это искусство ведения войны, охватывающее ту часть его вопросов, решение коих находится в зависимости от характера войны и определяющих его экономических, политических, географических данных или условий снабжения.

Вероятно, это определение покажется многим чудовищным, так как открывает перед нами почти беспредельное поле для изучения. Но нас интересует еще в большей степени, чем проведение водораздела между стратегией и тактикой, подчеркивание огромной емкости понятия «стратегия» и зависимости стратегического решения иногда от очень далеких от узко-военной специальности соображений. Стратег не должен допускать, что в помещающемся над тактикой этаже его мышления потолок свисал бы слишком низко.

Чем больше мы будем знакомиться со стратегией так, как она обрисовалась в мировую войну, тем более мы проникнемся мыслью об огромных глубинах стратегического искусства, о чудовищной широте и емкости, которые должна иметь его теория, если только она не хочет сознательно идти на односторонность. Война — это политическое и социальное землетрясение, и узкий подход к ней в стратегии приводит к своего рода стратегическим пилюлям от землетрясения.

Искусство вождя не может быть изучено по учебнику, так как это искусство заключается, прежде всего, в том, чтобы создать себе такой идейный пьедестал, с которого открывалась бы широкая точка зрения и видны были бы далекие горизонты. Эта точка зрения преподаана быть не может: каждый может претендовать возвыситься до стратегического понимания, подготовиться к задачам вождя только своими собственными усилиями. Ни в каких других отраслях самостоятельная научная работа не имеет такой важности, как при подготовке к ответственной политической или стратегической деятельности. Курс лекций по стратегии не может претендовать на большее, как на введение, на подготовку к самостоятельному изучению.

Учительницей политика или стратега может быть только сама жизнь или ее отображение в истории. Глубокое критическое изучение опыта какой-либо войны, связанное с изучением решений, которые были бы сообразованы с современными условиями, многое может нам дать. Но эта работа будет протекать скорее и вестись успешнее, когда мы ознакомимся предварительно с теми методами, которые применялись великими пионерами стратегической мысли. Ознакомление с классическими писателями по стратегии будет несравненно полезнее преодоления какого-либо руководства: мы окажемся осведомленными, что и на каком пути изучения стратегии может быть достигнуто; прогулка в этом стратегическом арсенале даст нам представление о разнообразном оружии, которое имеется в распоряжении стратегической мысли, и внимательный читатель сможет сознательно отнестись к выбору соответствующего для него метода исследования.

Этот обзор классиков стратегии будет тем поучительнее, что в области стратегии все великие писатели — мы, конечно, исключаем из их среды всех, даже наиболее искусных, компиляторов — удивительно типичны и большинство их представляет удивительную в своей силе односторонность. Стратегия многогранна, и каждый крупный ум в стратегии не продолжает работу своих предшественников, а видит ее под совершенно новым углом зрения, открывает в ней новую область, работает совершенно особыми, свойственными ему приемами.

Ни в одной другой области человеческого мышления не злоупотребляют в такой степени изречениями авторитетов, как в стратегии. Но в то же время это обилие авторитетных цитат часто прикрывает поверхностное знакомство

с крупными писателями. Афоризмы переходят из рук в руки, денатурируются; выхваченные из своего контекста, они часто только придают убогим сочинениям псевдонаучный вид и засоряют военное мышление. Мы совершенно не имеем в виду дать материал для такого искажения научной работы, а стремимся читателя поставить лицом к лицу с гигантами военной мысли, заинтересовать его в целях дальнейшего изучения тех, на которых он остановит свое внимание; изучение классиков военной мысли в подлиннике должно, несомненно, отразиться на глубине нашего понимания военного дела.

При выборе помещенных ниже отрывков мы исходили из следующих соображений. Прежде всего, наша задача заключалась в том, чтобы наиболее ярко представить основные методы стратегической мысли. Стратегическая мысль началась с определенно материалистического подхода Ллойда. Этот материализм XVIII века, отделенный от нас и нашим пониманием эволюции и полутораветковыми успехами на всем научном фронте, сохраняет и по сей час очень актуальное значение, и сам Ллойд так красочен и типичен, что естественно было начать настоящий труд с характерного отрывка первого писателя по стратегии (в сборнике труды отдельных классиков расположены в их хронологической последовательности), даже не употреблявшего еще этого термина. На втором месте стоит великий практик и основоположник эмпирического подхода к изучению стратегии — Наполеон, провозгласивший, что на войне командуют обстоятельства, что нет такой грамматики, по которой можно было бы научиться писать «Илиаду» не хуже Гомера, и отсылающий читателя, желающего охватить военное искусство в целом, к великой книге истории. Идеи Наполеона изложены в его полемическом разборе труда Ронья, узкого техника, отстаивающего в XIX веке идейные позиции материалистической мысли XVIII века.

За проложившим дорожку военной истории, как основе изучения стратегии, Наполеоном, следует Вилизен, которого мы позволяем себе квалифицировать как метафизика, не влагая, однако, в это понятие ничего обидного. Коллекция классиков не была бы полной, если бы мы не включили в нее этого наиболее типичного и глубокого из доктринеров, слава которого когда-то затмевала Клаузевица. Знакомство с мышлением Вилизена заставит нас сознательно отнестись к методу умозрения. Мы отнюдь не являемся его поклонником, но надеемся, что и у Вилизена читатель найдет много интересного и поучительного.

Позитивное направление, механизация, индустриализация стратегии, соединение экспериментальных приемов с материалистически рационалистическим мышлением конца XIX века представлено первым и наиболее ярким его защитником, Левалем, отрицающим военную историю как метод изучения стратегии.

Военно-исторический метод, указанный Наполеоном, но с теми приемами, которые в него внесло научное развитие к началу XX столетия, представляет Верди-дю-Вернуа, создатель прикладного метода, самый интересный в научном отношении военный писатель, сложившийся под руководством Мольтке.

Фош, на наш взгляд, значительно уступает Верди, но положение, занятое им в мировой войне, оправдывает наше решение познакомить читателей с плюсами и минусами этого наиболее яркого выразителя французской стратегической мысли.

Фон-дер-Гольц резко выделяется между другими классиками отсутствием односторонней углубленности своего мышления, но это в силу того, что он, как профессор стратегии в турецкой академии генерального штаба, естественно должен был живо чувствовать зависимость стратегии от той аудитории, для которой она читается, от того театра войны и той армии, которые будут применять ее, и эту необходимость национально-географического подхода он оттеняет со свойственной ему широтой, красочностью и убедительностью.

Со стратегией Шлиффена русские читатели недавно познакомились по переводу труда его «Канны»². Приводимый нами очерк Шлиффена «Полководец» особенно характерен для его стиля.

Из русских авторов мы привели заслуживающего, на наш взгляд, наибольшего внимания — Медема, совершенно забытого на родине и вовсе неизвестного за границей. Мы руководились при этом стремлением засвидетельствовать высокий уровень стратегического мышления русского современника Клаузевица, особенно оттеняющий последующее падение этого мышления, а также присущий русскому исследователю нигилистический оттенок.

В нашем подборе мы исходили из стремления дать по возможности тех классиков, труды коих до сего времени не появлялись на русском языке и являются неизвестными для подавляющего большинства командиров Красной Армии. Если труды Медема и плохой перевод Ллойда и имелись в русских изданиях сороковых годов, то это не мешает им в настоящее время быть в полном смысле слова новинками для современного читателя.

Мы полагали, что этот сборник явится не материалом для занятого чтения, а позволит интересующемуся стратегией приступить к серьезной работе. Поэтому нам казалось невозможным еще больше урезать каждого автора, чем это сделали мы, потому что создание упрощенной стратегической хрестоматии, с мозаикой из трех десятков крупнейших военных писателей в одном томе, обесцветило бы характерные черты каждого классика; это не входило в наши намерения, и «числом поболее» — это не наш лозунг.

Поэтому, избирая для своего изложения хронологический порядок, мы знакомим читателя только с восьмью отдельными классиками и оставляем пустые места, начиная с Клаузевица, который имеется сейчас на русском языке, хотя и в неудовлетворительном переводе Г.А. Леера, распространенного в большем числе изданий, а также Бюлова, эрц-герцога Карла, Жomini, Бонналя, Фрейтаг-Лорингофена, Шлихтинга, Мольке, хотя каждый из них представляет огромный интерес по оригинальности и цельности стратегического мышления, и полагаем заполнить эту пустоту в следующих томах нашего широко рассчитанного издания; число, объем и темп быстроты появления их будут зависеть от того признания, которое сумеет завоевать настоящий первый опыт.

Этот труд не сопровождается никакими картами, так как небольшое число географических названий, встречающихся в нем, можно разыскать в любом атласе, на любой карте Европы. Без этих пособий приступить к изучению стратегии нельзя. Впрочем, географическая геометрия играет в этом труде, уделяющем главное внимание методам, второстепенную роль. Мы рекомендуем совершенно не довольствоваться тем упоминанием о военно-исторических

событиях, которые будут встречаться здесь в тексте, а усвоив положение, которое развивает автор, и указанную им военно-историческую ссылку, заинтересоваться данным военно-историческим положением, прочесть о нем в истории соответственной кампании, в крайнем случае, проследить за ним по военно-энциклопедическому словарю или истории военного искусства и составить таким путем собственное мнение об указанной автором иллюстрации его мысли.

Если управлять — это, значит, предвидеть, то в стратегии управлять означает предвидеть далеко вперед. Когда-то вожди именовались пророками; Мольтке отчасти был пророком, предсказывая за четверть века до мировой войны ее характер и продолжительность. Всякое указание далекой цели включает в себе элемент пророчества. И если нет более трудной и неблагодарной задачи, как пророчествовать, то такие же трудности и терния представляет задача стратегии. В мировую войну военное ясновидение самых выдающихся вождей оказалось не на высоте.

Если бы задача изучения стратегии сводилась исключительно к тому, чтобы миллионам людей затрачивать свои силы и время на одоление премудрости, постичь которую удастся единицам, то, может быть, не стоило бы и браться за это дело. Может быть, следовало бы ограничиваться отбором этих единиц, предназначенных для главного командования, и подвергать их особому научному режиму, как подвергают пчелы особому режиму особей, избранных быть матками...

Так, примерно, и обстояло дело вплоть до Семилетней войны включительно. В военном искусстве царил исключительно «гений». Однако, уже обстановка, в которой велась Семилетняя война, ясно указала на нерациональность этого решения. Опыт Семилетней войны указал, с одной стороны, на необходимость организации и подготовки генерального штаба, а с другой — дал могучий толчок пробуждению стратегической мысли³. Если научная работа в области стратегии насчитывает только полтора столетия, то это не фантазия, не каприз новейшей истории, а явление, предпосылками которого являлись глубокие изменения в характере ведения войны. До Семилетней войны все задачи частных начальников могли решаться исключительно с боевой точки зрения. Характер кабинетных войн изолировал войну в категорию особых явлений, связь которых с политикой, экономикой, народной жизнью направлялась исключительно через голову военного аппарата и правительства, объекты действий были чисто военные — неприятельская армия или неприятельская крепость; армии не имели точек соприкосновения с населением, располагались на отдых бивуаком, сражались только в поле, кормились из своих магазинов. По существу, воевали между собой два военных ведомства; народ в этой борьбе не принимал участия, и дуэль двух армий могла регулироваться исключительно боевыми, то есть тактическими соображениями. Весь ход развития военного искусства в новейшее время оказался направленным на уничтожение такого военного сепаратизма. Выражение, «теперь воюют не армии, а народы», надо понимать, прежде всего, как обращение деятельности на войне в тот фокус, в котором отражаются все политические, экономические, классовые интересы, имеющиеся в данном государстве, и как утверждение того, что линия поведения на войне никогда не может быть найдена, если исходить

только из чисто боевых соображений и не считаться с определяющими войну общими интересами. Чем больше война задевает интересы населения, чем ярче основные ее линии обрисовываются требованиями политики и экономики, тем большее значение получает стратегия.

Как мы указывали выше, граница, проведенная нами между стратегией и тактикой, исходя из научных требований, совершенно не отвечает современной педагогической практике: тактика ныне чувствует себя в своих собственных пределах бессильной выдвинуть какую-либо чисто боевую цель, разрешить своими силами всецело какую-либо задачу; поэтому тактика широко аннексирует себе соображения чисто стратегической категории и старается обосновать это тем, что она трактует все военное искусство в целом в пределах компетенции начальника дивизии. Таким образом, у нас, в военно-учебных заведениях, преподавая вместе стратегию и тактику в пределах компетенции начальника дивизии, называют это «тактикой», а стратегию и тактику *высшего* командования именуют «стратегией».

Это указание мы делаем с исключительной целью подчеркнуть, что в стратегии, в истинном понятии этого слова, очень настоятельно нуждается не только главнокомандование, но и широкие массы командного состава. Стратегия нужна, чтобы армия понимала, относилась сознательно к выполняемому ею маневру, и чтобы стратегические вопросы, решаемые частными начальниками, до командира отделения включительно, находились в согласовании с указываемым главнокомандованием путем.

Уже понятие о пути отступления — чистая стратегия. Беглецы, дезертирующие из окопов с криком: «нас отрезают», в сущности высказывают паническую оценку стратегического положения: «дело стратегически проиграно, наши тактические усилия обречены быть тщетными, бежим». Точно так же, когда части выходят на неприятельские сообщения, берут, по красноармейскому выражению, противника «за жабры», то это тоже стратегическая оценка, та же шлиффеновская мысль о «Каннах», из которой вытекает огромное значение предстоящего боя, необходимость проявления особого упорства, дабы одержать «чрезвычайную» победу.

«Чрезвычайная» победа, а не простой обмен на рану — рану, к чему преимущественно сводились действия русских войск в мировую войну, не может быть добыта в плоскости тактического мышления. Она, помимо тактики, требует двух предпосылок: закала воли к борьбе, который может дать правильная воспитательная и политико-просветительная работа в войсках, в связи с соответственным направлением общей политики государства и затем — стратегического понимания требований войны и стоящей на очереди операции. Нужно, чтобы командиры и войска, когда надо, постарались бы и себя не пожалели. Если Шефферу-Бояделю удалось уйти из окружения, пробившись в ноябре 1914 года под Брезинами, если польская армия, с потерями, но все же ускользнула из Киева, а части Врангеля, бросив артиллерию, сумели проскочить в Крым, то эти неполные удачи старой царской армии и новой Красной Армии как бы свидетельствуют о том, что нашей стратегии приходится иметь дело с равным напряжением боевых усилий войск, идет ли дело о второстепенном бое местного значения или моменте, когда решается судьба кампании. Если немцы характеризовали маневрирование старой русской армии,

как тяжеловесное, то они вовсе не имели в виду неспособность русского солдата пройти столько же верст, сколько делает немец, а хотели подчеркнуть известную стратегическую тупость русских войск, неспособность их резким броском немедленно полностью использовать благоприятный стратегический момент.

Война — это долгие месяцы трудов, лишений и жертв; войска равномерно тянут свою лямку; но они должны понимать, что бывают моменты, когда требуется собрать урожай, являющийся плодом всех этих усилий. Один день, говорит в таких случаях крестьянин в своем обиходе, целый год кормит. Тактика пашет и сеет, сбор урожая — это дело стратегии. Если забывать об урожае, то не стоит и хозяйством заниматься...

Чтобы покончить с идейной тяжеловесностью, нужна идейная гимнастика. Одной из основных ее форм является изучение классиков стратегической мысли. И нам кажется, что знакомство со всем разнообразием представленных в этом сборнике методов не будет лишним, так как современная стратегия требует синтеза.

А. Свечин

Примечания

- ¹ Тактика понимается нами как искусство и навыки отвечать исключительно боевым требованиям; она не должна включать в свой объем вопросов о снабжении и тыле, за исключением вопросов снабжения и эвакуации на самом поле сражения.
- ² Ф. Шлиффен. «Канны». Изд. ВВРС. 1923 г.
- ³ Стратегия возникла одновременно с привлечением общественного внимания к теоретической разработке политической экономии. Интересно, что Ллойд, первый писатель по стратегии, принадлежит к одному поколению с Адамом Смитом, вышел из той же среды, и первый труд по стратегии появился почти одновременно (через 7 лет) с капитальной работой Адама Смита о богатстве народов.

M É M O I R E S
P O L I T I Q U E S E T M I L I T A I R E S
D U G É N É R A L L L O Y D ,

o u

E X T R A I T

D E

L'INTRODUCTION À L'HISTOIRE DE LA GUERRE
EN ALLEMAGNE EN 1756

E N T R E

LE ROI DE PRUSSE ET L'IMPÉRATRICE-REINE

E T

S E S A L L I É S .

A B A S L E

chez J. D E C K E R , I m p r i m e u r - L i b r a i r e ,

1 7 9 8 .

МАТЕРИАЛИЗМ ЛЛОЙДА

Генрих Ллойд (1729-1783) не употребляет еще в своих трудах слова «стратегия», но в его лице европейская теоретическая военная мысль первый раз отчетливо поднялась в стратегический этаж военного искусства. Он уже ясно видит, помимо узко тактической области, обширную область широких вопросов, связанных с ведением войны, и приступает к ее научному изучению.

Англичанин по рождению, Ллойд, как типичный мыслитель XVIII века, не стеснен рамками каких-либо национальных идей и привязанностей. Его интернациональное мышление находится в полном соответствии с его жизненной карьерой. Происходя из бедной семьи, получив высшее образование, он отправляется в путешествие по Европе; средства он получает от английского правительства, для которого, по-видимому, он производит тайную разведку различных портов (Венция, Брест). Вспыхивает Семилетняя война; он вступает в ряды враждебной Англии и Пруссии коалиции и является сверхштатным адъютантом в австрийском генеральном штабе при знаменитом его начальнике, генерале Ласси, которого так недолюбливал Суворов. Пробыв 3 года в рядах австрийцев, Ллойд уходит в отставку и вербует к противникам австрийцев, пруссакам. Здесь два года Ллойд состоит при генерале, стяжавшем себе величайшую после Фридриха II славу в Семилетней войне — герцоге Фердинанде Брауншвейгском, которого впоследствии в период французской революции жирондисты хотели пригласить командовать французскими армиями, но который предпочел пост главнокомандующего европейской контрреволюцией. Затем мы видим Ллойда в мундире русского генерал-майора, с отличием участвующего в первой турецкой войне и пользующегося вниманием Екатерины II. Однако и здесь открывается, что Ллойд состоит в каких-то сношениях с английским правительством и получает от него крупную пенсию. Ллойд окончательно покидает военную службу, на которой его во всех государствах преследовало подозрение в шпионаже, и поселяется в Бельгии. Он собрал богатые материалы по Семилетней войне, ведя ежедневно записи, зарисовывая непосредственно расположение войск в бою и топографию поля сражения и намереваясь написать историю этой войны. Ему удалось закончить только первый том, в котором он развивает те научные основы, с которыми следует подходить к оценке явлений войны; смерть прервала дальнейшую работу.

Но и оставшийся после Ллойда единственный том свидетельствует об огромной мощи его военного мышления. Его современное значение для стратегии таково же, каково значение материалистической философии XVIII века для марксизма. Те удары, которые нанес Гегель в области общей философии не понимавшему идеи эволюции материализма XVIII веку, в области военной мысли нанес по представлениям Ллойда и Бюлова, дальнейшего, еще более яркого представителя того же направления, Клаузевиц. Ллойд нас, военных, должен интересовать в той же мере, как представители материалистически-рациональной мысли XVIII века интересуют и по сей час мыслящих людей. Это — заря военнo-научного позитивизма, это провозглашение торжества разума в военном деле, это призыв к сознательной критике всего военного искусства и к изгнанию из военного обихода всего того, что не оправдывается реальными требованиями войны.

Ллойд лично командовал отрядом австрийских легких войск, и на опыте и по рассказам ознакомился с действиями легкой татарской конницы. Тем ярче в его представлении обрисовалась беспомощность и малоподвижность грузных регулярных армий XVIII века, привязанных цепью к магазинам, из которых они получали довольствие. Ллойд дает теорию стратегии пяти-переходной системы в момент, когда она в Европе достигла кульминационного пункта, и этим он выгодно отличается от Бюлова, который создавал свою теорию, основанную на перерыве снабжения неприятельской армии из магазинов в тот момент, когда французская революция уже совершенно изменила тип армий и уничтожила их зависимость от магазинов. Нам представляется, что такой острый наблюдатель действительности, как Ллойд, не впал бы в ошибку Бюлова.

Являясь стратегом-философом армий пяти-переходной эпохи, Ллойд отнюдь не очарован ими, относится к ним вполне критически, и с философским презрением убеждает читателя, что эти армии вообще не способны на большие дела, — не внесут никакой революции в установивший строй европейского равновесия, не совершат крупных завоеваний.

Операционная линия для Ллойда, впервые установившего этот термин, не представляет того отображения операции по идее и направлению, как определил этот термин Г.А. Леер, а представляет прозаическую дорогу от базисного магазина к цели операции. Мы решительно предпочитаем определение Ллойда определению Леера и находим развитие его в XX веке в трудах известного германского писателя Верди-дю-Вернуа, который понимает под операционными линиями все дороги, которыми при своих операциях пользуются войска и их обозы; русскому уху, привыкшему к лееровским терминам, как-то странно слышать, например, о *рокировочных операционных линиях*, об *операционных линиях для снабжения*, но такое материализованное понимание операционных линий гораздо более отвечает современным условиям ведения войны.

Стратегия Ллойда сводится к тому, что если противник забыл, что он сидит на пяти-переходной цепи, то ему об этом следует напомнить, обойдя его фланг и потрясая за эту цепь путем нападения надвигающиеся к нему от базисного магазина транспорты. В эпоху Ллойда это был метод, неукоснительно дававший успех.

Лучший профессор стратегии русской академии генерального штаба, генерал Медем, отметил как особенность взглядов Ллойда, большое внимание, уделяемое им моральному элементу; то же указание мы найдем в трудах его преемников, не всегда знакомившихся с первоисточником. Мы не можем присоединиться к этому мнению. Правда, Ллойд много говорит в своем труде о моральных силах, но это совершенно не та постановка вопроса о моральном элементе, как понимаем мы его после Клаузевица.

Ллойд в молодости написал научный труд о страстях, в котором нашли свой отголосок эмпирическая психология Локка и сенсуализм Кондильяка. Он очень проникся «Духом законов» Монтескье, усвоил себе схему деления всех правительств на деспотические, монархические и республиканские и с этим багажом приступил к работе. Он обуславливает качество армии духом законов страны и географическими данными. Но дух законов — это обязательная для образованного писателя XVIII века дань Монтескье, квалификация политического учения которого нас не интересует, а географические данные — это уже подлинный Ллойд-материалист. У Ллойда вся вторая часть его труда (она состоит из пяти частей) посвящена философии войны, под которой следует понимать анализ морального

элемента. Мне рисуется, что за исключением первой главы, все остальные семь глав этой части представляют заимствование, сделанное Ллойдом из своей юношеской университетской работы о страстях. Вот перечень этих глав: 1) о генерале; 2) об инстинкте самосохранения; 3) о чести и стыде; 4) о любви к богатству; 5) о свободе; 6) о религии; 7) о женщинах и влиянии их на сердца мужчин; 8) о музыке. Чтобы читатель согласился с моим определением Ллойда как материалиста, я позволю себе привести рассуждение Ллойда о влиянии женщин на мужчин. Ллойд разницу в отношениях между полами у людей и животных видит в потребности человека в обществе и возникающих на этой почве привычках. В аристократическом бездельничавшем обществе супруги не имеют никакой нужды друг в друге, и когда их физическая страсть удовлетворена, они естественно остывают и ищут развлечений на стороне. Наоборот, в мелкой буржуазии, когда целый день проводится на работе, удовлетворение и радости связаны с возвращением в семью. Супруги постоянно имеют нужду друг в друге, в своем ремесле или в мелкой торговле, которую они ведут; в своей тяжелой борьбе за существование они устанавливают между собой тихую и спокойную дружбу, которая сменяет у них то бурное, беспокойное возбуждение, которое обычно зовется любовью. Мужчина дважды подвергается сильному влиянию женщин — в молодости, когда в нем говорит сильнее физическое чувство, и в старости, когда требуется утешение и поддержка. Любовь — это общее стремление к наслаждению, сосредоточенное на одном объекте. Чем более затворнический образ жизни ведут женщины, тем более они имеют возможность господствовать в этой области; наши европейские нравы ослабляют их влияние. Но мужчина может пойти все же на многое, чтобы заслужить в награду женщину.

Мы позволили себе привести это длинное переложение не только для того, чтобы поставить вопрос о том, при чем же тут философия войны и, в частности, военная психология, а с целью показать, что и затрагивая вопросы морального порядка, Ллойд остается материалистом чистой воды. Сенсуализм Ллойда очень любопытен, но пусть Ллойда оценивают с этой стороны специалисты по философии XVIII века, а мы со своей стороны только укажем, что материалистическое понимание психологии Ллойдом является для него достаточным основанием для выработки требований к начальнику по поддержанию духа его войск. Но этот чисто строевой подход к моральному элементу (ни малейшей связи между этим моральным элементом XVIII века и тактическими и стратегическими соображениями нет) и эту пропасть сумел перекрыть только Клаузевиц, стоявший на противоположном, по сравнению с Ллойдом, полюсе военного мышления.

Кроме этой второй части — материалистического исследования человеческого сердца и его страстей, представляющего, в общем, приспособление сенсуализма к командованию полком, труд Ллойда включает следующие части: первую — тактико-административную, с известными абзацами, посвященными истории военного искусства; часть II — о связи, существующей между различными формами государственной власти и военными операциями; в этой части чувствуется повсюду Монтескье; часть III — о гражданской войне — особого интереса не представляет и написана, имея в виду борьбу, начатую Соединенными Штатами за освобождение от английского господства. Часть IV трактует собственно о стратегии. Она называется: о военных операциях, рассматриваемых в самих себе. В ней семь глав: 1) об атаке укрепленных лаге-

рей; 2) о маршах и фронте марша; 3) об операционной линии; 4) о наступательной войне; 5) об оборонительной войне; 6) о легких войсках; 7) о пограничной линии. Часть V представляет «военный анализ различных границ в Европе», здесь имеется одна глава, анализирующая и американский театр войны.

Из богатого материала, представляемого трудом Ллойда, мы избрали введение Ллойда, представляющее, правда, большей частью тактическое, но очень характерное для научных приемов Ллойда исследование об основных принципах войны и о характере различных европейских армий, главу об операционной линии и отрывки из двух глав о границах России и Европы.

Мы сознательно опустили несколько глав Ллойда о стратегии, так как в них читатель не найдет уже новых черт, характеризующих мышление Ллойда, и увидит лишь, что автор сумел подметить действительность Семилетней войны, отмечает значение энергии полководца, так как наблюдал лучших генералов Европы и рекомендует, в случае, если неприятель разделится, нападать на него по частям.

Все эти наставления не стоят многого, так как Ллойд, исходя из стратегической обстановки кабинетных войн XVIII века, принципиально отводит бою самое скромное место. Обладая знанием стратегии, по мысли Ллойда, «можно рассчитать все операции с геометрической точностью и вести постоянно войну, никогда не будучи вынужденным вступать в бой». Это игнорирование боя царило в последние десятилетия перед французской революцией. Наполеон восстановил значение боя в действительной жизни, а Жомини — в теории.

Очерк русской границы нами приведен, как характерное для всех материалов преувеличенное внимание, уделяемое географии. Предел этого увлечения отмечен трудами эрц-герцога Карла, а с Клаузевица замечается сильная реакция, проводником которой у нас в России является Милютин. Но мы все же не можем не удивляться множеству пророческих замечаний, разбросанных в главе о русских границах; и таковые же интересные замечания имеются в суждениях Ллойда и о других государствах. Мы убеждены, что всякий, кто прочтет военно-географическое исследование Ллойда, задаст себе вопрос: а что бы сказал Ллойд, предсказавший потерю Швецией Финляндии и объяснивший невозможность для Швеции отстоять от России прибалтийские провинции, о современной карте Европы?

Замечание о переводе: ввиду отсутствия в Москве «Military memoirs» в английском оригинале, пришлось выполнить перевод для нашего издания с французского издания 1784 года¹. Французский переводчик не подписал своего имени, но, судя по примечаниям, сделанным им, нельзя ошибиться: это знаменитый французский военный писатель Руфузильяк. Его перевод очень полный, однако, точность его далеко не удовлетворительна, в особенности при переводе английских мер во французские им допущены крупные ошибки. Поэтому мы сличали французское издание с немецким переводом 1783 года, и перевод наш явился результатом такой критической работы, которая не заменила нам английского оригинала, но все же позволила избежать грубых ошибок².

Относительно пассивистических нот в настроении Ллойда, его непонимания эволюции, переоценки значения математики, как основы военного образования, мы отсылаем читателя к нашим подстрочным замечаниям.

Редакция

ВВЕДЕНИЕ К ИСТОРИИ ВОЙНЫ В ГЕРМАНИИ 1756 ГОДА МЕЖДУ ПРУССКИМ КОРОЛЕМ И ИМПЕРАТРИЦЕЙ С ЕЕ СОЮЗНИКАМИ, или ВОЕННЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕМУАРЫ ГЕНЕРАЛА ЛЛОЙДА

(Французский перевод. Издание 1784 года. Лондон)

I. Рассуждения об общих принципах войны, а также о составе и характере различных европейских армий

Что на свете не существует более трудной науки, чем военная, это всеми признанная истина; однако, по странному противоречию, свойственному человеческому уму, люди, которые посвящают себя военной профессии, мало или вовсе не уделяют внимания ее изучению. Они, по-видимому, полагают, что достаточно знать несколько бесплодных детских маневров, чтобы стать великим военным вождем.

Этот предрассудок настолько распространен, что в некоторых армиях почти ничего не преподается, за исключением постоянно меняющихся и варьирующих упражнений в перестроениях, и само это непостоянство строевого обучения ясно доказывает, что в основе всей тактики лежит простой каприз.

Между тем, война, как и все прочие искусства, базируется на постоянных принципах, и лишь приложение последних поддается известным вариациям.

Мне кажется, что наиболее трудную область военного искусства³ надо подразделить на две части; к одной из них будут относиться те материальные данные, которыми пользуется искусство, и эту часть возможно будет нормировать правилами; другая его часть не имеет названия, это высшая область военного искусства, которую невозможно ни определить, ни преподавать; она заключается в методе верного и быстрого применения принципов к бесконечному разнообразию слагающейся обстановки. Ни история, ни научное исследование, как бы оно ни было упорно, ни опыт, несмотря на всю его продолжительность, не могут наставить нас в этой части военного искусства; оно является лишь достоянием гения, даровать которое может только природа. Вся техническая часть войны, касающаяся подготовки элементов армии ко всему многообразию операций, которые обстоятельства могут сделать неизбежными, может быть сведена к математическим началам; затем гений применяет их в соответствии с местностью, силой, пространством и количеством войск; все это может слагаться в бесконечное разнообразие комбинаций.

Военное искусство подобно искусству поэзии и красноречия. Многие знают их правило, но немногие обладают творческим талантом: когда они сочиняют, то их произведения, с таким трудом скомпонованные по правилам, за отсутствием божественной искры и небесного огня, являющихся истинной сущностью гения, остаются холодными и бесцветными. Так же обстоит дело с нашим ремеслом; многие знают его правила, но когда речь заходит об их применении, они теряют под собой почву. Тогда они обращаются к своим рецептам и очень

удивляются, что на месте не оказываются те леса, горы, долины и реки, которые необходимы их фантастическим планам, оказывается, наоборот, приходится подчиняться тому, с чем встречаешься, так как, в сущности, местность является единственным правилом и единственным указателем пути, которому надлежит следовать. Всякая операция, не сообразованная с условиями местности, является бессмысленной и смешной. Местность — это великая и единственная книга войны: всякий, кто ее не умеет читать, должен довольствоваться званием *храброго солдата* и не претендовать быть *генералом*.

Первой задачей материальной части искусства, как я ее называю, является: создать солдата, соответствующего тому применению, для которого он предназначен; снабдить его орудиями его ремесла, которые он должен употреблять изо дня в день, так как он не может носить на себе оружие всех сортов; обучить его, как использовать это оружие и ничему другому. Все, что я здесь говорю, настолько явно отвечает здравому смыслу, что я считаю себя в праве установить следующий первый принцип: 1) *солдат должен быть одет и вооружен в соответствии с требованиями боя*; 2) *он должен быть обучен всему тому, что разнообразие обстоятельств может заставить его делать, когда он окажется лицом к лицу с неприятелем*; 3) *кроме того, он должен быть обучен всему тому, что ему придется делать в частных условиях, в которых он может оказаться*.

Многие будут протестовать против этих предложений, в особенности те, кто уделяет все свое внимание многочисленным ребяческим учениям, которыми утруждают все европейские армии; кругозор их науки ограничивается приемами утюжки шляп, полирования пуговиц и так далее, одним словом, всем тем мальчишеством, в котором, по их пониманию, только и проявляются знания и достоинства офицера. Подобным пустякам они и приписывают славные победы прусского короля⁴, ввиду чего и ввели прусское строевое учение во всех европейских армиях, и изучают его с тщательностью и энергией, граничащими с манией. Все непрусское, по их мнению, хорошим быть не может.

Узкие мундиры, маленькие шляпы, очень белые лосиновые штаны, высокие башмаки и так далее, множество бесполезных движений и перестроений на учении — все это установлено исключительно потому, что происходит из Пруссии. Как будто подобные пустяки могли оказать влияние на выигрыш или проигрыш сражения, на искусство марша или операции, на успешность осады или на удачный выбор лагеря или позиции.

Кажется, нельзя даже допустить, чтобы люди были настолько слепы, чтобы не чувствовать, что все то, чему они придают такое значение, не имеет ни малейшего отношения к войне, и тем более не может влиять на ход ее событий; однако, они настолько пристрастны к этим мелочам, что лишь постольку уважают человека, поскольку его считают постигшим эти великие тайны; все прочие в их глазах являются достойными презрения невеждами.

Я же, в свою очередь, не ставлю ни во что людей, придающих значение этим жалким мелочам, и совершенно не интересуюсь мнением, которое они могут себе составить обо мне и о моих трудах.

Если рассмотреть современное обмундирование войск, согласно с установленными мною принципами, то оно окажется совершенно не отвечающим своему назначению. Существует ли что-нибудь более неудобное и более беспокойное, чем современный головной убор? Он не исполняет никакого на-

значения: он не защищает лица от солнца, не предохраняет щек и шеи от холода и дождя, и бедные солдаты очень скоро толпами попадают в госпитали.

Мундир и куртка являются равно бесполезными, так как они не предохраняют от непогоды и настолько сковывают человека, что мешают его движениям.

Ко всем этим неудобствам, из-за которых в каждом походе, в особенности, если он затягивается на зиму, гибнет пятая часть армии, надо еще прибавить, что во время продолжительных дождей солдат не может пользоваться оружием, так как пока он изготавляет и приводит в порядок ружье, случай использовать его уже ускользает. Ввиду этого, я хотел бы, чтобы изобрели другой способ одевать солдат, более гуманный и более выгодный для интересов родины; оба эти требования гораздо больше связаны между собой, чем это обычно думают.

Что касается до вооружения, то без сомнения, полагают, что ружье является наиболее подходящим оружием для пехоты, так как последняя вооружена исключительно им.

Однако, если на вооружении останутся исключительно ружья, надо пожелать, чтобы их удлиннили, считая со штыком, на два фута; я думаю, что можно без неудобств снабдить таким оружием солдата.

Если бы мушкет был устроен таким образом, чтобы он заряжался с казны и центр его тяжести оказался отнесенным за замок к прикладу, то перевес дула его уменьшился бы сравнительно с современными ружьями; применение его в бою дало бы большие выгоды.

Мориц Саксонский изобрел подобное оружие и снабдил им своих *улан*; но оно отличалось многими неудобствами, которых можно избежать; оружие, которое я предлагаю, в особенности подходит для кавалерии.

Пехота должна была бы иметь каски и кирасы из твердой кожи, которые защищали бы ее от сабельных и штыковых ударов и даже от выстрелов, произведенных с известного удаления.

Во Франции была обещана премия за секрет изготовления такой кожи, которая бы могла противостоять пуле.

Хотя пика совершенно изгнана из вооружения, однако, при многих обстоятельствах, по моему мнению, она является лучшим холодным оружием, в особенности при атаке и обороне укреплений и при отбитии кавалерийских атак; ввиду этого я бы не хотел, чтобы она была вовсе заброшена.

Если бы то, что называют тактикой, то есть построение батальонов, исходило бы из других основ, которые я считаю лучшими, то пика могла бы быть использована с большой выгодой.

Согласно со вторым предложенным нами правилом, ружейные приемы должны быть сведены к шести, самое большее к восьми, так как перед лицом противника в большом количестве их не должно быть необходимости.

Третье правило более широкое, оно включает все, что в военном искусстве можно изучить: я упомяну лишь вопросы, которые должны главным образом привлекать внимание людей, посвятивших себя военному ремеслу.

Из всех элементов этой материальной части искусства наибольшее значение имеют движения: это ключ к самым высшим маневрам армии, и последние абсолютно находятся в зависимости от движений. Человек может быть атакован с четырех сторон, но защищаться или сам атаковать противника он может только с той стороны, куда он обращен лицом. Таким образом, все

принципы маршей сводятся к следующему: двигаться фронтом или флангом на определенный пункт, так как невозможно одновременно пятиться назад и противостоять противнику.

Для выполнения этих различных целей имеется только три шага: *обыкновенный шаг, беглый шаг и движение в пополуоборот, или шаг для примыкания.*

Первый шаг применяется при движении вперед, когда противник еще находится далеко, или при неровной и ухабистой почве, чтобы не сломать общий фронт линии и позволить ей без перерывов поддерживать оживленный регулярный огонь.

Второй шаг, главным образом, необходим, когда хотят предупредить неприятеля в занятии какого-нибудь пункта, расположенного у выхода из теснины, и, в особенности, при атаке укреплений, чтобы быстро пройти пространство, поражаемое как артиллерийским, так и ружейным огнем. И, наконец, при сближении с противником: тогда надо ускорить темп до беглого шага, бегая ружья на руку, и энергично бросаться в атаку.

Движение вполюборота имеет громадное значение как для кавалерии, так и для пехоты; это лучшее всякого другого метода средство для свертывания или развертывания колонн на наименьшем пространстве, а, следовательно, и в возможно кратчайший срок. При выходе из теснины вы быстро можете развернуть ваш фронт, не подставляя фланга противнику, что неизбежно должно произойти, если вы будете придерживаться прусского метода развертывания, то есть будете заходить к флангу на 90°, чтобы очистить место для спокойного построения следующих за вами плутонов⁵ или дивизионов.

Применяя движение вполюборота, можно легко и надежно развернуться, даже находясь на близком расстоянии от противника, так как войска остаются обращенными к нему лицом, и их движения по выходе из теснины могут быть прикрыты и обеспечены. Так же должна строиться и колонна, будет ли это с движением вперед или с движением назад; это очень существенно. Вот основная аксиома: *ни один маневр, каков бы он ни был, в особенности на глазах у противника, не должен производиться, не будучи прикрыт и обеспечен несколькими дивизионами.*

В природе людей лежит гораздо больший страх перед опасностью, которую не видят и не ожидают, чем перед таковой, которая у нас перед глазами: это, естественно, относится к движениям, связанным с захождением плечом, при которых солдат не видит противника и обращает к нему незащищенный бок.

Таким образом, в виде следствия, я вывожу следующее общее правило: *на глазах у противника никогда не надо производить каких-либо захождений, разве что для того, чтобы образовать новый фронт, когда противник атакует с фланга.* Я не буду сейчас рассматривать те разнообразные эволюции, которые применяются в настоящее время, и лишь ограничусь установлением общего принципа, пригодного как для оценки отдельного перестроения, так и для сравнения одних с другими. *Лучшим способом перестроения является тот, который может быть выполнен известным числом людей в кратчайший срок на наименьшем пространстве.*

Теперь не существует ни одного геометрического вензеля, который наши современные тактики не вводили бы для перестроения армий, не считаясь с тем, насколько они применимы на практике.

Мы можем предвидеть все случаи, которые могут произойти на войне, и все порядки для боя, которые всегда сводятся к колонне или развернутому фронту: таким образом, лучшей геометрической линией является та, которая при атаке и при обороне, каковы бы ни были условия местности, позволяет скорей всего перестроиться из колонны в развернутый строй и из развернутого строя в колонну, смотря по надобности.

Во всех европейских войсках очень распространен предрассудок, обоснованный на общей для всех практике, что колонна не может двинуться, не разомкнувшись на двойную дистанцию по сравнению с той, на которой она располагается, стоя на месте, так как при такой глубине рядов люди не могут двигаться одновременно, и это неизбежно ведет к растяжке; правда, это можно наблюдать простым глазом и даже маршал Саксонский полагал, что с растяжкой можно бороться лишь путем размеренного *шага*. Однако, нет ничего более легкого, как исправить этот недостаток, и это очень важно, так как я уже говорил, что движения являются самым существенным вопросом материальной части военного искусства.

В строю человек занимает в ширину, от одного локтя до другого, около двух футов, а в глубину, от груди до спины приблизительно один фут, так как толщина человека немного меньше фута; таким образом, при повороте *направо* дистанция между людьми равняется приблизительно одному футу; если они не одновременно двинутся и не будут идти в ногу, то она увеличится еще на два фута: следовательно, все затруднение состоит в том, чтобы заставить всех одновременно двинуться с той же ноги и постоянно поддерживать движение в ногу. Достигнуть этого очень легко, отбивая такт посредством барабана или оркестра, во избежание беспорядка и спутывания; к этому необходимо часто прибегать при выходе из теснины или при движении по ухабистой и неровной местности⁶.

Итак, вопросы о движении являются самыми существенными, им надо уделить наибольшее внимание; можно утверждать, что при прочих равных условиях, победа останется за той армией, которая лучше всех марширует. Если то, что я предлагаю, и что уже с большой точностью осуществляется португальскими войсками, когда-нибудь установится и у нас, и каждая колонна силой, например, в два батальона достигнет совершенства в выполнении, то не подлежит сомнению, что и армия в сорок батальонов сделает любое перестроение в два раза скорей, чем она его делает теперь, и это можно проверить на опыте.

Что касается различных способов ведения огня, то они почти все связаны с опасностью или на практике вовсе неприменимы.

Стрельба плутонгами необходимо вызывает общее замешательство: шум всех этих перекрещивающихся команд, ломка фронта, необходимость первой шеренге стрелять с колена является тремя огромными неудобствами, которые делают этот вид огня невыполнимым перед лицом противника. Следовательно, этот вид огня надо изгнать из военных уставов; таково же мнение короля прусского, который говорит: «Стрельба плутонгами, вероятно, была бы наилучшим видом огня, *если бы она была осуществима*». Таким образом, этот вид огня представляет на практике такую опасность, что я считаю возможным установить следующие правила:

1. Так как необходима полнейшая тишина, то слово должно принадлежать исключительно батальонному командиру.

2. Когда полк или батальон наступает на противника, фронт никогда не должен ломаться, за исключением тех случаев, когда это вызывается условиями местности.
3. Первая шеренга никогда не должна становиться на колени, чтобы дать возможность стрелять третьей, так как на виду у противника это весьма опасно: кроме того, повторение этого движения утомляет солдата и скоро делает его усталым⁷. К этому я добавлю, что существует еще очень много вопросов, которые должен знать солдат: как окапываться, как делать туры и фашины, как работать сапой и так далее.

То, что я только что сказал, в одинаковой мере касается как солдата, так и офицера; дальше я буду говорить, имея в виду исключительно последних.

Так как все перестроения основаны на комбинированном расчете пространства и времени, то каждому офицеру необходимо иметь некоторое представление о геометрии и арифметике.

Чтобы иметь возможность свести к геометрической точности все перестроения, прежде всего надо учитывать, что каждый солдат с ружьем занимает по фронту два фута от локтя до локтя и что во время движения обыкновенным шагом он должен делать 110 шагов в минуту, по двадцать дюймов каждый. Таким образом, пространство, занимаемое частью и скорость ее движения представляют определенные данные, и каждый с легкостью может вычислить отношения части, которой он командует, к пространству, которое он собирается занять и имеющемуся в распоряжении времени.

Опыт, плюс эта теория, создают глазомер, который делает офицера способным точно и быстро оценить время и пространство, необходимые для выполнения любого маневра. Это может очень пригодиться в день боя, когда глазомер позволит вам выполнить тысячу движений на глазах у противника, могущих иметь решающее значение, если они осуществляются верно и точно, а предпринять их вы бы никогда не рискнули, если бы не имели уверенности в возможности их закончить.

Неуверенность, в которой вы застаете генералов в каком-нибудь бою, является последствием их невежественности в этой деликатной области военного искусства. Они не способны изменить свой план в соответствии с новыми обстоятельствами; их беспокойство, естественно, увеличивается по мере приближения противника. На его глазах они справедливо опасаются производить какое-либо движение, так как не знают, позволят ли время и местность довести до конца тот или иной маневр, хотя бы он и являлся необходимым. Результатом этого следует, что большинство сражений скорей решаются случайностями, чем мудрыми приказами, которые бы сделали честь человеческой предусмотрительности.

Генералы составляют свои планы в кабинете и предполагают достаточное число обстоятельств, которые никогда не имеют места в действительности, во всяком случае, в таком виде, как они им рисовались. Но существует очень немного людей, обладающих тем глазомером высшего порядка, которые в течение самого боя подмечают новые данные и умеют искусно их во время использовать.

Знание математики также необходимо для определения количества движения, с которым одушевленные или неодушевленные тела сталкиваются друг

с другом при ударе и которое пропорционально массе и скорости движения. Если лошади вашей кавалерии меньше неприятельских, то вы можете увеличить их силу, прибавив скорость; по этой-то причине испанская кавалерия, имевшая мелких лошадей, почти во всех войнах опрокидывала австрийскую; на этом же основании наши крупные и сильные лошади, несомненно, уступают охотничьим. Разница в пользу последних стала бы еще резче, если бы было уделено большее внимание тому, чтобы приучить этих лошадей, несущих свой корпус слишком на передних ногах, работать более в сборе.

Учет этого обстоятельства сильно способствовал бы перестроениям кавалерии; можно было бы двигаться с места галопом, не проходя через последовательные стадии шага и рыси: пока вы раскачиваетесь столь медленным движением, мелкие лошади успеют охватить ваш фланг, или заменяя скоростью недостаток своей массы, налетают на ваш фронт и опрокидывают его.

Без математики невозможно точно рассчитать движения армии, так как все то, что не сводится к расчету времени и пространства, на практике является туманным и неопределенным⁸.

Два принципа — геометрия и гений — обуславливают выбор укрепленных лагерей; геометрия отмеривает пространство в соответствии с численностью и качеством войск, составляющих армию.

Гений⁹ комбинирует все отношения, существующие между армией и данной местностью; он выбирает именно ту комбинацию, которая является наиболее выгодной. Это искусство приобрести нельзя, оно представляет дар природы, независимый от математики и сильно ее превосходящий.

У великих гениев быстро складываются широкие замыслы; они одновременно охватывают причины и следствия, и всю массу связанных с ними комбинаций; они не руководятся обыкновенной логикой, при которой одна мысль медленно развивается из другой; в их воображении вся совокупность обстановки рисуется так же отчетливо, как на большой картине, на которой были бы изображены обстоятельства в настоящем и следствия в будущем; для них не существует геометрии; но природа скупа на таких людей; середняк-генерал¹⁰ во избежание крупных ошибок должен опираться на геометрию и на опыт.

Другую, весьма широкую часть искусства представляет фортификация, которая в приложении к практике является чистой математикой; сооружение каждого укрепления базируется на геометрических отношениях, и, следовательно, каждый может их изучить; но применение к местности, как и выбор лагеря, зависит исключительно от гения и не подчиняется правилам. Так как начертание всех крепостей составлено по одному и тому же шаблону, и все они так же похожи одна на другую, как улья для пчел, то это доказывает, что инженеры, которые их строили, знали только то, чему их учили и чему они были способны обучиться; но в них не было ни искры гения, которая заставляет бесконечно творить и варьировать комбинации, сообразуясь с множеством обстоятельств, которые могут и необходимо должны представляться.

Дело с местностью обстоит так же, как с лицами; на всем свете не существует двух совершенно одинаковых лиц, также не существует двух участков местности, которые на известном протяжении были бы абсолютно подобными, и к которым, следовательно, можно было бы применить одинаковые укрепления или одинаковые решения. Гений схватывает мельчайшие оттенки разли-

чия, ускользающие от зрения простых смертных, и пользуется ими для своих замыслов. Из этого видно, насколько непоследовательны те инженеры и тактики, которые стремятся подвести под одно общее правило все бесконечное разнообразие местных условий. Большим усовершенствованием нашего искусства было бы изобретение такого рода укреплений или боевых порядков, которые могли бы в одинаковой мере применяться ко всевозможной местности; но так как это невозможно, то остается только найти такой характер укреплений и такие *построения*, которые можно было бы простейшим, а следовательно, и скорейшим образом, приспособлять к множеству частных случаев. Это должно являться постоянной целью нашей научной работы, и только геометрия может нас привести к этому результату.

Артиллерия, которая ныне стала душой военных операций, не может обходиться без геометрии. Мюллер очень удачно заметил, что калибр орудий должен определяться сообразно с задачами, для которых они предназначаются; а я бы еще добавил, что также сообразно с характером того театра, на котором хотят их использовать. Ввиду того, что столь естественной мысли не было уделено надлежащего внимания, то в отношении калибров орудий не придерживались каких-либо правил, кроме каприза или слепого подражания.

В царствование Людовика XIV французы задавали тон всей Европе, следовательно, в этом важном вопросе им подражали так же, как в их модах и их обычаях. Столь тяжелые и малоподвижные 24-фунтовые пушки¹¹ применялись монархами, которым не предстояло ни осаждать крепостей, ни самим оборонять их, и в чьих странах отсутствовали удобные дороги для перевозки этих тяжелых машин. Следуя моде, армии обременялись без всякой надобности.

Мне кажется, что следовало учесть, что французы воевали на открытой местности, пересеченной многими каналами и большими шоссе.

Надо было обратить внимание, что Людовик XIV и Людовик XV действовали вблизи своих границ и имели в своем тылу большие крепости, в которых располагались магазины очень недалеко от театра действий; и, наконец, ведь без серьезной осады во Фландрии нельзя продвинуться ни на один шаг.

Французская артиллерия была организована в соответствии со всеми этими обстоятельствами, что являлось вполне целесообразным. Но почему Англия и другие державы последовали этому примеру, не имея подобных оснований, этого я никак не могу понять. Я очень доволен, что у нас постепенно вводится система *Мюллера*, и надеюсь, что впредь мы встретим в наших армиях полезную согласованность между артиллерийским парком и военными операциями, для которых он предназначен. В своих трудах этот офицер предложил очень много полезных мероприятий, ввиду чего я считаю для себя излишним высказываться по этому поводу.

Для общего блага я высказываю пожелание, чтобы он, для окончания цикла своих полезных трудов, написал полный трактат об осадах с теорией и практикой минного искусства.

Для тех, которые мечтают быть полководцами, может быть самым важным предметом является география, или точнее топография, так как для них общего понятия о стране недостаточно, и они должны иметь подробное представление о местности¹². Надо основательно знать состояние и производительность

провинций, и, в особенности, такие их особенности, столь тесно связанные с военными операциями, как реки, их истоки и течение, текут ли они к противнику, или от него, их ширина, глубина, падение, извилистость, броды и мосты, судоходна ли река или нет?

Если река течет к нам, то надо иметь крепость, расположенную возможно выше по течению, чтобы воспрепятствовать противнику воспользоваться судоходством по ней, что может быть ему весьма полезно, так как удобный речной путь крайне облегчает операции армии, и крупные полководцы всегда считали особенно важным, поскольку возможно, использовать это преимущество. По этому поводу надо отметить, что австрийцы, после того, как они оставили Дунай, почти все время терпели неудачи против турок.

Если же река течет из вашей страны к противнику, то надо, наоборот, иметь крепость возможно ниже по течению, что позволяет вам образовать там магазины, как только вы переступите на неприятельскую территорию.

Если река течет вдоль ваших границ, как, например, Рейн окаймляет Францию, то на ней необходимо занять два или три важнейших хорошо укрепленных пункта, которые бы прикрывали ваше государство от вторжения противника и лишали бы его возможности вступить на вашу территорию, не предоставив вам случая в свою очередь вторгнуться в его страну и отрезать подвоз продовольствия к его армии. Даже не будучи судоходной, река все же может быть весьма пригодна для операций армии, в особенности, если она течет параллельно неприятельской границе и пересекает главнейшие дороги, ведущие в его страну, так как ее берега образуют великолепные позиции. Если вы ведете войну на реке, то надо стремиться овладеть обоими ее берегами, иначе она вам мало пригодится, и может быть использована только для занятия позиции за ней. Если вы владеете крепостью на судоходной реке, то вам достаточно иметь горсть солдат, чтобы доставить много хлопот большой армии.

Переправу через реки справедливо считают одной из самых опасных и деликатных военных операций, однако обычно она удается, так как обороняющий реку недостаточно знает ее течение, внимание и энергия его недостаточны. И действительно, если противник и окажется не в состоянии помешать вам навести под прикрытием артиллерии мост, то он все же может расположиться таким образом, чтобы воспрепятствовать вам занять достаточное пространство для развертывания и, не подвергаясь вашему огню, атаковать ваши дивизии порознь, по мере того, как они будут переправляться через реку. Лучше применять этот метод, чем пытаться воспрепятствовать устройству самой переправы; замечательный пример этому дает борьба в Италии во время войны за испанское наследство.

Принц Евгений хотел переправиться через реку, которой герцог Вандомский предусмотрительно завладел много раньше его; после многих попыток ему удалось скрытно совершить марш; он уже навел мост, по которому переправилась большая часть его армии и даже успела укрепиться на противоположном берегу под прикрытием батарей, расположенных на другом берегу реки, так что герцог Вандомский не мог ее атаковать без крупных потерь и риска; французский генерал устроился в возможно близком расстоянии и изготовился атаковать противника, как только последний рискнет выйти из своих укреплений, чтобы построиться и развернуть свой фронт. Французская армия

образовала дугу, охватывающую имперские укрепления, так что последние обратились в ловушку для снарядов, куда сосредоточивался перекрестный артиллерийский и ружейный огонь французов.

Обследовав положение, принц Евгений, который был слишком умен, чтобы вступать в сражение, находясь в таком положении и имея в тылу реку, переправил обратно свою армию и снял мост¹³.

Вот лучший урок, который можно дать по обороне рек. Если течение реки образует изгиб в вашу сторону, то вам будет очень трудно помешать переправе противника, так как вы при этом должны двигаться по окружности, а он по хорде, и, следовательно, ему предстоит пройти гораздо меньшее расстояние, чем вам. Правда, ему также придется преодолеть крупные препятствия в виде командования противоположного берега, так как высокий берег обычно бывает при изгибе течения реки на выгнутой стороне. При таких условиях местности навести мост является невозможным; если же течение реки очень извилисто, то обыкновенно командование будет принадлежать попеременно то выпуклой, то выгнутой стороне.

Когда приходится оборонять берег реки, то, в зависимости от ее характера, необходимо разделить армию на две или несколько крупных частей, расположенных таким образом, чтобы они могли обнаружить место неприятельской переправы, и достаточно сильных, чтобы воспрепятствовать ему занять назначенный им прибрежный участок, который дал бы ему возможность развернуться, так как иначе вы бы лишились особых выгод, когда предпримите атаку. Если ко всему только что указанному мною присовокупить еще полнейшее знание обороняемой реки, то для противника выполнить переправу окажется невозможным.

Я удивляюсь, почему не используются ручьи и маленькие речки для устройства наводнений, которые бы обеспечивали укрепление лагерей; наводнения без особых трудов и расходов легко создаются на любой местности и сделают укрепленный лагерь столь же сильным, как крепость. Таким способом следовало бы прикрывать все важные позиции, так как лучших укреплений на свете не существует: в этих случаях плотины должны строиться очень невысокими, и каждая из них должна защищаться надежным укреплением.

Если местность гористая, то она обязательно будет изобиловать теснинами, образованными лощинами и потоками, и, следовательно, предоставлять множество выгодных позиций и мест для укрепленных лагерей.

Знание всех этих подробностей, использованное крупным талантом, дает возможность маленькой армии вести войну с весьма превосходными силами¹⁴, прекрасные примеры тому дает кампания герцога Фердинанда Брауншвейгского в Гессене.

Необходимо тщательно следить за тем, чтобы армии предшествовали отряды, которые бы занимали все высоты без исключения. Правда, в пересеченном районе имеется, конечно, немного подходящих дорог для кавалерии и артиллерии, однако надо твердо помнить, что если этот район достаточно населен, то в самых крутых и отвесных его горах, в самых густых и непроходимых его лесах все же найдутся, по меньшей мере, тропинки для пехоты; таким образом, в подобной местности никогда не следует располагать лагерь, не заняв предварительно всех окружающих высот; это дает вам двойное преимущество — обеспечивает

вашу позицию и позволяет наблюдать движения противника, и, в то же время, препятствует ему наблюдать за вашими. Это столь важный вопрос, что я устанавливаю, как общее правило, следующее положение: никогда не позволять приближаться к себе неприятельским патрулям и, в то же время, всегда устраивать так, чтобы самим посылать патрули на неприятельские фланги.

Хорошенько рекогносцировав местность и заняв горы, располагаться лагерем всегда надо позади них; таким образом, вы остаетесь вне взоров противника, что создает для него вечную неуверенность, являющуюся на войне для вас крупным преимуществом. По той же причине, никогда не следует располагаться возле леса, не заняв его целиком; иначе за этой завесой противник сможет выполнить решительный маневр, о котором вы узнаете лишь тогда, когда принять меры для отражения его будет уже поздно. Если бы это правило было соблюдено при Мальплаке, Гастеймбеке и Торгау, то я думаю, что события приняли бы другой оборот.

Таким образом, я устанавливаю, как абсолютное правило, которое невозможно нарушить, не подвергаясь величайшему риску, что армия никогда не должна приближаться к лесам или горам, не занимая их целиком.

Кроме того, надо иметь точные представления о городах и даже о селениях, в особенности о тех, через которые проходят большие дороги, так как они также представляют собой теснины, в которых можно задержать противника в то время, когда, прикрываясь ими, вы принимаете решение, которое считаете нужным¹⁵.

На этом-то изучении местности и следует проектировать позиции, лагеря, марши, одним словом, весь план операций кампании: только эти данные позволяют установить число и род войск, которые должны войти в состав армии, а, следовательно, количество и качество магазинов и пункты, в которых они должны быть собраны. Всякий план, не построенный на этих данных, когда дойдет очередь до его выполнения, разочарует своего автора, если только противник обладает здравым смыслом. Следовательно, решение всех крупных и существенных вопросов, выдвигаемых войной, как в совещаниях, так и в поле, находятся в исключительной зависимости от знания местности, и осторожный генерал будет основываться больше на местности, чем на слепой судьбе сражений. *Обладая всеми этими знаниями, можно рассчитать все операции с геометрической точностью и вести постоянно войну, не будучи вынужденным вступить в бой*¹⁶. Маршал Саксонский писал, что сражения, цель которых остается непонятной, являются излюбленным приемом невежд.

После топографии естественно-историческое изучение страны, а также знакомство с ее политической конструкцией, представляют предметы, достойные особого внимания; также необходимо знать, что и в каком количестве она производит, почву, климат, питание народа и формы государственного управления, так как эти факторы обуславливают физические и моральные свойства населения. Население равнин и богатых стран обыкновенно не имеет надлежащего закала и мало пригодно к войне; маленькая усталость внушает ему отвращение к походу, оно подвержено заболеваниям, требует больше пищи и не имеет ловкости, свойственной горцам, которые во всех отношениях бесконечно лучше. Чего только не делали и чего не претерпели наши бедные горцы? Они перенесут то, от чего неизбежно погиб бы самый храбрый

и страстно стремящийся к славе англичанин; это обуславливается исключительно различием в воспитании.

Кроаты, состоящие на службе у императора, редко, можно даже сказать никогда, не располагаются лагерем; они подвергаются всем ненастьям погоды и, однако, смертность среди них, сравнительно с другими войсками, гораздо меньше, что можно приписать только различию стран, откуда они происходят.¹⁷

Жители больших городов еще хуже населения плоских и плодородных местностей, о котором я говорил. Они нервны, вследствие длительных порочных привычек и их последствий неспособны переносить усталость и к тому же слишком много рассуждают, чтобы из них можно было сделать сильных и дисциплинированных солдат.

Политическое устройство и форма правления государства не меньше отражаются на характере людей, чем физические и естественные причины. Подданные деспотического государства, с детства подверженные безмерной дисциплине, привыкшие к слепому послушанию, были бы хорошими солдатами и им надо было бы оказывать предпочтение перед гражданами свободных государств, если бы деспотический режим не вызывал в них общего отвращения и они не были бы подавлены нищетой и не были бы так угнетены. В пользу граждан свободного государства говорит их энтузиазм к свободе, искусная рука может легко его воспламенить, и тогда они делаются непобедимыми, но вне этого порыва они являются плохими солдатами, так как их свободные идеи находятся в вечном противоречии с тем слепым военным послушанием, которое, однако, и создает истинный дух хорошей армии.

Рабы деспотизма не имеют чувства свободы и ввиду этого представляют среду, не поддающуюся тому же энтузиазму, но у них он с успехом заменяется религиозным фанатизмом; когда же оба эти побудителя — чувство свободы и религиозный фанатизм комбинируются и соединяются, то нет силы, которая могла бы устоять против них. Если взвесить силу влияния двух этих побудителей на человеческое сердце и подумать, как нетрудно их вызвать, то можно только удивляться, почему современные генералы относятся к ним с таким пренебрежением: это лишь доказывает, что они не знают тайных, но действующих без осечки пружин, которые приводят в движение человеческое сердце.

Существует еще и другой вид энтузиазма, правда, менее пылкий, чем первый и скорей заслуживающий название страсти: это любовь к славе и богатству. Это естественная слабость человеческого сердца, и, если овладеть искусством развить ее и ею руководить, то можно было бы добиться блестящих результатов. Офицеры более подвержены этой страсти, так как их звание и их положение открывают им большую возможность использовать войну. Этот побудитель работает особенно активно в монархическом государстве, где титулы и состояние человека особенно подчеркивают его положение и имущества, которыми он пользуется.

Эти принципы морального и физического порядка являются элементами, образующими национальный характер. Последний, в большей или меньшей степени, в зависимости от того, какому давлению он подвергался от военной дисциплины, отражается на каждой армии. Если дисциплина суровая и основана исключительно на начале устрашения, то она уничтожает национальный тип, но не создает ничего, чтобы могло его заменить. Истинной дисциплиной

является та, которая базируется на развитии национального характера. Если те, на которых возлагаются задачи создания армии и руководство ими, недостаточно знакомы с человеческой природой вообще, и с различиями, вносимыми в нее климатом¹⁸ и законодательством в частности, то они совершенно неспособны составить кодекс военных законов, который бы вполне отвечал характеру нации, и ввиду этого вынуждены базировать его на слабых, неверных и презренных основах страха. Поскольку мы можем судить по историческим данным всех времен, это, вероятно, и является той причиной, по которой современные армии настолько уступают древним.

Веселый, живой и ветреный француз управляется лучше внезапным импульсом и случайным порывом, чем рассудительностью и доводами убеждения. Климатические условия объясняют особую деликатность его чувств: он все воспринимает очень живо, но и впечатления его мимолетны и быстро изглаживаются новыми восприятиями от других встреч. Результатом этого является то, что первая атака французов представляет что-то неистовое и непреодолимое, проявляется вся гамма зверских инстинктов; мы бы сказали, что они охвачены припадком судорожной ярости; в течение одного мгновения они производят сверхъестественные усилия, но скоро истощаются и впадают в апатию и уныние, нельзя себе представить, что это те же самые люди.

При таком национальном характере можно без особых неудобств комплектовать армии рабочими и городскими ремесленниками, хотя обычно эти элементы представляют наименее подходящий материал для выработки солдата, так как они упрямы, нетерпеливы и резонируют. Они идут, как будто уверенные в победе, преисполненные самоуважения и презирая остальных; но если они отбиты, то все их высокие чувства сменяют стыд и такой упадок духа, что ничто больше уже не может заставить их возобновить атаку; их тщеславие не позволяет им сознаться в допущенных ошибках, и они сваливают всю вину на своих начальников, а сами начинают бунтовать и дезертировать.

Таким образом, если вы воюете с французской армией, то необходимо придерживаться следующего общего правила: не давать противнику спокойно отдыхать на месте и, в особенности, заставлять его двигаться в дурную погоду; всегда атаковать французов первыми и всегда идти вразрез с решениями, заставляя подчиняться вашей воле. Вскоре их природное нетерпение заставит их сделать какую-нибудь капитальную ошибку; а если их генерал окажется настолько благоразумным, что будет противиться их необоснованным пожеланиям, то они проникаются презрением к нему, становятся беспокойными и начинают дезертировать.

Теперь их военный министр хочет установить во Франции немецкую дисциплину, не учитывая различия характеров обеих наций; я сомневаюсь, чтобы это ему удалось: можно работать над развитием и перевоспитанием природных данных, но устранить их невозможно¹⁹.

Австрийская армия состоит из крестьян; они покорны и терпеливы; работа и самая тяжелая усталость не вызывают в них никогда ропота, несмотря на то, что у них нет религиозного энтузиазма, вероятно по вине их наставников в религии; однако, их религиозные понятия достаточны, чтобы создать надлежаще упорядоченные нравы. Их ум медленно поддается впечатлениям; но это же является причиной того, что они долго их сохраняют; по природе и по воспи-

танию они мало подготовлены рассуждать о следствиях и причинах и составлять собственное мнение; тем лучший элемент представляют они для солдатского ремесла; я думаю, что нет солдат, которые бы их превосходили, за исключением тех, которые одухотворены фанатизмом.

Ко всем этим качествам немецкого солдата русские еще присовокупляют идолопоклонческое почитание своего царя, представляющее в своем роде энтузиазм, благодаря которому они неизбежно должны превосходить всякую другую армию, не отличающуюся таким фанатизмом; эта неоспоримая храбрость позволила им одерживать победы, несмотря ни на какие трудности, которые вызывались грубой невежественностью русских офицеров.

Прусская армия представляет сброд иностранцев всех национальностей, самых разнообразных нравов, религий, обычаев и характеров; их связывают в одно целое только железные узы зверской дисциплины. Эта суровость и внимание, вечно обращенное на строгое соблюдение установленного порядка, обращают армию в большую, регулярно работающую машину, поддерживаемую и одухотворенную могучим гением, создавшим ее. В таких условиях прусская армия должна учитываться, как одна из наиболее грозных в Европе, но если только на одно мгновение будет ослаблена пружина, которая приводит ее в действие, и все ее разнородные части отделятся друг от друга, то машина обратится в развалину; после нее останется лишь воспоминание о ее коротком и славном существовании²⁰.

Прусская армия, сравнительно со всеми другими европейскими армиями, необыкновенно легко маневрирует; это и является главной причиной ее побед; выдающийся гений прусского короля, располагая этим качеством своих войск, способен был разрешить все задачи, но без него оказался бы бессильным.

Испанцы храбры и терпеливы, кроме того, у них высокие представления о чести, которые можно еще развить в них, и тогда они станут превосходными солдатами, но в настоящее время в течение двух или трех первых лет войны испанская армия имела бы лишь жалкий вид, так как испанские генералы не имеют ни опыта, ни образования.

Англичане не столь впечатлительны, как французы, и не столь тяжеловесны, как немцы. Однако они несколько больше приближаются к французам: они часто проявляют столько же нетерпения и порывистости.

Если бы английская конституция позволила влить новую энергию в дисциплину и более справедливо распределять блага и награды между военными и, в особенности, отказаться от продажи и покупки военных должностей, то я думаю, что английская армия была бы первой или, по крайней мере, одной из первых армий в мире.

Турки, как и вообще все народы, во главе которых стоит чисто военное правительство, могут лишь клониться к закату, разве что их военный дух будет питаться постоянными войнами и тем самым фанатизмом, из которого он зародился.

Магомет настолько хорошо это понимал, что он эту основу превратил в религиозный догмат и воспретил своим последователям когда-либо слагать оружие и прекращать борьбу со своими врагами.

Так как сила турецких армий заключается только в численности и энтузиазме, то стоит последнему когда-нибудь потухнуть, что, по-видимому, должно

произойти, и ее численность не будет пригодна ни к чему; это огромное тело, лишенное единственного начала, которое его одушевляет и поддерживает, распадается само под тяжестью собственного веса.

Таковы начала, излагаемые мною здесь только бегло; весь труд в целом будет посвящен обсуждению их, с целью установить их на основе неоспоримых доказательств.

II. Об операционной линии

Если вы хотите вторгнуться в неприятельскую страну, как татары, с исключительной целью пограбить и разорить, то вам надо, по их образцу, иметь многочисленную конницу, ворваться с одной стороны на неприятельскую территорию, сметая все на вашем пути, и как можно скорее отступить через другую часть страны, захватив всю вашу добычу.

При таком жестоком и варварском способе ведения войны ста тысяч коней было бы достаточно, чтобы разграбить и разорить всю Европу, несмотря на имеющиеся в ней большие регулярные армии, в состав которых входит много тяжелой кавалерии, артиллерии и так далее; и это потому, что подвижность — это все на войне, а наши армии таковой абсолютно лишены. Они ходят на цепи около какой-нибудь крепости, где помещаются их магазины, и не рискнут удалиться от нее на расстояние в двадцать миль. Они скованы в тесном кругу, центр которого представляют их магазины.

Татары не имеют магазинов и в таковых не нуждаются: быстрота движений позволяет им находить на месте все, в чем они нуждаются. Мы же с нашими огромными и тяжеловесными армиями вторгаемся в неприятельскую страну лишь с целью овладеть какой-нибудь провинцией или несколькими крепостями; но ввиду того, что мы на нашем пути не можем найти достаточного количества продовольствия, то мы вынуждены заранее наметить несколько постоянных пунктов, где располагаем склады продовольственных и боевых припасов и так далее, и уже отсюда затем питаем армию. Эти пункты служат базой для операций, которые ведутся против других определенных и точно намеченных пунктов на неприятельской территории, если вы ведете наступательную войну; при оборонительной войне операции направляются от базисных пунктов на другие пункты уже в пределах собственных границ.

Линия, соединяющая между собою эти пункты, по которой должна оперировать армия, называется *операционной линией*; из всех вопросов, затронутых до сих пор в нашем труде, этот вопрос заслуживает максимального внимания. Хороший или неудачный выбор операционной линии имеет решающее значение для последующих успехов на войне. Если, на ваше несчастье, выбор будет сделан неудачно, как бы блестящи не были ваши успехи, они все же ни к чему не приведут.

Я хочу разъяснить это на примере. Предположим, что мы располагаем армией в сорок тысяч пехоты и десять тысяч коней с артиллерийским парком, продовольственными транспортом, офицерскими обозами и так далее, что потребует еще такого же количества лошадей: эта армия расположена у Экстера, где помещаются все ее магазины, и предполагает наступать на Лондон. На меня возложено противодействовать ей, причем моя армия насчитывает

всего тридцать тысяч человек. Для выполнения моей задачи располагаюсь также возможно ближе к Эксетеру; занимая несколько выгодных позиций, я заставляю противника потерять две недели, прежде чем он достигнет Дорчестра или Бландфорта. Я группируюсь против фронта неприятельской армии, направляя небольшие отряды на его фланги; но к моменту, когда он окажется на расстоянии шести или девяти миль²¹ от Эксетера, где помещаются все его склады, я, вместо того, чтобы фронтально противиться его движению всеми своими войсками, оставляю на направлении его марша всего десять тысяч человек, столько же группирую против его левого фланга, а остальные десять тысяч растягиваю вдоль его операционной линии от пункта, где бивуакирует его армия, вплоть до складов в Эксетере. Эту часть моей армии я делю на четыре или пять отдельных отрядов, которые поддерживают связь друг с другом, чтобы образовать сплошную цепь с одного до другого конца неприятельской операционной линии; таким образом, ни один зарядный ящик не может проскочить из магазинов в армию, так как будет замечен и перехвачен одним из моих отрядов. Чтобы уничтожить транспорт, заставив разбежаться обозных, перебив или захватив лошадей, изломав повозки и так далее, достаточно сотни драгун. Таким образом, неприятелю придется выделить для сопровождения своих транспортов большие силы, например, десять тысяч человек. Тогда я делаю всей своей армией движение вправо, так, чтобы мое левое крыло оказалось на продолжении неприятельского, а центр и правое крыло углубились далеко за неприятельский фронт. Каким бы способом прикрытие транспорта не располагалось, впереди него или, отделяя часть сил в середину и в хвост транспорта, я утверждаю, что оно не сможет спасти. Эта задача окажется не по силам ни десяти, ни двадцати тысячам солдат; они будут связаны транспортом, от которого не могут удалиться и лишены возможности переменить свою позицию; мои же войска свободны в своих движениях и маневрируют, как им выгодно; они развертываются по своему усмотрению, атакуют где, как и когда им будет угодно; они могут решительно напасть на противника или некоторое время развлекать его внимание у какой-нибудь теснины, леса и так далее; пока эти неприятности будут тянуться, весь транспорт окажется застывшим на одном месте; тогда две или три тысячи человек, разбитые на небольшие отряды, атакуют всю линию повозок от одного конца до другого; достаточно, чтобы удалась хоть одна из этих маленьких атак, чтобы развалить и рассеять весь транспорт.

Так же может оказаться выгодным атаковать большей частью ваших сил отряд, образующий голову транспорта, если место нападения будет удалено на две или три мили от лагеря главных сил неприятеля, вы могли бы полностью уничтожить все прикрытие, а также и самый транспорт. Правда, главные силы противника могли бы немедленно обратиться назад, чтобы поддержать прикрытие своего транспорта, однако, это не легкий маневр, фланг неприятеля подставляется под удары нашего центра и всего левого крыла, расположенных под прямым углом к направлению неприятельского маневра; кроме того, несомненно, неприятель подошел бы слишком поздно, чтобы помешать уничтожению своего транспорта, что и является нашей целью.

Пусть противник будет расположен не в шести или девяти милях от Эксетера, как я предположил, а в двадцати одной или двадцати двух милях, напри-

мер, в Салисбюри. Я оставляю предпосылку, что он продолжает питаться транспортом из Эксетера или какого-нибудь другого магазина, также удаленного на двадцать слишком миль. Я утверждаю, что в таких условиях противник не может больше двух недель удержаться в своем лагере, хотя бы ему пришлось при этом преодолевать лишь те препятствия, которые слагаются исключительно из удаления от магазинов, из-за плохого состояния дорог, скверной погоды и тому подобных явлений.

При кругообороте обозов в сорок четыре мили, как в данном случае, совершенно невозможно сосредоточить и постоянно пополнять достаточное количество продовольствия, фуража, лошадей, подводчиков, повозок и так далее при потребностях армии в пятьдесят или шестьдесят тысяч человек и всего того небоевого элемента, который тянется за ними в расположение лагеря. Я настолько убежден в невыполнимости этого, что иду еще дальше; если вы расположите всего двадцать тысяч человек пехоты и пять тысяч коней на позиции, и они будут иметь возможность получать необходимое им довольствие лишь из определенного пункта, расположенного на расстоянии в двадцать миль, то через неделю они окажутся в необходимости самим двинуться навстречу своих транспортов или рассеяться и погибнуть.

Теперь прибавим к этим естественным, однако непреодолимым трудностям еще те, которые может создать искусный генерал, действующий в согласии с изложенными нами выше принципами. Мне представляется совершенно очевидным и неоспоримым, что не существует армии, будь то большая или маленькая, которая могла бы действовать на операционной линии в двадцать миль, если только противник может еще продолжать борьбу в поле и достаточно осторожен, чтобы избежать решительного сражения²².

Чем больше местность стеснена и пересечена лесами, горами, оврагами, узкими и трудно проходимыми теснинами, тем больше препятствий перед неприятелем, тем труднее окажутся для него дороги и тем выгоднее сложится для вас обстановка, так как отсюда вытекает большая легкость предприятий против неприятельской операционной линии. На подобной местности вы должны повсюду организовать засады против неприятельских отрядов и даже главных сил его армии, и эти предприятия почти всегда будут иметь успех. Всякий, кто внимательно взвесит все, что я только что сказал, несомненно, убедится, что всякая мысль о вторжении в Англию совершенно нелепа, и все опасения по этому поводу являются лишь паническими страхами²³.

Эти рассуждения, в справедливости коих я убедился на опыте, объясняют, почему наши усилия против Америки имели так мало успеха и почему, несмотря на наше превосходство во всех отношениях над инсургентами, мы, однако, никогда не могли проникнуть вглубь их страны более, чем на десять миль, и даже, углубляясь всего на четыре или шесть миль, мы не могли удержаться ни в одном пункте.

Опираясь на множество приведенных рассуждений, я делаю следующие выводы, которые и выдвигаю, как правила или как аксиомы.

1. Когда природа границы, которую вы должны атаковать и расположение ваших складов открывают перед вами свободу выбора, то вы должны избрать кратчайшую и представляющую наименьшие затруднения операционную линию.

2. Вы должны избрать такое направление, чтобы противник не мог действовать на ваши фланги, а, следовательно, и против вашей операционной линии; а последнее неизбежно произойдет, если он господствует в провинциях, расположенных вправо и влево от направления вашего наступления²⁴; при таких условиях, чем больше вы углубитесь в страну, тем вернее будет ваша гибель. Вскоре вы утратите связь с вашими магазинами; ваша операционная линия будет уничтожена, вы будете полностью окружены и обречены на гибель.
3. Необходимо, чтобы эта операционная линия приводила вас к какой-нибудь существенной цели, иначе и десяток, хотя бы весьма удачных, кампаний не дадут вам никаких выгод.

Если трудности всегда возрастают пропорционально длине операционной линии, то при более или менее одинаковых прочих условиях, все выгоды должны быть на стороне той армии, которая будет действовать по кратчайшей линии, хотя бы она и уступала в силах; необходимой предпосылкой для ее успехов является лишь осторожное и активное руководство.

III. О границах России

Я буду рассматривать турецкую границу лишь с точки зрения возможной войны с Россией.

Эта граница тянется от Хотина на Днестре до Черного моря, вдоль него до Очакова на Днепре, вдоль Крыма и к Дону. Правда, что татары, населяющие побережье Черного моря между Днестром и Доном, не являются подданными султана, но они находятся в столь тесной зависимости от него, что всегда действовали, и будут действовать в согласии с ним. На этой границе турки имеют крепости Хотин, Бендеры, Очаков и Перекоп на перешейке, отделяющем Крым от Малой Татарии. Все эти крепости могут служить им магазинами, которые легко могут быть пополнены средствами как Европы, так и Азии.

Русская граница идет здесь от Киева по правому берегу Днепра до Кинбурна, расположенного у устья реки, против Очакова. Близ этой границы русские имеют всего одну крепость, а именно Полтаву, знаменитую тем, что она явилась пределом, где закончилось процветание и слава Карла XII. Эта линия тянется приблизительно на сто миль.

Главная турецко-русская операционная линия должна тянуться от Хотина к Киеву; это расстояние в пятьдесят четыре мили. Если ни Россия, ни Турция не займут Польши с целью извлекать из нее продовольствие для своей армии, то обе эти державы будут лишены возможности действовать на этой линии, и тогда военные действия сосредоточатся в Малой Татарии и в Крыму. В этом случае выгоды будут на стороне русских, в отношении которых благоприятствует направление границы, открывающей им несколько подступов для вторжения на неприятельскую территорию; положение русских также выгоднее в отношении близости их средств к театру действий, направления течения рек и так далее.

Но и в настоящее время и в будущем Польша всегда будет добычей того, кто раньше ее оккупирует. Таким образом, обе державы будут иметь возможность действовать по главной операционной линии от Днестра на Киев. Направле-

ние турецкой границы делает очевидным, что если только турки двинут тридцать или сорок тысяч татар через Польшу, между Бугом и Днепром и между Днепром и Доном, то русские не будут иметь возможности приблизиться к Днестру. Турки могли бы даже двинуть кубанских татар между Доном и Волгой. Если бы таков был турецкий план, то русские не только бы не продвинулись до Молдавии, но даже с трудом прикрывали бы собственную плоскую и открытую страну, которую, следовательно, очень трудно защищать от вторжения ста тысяч конницы армиями, образованными по нашему современному образцу. Разве мы не видали недавно, как несчастный бродяга Пугачев во главе нескольких тысяч разбойников прошел почти всю российскую империю. Никогда не будет излишним повторять: наши армии в их современном состоянии могут маневрировать лишь в пределах очень ограниченного круга и по очень короткой операционной линии; они не в состоянии вызвать ни крупных пертурбаций, ни сделать обширных завоеваний.

Русская граница в Европе начинается в Финляндии на речке Кюмень, отделяющей Швецию от России; затем она тянется вдоль берега Финского залива и части Балтийского моря до устья Западной Двины, где расположена Рига, которая представляет важную крепость и крупный коммерческий город. Отсюда эта линия продолжается до истоков Западной Двины и далее до Смоленска, расположенного у истоков Днепра, откуда она следует по течению этой реки до Черного моря, против Очакова; русские захватили несколько областей на правом берегу Днепра. Я разделяю эту линию на три части: первая, которая прикрывает Финляндию со стороны Швеции, вторая, которая тянется от устья Двины до Смоленска и третья — от Смоленска до Черного моря.

Русская часть Финляндии представляет собой некультурную и дикую страну, пересеченную высокими (? — *Примеч. ред.*) горами и полную озер, болот, скал и лесов; эта бедная и нищая страна, которая даже не может прокормить своего редкого населения, не превосходящего ста тысяч душ. Эта местность настолько сильная, что трех или четырех полков, разбросанных по ней, было бы достаточно, чтобы защитить ее от четверо сильнейших войск, тем более, что русские, благодаря заливу, имеют возможность посылать из Кронштадта любое количество солдат, которых они могут высадить в тылу шведской армии, пожелавшей продвинуться на Кюмень. Таким образом, какую бы позицию не заняли шведы, русские всегда могут действовать против их фронта и флангов и оттеснить их к морю, как они это и сделали в последнюю войну, или заставить их отступать вдоль Ботнического залива в сторону Торнео, где шведы неизбежно должны погибнуть за отсутствием продовольствия.

Русская операционная линия идет от Петербурга через столицу Финляндии Выборг, а оттуда на Фридрихсгам, расположенный около реки Кюмень. Все эти крепости очень хорошо укреплены. Шведская операционная линия тянется от той же реки Кюмень на Або, а оттуда через Ботнический залив до Стокгольма, расположенного на берегу Балтийского моря. Русская операционная линия тянется на 32 мили, а шведская — на 87 миль. Русская операционная линия располагает хорошей дорогой, посредством которой легко удовлетворить все потребности армии, и к тому же она имеет водное сообщение с Кронштадтом, Нарвой, Ревелем и другими. Шведы же должны все черпать из Стокгольма и других пунктов, расположенных за Ботническим заливом.

Кто взвесит все эти обстоятельства, различие в длине операционных линий и, наконец, значительное превосходство в силах, находящееся на стороне России, легко поймет, что шведы не только никогда не будут в состоянии успешно атаковать русских, но даже не будут иметь возможности больше месяца защищать собственные границы: ввиду этого шведскому трону было бы благоразумнее добровольно уступить этот район, чем отстаивать его в столь сомнительных условиях²⁵. Оставление данного района даже значительно усилило бы Швецию, так как ей бы пришлось считаться с одной Данией, столь уступающей ей во всех отношениях. В этих моих замечаниях заключается истинная причина потери Карлом XII шведских провинций, расположенных к юго-востоку от Балтийского моря. Как мог этот монарх рассчитывать с теми силами, которые он мог собрать и содержать, быть в состоянии удержать столь удаленные провинции, отделенные очень трудным для плавания морем, которое покрыто льдом шесть месяцев в году (? — *Примеч. ред.*), против превосходных сил русских, находящихся в ближайшем соседстве к атакуемому району и имеющих свободу действий почти круглый год. Исход этой войны и, вероятно, всех войн, которые будут вестись на столь растянутых операционных линиях, всегда подтвердят доктрину, установленную мною в настоящем труде: эти войны будут заканчиваться постыдно и позорно для тех, которые будут пытаться их вести.

Между Петербургом и Ригой на Западной Двине находятся Нарва и Ревель, которые являются хорошими опорными пунктами для русских эскадр. Берег здесь высок и опасен для больших кораблей; они не рискнут задержаться в верхней части Финского залива, откуда восточные ветры прогонят их очень далеко от цели. Таким образом, русским нечего опасаться с этой стороны и еще меньше на всем пространстве от Финляндии до Риги; здесь у них всегда расквартировано пятьдесят тысяч солдат.

Местность, занимаемая русскими от Риги по Двине, несколько лучше, чем Финляндия, однако, она также полна озер, лесов, болот и так далее, а, следовательно, малокультурна и редко населена. На всей этой границе имеется только два пункта, через которые противник мог бы проникнуть в глубь страны; один из них находится близ Риги, и отсюда противник мог бы продвигаться до Петербурга; другой, расположенный в окрестностях Пскова, является ключом²⁶ к Новгороду и Москве. Утрата Пскова, расположенного на озере Пейпус, повлекла бы за собой потерю прибалтийских провинций. Если бы Карлу XII удалось овладеть Псковом, то он воспрепятствовал бы русским удержаться на Неве в Ингерманландии; действуя против операционной линии, Москва — Новгород, он принудил бы русских отойти за верхнюю Волгу. Псков был бы очень важным пунктом для русских, если бы им приходилось с этой стороны опасаться какого-нибудь сильного врага; но такового здесь нет, так как пруссаки, несмотря на свою мощь, даже если бы им не приходилось ничего опасаться со стороны Германии, все же никогда бы не рискнули продвинуться на Двину. Главные силы Пруссии сосредоточены к западу от Одера; там то и надо их опасаться, конечно, только на суше, так как прусский король не держит флота.

Во-первых, русские могут посылать флот, который опустошит побережье от Мемеля до Штетина. Затем они могут фронтально вторгнуться в Восточную

Пруссию и занять ее, прежде чем противник успеет собрать свои силы. Наконец, они могут послать значительный корпус, состоящий преимущественно из легких войск, для действия против прусской операционной линии от Кенигсберга до Вислы; он даже может переправиться за Вислу и распространиться до Варты. Войска этого рода не нуждаются ни в базах, ни в магазинах.

Смоленск укреплен, но слишком недостаточно, чтобы оказать серьезное сопротивление; это самый важный пункт на всех русских границах; он расположен всего лишь в сорока милях от Москвы, являющейся узлом сообщений между Петербургом и югом. Если бы Москва была взята, то Российская империя была бы сокрушена. В те времена, когда поляки еще вели успешно войны с Московией, они вторгались в Россию через Смоленск. Их успехи были продолжительными и настолько блестящими, что они даже посадили своего ставленника на русский престол.

Если бы Карл XII, господствовавший в Польше, вместо того, чтобы идти на Полтаву, захватил бы Смоленск и двинулся оттуда на Москву, то одной победы ему было бы достаточно, чтобы овладеть этим важным центром и всей империей. Однако он не смог бы аннексировать и присоединить русские земли к шведским по тем же причинам, по которым я считаю невозможным для Швеции удержать провинции, расположенные за Балтийским морем. Достаточно было бы одной неудачи, чтобы исчезли все плоды недавней победы, и этого всегда надо ждать, когда действуют по столь длинной операционной линии.

Когда я говорил о границах Турции, я уже описал пространство, которое тянется от Смоленска до Киева и, затем, к Черному морю. Я прибавлю к этому следующее замечание: какие бы стремления ни проявляла Россия принять участие в делах Германии, она может вмешаться в них лишь как вспомогательная сила и действовать в пределах Германии только в течение нескольких месяцев в году. Для нее является совершенно невозможным удержать какое-либо завоевание к западу от Вислы²⁷, как бы далеко не проникнул ее флот; после приобретения новых земель прусским королем в Польше, крупные достижения для русских становятся еще труднее. Новые приобретения связали Пруссию с другими провинциями Бранденбургского дома и сообщения с нею надежно обеспечены новой крепостью, построенной близ Мариенвердера на Висле. Бросим взгляд на карту, и мы увидим, что турки и пруссаки являются единственными противниками, имеющими возможность приблизиться к русским границам; ввиду этого Австрия сильно заинтересована в наблюдении за этими двумя державами, и тесный союз между императором и русской царицей, кажется, представляет для обоих значительные выгоды.

Примечания

- ¹ Все остальные переводы выполнены для настоящего сборника с оригинальных трудов. Перевод как философских, так и стратегических трудов представляет большие трудности, так как переводчик не может расшифровать в какую-либо сторону туманные и двусмысленные в подлиннике фразы, не покушаясь на их глубину и связан поэтому гораздо больше в своем изложении иностранным текстом.
- ² Г.А. Леер, пользовавшийся исключительно французским переводом, впал в ряд крупных ошибок: семиверстную географическую милю Ллойда французский переводчик именует бесцеремонно французской лье, в которой только 4 версты, что совершенно искажает всю цифровую часть труда Ллойда.
- ³ Ллойд употребляет выражение «война», которое мы переводим «военным искусством». (*Примеч. пер.*)
- ⁴ Фридриха Великого. (*Примеч. пер.*)
- ⁵ Плутонг — это один из восьми взводов, на которые рассчитывался в строю батальон, не считаясь с ротной организацией. (*Примеч. ред.*)
- ⁶ Нам эти соображения Ллойда о движении кажутся теперь очень наивными, но не будем забывать, что мы находимся у самого истока материалистически позитивного подхода к исследованию военных вопросов; работу Ллойда через столетие продолжил Леваль (см. ниже), и в результате создалась современная теория походного движения. (*Примеч. ред.*)
- ⁷ В то время, чтобы зарядить ружье, солдат обязательно должен был встать во весь рост, чтобы вложить в дуло вертикально поставленного ружья заряд пороха и пулю, таким образом, при скорости огня в 2-3 залпа в минуту (у пруссаков), первая шеренга каждую минуту должна была соответственное число раз опускаться на колено и подниматься, что, конечно, до крайности утомляло солдата в бою.
Соображения Ллойда о недопустимости ломки фронта относятся к наступлению с огнем плутонгами; первый плутонг батальона продвигался вперед на десяток шагов и давал залп, после чего к нему выходил, пристраивался и давал залп второй плутонг, затем третий, и так до восьмого плутонга, после чего первый, с уже заряженными ружьями, вновь повторял свой маневр. Раздавалась масса команд, все происходило в бешено скором темпе, и фронт батальона легко ломался.
Будем помнить, что тактические рассуждения Ллойда относятся к эпохе линейного боевого порядка, и тогда мы согласимся, что он трактует действительно существенные для того времени вопросы. (*Примеч. ред.*)
- ⁸ Боевая мысль просветительной философии XVIII века, определявшей мышление Ллойда. Конечно, нам кажется странным такое увлечение математикой; оказывается, что даже верхом нельзя прилично ездить, если не держать в голове несколько математических формул и нельзя без геометрии провести приличного батальонного учения. Наполеон также имел значительную склонность к математике и последняя окрашивала все направления фран-

цузской военной мысли в XIX веке. Понятен становится энергичный протест против засилья математики в военном образовании, который мы встречаем очень часто у Леваля (см. ниже), Бонналя, Сериньи и других; Леваль и Сериньи также проникнуты основными идеями Ллойда, также строят все на расчете, но умение считать в нашем представлении уже не смешивается с математическим построением образования командного состава. Разумеется, соображение Ллойда о преимуществах маленьких резвых лошадей над крупными тихоходами вытекало не из математических формул, как силится он показать, а из наблюдавшихся им в Семилетнюю войну успешных атак гусарских частей на кирасирские полки. (Примеч. ред.).

- ⁹ Старый римский Genius — ангел-хранитель, филологически пережил в течение тысячелетий огромную эволюцию. На французском языке это слово (le genie) означает одновременно и выдающееся природное дарование и инженерное искусство. У Ллойда эти представления еще не вполне разделены, но мы все же ближе к его мысли, употребляя в нашем переводе понятие «гений», а не «инженер». (Примеч. ред.).
- ¹⁰ В подлиннике «Le peuple des geneaux» — толпа, народ генералов. (Примеч. пер.).
- ¹¹ 6-дюймовые пушки.
- ¹² Высокая расценка топографии объясняется отсутствием сколько-нибудь сносных карт в эпоху Ллойда. В русской академии, почти через сто лет топографическое искусство Стефана продолжалось еще выдвигаться на первый план. (Примеч. ред.).
- ¹³ Переправа через р. Адду у Парадиза. (Примеч. ред.).
- ¹⁴ Для XVIII века типично малое значение, придаваемое превосходству в числе. Магазиновая система в такой степени стесняла маневрирование крупных сил, линейный порядок настолько затруднял их использование на поле сражения, война на измор представляла им столь невыгодную арену действий, что качество решительно предпочиталось численности. Только французская революция двинула массы на войну. Наполеон показал пример их использования, а Жомини создал теорию стратегии, основанную исключительно на стремлении добиться численного перевеса на решительном пункте. Приводимый пример относится к неудачным действиям французских армий в Семилетнюю войну на второстепенном для Фридриха Великого театре. (Примеч. ред.).
- ¹⁵ Типичное для XVIII века представление о селении, как теснины, непригодной для боя крупных сил. (Примеч. ред.).
- ¹⁶ Курсив редактора. Все внимание — географическому элементу; что касается до «варварских» приемов боя, то они даже не на втором плане. Типичные следствия просветительной философии XVIII века. (Примеч. ред.).
- ¹⁷ Легкая австрийская пехота (кроаты), прославившаяся в Семилетнюю войну, правда, не имела палаточного обоза, но, действуя по-партизански, устраивалась в деревнях гораздо лучше, чем линейные части в своих выровненных лагерях; но, конечно, они представляли собой крестьян, взятых по повинности (род австрийских пеших казаков), тогда как линейные

части по преимуществу укомплектовывались опустившимися безработными города; разумеется, преимущество в здоровье находилось целиком на стороне кроатов. *(Примеч. ред.)*.

- ¹⁸ Преувеличенное понимание значения климата для психологии бойца материалисты XVIII века заимствовали у Вегеция. *(Примеч. ред.)*.
- ¹⁹ Это очень интересная характеристика французской армии сохраняет свое значение и до сего времени. «Тактика пехоты» Модюи представляет, по существу, только попытку приспособить методы пехотного боя к французской психологии. Германская тактика встречного боя как будто базируется на советах Ллойда. Не представляет ли сражение под Росбахом высшее проявление стратегической нетерпеливости и тактической невоздержанности? Предсказание Ллойда о неудаче реформы министра графа Сен-Жермена, стремившегося пересадить во Францию основы прусской дисциплины, оправдалось полностью. *(Примеч. ред.)*.
- ²⁰ Ллойд прямо предвидит Иену и развал старой фридриховской армии. *(Примеч. ред.)*.
- ²¹ Миля — 7 верст. *(Примеч. пер.)*.
- ²² 20 миль — 140 верст, этот предел наступательной операции, который Ллойд старается мотивировать, представляет пять немалых переходов. Отсюда и пятипереходная система. *(Примеч. ред.)*.
- ²³ Упорная историческая традиция гласит, что это заключение о невозможности высадки на берега Англии написано Ллойдом только для широкой публики и что одновременно с этим он будто бы представил английскому правительству секретный доклад о возможности таковой операции и получил 500 фунтов стерлингов за обязательство никогда не разглашать тайны удобнейшей операционной линии для захвата Лондона. *(Примеч. ред.)*.
- ²⁴ Это, между прочим, может быть применено и к наступлению русских армий к Верхней Силезии в начале ноября 1914 года между Восточной и Западной Пруссией, с одной стороны, и Западной Галицией — с другой. Лодзинская неудача была почти неизбежна. *(Примеч. ред.)*.
- ²⁵ Не рискуя братья за опасное ремесло пророка, можно утверждать, что политическая организация стремится принять устойчивые формы; как в категории моральных явлений, так и в категории явлений материальных, какие-то следствия системы аналогии заставляют всякий предмет стремиться занять место в соответствии со своим удельным весом.

После падения римской империи вся Европа представляла хаос; установился феодализм, который после долгой и трудной борьбы был раздавлен монархизмом. Гибель баронов открыла свободную арену для государей, которые продолжают борьбу между собой до сегодняшнего дня. Счастье и случай руководили дележом; мнения природы спросить забыли. А между тем, природа сама провела границы — моря, большие реки, горные цепи, представляющие линии, которыми она рисовала географическую карту. Можно предвидеть, что все споры и претензии народов друг к другу закончатся тем, что каждая держава должна будет заключиться за теми преградами, которые возвела сама природа; проходящие страсти и капризы людей с течением времени не могут противостоять

постоянным и неизменным законам природы. Тогда прекратятся вторжения; каждый народ в своих естественных, физических границах будет заниматься своими частными интересами. Соседство двух народов не будет делать из них врагов; у них не будет, что делить между собой. Это будет веком, когда произрастет семя, посеянное философией. Много еще надо совершить ошибок, и много еще надо изменить в нравах, но приятно видеть в перспективе общее счастье человечества. (*Примеч. французского офицера, переведившего Ллойда в 1774 году*).

Мы привели это примечание Руфузиляка, как очень любопытное толкование и развитие идей Ллойда. Оно характеризует пассивистическую позицию военного мышления XVIII века, отсутствие всякого представления об эволюции, переоценку военно-географического элемента, веру в силу разума и представление о «золотом веке» будущего. Строгое мышление Ллойда привело его лишь к пророческому заключению, что Швеция, под натиском России, не сможет удержать своих позиций в Финляндии, но дальнейшие писатели XVIII века, и в особенности самый блестящий военный представитель эпохи просвещения и энциклопедистов, Бюлов, попытались даже нарисовать картину будущей идеальной Европы, где все государства вошли в свои естественные границы. Ллойд, как и Бюлов, видит назначение армий в сохранении европейского равновесия, совершенно не понимает прогрессивного значения насилия как уборки политических трупов с арены и понимает положительные задачи войны только как достижение естественных границ, что должно приблизить нас к «золотому веку». Мираж естественных границ теперь, конечно, рассеян, раз мы видим в народах живые организмы, вырастающие, расползающиеся, или, наоборот, худеющие и исчезающие. (*Примеч. ред.*).

²⁶ Отсюда ведут свой род знаменитые «Стратегические ключи», являющиеся следствием переоценки географического элемента. (*Примеч. ред.*).

²⁷ В мировую войну мы ярко ощущали шаткость нашего положения к западу от Вислы, и это замечание Ллойда является пророческим. (*Примеч. ред.*).

Наполеон Бонапарт

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ НАПОЛЕОНА И СИСТЕМА РОНЬЯ

Наиболее последовательно и глубоко Наполеон высказал свои мысли о военном искусстве в своем разборе книги Ронья.

Ронья — военный инженер, работавший во французской армии, действовавшей на испанском театре войны, а в 1813 году руководивший всей инженерной частью «великой армии» в Германии. На следующий же год после Ватерлоо, в момент, когда Бурбоны решили совершенно заново начать устраивать французскую армию, Ронья напечатал труд «Размышления о военном искусстве»¹. Выводы из великой эпопеи революционных и наполеоновских походов рисуются Ронья в удивительно исковерканном освещении. Перед нами типичный представитель своего цеха, остающийся еще в плоскости мировоззрения XVIII века, схоластик, читавший «Дух законов» Монтескье, не заметивший, что пятипереходная система отжила свой век и запомнивший из всех войн Наполеона только неудачи, обрушившиеся на французов в Испании и России. Не понимая духа наполеоновской стратегии сокрушения, Ронья упрекает его в недостаточной методичности и требует, чтобы война сводилась к движению от укрепленного рубежа к новому рубежу, с немедленным приступом к его укреплению; Ронья требует выделения для оккупации и укрепления тыла особой резервной армии. Это не предчувствие необходимости подготовки в гигантском размере пополнений для действующей армии, это страх перед «казаками» и испанскими бандами тылового деятеля, который со своей тыловой точки зрения хочет охватить все проблемы военного искусства. Короткие выдержки из его труда, предшествующие тексту Наполеона, характеризуют в достаточной степени этого, по-своему неглупого, тылового систематика.

Труд Ронья, дошедший на острове Св. Елены до Наполеона, не мог не вызвать возмущения Наполеона таким полным непониманием характера войн, которые он вел; Наполеон испещрил его отметками и продиктовал своим спутникам 17 замечаний, занимающих в общем 183 страницы в шеститомном издании его «Комментариев». Мы здесь приводим самое значительное, седьмое замечание, посвященное вопросу о наступательной войне. Представлениям Ронья о методической войне Наполеон отвечает целой программой по истории военного искусства — очень кратким, но ярким изложением поучительнейших походов великих полководцев, в том числе и своих.

Здесь вся мысль Наполеона: как нельзя создать такой курс грамматики, изучение которого позволило бы каждому сравниться с Гомером или Корнелем, так нельзя и написать учебник, знание которого открывало бы всем путь к победе. Эти знания могут быть добыты лишь личной работой в области военной истории.

Против этого положения иногда приводят обрывки фраз, брошенных при каком-нибудь случае Наполеоном и на лету записанных кем-либо из окружающих его. Так, в мемуарах Сен-Сира значится, что 8 сентября 1813 года Наполеон сказал, что он когда-нибудь напишет книгу, в которой столь исчерпывающим образом изложит основные положения военного искусства, что оно станет понятным каждому офицеру и что тогда можно будет изучать военное искусство, как всякую другую науку. Но ссылка на такие обрывки

фраз является, безусловно, ненаучным приемом, злоупотреблением. Они выражают не определенную мысль, а чувства, реакцию на внешнее раздражение. В частности, означенная фраза была произнесена Наполеоном в момент, когда он получил донесение, что двинутая им на Берлин армия маршала Нея наголову разбита под Деневицем. Понимать замечание, сделанное в такую минуту, не как упрек маршалу, который нуждается в прописях, чтобы не быть битым, а как обоснование взглядов на значение теории в военном деле, могут только люди, не понимающие исторической действительности.

К вопросу о значении военной истории, как базы всего военного мышления, Наполеон подходил в 1807 года, когда он в Финкенштейне, 19 апреля, набрасывал учебный план военной школы. Он писал:

«Преподаватель истории французского военного искусства ознакомляет с планами различных походов, принятыми в различные эпохи нашего прошлого, как для завоеваний, так и для оборонительной войны; с причинами успехов и поражений; с трудами и мемуарами, в которых можно найти детальное описание фактов и предпосылок случившегося. Эта часть истории представляет интерес для всех; она очень важна для военных и будет весьма полезна и для государственных деятелей. В военно-инженерной школе учат показом искусству осады и обороны крепостей; но нельзя показать искусство ведения большой войны, так как таковое еще не создано, если вообще оно только может быть создано. Кафедра истории, где будут изучать, как наши границы защищались великими полководцами в различных войнах, может быть только полезна».

«Я много изучал историю², и часто, за неимением руководителя, терял много времени за бесполезным чтением».

«Без такой кафедры, военные, например, долго не будут иметь возможность изучить и использовать ошибки, вызвавшие неудачи и обдумать распоряжения, которые позволили бы их избежать. Все революционные войны могли бы дать много полезных уроков, но чтобы извлечь их, надо часто затрачивать даром много труда и тщетных поисков. Это происходит не потому, что факты не описаны во всех их подробностях; о них писали с самых различных точек зрения и повсюду, но никто не работал над тем, чтобы облегчить поиски и повставить это изучение в рамки здравого смысла»³.

Приводимый далее отрывок Наполеона образовал программу новой дисциплины — истории военного искусства и могущественно воздействовал на военное мышление. Наполеон оправдывается, что ни в России, ни в Испании он не занимался авантюрами. Отсюда профессора стратегии вывели заключение о том, что полководец должен быть очень положительным человеком, избегающим всякого риска и, прежде всего, заботящимся о безопасности своей операционной линии. Историки военного искусства рабски пошли за мыслью Наполеона, эпохе которого еще было чуждо понятие об эволюции, и начали заниматься тем, что устанавливали, что все великие полководцы действовали по одному учебнику стратегии, и именно по тому, который в данный момент был принят в школе. С этой точки зрения приводимый отрывок Наполеона гораздо ярче высказывает всю ту мудрость, которая долгое время составляла все содержание кафедры истории военного искусства.

Отсутствие представления об исторической перспективе заставляло во многом слушаться уже отживших мыслей Наполеона. Только Мольтке в 1866 году рискнул нарушить правило Наполеона, приводимое ниже: на одном театре военных действий может действовать только одна армия. Австрийцы в ту же кампанию остались верны букве Наполеона, объединив в руках Бенедика командование армией из 8 корпусов и 3 кавалерийских дивизий. Они забыли, что основная мысль Наполеона заключается в ничтожестве всех правил, так как на войне надо действовать по обстоятельствам. То же мы скажем об отвергаемом Наполеоном предложении Ронья иметь резервную армию, как стратегический резерв. Мысль Ронья была ошибочна для своего времени, но народное железных дорог дало ей новое содержание⁴.

Наполеон и его кодификатор Жомини являются представителями чисто исторического метода познания стратегии. В конце всех критических замечаний его на книгу Ронья, под № 41, стоит следующий вывод: «Ведите наступательную войну, как Александр, Ганнибал, Цезарь, Густав-Адольф, Тюрен, принц Евгений и Фридрих; читайте и вновь перечитывайте историю их 83 походов и формируйте на них свое мышление; это единственное средство стать великим полководцем и разгадать тайны искусства; ваше сознание, просвещенное таким путем, отбросит правила, противные началам, которых держались великие люди».

Объем нашего сборника не позволил поместить всю работу Наполеона по труду Ронья, уделяющую много места тактике. Приведем несколько мыслей Наполеона из его общих замечаний:

№ 40. «Нужно иметь только одну армию, так как единство командования — важнейшее требование на войне. Армию нужно держать в сборе и сосредотачивать возможно больше сил на поле сражения, пользуясь каждым случаем; фортуна — женщина, и если вы не воспользуетесь ею сегодня, не ожидайте, что она встретится вам завтра».

№ 42. «... Старайтесь иметь все шансы на успех, когда вы намечаете вступить в большую битву, в особенности, если имеете дело с великим полководцем, так как, если вы будете разбиты, то хотя бы вы находились и вблизи от ваших магазинов и крепостей, горе будет побежденному».

№ 47. «... По обстоятельствам».

№ 49. «... Лучше централизовать, сосредоточивать, сближать свои силы, пушки, военные машины, чем разбрасывать их».

В ответ на предложение Ронья занимать обороняющейся армией всегда фланговую позицию, чтобы задержать наступление противника, Наполеон замечает:

№ 50. «Александр, Ганнибал, Цезарь, Густав-Адольф, Тюрен, принц Евгений, Фридрих Великий очень затруднились бы ответить на этот вопрос, представляющий задачу трансцендентной геометрии, имеющей множество решений. Только новичок может думать, что она проста и легка; Эйлер, Лагранж, Лаплас провели бы много ночей, прежде чем вылили бы ее в уравнения и выяснили неизвестные».

Редакция

КОММЕНТАРИИ НАПОЛЕОНА I О НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ВОЙНЕ

(Из труда «Семнадцать примечаний к сочинению,
озаглавленному «Размышления о военном искусстве»⁵)

I. Текст Ронья

«В деспотических странах в войне принимают участие только армии, которые, в общем, дерутся без увлечения, а потому и очень плохо, за исключением тех случаев, когда они воодушевляются духом фанатизма, воздействию которого они только и поддаются. Народ не проявляет к войне ни малейшего интереса, лишь бы не затрагивали его обычаев и его религии, иногда он даже при этом втайне мечтает о свержении давящего на него трона и протягивает руки врагам своего тирана, как своим освободителям. Республики же, наоборот, ограждаются преданностью своих граждан; война получает национальный характер, армии поддерживаются и укомплектовываются всем населением, каждый берется за оружие и с рвением сражается за важнейшее из благ — за политическую свободу.

В первом случае одного сражения достаточно, чтобы опрокинуть империю, так как деспотическое правление, в своем существе военное, поддерживается исключительно армией. Как только последняя разваливается, рушится и трон, и победитель воздвигает новый на развалинах старого, чему нация не оказывает сопротивления; она представляет стадо рабов, которое переменяло хозяина... Республиканцы же проявляют при обороне такую силу характера и воли, о которую разбиваются и расплываются все победы противника...».

«Русские могут победить турок и изгнать их из пределов Европы, но не покорить их, так как армию завоевать нельзя. Успех завоеваний в Европе замедляется еще другой причиной, не менее могущественной, чем народный патриотизм, а именно политикой монархов, которая не позволяет им без зависти смотреть на успехи соседей...».

«Таким образом, наш метод снабжения продовольствием обуславливает необходимость создавать заведения для выпечки хлеба или сухарей, наиболее трудно изготавливаемых продуктов. Наш метод боя поглощает боевые припасы, которые непрерывно приходится возобновлять; наши укрепления должны строиться солидно, чтобы иметь возможность выдержать артиллерийский огонь; завоевания затрудняются народным патриотизмом и принятой в Европе системой политического равновесия. Все это обуславливает требование-закон: в неприятельскую страну надлежит углубляться лишь постепенно, обеспечивая тыл и сообщения, эшелонируя склады продовольствия и боевых припасов, наблюдая за безопасностью флангов, подчиняя своей власти население тех районов, которые мы оставляем за собой, посредством резервных войск; надо, одним словом, вести методическую войну.

Этот образ ведения войны вызывает требование, до сих пор не вполне усвоенное, а именно — наличия двух армий, одной действующей и одной резерв-

ной. В состав действующей армии должны входить все лучшие части, способные по своей дисциплине, храбрости и опытности успешно сражаться в чистом поле; это будет армия полей сражения. На долю этой армии,двигающейся впереди, выпадает вторжение вглубь вражеской страны, атака неприятельских армий, разгром или оттеснение ее и захват пространства. Но в этой армии беспрерывно возникают новые потребности; она должна продовольствоваться, получать пополнение взамен людей и лошадей, которых она ежедневно теряет от свинца или болезней, и в особенности ей беспрерывно приходится пополнять боевые припасы, которые она расходует в боях; как я уже говорил, армия, чтобы не перегрузить и не слишком растянуть свои походные колонны, может иметь при себе запас, достаточный лишь на одно сражение...

Склады и магазины боевых припасов и продовольствия должны быть обеспечены от партий, неприятеля и покушений населения завоеванного района укреплениями, защита которых может быть возложена на рекрут. Но этого недостаточно; сверх того надо сохранять господство над страной, чтобы извлекать из нее продукты для образования складов; особенно необходимо наблюдать за тем, чтобы сообщения между складами и действующей армией никогда не прерывались и транспорты могли регулярно подходить. Эти две задачи могут быть разрешены только войсками, действующими вне укреплений, которые образуют резервную армию; она удерживает в нашей власти страну и выметает все партии неприятеля, проникающие в тыл действующей армии...».

«...Но главной задачей резервной армии является, в случае неудачи, поддержка и обеспечение отступления действующей армии, подготовка для нее линии обороны, где бы она могла вновь собраться, переформироваться, пополниться людьми, лошадьми и оружием, остановить неприятельское преследование под двойной защитой преград, созданных природой и искусством, восстановить свое мужество и энергию. Это та оборонительная линия, без которой невозможно сконцентрировать разумный план войны и которую я называю *оперативной базой*...».

«Исследуем теперь вопрос, насколько действующая армия может удалиться от оперативной базы, не рискуя своим существованием. Не надо упускать из вида, что действующая армия может довольствоваться только хлебом, который изготавливается в хлебопекарнях, устроенных на базе; этот способ питания обычно замыкает ее движения в известные пределы, протяжение которых поддается приблизительному исчислению; это определяет искомое нами удаление армии необходимостью удовлетворить ее наиболее насущные потребности, а именно: продовольствие».

«... Нормально наши солдаты несут на себе хлеба на четыре дня; но их удобно снабжать продовольствием на восемь дней, заменив хлеб сухарями, которые они носят в особых кожаных ягдташах, составляющих часть их снаряжения. Семь или восемь фунтов сухарей должны хватить солдату на восемь дней, при условии, что он будет получать фунт мяса, вместо полфунта, что никогда не вызовет затруднений, раз за походными колоннами будут следовать стада с желательным числом голов рогатого скота. Этим мы удвоим носимый запас продовольствия, не обременяя солдат лишней нагрузкой; они будут лучше питаться и, в то же время, операции армии будут менее связываться недостатком продовольствия...».

«... Предположим, что мы хотим вторгнуться в соседнее государство действующей армией в 120 000 человек, распределенных на четыре корпуса. Прежде всего, мы располагаем в двух-трех крепостях, расположенных близ границы, которую мы предполагаем атаковать, боевые и продовольственные склады, лазареты и всевозможные магазины и затем внезапно сосредоточиваем под этими крепостями войска, предназначенные для образования четырех корпусов действующей армии; мы снабжаем солдат сухарями на восемь дней и немедленно двигаемся вперед, не дав противнику времени изготавиться к обороне. Мы переходим границу и тремя колоннами двигаемся на противника. Конечно, полный успех был бы достигнут, если бы нам удалось форсированным маршем внезапно ворваться в центр неприятельского расположения, атаковать, преследовать части противника по всем направлениям, мешая им соединиться и, таким образом, распылить с самого начала войны разбросанные части, не подвергаясь при этом случайностям сражения. Но мы не можем рассчитывать, что противник окажется настолько неловок, чтобы позволить себя захватить врасплох. Ввиду этого более вероятно, что мы встретим его армейские корпуса в сборе, готовые или вступить в сражение, должествующее исчерпать спор или оспаривать у нас пространство, путем уловок оборонительной войны, не подвергая риску судьбу армии. В том и другом случае мы без колебания двигаемся на противника, так как наступление начато нами исключительно потому, что мы оцениваем превосходство сил на нашей стороне.

Однако на границе мы замещаем армию полей сражения запасными и гарнизонными частями, рекрутами, над которыми ежедневно идет усиленная работа по вооружению, обмундированию и обучению; все эти молодые, вновь сформированные когорты по своей неопытности лишены возможности фигурировать на поле сражения, и из них мы образовываем резервную армию. Не пытаясь установить жесткой пропорции между численностью этой армии и действующей, так как она в значительной степени зависит от затруднений, которые испытываются в населенных пунктах, в которых приходится оставлять гарнизоны, мы предположим все же, что в ней будет 60 тысяч человек, составляющих два армейских корпуса. Эти части двигаются по следам действующей армии, охраняют ее обозы, очищают ее тыл от неприятельских партий, держат в руках и обезоруживают население городов и селений и наблюдают, обкладывают или осаждают неприятельские крепости.

Если действующая армия после восьми дней крупных операций, спешных и непрерывных маршей, сражений и успехов над неприятельской армией достигнет реки, протекающей поперек пути наступления в 120 или 160 километрах от границы, то ей пора остановиться, чтобы передохнуть, перегруппироваться и подготовить новую операционную базу. К этому моменту захваченные ею запасы должны истощиться, сообщения со складами, ввиду их удаленности, начинают становиться затруднительными, и ей необходимо возобновить свои боевые припасы и собрать большое число отсталых, которые всегда оказываются в тылу после ночных переходов и рокировочных движений. На вновь избранной базе она немедленно приступит к укреплению некоторых пунктов.

Здесь как раз случай, чтобы возвести *временные крепости*, которые я описал в IX главе этого труда. Эти укрепления устраиваются в течение двух недель, и их будет достаточно, чтобы предохранить от всякого покушения наши мага-

зины и всевозможные учреждения, обеспечить мосты через реку, избранную для нашей новой базы, и создать опорные пункты, необходимые на случай неудачи. Этот вид смешанной фортификации представляет среднее между долговременной и полевой фортификацией, хотя до сего времени он пользуется очень малым распространением, однако лучше всего отвечает спешно возникающим, преходящим потребностям армий. Он в течение нужного момента выполняет задачу долговременных укреплений, постройка коих столь медлительна и связана с большими расходами и имеет большую стойкость и надежность, чем полевые укрепления. Через две недели каждый корпус возведет такой укрепленный лагерь в одном из важнейших пунктов, где главные дороги пересекают реку, и таким образом в короткий срок в нашем распоряжении окажутся четыре *временные крепости*, способные обеспечить нашу новую базу. Одновременно мы перевезем туда склады боевых припасов и сосредоточим там продовольствие, а также образуем арсеналы, госпитали, провиантные управления и магазины и передвинем туда резервную армию...

...При этих условиях я допускаю, что наша действующая армия, ищущая новых боев, встретит армию противника, устроившуюся, чтобы дать нам сражение на самом большем удалении, в 120 или 160 верстах от нашей новой оперативной базы; это является наименее благополучным для нас предположением. Противник не может пытаться двинуться между нашей действующей армией и нашей оперативной базой, прерывая наши сообщения с магазинами, которые обычно называют *операционной линией*⁶ осторожность не позволит ему решиться на такой шаг, так как при этом он оказался бы между двумя нашими армиями, действующей и резервной, из которых одна будет действовать против его тыла, а другая в то же время атакует с фронта; это такое положение, в котором малейшая неудача влечет за собой полный разгром, так как он лишен возможности отступления. Кроме того, это неосторожное движение может быть осуществлено лишь, поскольку его допустит наша действующая армия, которая всегда имеет возможность воспротивиться маршу неприятеля, пытающегося проникнуть в ее тыл. Следовательно, противник атакует нас только с фронта или с фланга. Если сражение будет проиграно, то и в первом, и во втором случае нам обеспечено отступление: резервная армия высылает навстречу отступающей армии несколько легионов, которые уничтожают легкие неприятельские войска, стремящиеся проникнуть на наши операционные линии; резервная армия протягивает нам руку и после четырех, максимум пяти, отступательных переходов, что не слишком трудно и не слишком долго, чтобы обусловить падение духа в армии, мы достигаем нашей операционной базы.

По прибытии мы усиливаем действующую армию за счет резервной, вливая ее солдат на укомплектование действующих легионов и на восполнение потерь; кадры резервной армии, таким образом, растворившейся в действующей армии, отправляются на границу для приема рекрут и формирования новой резервной армии на нашей первоначальной операционной базе. В складах наших четырех временных крепостей мы почерпаем орудия, зарядные ящики и боевые припасы, необходимые взамен израсходованного или потерянного снаряжения; мы находим там в изобилии продовольствие для наших войск. Одним словом, в мгновение ока мы восстанавливаем и реорганизуем весь наш личный состав и материальную часть...».

II. Текст Наполеона

Македония при преемниках Александра, Азия при Митридате, Парфянское царство при династии Арзассов, Пруссия при Фридрихе Великом, Россия и Испания в последнее время разве не были деспотическими монархиями? Ахайя и Этолия во времена Павла-Эмилия, Голландия в 1786 году, Венеция в 1797 году, Швейцария в 1798 году разве не были республиками? Народы, как и люди, проходят через различные возрасты — детство, расцвет и старость. Всякое правительство, которое зародилось и держится без вмешательства чужеземной силы, является национальным. Собственность, гражданские законы, любовь к родине и религии представляют устои, которыми держатся самые различные по характеру правительства. Если когда-нибудь победоносная армия войдет в Лондон, то все удивятся тому малому сопротивлению, которое окажут англичане.

Когда русские овладеют Константинополем, то в их распоряжении будет столько мусульман, сколько русским будет угодно; нужно лишь обеспечить им собственность и проявить терпимость к их религии. В Испании мавры подчинялись всему, даже инквизиции. Для их изгнания потребовался прямой приказ Фердинанда и Изабеллы; все косвенные средства выжить их потерпели неудачу. Теперь турецкая армия не много стоит: как только Россия, которая господствует в Крыму, в Закавказье и на берегах Каспийского моря, распространит свое господство и на Константинополь, турки не удержатся ни в Малой Азии, ни в Сирии, ни в Египте.

Патриотизм народов и политика дворов Европы не воспрепятствовали ни разделу Польши, ни ликвидации нескольких наций, и они также не воспрепятствуют крушению Оттоманской империи. Мария-Терезия против своего желания вступила в заговор против Польши, которая расположена у врат Европы, чтобы защищать ее от вторжения северных народов. В Вене опасались всех неудобств, связанных с расширением России; тем не менее, огромное удовлетворение было получено от обогащения несколькими миллионами душ и увеличения доходов казны на много миллионов. Как тогда, так и теперь, австрийскому царствующему дому это будет не по душе, но, в конечном счете, он пойдет на раздел Турции; его будет ласкать сознание, что его территориальные владения расширились от включения Сербии, Боснии и древних Иллирийских провинций, столицей которых когда-то была Вена. Что будут делать Англия и Франция? Одна из них возьмет Египет, слабое вознаграждение... Один выдающийся государственный деятель говорил: «Каждый раз, когда до меня доходит весть, что православная эскадра бросила якорь у стен Сералия, мне представляется, что я слышу крик, предвещающий гибель империи Полумесяца».

Азия и Европа поставлены в различные территориальные условия. Пустыни, которые замыкают Азию со всех сторон, населены многочисленными варварскими племенами, которые разводят большие стада лошадей и верблюдов. Скифы, арабы, татары при халифах, Чингиз-ханах, Тамерланах и так далее вышли из этих обширных пустырей; миллионами всадников они наводнили равнины Персии, Евфрата, Малой Азии, Сирии и Египта. Их завоевания развивались очень быстро, так как они предпринимались целыми племенами,

закаленными войной и полной лишений тяжелой жизнью в пустыне. Но Европа, с Севера до Юга и с Востока до Запада, населенная цивилизованными народами, вовсе не подвержена опасности подобных революций.

Всякая наступательная война является войной вторжения, всякая хорошо вехенная война является методической войной. Оборонительная война не исключает наступление, равно как и наступательная война не исключает оборону, хотя ее целью и является переход через границу и вторжение в неприятельскую страну. Принципами войны являются те начала, которыми руководились великие полководцы, о блестящих подвигах которых гласит история: Александр Македонский, Ганнибал, Цезарь, Густав-Адольф, Тюрен, Евгений Савойский, Фридрих Великий.

Александр Македонский провел восемь походов, во время которых он покорил Азию и часть Индии. Ганнибал — семнадцать: один в Испании, пятнадцать в Италии и один в Африке. Цезарь — тринадцать: восемь против галлов и пять против легионов Помпея. Густав-Адольф — три: один в Ливонии против русских и два в Германии против австрийского царствующего дома. Тюрен — восемнадцать: девять во Франции и девять в Германии. Принц Евгений Савойский — тринадцать: два против турок, пять в Италии против Франции, шесть на Рейне или во Фландрии. Фридрих Великий — одиннадцать: в Силезии, Богемии и на берегах Эльбы. Тщательно составленная история этих восьмидесяти трех походов представляла бы полный трактат по военному искусству; принципы, которых надлежит держаться в оборонительной и наступательной войне, вытекали бы из него сами собой.

В 334 году до Р.Х. Александр Македонский перешел Дарданеллы с армией приблизительно в 40 тысяч человек, в которой восьмую часть составляла кавалерия; он переправился с боем через реку Граник, имея против себя армию Мемнона, грека, командовавшего от имени Дария на азиатском побережье и употребил весь 333 год на установление своего господства в Малой Азии; ему содействовали греческие колонии, окаймлявшие берега Черного и Средиземного морей: Сарды, Эфес, Тарс, Милет и так далее. Персидские цари предоставляли своим провинциям и городам жить по собственным законам; Персидское царство представляло федерацию государств, но не единую нацию, что облегчало покорение его. Так как Александр Македонский стремился только захватить трон монарха, то он легко приспособился к его прерогативам, не затрагивая при этом ни обычаев, ни нравов, ни законов этих народов: в своем положении они не испытали ни малейшей перемены.

В 332 году Александр встретился с Дарием, который во главе армии в 60 тысяч человек занял позицию на реке Иссе, близ Тарса в Киликии; он разбил ее, вошел в Сирию, захватил Дамаск, где хранились богатства великого персидского царя и осадил Тир. Эта метрополия мировой торговли задержала его на девять месяцев. После двухмесячной осады, он взял Газу, в семь дней перешел через пустыню, вошел в Пелузу и Мемфис и основал Александрию. Он не встретил никаких препятствий, так как интересы Сирии и Египта искони были связаны с Грецией, так как арабские племена ненавидели персов, и эта ненависть имела корни в религии и, наконец, потому, что греческие войска сатрапов перешли на сторону македонян. Не прошло и двух лет, как, после двух сражений и четырех или пяти осад, побережье Черного моря, от За-

кавказья до Византии и Средиземного моря, до Александрии, вся Малая Азия, Сирия и Египет были покорены Александром Македонским.

В 331 году Александр вновь прошел через пустыню, отдохнул в Тире, пересек Сирию, вошел в Дамаск, переправился через Евфрат и Тигр и в сражении при Арбеллах разбил Дария, встретившего его с армией, по силе еще превосходившей ту, которая была выставлена на реке Иссе. Вавилон открыл ему свои ворота. В 330 году он форсировал теснины Сузы, взял самый город, а затем Персеполис и Пасаргу, где находилась гробница Кира. В 329 году он вновь поднялся на север и вошел в Экбатану, распространил свои завоевания до Каспийского моря, расправился с Бессусом, презренным убийцей Дария, проник в Скифию и разбил скифов. В этом-то походе он замарал свою славу убийством Пармениона. В 328 году он форсировал переправу через Аму-Дарью, получил из Македонии 16 тысяч новобранцев и подчинил себе соседние народы. В том же году он собственной рукой убил Клита и хотел, чтобы македоняне признали за ним божественное достоинство, на что македоняне не пошли. В 327 году он перешел Инд, в настоящем сражении разбил Пора, взял его в плен, но держался с ним, как с царем. Он проектировал переправиться через Ганг, но войска отказались. В течение 326 года он поплыл на восьмидесяти судах по Инду; дойдя до океана, он отправил Неарха с флотом вдоль берегов Индии к устью Евфрата. В 325 году он употребил шестьдесят дней, чтобы пройти через Гедрасскую пустыню, вошел в Керман, затем возвратился в Пасаргу, Персеполис и Сузу и женился на дочери Дария Статире. В 324 году он вновь отправился на север, прошел в Экбатану и закончил свой жизненный путь в Вавилоне, где был отравлен.

Войны, которые вел Александр Македонский, были методичны и достойны самой большой похвалы. Ни один из следовавших к нему транспортов не был перехвачен, и сила его армии все время росла. Самые слабые силы он имел на реке Гранике, то есть в самом начале; на Инде она уже увеличилась втрое, не считая войск, находившихся в ведении командующих покоренными областями, в состав которых входили македонцы — инвалиды или ослабевшие, новобранцы, прибывшие из Греции или взятые из числа греческих наемников, служивших в войсках сатрапов, или, наконец, чужеземцы, набранные на месте из туземцев, Александр Македонский заслужил славу, которой он в течение стольких веков пользуется среди всех народов. Но если бы он был разбит на Иссе, где боевой порядок армии Дария преграждал ему путь отступления, имея левый фланг упертый в горы, а правый в море, тогда как македоняне стояли правым флангом к горам, а левым к морю и имели Киликийский проход в своем тылу! Но если бы он был разбит под Арбеллами, имея в своем тылу Тигр, Евфрат и пустыни, без единой крепости, находясь в 3 600 верстах от Македонии! Но если бы он был разбит Пором, имея за собой Инд!

В 218 году до Р. Х. Ганнибал выступил из Карфагена, перешел Эбро и Пиренеи, неизвестные до сих пор карфагенским войскам, затем Рону и Альпы и после первого похода расположился среди цизальпийских галлов, которые были вечными врагами римлян, иногда их побеждали, чаще же оказывались побежденными, однако никогда не были покорены. На этот переход в 1600 верст он употребил пять месяцев, причем в своем тылу не оставлял никаких гарнизонов, никаких складов; он не сохранил никаких сообщений ни с Испанией, ни с Кар-

фагеном, связь с которыми он восстановил лишь через Адриатическое море после Тразименского сражения. Ни один человек еще не осуществил более широкого по своему размаху плана. Предприятие Александра было гораздо менее дерзким и легче осуществимым: оно имело большие шансы на успех. Несмотря на это, наступательная война Ганнибала была методичной. Цизальпийцы, населявшие Милан и Болонию, с точки зрения Ганнибала, стали карфагенянами⁷. Если бы он оставлял позади себя гарнизоны и склады, он ослабил бы свою армию и скомпрометировал бы успех своих операций, он стал бы уязвимым повсюду. В 217 году он перешел через Апеннины, разбил римскую армию на Тразименском поле сражения, обогнул Рим и вышел на южное побережье Адриатического моря, откуда он установил связь с Карфагеном.

В 216 году Ганнибала атаковало 80 тысяч римлян, которых он разбил при Каннах. Если бы он начал преследование, то через шесть дней он был бы в Риме, и Карфаген стал бы владыкой мира. Но и так победа дала огромные результаты: Кагуя открыла ему свои ворота, огромное количество южно-итальянских городов пошло за победителем и изменило интересам Рима. Принципы Ганнибала заключались в том, чтобы все его войска находились в сборе, чтобы гарнизон иметь только в одном пункте, предназначенном для размещения заложников, больших машин, знатных пленников и больных, в отношении же сообщений он всецело полагался на добрую волю своих союзников. В Италии он продержался шестнадцать лет, не получая никакой поддержки из Карфагена и очистил ее лишь по приказу своего правительства, чтобы поспешить на защиту родины. При Заме счастье изменило ему, и Карфаген перестал существовать. Если бы он был разбит на Требии, Тразименском озере или под Каннами, могло ли бы с ним случиться что-нибудь худшее, чем катастрофа, последовавшая за Замой? Он был побежден у ворот собственной столицы и все же не смог спасти свою армию от полного уничтожения.

Когда Цезарь в 58 году до Р. Х., то есть через сто сорок лет после Ганнибала, начал свой первый поход, ему был 41 год. В те времена 300 тысяч человек — племена, населявшие Гельветию, покинули свою страну, чтобы устроиться на берегах океана. Они насчитали 90 тысяч вооруженных и двинулись через Бургундию. Население Отена позвало Цезаря на помощь⁸. Цезарь выступил из Вьены, крепости римской провинции, поднялся вверх по Роне и в Шалоне переправился через Сону; он настиг армию гельветов, в одном переходе от Отена, и разбил ее в сражении, участь которого долго колебалась. После того, как он заставил гельветов возвратиться в свои горы, он вновь переправился через Сону, овладел Безансоном, перешел Юру и двинулся навстречу армии Ариовиста. Он встретил ее в нескольких переходах от Рейна, разбил ее и заставил вернуться в Германию. Сражение с армией Ариовиста происходило в 360 верстах от Вьены, а с гельветами — в 280. Во время этого похода Цезарь постоянно держал в сборе все шесть легионов, составлявшие его армию. Заботы об обеспечении сообщений он возлагал на своих союзников, но в своем лагере всегда имел продовольствия на месяц, и еще столько же в крепости; в ней он, по примеру Ганнибала, размещал заложников, магазины и госпитали; руководясь теми же принципами, он провел и семь других походов в Галлии.

Зимой 57 года белги мобилизовали армию в 300 тысяч человек, которую они вверили суассонскому королю Гальбе. Цезарь, предупрежденный своими

союзниками, населявшими окрестности Реймса, спешно выступил и расположился лагерем на реке Эн. Гальба, отчаявшись в успехе атаки лагеря Цезаря, переправился через Эн и двинулся на Реймс, но Цезарь расстроил этот маневр, и белги разошлись. Города их союза стали подчиняться один за другим. Племена Генегау напали на него врасплох на Самбре, в окрестностях Мобежа; Цезарь не имел времени построить свои войска в боевой порядок: из восьми легионов, которыми он в то время располагал, шесть было занято возведением лагерных укреплений, а два еще находились в тылу с обозами. В этот день судьба ему не благоприятствовала; трирский отряд конницы покинул его и повсюду разгласил об уничтожении римской империи; однако победа осталась на его стороне.

В 56 году Цезарь перекинулся, нигде не задерживаясь, к Нанту и Вану, выделив сильные отряды в Нормандию и Аквитанию. В то время ближайшим его складом являлась Тулуза, от которой его отделяли 520 верст пути, пересеченного горами, большими реками и лесами.

В 55 году он перенес войну в глубь Голландии, где 40 тысяч варваров переправились через Рейн, чтобы завладеть галльскими землями. Он их разбил, причем большая часть их была убита, и далеко отбросил остатки. В Кельне он переправился обратно через Рейн, пересек Галлию, в Булони погрузился на суда и высадился в Англию.

В 54 году он со своими пятью легионами опять пересек Ла-Манш и к равноденствию вернулся в Галлию. Осенью, узнавши, что подчиненный ему Сабиний с 15 когортами был около Трира вырезан и что Квинтий Цицерон осажден в лагере у Тонгра, он собрал 8-9 тысяч человек и выступил, разбил Амбрикса, который двинулся ему навстречу, и освободил Цицерона.

В 53 году он подавил восстание племен Санса, Шартра, Трира и Льежа и вторично переправился через Рейн.

Галлы уже волновались, и восстания вспыхивали повсюду. Зимой 52 года они все взялись за оружие, даже столь верные племена Отена приняли участие в войне. Галлам римское иго стало невыносимо. Цезарю советовали отойти в римскую провинцию или даже отступить за Альпы: он не пошел ни на одно из этих предложений. Он располагал тогда десятью легионами. Он переправился через Луару и в середине зимы осадил Бург, взял этот город на глазах армии Верцингеторикса и обложил Клермон: здесь потерпел неудачу, потерял заложников, магазины и конский запас, которые сосредоточивались в крепости Невер, служившей ему базой; Невер был захвачен племенами Отена. Его положение было самое критическое. Его помощник Лабениус имел схватки с племенами Парижа; он притянул его к себе и, сосредоточивши свою армию, осадил Алезию, где заперлась галльская армия. Он потратил пятьдесят дней на укрепление своих контрвалационных и циркумвалационных линий. Галлия выставила новую армию, еще сильнее той, которую она потеряла; только племена Реймса остались верными Риму. Галлы подошли, чтобы заставить снять осаду; в течение трех дней осажденные вместе с подошедшей выручкой прилагали все усилия, чтобы прорвать римские позиции. Цезарь восторжествовал над ними, Алезия пала, и галлы покорились.

В течение этой величественной борьбы вся армия Цезаря была собрана в его лагере, и у него не было каких-либо уязвимых пунктов. Он воспользовал-

ся этой победой, чтобы вновь привязать к себе племена Отена, среди которых он провел зиму; в то же время он последовательно предпринял несколько экспедиций в пункты, удаленные на четыреста верст один от другого; эти экспедиции велись попеременно разными частями его войск. Наконец, в 51 году он осадил Кагор, где погибли последние галлы. Галлия превратилась в римскую провинцию; их дань ежегодно обогащала Рим на 8 миллионов.

В походах гражданской войны Цезарь одержал верх, придерживаясь того же метода и тех же принципов; но при этом он подвергался гораздо большим опасностям. Имея всего один легион, он перешел через Рубикон, захватил в Корфиниуме тридцать когорт и через три месяца выгнал Помпея из Италии. Какая быстрота, какая стремительность, какая смелость! Пока готовились суда, необходимые для переезда через Адриатическое море и преследования соперника в Греции, он перешел Альпы и Пиренеи, пересек Каталонию во главе 900 человек конницы, которых едва хватало для его конвоя, подошел к Лериде и в сорок дней подчинил себе легионы Помпея, которыми командовал Афраний. Одним махом он прошел дистанцию, отделяющую Эбро от Сиерра-Морена, умиротворил Андалузию и вернулся для торжественного въезда в город Марсель, который только что сдался его войскам. Наконец, он прибывает в Рим, действует там, в течение десяти дней, как диктатор, и затем отправляется, чтобы стать во главе двенадцати легионов, которые Антоний сосредоточил в Бриндизи.

В 48 году Цезарь с 25 тысячами человек переправляется через Адриатическое море; в течение нескольких месяцев сковывает все силы Помпея, пока к нему не присоединяется Антоний, переплывший Адриатическое море, бравирова неприятельский флот, затем с соединенными силами направляется на Дирахуим, крепость-базу Помпея и обкладывает его. В это время Помпей располагался лагерем на берегу моря в нескольких милях от Дирахуима. Тогда Цезарь, которому было мало обложения Дирахуима, обложил и неприятельский лагерь. Пользуясь вершинами окружающих его холмов, Цезарь возводит на них двадцать четыре форты и, таким образом, образует контрвалационную позицию, длиной в 24 версты. Помпей, опиравшийся на море, получал продовольствие и подкрепления посредством своего флота, господствовавшего в Адриатическом море; он использовал свое внутреннее положение, атаковал и разбил Цезаря, который потерял тридцать знамен и несколько тысяч солдат, цвет своих ветеранов. Казалось, что счастье Цезаря пошатнулось: он больше не мог надеяться получить подкрепления, море для него являлось недоступным, — все преимущества были на стороне Помпея. Он делает переход в двести верст, переносит войну в Фессалию и разбивает армию Помпея под Фарсалом. Почти всеми покинутый Помпей, несмотря на свое господство на море, бежит и с мольбой о помощи является на берега Египта, где и находит смерть от руки подлого убийцы.

Несколько дней спустя, по следам Помпея, туда же является Цезарь, вступает в Александрию, и там во дворце и прилегающем амфитеатре оказывается окруженным населением этого огромного города и армией Ахилла. Но после девяти месяцев постоянных опасностей и непрерывных боев, проигрыш хотя бы одного из которых привел бы его к гибели, он победил египтян.

В это время Сципион, Лабениус и царь Юба с четырнадцатью легионами, остатки партии Помпея — господствовали в Африке. Они имели многочис-

ленные эскадры, которые владели морем. Катон будил из Утики ненависть во всех сердцах. Цезарь грузится с небольшим количеством войск, прибывает в Адрумет, в нескольких столкновениях терпит неудачи, но затем к нему присоединилась вся его армия, и он разбивает при Тапсе Сципиона, Лабениуса и царя Юба. Катон, Сципион и Юба покончили самоубийством. Ни крепости, ни многочисленные эскадры, ни присяга и гражданский долг населения не смогли спасти побежденных от нашествия и энергии победителя.

В 45 году сыновья Помпея, собрав в Испании остатки войск, дравшихся под Фарсалом и Тапсом, оказались во главе армии более многочисленной, чем армия их отца. Цезарь выступил из Рима, через двадцать три дня достиг Гвадалквивира и при Мунде разбил Секста Помпея. Говорят, что здесь, когда он чуть не был разбит, и его старые легионы, казалось, поколебались, он думал покончить с жизнью; Лабениус остался на поле битвы; голова Секста Помпея была принесена к ногам победителя.

Шесть месяцев спустя, 15 марта Цезарь был убит в римском сенате. Если бы он был побежден под Фарсалом, Тапсом или при Мунде, ему также предстояла судьба великого Помпея, Метелла, Сципиона или Секста Помпея. Помпей, которого так любили римляне и которого прозвали Великим, когда ему было всего двадцать четыре года, Помпей победоносно закончивший восемнадцать походов, восторжествовавший над тремя частями света и так высоко вознесший славу римского имени, закончил свою карьеру после поражения при Фарсале; а между тем он еще господствовал над морем, а его соперник не имел флота.

Принципы Цезаря были те же, что Александра и Ганнибала: держать свои силы сосредоточенными, не быть уязвимым ни в каком пункте, быстро устремляться к важным пунктам, опираться на моральные средства, на обаяние успехов своего оружия, на внушаемый им страх, а также на политические средства, чтобы обеспечивать верность своих союзников и держать в послушании покоренные народы.

Густав-Адольф переправился через Балтийское море, овладел островом Рюген, Померанией и затем двинул свои войска на Вислу, Рейн и Дунай. Он дал два сражения, он одержал победу, как под Лейпцигом⁹, так и под Люценом, но в этом сражении он нашел смерть. Эта короткая военная карьера, вследствие смелости и быстроты исполненных маневров, дисциплинированности и неустрашимости войск, оставила о себе великие воспоминания. Густав-Адольф был воодушевлен принципами Александра, Ганнибала и Цезаря.

Тюрен провел пять кампаний до Вестфальского мира, восемь между Вестфальским и Пиренейским миром и пять от Пиренейского мира до своей смерти, последовавшей в 1675 году. Его маневры и марши в течение походов 1646, 1648, 1672 и 1673 годов построены на принципах Александра, Ганнибала, Цезаря и Густава-Адольфа.

В 1646 году Тюрен выступает из Майнца, спускается вдоль левого берега Рейна до Везеля, где переправляется на правый берег, подымается вдоль правого берега до реки Лан, присоединяется к шведской армии, переправляется через Дунай и Лех и таким образом совершает марш в 800 верст по неприятельской стране. Достигнув Леха, он имеет сосредоточенными все свои войска и наподобие Цезаря и Ганнибала, оставляет охрану сообщений на

попечении своих союзников, или же временно отказывается от связи со своими резервами, от сохранения сообщений, оставляя в своем распоряжении лишь крепость-склад.

В 1648 году Тюрен в Оппенгейме переправляется через Рейн, в Ганау, соединяется с шведской армией, направляется на реке Рейдниц, отходит затем к Дунаю, через который переправляется у Диллингена, при Зюсмарсгаузене, бьет Монтекукколи, у Райна переправляется через Лех и у Фрейзинга — через Ин. Баварский двор в панике покидает Мюнхен. Тогда он переносит свою ставку в Мюльдорф, на который накладывает контрибуцию и опустошает все владения курфюрста, чтобы наказать его за вероломство.

В 1672 году Тюрен, под общим начальством Людовика XIV, руководил завоеванием Голландии. Он спустился вдоль левого берега Рейна до того пункта, где он разветвляется на несколько рукавов, переправился через него и завладел шестнадцатью крепостями: его авангард достиг Наардена. Неизвестно, какой рок судьбы остановил его, что он не занял Амстердам. Голландцы, придя в себя от внезапности поразившего их удара, открыли шлюзы; страна была затоплена; французская армия, ослабленная выделением гарнизонов в захваченные крепости, больше ничего не сделала. Король возвратился в Версаль, предоставив командование маршалу Люксембургу. Тюрен с выделенным отрядом переправился через Рейн и двинулся на помощь Мюнстерскому и Кельнскому архиепископам, союзникам короля. Вдоль правого берега он поднялся до реки Майн и сковывал там 40-тысячную армию Великого Курфюрста до того момента, пока к последнему не присоединилась армия герцога Лотарингского, после чего Тюрену пришлось укрыться за Рейн, что дало возможность противнику двинуться на Страсбург, куда принц Кондэ подоспел как раз во время, чтобы разрушить мост, благодаря чему план Великого Курфюрста еще раз потерпел неудачу; последний направился к Майнцу, где навел мост на Рейне на удалении пушечного выстрела от крепости и наводнил левый берег мелкими отрядами. Зимой Тюрен переправился через мост в Везеле на правый берег, разбил Великого Курфюрста, оттеснил его до Эльбы и 10 апреля заставил его подписать сепаратный мир с Францией. Столь смелые и столь длинные марши вызвали удивление во Франции; но они подвергались критике посредственных людей, пока не нашли себе оправдания в успехе.

В 1674 году Монтекукколи захватил инициативу и переправился на левый берег Рейна с целью перенести туда военные действия. Тюрен не подпал под влияние этой инициативы, сам переправился через Рейн и принудил Монтекукколи переправиться назад на правый берег.

Тюрен расположился лагерем в Вильштете, чтобы прикрыть Страсбург, находившийся в восьми верстах позади него, и Оттенгеймский мост, расположенный в шестнадцати верстах вправо. Монтекукколи бивуакировал за рекой Кинтциг в шести верстах от французской армии, опираясь на крепость Оффенбург, где стоял его гарнизон. Положение Тюрена было трудное, для него было бы предпочтительнее дать сражение, чем рисковать потерять Оттенгеймский мост и пути отступления, или мост у Страсбурга.

Если бы Монтекукколи одним шестичасовым ночным переходом перекинул-ся к Оттенгейму, направив свою операционную линию¹⁰ на Фрейбург, ему бы удалось форсировать Оттенгеймский мост раньше, чем французская армия успе-

ла бы подойти для его защиты. Однако, Монтекукколи ничего не предпринял, действовал ощупью и удовлетворился тем, что растянулся влево. Он считал, что нескольких демонстраций будет достаточно, чтобы заставить противника оставить Вильштетский лагерь и обнажить Страсбург. Тюрен на это не пошел и лишь ухудшил свое положение, растянувшись вправо. Однако он, наконец, понял, насколько его положение рискованно: он снял мост у Отгенгейма и навел его в Альтенгейме и, таким образом, на восемь верст приблизил его к Страсбургу и к своему лагерю в Вильштете. Но мост все еще находился слишком далеко от Страсбурга; его надо было навести в четырех верстах от города.

Монтекукколи изменил свой план: он решил переправиться через Рейн ниже Страсбурга. С этой целью он заказал жителям Страсбурга, которые все ему продались, мост в полном составе и двинулся вперед, чтобы его принять. Тюрен занял острова, построил эстакаду и возвел укрепления на реке Ренче. Монтекукколи, увидев себя отрезанным от Оффенбурга и от корпуса Капрары, должен был отказаться от своего плана.

В эту кампанию Тюрен допустил крупную ошибку, которая привела бы к гибели его армию, если бы он имел дело с принцем Кондэ: ошибка эта состояла в том, что он навел мост в шестнадцати верстах от Страсбурга, вместо того, чтобы установить его на малой дистанции от города. Однако, он показал свое несравненное превосходство над Монтекукколи: 1) заставив его подчиниться своей инициативе и отказаться от собственной; 2) воспрепятствовав ему вступить в Страсбург; 3) перехватив заготовленный в Страсбурге мост; 4) отрезав на Ренче армию Монтекукколи от корпуса Капрары, что неукоснительно заставило противника перевалить назад через Шварцвальд, что увенчало успех Тюрена в этой кампании.

В кампании 1697 года принц Евгений Савойский победил турок, и сражение на Зенте привело к миру. В 1701 году он, во главе 30 тысяч человек, через Триент вступил в Италию, у Капри переправился через Эч, проник в Брешию и отбросил Катина за реку Оглио. У Чиари он разбил Виллерау. В 1702 году он захватил нечаянным нападением Кремону, а при Люццаре проиграл Виллерау сражение. В 1704 году он действовал во Фландрии и выиграл сражение при Хохштедте¹¹.

В 1705 году он провел Итальянскую кампанию против Вандома; он потерпел неудачу при Кассано. В 1706 году он выступил из Триента вдоль левого берега Эча, переправился через него на глазах французской армии, двинулся вверх по левому берегу По и, подставив фланг противнику, переправился через Танаро, имея против себя герцога Орлеанского. Около Турина он соединился с герцогом Савойским, обошел все укрепления французов и атаковал и прорвал их правое крыло между Стурой и Дорой. Этот марш представлял верх дерзости.

В 1707 году он проникнул в Прованс и осадил Тулон. В 1708 году он действовал на Рейне, дал сражение при Уденарде и в течение четырех месяцев осаждал Лиль. В 1709 году он выиграл сражение при Мольплакэ. В 1712 году он взял ле-Кенуа и осадил Ландреси. Маршал Виллар спас Францию при Денене. Мир 1714 года положил конец этой войне. Во время войны 1716 года с турками принц Евгений победил при Петервардейне; он осадил и взял Белград и заставил Блистательную Порту заключить мир. В 1733 году он провел по-

следнюю кампанию; его преклонный возраст, однако, обусловил его нерешительность; он не захотел в восемнадцатом сражении рискнуть своей славой: на своих глазах он допустил маршала Бервика взять Филиппсбург.

Фридрих Великий во время своих вторжений в Богемию и Моравию, походов на Одере и на берегах Эльбы и Заалы часто осуществлял на деле принципы великих полководцев; больше всего он уповал на дисциплину, храбрость и тактику своей армии.

Наполеон¹² провел четырнадцать походов: два в Италии, пять в Германии, два в Африке и Азии, два в Польше и России, один в Испании и два во Франции.

Во время первой итальянской кампании 1796 года он выступил из Савоны, перевалил через горы в наиболее доступном месте, где кончаются Альпы и начинаются Апеннины, отрезал австрийскую армию от сардинской, овладел крепостью Хераско, расположенной при слиянии Танаро и Стурь, в 80 верстах от Савоны и устроил там свои магазины. Он принудил короля Сардинии передать ему крепость Тортону, расположенную в 30 верстах к западу от Хераско в направлении на Милан, устроился в ней, переправился через По у Пьяченцы, захватил крепость Пиццигеттоне, расположенную на Адде, в 100 верстах от Тортоны. Затем он двинулся на Минчио, где овладел Пескьерой, расположенной в 120 верстах от Пиццигеттоне и далее на линию Эча, где занял на левом берегу ограду и форты Вероны, которые обеспечивали ему три каменных моста этого города и Порты — Леньяго, дававшего ему еще новый мост через реку. В этом положении он оставался до взятия Мантуи, которую он обложил и осадил. Между его лагерем под Вероной и Шамбери, его исходной базой на французской территории, он имел четыре расположенные одна за другой крепости, в которых помещались госпитали и магазины и для которых требовался гарнизон всего в 4 тысячи человек; для этого хороши были и выздоравливающие, и рекруты: таким образом, на этой линии в 400 верст он имел крепость-склад через каждые четыре перехода. Когда он, после взятия Мантуи, двинулся в Церковную область, его базой на По явилась Феррара и далее в семи или восьми переходах его второй базой у подножья Апеннин являлась Анкона. В течение кампании 1797 года Наполеон переправился через Пиаве и Тальяменто, укрепив при этом Пальманову и Осоппо, расположенные в восьми переходах от Мантуи. Он перевалил через Юлийские Альпы, восстановил старые укрепления Клагенфурта, расположенного в пяти переходах от Осоппо и занял позицию на реке Земринге. Он находился в 320 верстах от Мантуи, но на этой операционной линии у него было три эшелонированные крепости, то есть опорный пункт через каждые пять или шесть переходов.

В 1798 году Наполеон ознаменовал начало операций на Востоке взятием Александрии, укрепил этот большой город и сделал его центральным пунктом своих складов и всей создаваемой организации. Двигаясь на Каир, он приказал возвести форт в Эль-Рамани, на Ниле, в 80 верстах от Александрии и вооружил цитадель и несколько фортов в Каире. Затем он возводит форт в Сальгее, в 120 верстах от Каира, где дорога на Газу вступает в пустыню. Армия, бивакировавшая у этого селения, находилась в пятнадцати переходах от Александрии и имела на этой операционной линии три укрепленных опорных пункта.

Во время кампании 1799 года Наполеон прошел 320 верст по пустыне, осадил Сен-Жан-д-Акр и выдвинул свой обсервационный корпус на Иордан,

в тысяче верст от его главной базы, Александрии. Он возвел один форт в Катие, в пустыне, в 80 верстах от Салье, другой в Эль-Ариш, в 120 верстах от Катие, и третий в Газе, в 80 верстах от Эль-Ариш. На этой операционной линии в тысячу верст он имел восемь опорных пунктов, достаточно укрепленных, чтобы устоять против неприятеля, которого приходилось иметь в виду. И действительно, в этих четырех кампаниях не было перехвачено ни одного обоза и ни одного курьера. В 1796 году несколько одиночных людей было убито в окрестностях Тортоны; в Египте несколько джерм¹³ было захвачено на Ниле, между Розеттой и Каиром. Но такие случаи имели место лишь в самом начале операций. Полки на верблюдах, которые он сформировал, настолько освоились с пустыней, что поддерживали постоянную неприкосновенность сообщений между Каиром и Сен-Жан-д-Акром, а также в верхнем и нижнем Египте. Имея армию всего в 25 тысяч человек, он занимал тогда Египет, Палестину и Галлилею, что приблизительно представляло треугольник площадью в 480 тысяч квадратных верст. От его ставки под Сен-Жан-д-Акром до его штаба Дезэ в верхнем Египте было расстояние в 1200 верст.

Кампания 1800 года была построена на тех же принципах. Когда армия, действовавшая на германском театре, вышла на Ин, она овладела Ульмом и Ингольшадтом, что давало ей две крупных крепости для складов. В Парсдорфском перемирии упустили потребовать передачи этих пунктов. Наполеон считал эти пункты настолько важными для обеспечения успехов операций в Германии, что передача их явилась условием *sine qua non* (непременным. — *Примеч. пер.*) для нового продолжения перемирия.

В Нюрнберге галлобатавская армия обеспечивала левое крыло на Дунае, а Граубинденская армия правое крыло в долине реки Ин. Когда резервная армия спустилась с Сен-Бернара, Наполеон устроил первую базу в Иврее. Даже после Маренго он считал, что Италия будет вновь завоевана лишь после того, как все крепости по сию сторону Минчио будут заняты его войсками; он разрешил Меласу двинуться к Мантуе только под условием, что они все будут ему сданы.

В 1805 году, захватив Ульм с австрийской армией силой в 80 тысяч человек, Наполеон двинулся на Лех, восстановил старые валы Аугсбурга, вооружил их и превратил этот город, доставлявший ему столько средств, в свою базу. Он восстановил бы и Ульм, но его укрепления были скрыты, и местность представляла большие неудобства. Из Аугсбурга он перешел в Браунау и обеспечил себе занятием этой важной крепости мост через Ин. Это была вторая база, которая позволила ему дойти до Вены; сама эта столица была обеспечена им от нечаянного нападения. После этого он двинулся в Моравию и захватил цитадель Брюна, которая немедленно была вооружена и снабжена; расположенный в 160 верстах от Вены, Брюн стал его опорным пунктом для операций в Моравии. В одном переходе от этого пункта он дал Аустерлицкое сражение. С этого поля сражения он мог отступить на Вену, чтобы переправиться там, через Дунай, или же отойти левым берегом до Линца и переправиться через реку по мосту в пределах этого города, прикрытого сильными укреплениями на окрестных холмах.

В 1806 году Наполеон расположил свою ставку в Бамберге и сосредоточил армию на реке Рейдниц. Прусский король, направляясь на Майн, думал перерезать его операционную линию на Майнц и остановить тем его марш. С этой

целью он направил туда корпуса Блюхера и герцога Веймарского, но линия сообщений французской армии уже не направлялась на Майнц; она шла от форта Кронах, расположенного у выхода из Саксонских гор, на крепость Форхгейм, расположенную на Рейднице и оттуда на Страсбург. Вследствие этого Наполеону нечего было опасаться наступательного движения пруссаков и он выступил тремя колоннами: левая, в составе V и VII армейских корпусов, которыми командовали герцог Монтебелло и герцог Кастильоне, двинулась через Кобург; центральная, в составе I и III корпусов, которыми командовали маршал Бернадотт и принц Экмюльский, гвардии и резервной кавалерии, двигалась на Кронах и Шеслин; с этой колонной следовал Наполеон; правая, в составе IV и VI корпусов, которыми командовали герцог Далматский и князь Московский¹⁴, через район Байрейта в направлении на Гоф. Прусская армия, находившаяся уже в движении к Майну, чтобы поддержать свой авангард между Веймаром и Нейштадтом, остановилась. Она оказалась отрезанной от Эльбы и Берлина и потеряла все свои магазины; вся опасность положения была опознана ею лишь, когда оно стало безнадежным; и, несмотря на то, что она находилась так близко от Магдебурга, в центре своего государства и в двух переходах от Эльбы, она все-таки была разбита, отрезана и не могла спастись отступлением. Из этой старой фридриховской армии не ускользнул ни один человек, за исключением короля и нескольких эскадронов, которые с трудом достигли правого берега Одера: 100 тысяч человек и сотни пушек и знамен были трофеями этого дня.

В 1807 году, владея Кюстрином, Глогау и Штеттином, Наполеон в Варшаве переправился через Вислу и укрепил Прагу, которая служила ему сразу и предместным укреплением и базой. Он основал Модлин¹⁵ и привел Торн в оборонительное состояние. Армия заняла позицию на реке Пассарге, чтобы прикрывать осаду Данцига, который впоследствии стал ее базой и опорным пунктом для операций, предшествовавших сражению при Фридланде, разрешившему войну. Если бы военные действия продолжались, то расстояние от армии до ближайшего опорного пункта сократилось бы, так как крепость Пиллау была бы взята раньше, чем армия переправилась бы через Неман.

В 1808 году, когда французская армия двигалась на Бургос, французы занимали большинство крепостей северной Испании — Сан-Себастьяно, Помпелуно, Фигьер, Барселону.

В 1809 году первые пушечные выстрелы раздались около Регенсбурга: Аугсбург явился для Наполеона операционным центром. Так как австрийцы срыли укрепления Браунау, Наполеон избрал опорным пунктом крепость Пассау, расположенную при слиянии Ина и Дуная и дававшую большие выгоды, так как она одновременно обеспечивала мосты через обе реки. Он укрепил его и первоклассными фортификационными сооружениями обеспечил мост в Линце. Армия Наполеона, прибывшая в Вену, независимо от сообщений через Баварию, имела еще обеспеченное сообщение с Италией через замок Грац и крепость Клагенфурт.

В 1812 году Данциг, Торн, Модлин и Прага являлись крепостями Наполеона на Висле; Велау, Ковна, Гродна, Вильна и Минск — его складочными пунктами в районе Немана; Смоленск — его главной базой для движения на Москву. Во время этой операции, на каждых восьми переходах у него имелся укрепленный опорный пункт. В домах, где располагались почтовые станции,

были устроены бойницы и кругом возведены окопы: каждая из них охранялась ротой солдат и одним орудием, что настолько обеспечивало службу связи, что за всю кампанию не было захвачено ни одной эстафеты и ни одного транспорта. Даже во время отступления, за исключением четырех дней, в течение которых адмирал Чичагов был отброшен за Березину, сообщения армии с ее базисными пунктами были всегда свободны.

В 1813 году Кенигштейн, Дрезден, Торгау, Виттенберг, Магдебург и Гамбург были опорными пунктами Наполеона на Эльбе. Мерзбург, Эрфурт и Вюрцбург эшелонировались на пути к Рейну.

В кампанию 1814 года Наполеон повсюду имел в своем распоряжении крепости, и всем стало бы ясно значение фландрских крепостей, если бы изменчески не был сдан Париж: и даже после его падения, если бы переход на сторону противника VI корпуса не помешал движению Наполеона на Париж. Союзники были бы вынуждены оставить столицу, так как их генералы, несомненно, никогда бы не рискнули вступить в сражение на левом берегу Сены, имея у себя в тылу этот огромный город, который они оккупировали только в течение трех дней. Измена нескольких министров и представителей гражданской власти благоприятствовала вступлению противника в Париж: но временное занятие столицы не стало трагическим для союзников только вследствие измены маршала.

Планы всех четырнадцати кампаний Наполеона отвечают истинным принципам войны. Его войны дерзки, но методичны; этого ничто лучше не доказывает, как оборона реки Эча в 1796 году¹⁶, в течение которой австрийская династия потеряла несколько армий, и оборона реки Пассарги в 1807 году, имевшая целью прикрытие осады Данцига.

Может быть, кому-нибудь нужен пример наступательной войны, которая бы была построена на ложных принципах? Таковым был поход 1796 года в Германию. В то время как Самбро-Маасская французская армия, в составе 50 тысяч человек, овладела цитаделью Вюрцбурга и расположилась на Рейднице, левое крыло и центр Рейнско-Мозельской армии еще переправлялись через Неккар и с 50 тысяч человек направлялись на Нересгейм, а ее правое крыло, в составе 20 тысяч человек под начальством Ферино, двигалось вдоль подножия Тирольских гор на Форарльберг; каждая из этих трех войсковых групп, отделенная друг от друга горами и большими реками, имела собственную коммуникационную линию с Францией; таким образом, поражение одной из них влекло за собой грозную опасность для двух остальных. Фланги являются слабыми пунктами вторгающейся армии, ввиду чего надо всегда стремиться опереть если не оба фланга, то, по крайней мере, один из них на нейтральное государство или на большую естественную преграду. Вопреки этому первому принципу войны, французская армия, разделившись на три отдельных группы, создала себе шесть флангов, в то время, как при правильном маневре было бы нетрудно крепко опереть оба ее крыла. Средняя колонна дралась под Нересгеймом, имея левое крыло на воздухе, а правое даже не опиралось на Дунай, так как не удалось захватить покинутую противником крепость Ульм, занятие которой только и могло упорядочить эту кампанию. Таким образом, эта группа висела в пространстве, в 320 верстах от Рейна, не имея ни одного опорного пункта в виде промежуточной базы. Эрц-герцог убрал большую часть сил, выставленных

им против Самбро-Маасской армии и правой группы, которой командовал Феррино, и направился на Нересгейм. Потерпев здесь неудачу, вследствие энергии и мужества французов, он вновь переправился через Дунай и Лех, оставив 25 тысяч человек перед левым крылом и центром Рейнско-Мозельской армии, которая только что победила его под Нересгеймом, и отправился колотить и гнать за Рейн Самбро-Маасскую армию.

В этом походе командующий Рейнской армией¹⁷ допустил еще одну крупную ошибку: он оставил в своем тылу необложенными две крупные крепости, Филипсбург и Мангейм, для наблюдения за которыми был оставлен отряд всего в 4 тысячи человек. Их надлежало тесно обложить, чтобы лишить их всяких сообщений с эрц-герцогом, каких-либо сведений о ходе войны и всяких сношений с окрестностями; такая блокада явилась бы подходом к овладению этими крепостями. За эту оплошность он понес жестокую кару; как только гарнизоны этих крепостей узнали об успехах эрц-герцога, они немедленно прогнали наблюдавшие за ними части за Рейн, призвали к оружию крестьян и перехватили сообщения; они даже чуть было не захватили внезапным нападением Кель и Страсбургский мост. Никогда принципы войны и осторожности так не нарушались, как в эту кампанию. Составленный в Париже план имел изъяны, но выполнение отличалось еще большими дефектами. Что же следовало делать? 1) Все три группы войск должны были объединяться под командованием одного лица. 2) Следовало двигаться в сборе, имея всего два крыла, из которых одно должно было постоянно опираться на Дунай. 3) Предварительно надлежало овладеть четырьмя неприятельскими крепостями на Рейне или, по меньшей мере, перед двумя из них начать осадные работы; обеспечить за собой Ульм, чтобы иметь главную базу на Дунае, у выхода из Шварцвальда.

Наступательной кампанией, в которой также были нарушены важнейшие правила военного искусства, была португальская. Англо-португальская армия состояла из 80 тысяч человек, из которых 15 тысяч представляла милиция, наблюдающая за Коимброй, опираясь на Оporto. Французская армия в составе 72 тысяч человек, взявши Сиудад — Родриго и Альмеиду, вступила в Португалию; она атаковала противника, занимавшего позицию на высотах Бусако. Оба противника имели равные силы, но позиции у Бусако были очень сильны: французская армия потерпела неудачу, и на следующий день обошла неприятельские позиции в направлении на Коимбру. Тогда противник отошел на Лиссабон, по дороге сжигая и опустошая страну.

Французский генерал по пятам следовал за противником, причем не оставил каких-либо сил для наблюдения дивизии из 15 тысяч португальских милиционеров, которая находилась в Оporto; он бросил весь тыл и Коимбру, которая являлась его базой, и где он оставил 5 тысяч раненых и больных. Он еще не дошел до Лиссабона, как португальская дивизия овладела Коимброй и отрезала ему отступление. Он должен был бы оставить отряд в 6 тысяч человек для защиты и укрепления Коимбры и чтобы сковать португальскую дивизию в Оporto.

Правда, что в таком случае он подошел бы к Лиссабону всего с 60 тысячами человек, но этого было бы достаточно, предполагая, что командующий английской армией намеревался погрузиться на суда; если же, наоборот, он имел намерение оставаться в Португалии, чего и надо было ожидать по всем данным, то французы не должны были продвигаться дальше Коимбры; они долж-

ны были занять хорошую позицию перед городом, или даже в нескольких переходах от него, укрепиться, отдельным отрядом занять Опорто, организовать тыл, установить сообщение с Альмеидой и ждать взятия Бадахоса и выхода Андалузской армии на Тахо.

Достигнув до подножия лиссабонских укреплений, французский генерал оказался недостаточно решительным, а между тем он заранее знал о существовании линии этих укреплений, так как противник работал над ней уже в течение трех месяцев. Общее мнение гласит, что если бы он атаковал их в день своего прибытия, то он захватил бы их; но через два дня это уже было невозможно. Англо-португальская армия была усилена большим количеством батальонов милиции; таким образом, французский генерал потерял 5 тысяч раненых и больных и тыловые сообщения, не приобретя при этом никаких выгод. Дойдя до Лиссабона, он выяснил, что у него не имеется надлежащего количества боевых припасов для артиллерии; он не продумал свою операцию.

Наступательная кампания Карла XII в 1708-м и 1709 годах также велась против всех принципов войны. В сентябре 1707 года этот монарх, во главе 45 тысяч человек, выступил из своего лагеря Альт-Ранштедт, под Лейпцигом, и прошел Польшу; 20 тысяч человек, под командой графа Левенгаупта, высадились в Риге; 15 тысяч человек находилось в Финляндии. Следовательно, он мог сосредоточить 80 тысяч человек лучших войск в мире. Оставив 10 тысяч человек в Варшаве для охраны короля Станислава, он прибыл в январе 1708 года в Гродну, где и зимовал. В июне он прошел Минские леса, подошел к Борису, преодолел сопротивление русской армии, занимавшей левый берег Березины, разбил 20 тысяч русских, укрепившихся за болотами, в Могилеве переправился через Днепр и 22 сентября, недалеко от Смоленска, разбил отряд русских в 16 тысяч человек. Он находился на границе Литвы; ему предстояло вступить на исконную русскую территорию: испуганный царь предложил ему заключить мир. До этого момента марш Карла XII отвечал всем правилам, и его сообщения были обеспечены. Он господствовал в Польше и Риге и находился лишь в десяти переходах от Москвы, которой он, вероятно, и достиг бы, если бы в это время он не оставил большую Московскую дорогу и не направился на Украину, чтобы присоединиться к Мазепе, который в результате привел к нему всего 6 тысяч человек. Вследствие этого марша его операционная линия, шедшая из Швеции, подставляла свой фланг России на протяжении 1600 верст. Он не смог ее удержать и был лишен возможности получить какое-либо подкрепление. Генерал Левенгаупт с 16 тысячами человек и 8 тысячами повозок переправился в Могилеве через Днепр на двенадцать дней позже Карла XII; он едва успел сделать четыре перехода в направлении на Украину, как его атаковал русский царь во главе 40 тысяч человек. Левенгаупт храбро дрался 7, 8, 9 и 10 октября, но в результате потерял обоз и 11 тысяч человек, так что присоединился к своему монарху на Украине всего с 5 тысячами человек, которые сами нуждались в снабжении. В мае 1709 года у царя в Полтаве имелись крупные магазины, почему Карл XII и осадил этот город, но в июне царь подошел с армией в 60 тысяч человек, чтобы заставить снять осаду. Король имел всего 30 тысяч человек, в том числе и украинских казаков: он атаковал русскую армию и был разбит. Разгром его армии был полный; король, переправившись через Днепр приблизительно с тысячью человек, с трудом добрался до Турции.

Если Карл XII хотел идти на Москву, то он соответственно действовал до прибытия в окрестности Смоленска; и его операционная линия на Швецию, через Ригу до Днепра у Могилева, прикрывалась Двиной; но если он намеревался зимовать на Украине, чтобы там поднять казаков, то он не должен был бы в Гродне переправляться через Неман и проходить Литву. Ему следовало выступить из Кракова, достигнуть нижнего течения Днепра и направить свои сообщения с Швецией по Краковской дороге и далее под прикрытием Одера и Вислы; надеяться, что удастся сохранить сообщения с своими землями по линии, шедшей на протяжении 1600 верст вдоль русской границы и подставлявшей ей фланг, было невозможно; между тем сохранить путь на Краков, прикрытый Литвой, Неманом и Вислой, было легко. С другой стороны, если генерал Левенгаупт, который командовал столь значительным отрядом и сопровождал столь важный транспорт, следовал за ним на удалении двенадцати переходов, то, следовательно, он не организовал войну так, как Ганнибал, чтобы обходиться вовсе без сообщений со Швецией; следовательно, в его расчет входило прибытие генерала Левенгаупта.

К этой первой ошибке, которая должна была привести к гибели Карла XII, он присовокупил еще вторую, атаковав русскую армию под Полтавой. Он находился лишь в 48 верстах от Днепра; следовательно, в два перехода он мог бы поставить эту реку между собой и царем и оказался бы на Волыни и в Подолии. Зачем было давать сражение? Даже если бы под Полтавой он оказался победителем, на что мог он еще претендовать, насчитывая в своей армии всего 18 000 шведов и находясь в сорока переходах от Москвы? Он больше не мог думать о нанесении решительного удара противнику; следовательно, все говорило в пользу того, чтобы воспользоваться благоприятным временем года и страхом, который он еще внушал русским, чтобы в мае уйти через Днепр и возвратиться в Польшу. Ему пришлось бы дать бой так, чтобы обеспечить себе отступление, а также иметь суда и форт на Днепре, в 48 верстах от Полтавы; но он не являлся организатором войны и не понимал ее, он был только храбрым и неустрашимым солдатом. Как только он покинул большую Московскую дорогу, он немедленно утратил свою коммуникационную линию и больше не получал известий из Швеции; о катастрофе, постигшей генерала Левенгаупта, он узнал только от него самого. Утверждают, что многие офицеры его штаба видели ошибочность его маневра и, не надеясь заставить его отказаться от плана движения на Украину, упорно настаивали на том, чтобы он дождался в Смоленске прибытия генерала Левенгаупта и его драгоценного транспорта.

После этого краткого очерка походов величайших полководцев, мы считали излишним приводить какие-либо замечания относительно так называемых систем военного искусства. Во время Ганноверской войны¹⁸ было построено большое количество крепостей, которые должны были служить операционными базами для французских армий; армии были ослаблены выделением для них гарнизонов, что только облегчило и сделало более блестящими успехи принца Фердинанда Брауншвейгского. Когда генералы укрепляют столицы, в их распоряжении все источники и богатства, и все их влияние; там имеются погреба и общественные здания, которые могут быть использованы под военные склады. Эти города почти всегда были когда-то укреплены и в них сохранились остатки каменных стен, ровов с вододействием и так далее, что может

весьма пригодиться. Крепости же с земляными укреплениями не обеспечены от нечаянного нападения, если только в них нет столь же многочисленного гарнизона, как в укрепленном лагере. Какую колоссальную работу пришлось бы выполнить, чтобы возвести блокгаузы, которые бы защитили армейские склады от непогоды, от бомб и ядер.

Если резервная армия состоит из необученных новобранцев, то она окажется совершенно бесполезной и не явится опорой, около которой могли бы собраться и задержаться действующие армии, потерпевшие поражение, а также не сможет удержать в подчинении завоеванную территорию. Эта система создает уязвимые пункты для противника, который в своих пределах, по желанию, может менять свои операционные линии.

Победитель должен держать в повиновении покоренные провинции посредством моральных средств, ответственности общин и метода организации управления. Заложники являются одним из самых могущественных средств; но надо их брать в большом числе, выбирая их между влиятельными людьми, и население должно быть твердо убеждено, что в случае нарушения доверия, оказанного ему, немедленным следствием явится казнь заложников.

Единство командования является самым основным требованием войны. Двух армий никогда не должно быть на одном театре. Современные войска не больше нуждаются в хлебе и сухарях, чем римляне: во время марша выдавайте им муку, рис или овощи, и они страдать не будут. Совершенно ошибочно предполагать, что полководцы древности не уделяли большого внимания своим магазинам, из «комментариев Цезаря» видно, насколько сильно его занимала эта важная забота в течение нескольких его походов. Но эти полководцы постигли искусство не быть рабами, получить независимость от своих снабженцев; этим искусством отмечены все великие полководцы. Система, которой держались французы во время Ганноверских походов¹⁹, представляет искусство так подставлять большие армии, чтобы их били бы малые, и ничего не совершить, располагая огромными средствами.

Полководцы руководствуются своим опытом или своим гением. Тактику, перестроения, инженерные и артиллерийские науки можно изучить по учебникам приблизительно так же, как изучается геометрия; но знание высших областей войны приобретает только опытом и изучением истории войн и сражений великих полководцев. Разве грамматика может научить нас слагать песню из «Илиады» или сочинять трагедию Корнеля?

Примечания

¹ Baron Rogniat, lieutenant-general. Considerations sur l'art de la guerre. Paris. 1816.

² Подробное исследование Колена установило, что Наполеон, до своих первых походов, даже когда изучал военно-исторический труд, интересовался только заключающимися в нем политическими и статистическими данными. Только уже после первых побед он ревностно принялся за военную историю. На острове Св. Елены он стал настоящим историком, с явно выраженным доктринерским оттенком.

- 3 Эти мысли Наполеона целиком относятся и к изучению в современных условиях опыта гражданской войны и указывают задачи кафедры истории гражданской войны.
- 4 Обстановка нашего времени вообще придает известную остроту и злободневность мышлению Ронья, воспитанному на материалистах XVIII века.
- 5 Эти примечания к труду генерал-лейтенанта барона Ронья, изданному в 1816 году, первый раз были напечатаны в труде Монтолона «Мемуары Наполеона», изд. в 1830 году. Перевод здесь выполнен с официального издания полного собрания трудов Наполеона эпохи второй империи (1867). Мы приводим сначала текст Ронья, вызвавший Наполеона на ответ, а затем уже мысли Наполеона.
- 6 Теперь нет. Это — коммуникационная линия. *(Примеч. ред.)*.
- 7 То есть Ганнибал нашел себе в Ломбардии временную базу. *(Примеч. ред.)*.
- 8 Наполеон излагает здесь версию Юлия Цезаря, которую сам считает в других своих трудах непонятной. Современная историческая критика пришла к убеждению, что Цезарь выдумал басню о переселении гельветов, чтобы оправдать перед римским народом свое решение завоевать Галлию. Повода для начала войны не было, он был выдуман. *(Примеч. ред.)*.
- 9 Вернее, при Брейтенфельде, в 8 километрах от Лейпцига. *(Примеч. ред.)*
- 10 Теперь сказали бы: «изменив свою коммуникационную линию на Фрейбург». *(Примеч. ред.)*.
- 11 В Баварии. *(Примеч. ред.)*.
- 12 Наполеон I пишет о себе в третьем лице. *(Примеч. пер.)*.
- 13 Барок. *(Примеч. пер.)*.
- 14 Наполеон называет своих маршалов по их титулам: герцог Монтенбелло — это маршал Лан, герцог Кастильоне — Ожеро, принц Экмюльский — Даву, герцог Далматский — Сулыт, князь Московский — Ней. *(Примеч. пер.)*.
- 15 Новогеоргиевск. *(Примеч. пер.)*.
- 16 Знаменитая операция по прикрытию Бонапартом осады Мантуи, когда австрийцы были наголову разбиты в четырех попытках выручить крепость (Кастильоне, Арколе, Риволи). *(Примеч. ред.)*.
- 17 Моро, генерал, которого особенно не любил Наполеон, почему критика его действий, быть может, не вполне объективна. *(Примеч. ред.)*.
- 18 Семилетней войны. *(Примеч. ред.)*.
- 19 Семилетняя война. *(Примеч. пер.)*.

Николай Васильевич Медем

КРИТИЧЕСКОЕ ОТРИЦАНИЕ МЕДЕМА

Первый русский профессор стратегии и истории военного искусства¹ заслуживает вполне нашего внимания. Отзывы учеников его, Петра Кононовича Менькова и Дмитрия Алексеевича Милютина, звучат восторженно. Милютин² очерчивает его так:

«Барон Медем уже в то время был человек пожилой, с сильной глухотой и постоянным легким кашлем. При этих физических недостатках он не обладал особенным даром слова. И несмотря на все это, лекции его были чрезвычайно занимательны. Он говорил с одушевлением, с любовью к предмету. Рассказывая какую-либо из классических кампаний Наполеона, он умел заинтересовать слушателей, осмыслить каждый факт; наводил самих слушателей на обсуждение значения его и на выводы поучительного заключения. Еще более интересовали нас лекции по стратегии, хотя надобно сказать, что под этим именем барон Медем излагал не столько теорию, сколько историю и литературу стратегии. Исходным его пунктом было то, что никакая теория не может выучить искусству вести войну; что все попытки изложить такую теорию ограничивались только указанием значения или влияния на ход войны которого-либо из многих «элементов», обуславливающих успех на войне. С этой точки зрения разбирал он известные сочинения о стратегии, начиная с Ллойда и Бюлова, писавших еще в прошлом столетии, и постепенно переходя к сочинениям эрц-герцога Карла, генералов Ронья, барона Жомини, Наполеона I, Деккера, Вагнера и кончая недавно появившимся большим сочинением генерала Клаузевица (*Vom Kriege*), которое рассматривалось обстоятельнее всех других. Лекции барона Медема по стратегии, несмотря на кажущуюся сухость предмета, несмотря на недостатки голоса и кашель лектора, до того были занимательны, можно сказать, увлекательны, что мы, слушатели, приходили в восторг и с трудом удерживались от гласного выражения его».

В лице Медема мы видим одного из современников Клаузевица, представителя того поколения, которое стремилось осмыслить опыт революционных и наполеоновских войн и дало стратегической мысли огромный размах и углубление. Мы приводим здесь жесткую критику учения Жомини³, гремевшего тогда в Европе и пользовавшегося особым положением в качестве основателя русской академии и особенно уважаемой мировой знаменитости на жаловании при русском дворе. С безукоризненной логикой и громадным пониманием военной истории Медем выясняет, что принципы Жомини суть ни что иное, как правила, пригодные в одних случаях и даже вредные при других обстоятельствах. Тогда как для многих последующих писателей представлялось, что Жомини пошел слишком далеко в признании за политикой права голоса при выработке плана войны, Медем резко указывает на половинчатость мысли Жомини, признающего значение политики при принятии основного стратегического решения и отказывающегося согласиться с ее влиянием на дальнейшее развитие стратегической мысли при принятии частных стратегических решений.

Мы оценим гражданское мужество и смелость мысли Медема, если сравним его лекции при суровом николаевском режиме, с тем, что раздавалось 20

лет спустя с академической кафедры стратегии, в период либерального начала царствования Александра II: «По моему мнению, вся политика войны состоит в том, чтобы, увидев неприятеля, наносить ему возможный вред. Что же касается до военно-политических отношений союзных держав и армий, условия, противные дисциплине и правилам военного искусства и военной службы, не должны их допускать». Или: «Убеждения войны состоят в уничтожении неприятеля, пока не заставят согласиться на требования политики». «Создавая особенные науки политику войны и военную политику⁴, как военную географию, можно затемнять еще более стратегические истины». «Вникая в сущность дела, кажется невозможным открыть политику в войне». «Эти два предмета совершенно противоположны друг другу. Какая может быть политика там, где бьются насмерть. Можно вообразить, как трудно создать науку, основываясь на том, что политика входит в высшие военные соображения. На таком непрочном фундаменте можно сказать, что она установиться не может и должна рушиться сама собой».

Мы привели эти махровые цветы профессорского красноречия, чтобы подтвердить наше мнение о том, что стратегический уровень мышления сильно упал во второй половине столетия. Люди, пережившие революцию и наполеоновскую эпоху, хорошо понимали, что там, где люди бьются насмерть, политика не только может, но и должна быть, так как если она отсутствует, то война теряет свой смысл, а бессмысленная драка возможна только с пьяных глаз.

Позитивисты — в нашем сборнике представлен их наиболее выдающийся писатель, Леваль — всячески стремились исключить влияние политики на стратегию, так как, допустив его, приходится признать условность всех стратегических положений. Политика может быть разная, и на этом фундаменте позитивист может допустить только постройку карточного домика, но не твердой научной системы. Этой причиной руководствовался и Жомини, соглашаясь, под натиском идей Клаузевица, на «Военную политику», учитываемую в течение войны лишь однажды, при составлении плана кампании.

Медем не принадлежит к числу трусливых мыслителей, умышленно одевающих на себя шоры, чтобы не видеть тех явлений, которые мешают им создавать округленную систему. Он предпочел отрицание; он ознакомился со всеми трудами по стратегии, существовавшими в его время, отдавал предпочтение Клаузевицу, но отрицал их все, как учения, претендующие на научную точность, выдвигая ряд противоречащих им фактов. Критика учения Клаузевица Медемом основана на противоречии, действительно имеющемся в его труде «О войне», где Клаузевиц признал стратегию сокрушения и стратегию ограниченных целей (ныне измора); но не переделал под этим углом зрения своего сочинения и включил в него, якобы, абсолютное правило, пригодное, однако, не для всех случаев, а только для стратегии сокрушения: «Все соображения полководца должны иметь главным предметом бой, который есть единственное средство к достижению цели войны».

Если мы сравним труд Медема с лучшей историей стратегии XX века Кеммерера⁵, то должны будем признать, что несмотря на все выгоды, которые дает последнему большая историческая перспектива, большее удаление от событий, многочисленные критические труды и так далее, все же Кеммерер

не превосходит Медема по точности характеристик и оценок, по уловлению сущности учения каждого из стратегических писателей.

Курс стратегии, который читал Медем, сводился к ознакомлению его аудитории с военными классиками, и в этом отношении он за 90 лет предвосхитил идею настоящего собрания классиков. Несмотря на то, что он давал слушателям только стратегическое развитие, демонстрируя перед ними, во всей их односторонности, различные стратегические системы, прилагая их к фактам военной истории, и, после внимательного изучения, отвергая их; несмотря на то, что он сам и не пытался создать свое положительное учение, мы выдвигаем Медема, как наиболее выдающегося представителя русской стратегической мысли⁶.

Редакция

I. О первых сочинениях генерала Жомини⁷

После Бюлова является в литературе стратегии генерал Жомини. Описывая и сличая деяния двух знаменитейших полководцев нового времени — Фридриха II и Наполеона, он предположил себе целью извлечь из сих деяний общие основные правила стратегии.

Генерал Жомини начал разбором войн Фридриха II. В них более всего поразило его: *первое*, что государь этот, будучи гораздо слабее неприятеля, всегда успевал на том месте, где предполагал дать сражение, сосредоточивать силы, достаточные для вступления в решительный бой; *второе*, что расположение сил его, в отношении к силам противников, особенно способствовало этому быстрому сосредоточиванию.

Принужденный сопротивляться нападению с разных сторон, Фридрих II находился как бы внутри круга, окружность которого занимали его противники, а потому он мог удобнее последних переводить войска с одного пункта на другой и быстро сосредоточивать их там, где встречалась надобность. Это обстоятельство подало генералу Жомини первую мысль *о выгоде внутренних линий*, и эта мысль показалась ему одним из главнейших основных правил всех действий Фридриха.

Потом, рассматривая первые действия Наполеона, генерал Жомини нашел, что отличительною чертою их было постоянное стремление предупреждать неприятеля в наступательном движении, всегдашнее совокупное действие главных сил и быстрое направление их на решительные пункты театра войны, с целью одним сражением ее окончить, или, по крайней мере, достигнуть весьма важных результатов.

Таким образом, составилось два рода правил, которые казались не совсем между собою согласными. Система внутренних линий требовала разделения войск на части, а походы Наполеона доказывали, очевидно, пользу действия совокупными силами. Генерал Жомини вознамерился слить оба эти рода правил, а от взаимного их совокупления произошел следующий вывод: «Стремиться всегда совокупностью сил на решительные пункты театра войны; а там, где тому препятствует свойство театра войны, или где неприятель, действуя сам двойною или тройною операционною линиею, принуждает и нас к подобному же разделению, там всегда предпочитать внутренние линии наружным, чтобы быть в состоянии сосредоточивать силы свои скорее неприятеля на том пункте, где в стратегическом отношении признано будет за выгоднейшее дать сражение».

Но чтобы эти правила сделать определеннее и яснее, надобно еще показать, какие именно пункты театра войны суть решительнейшие, или где именно в стратегическом отношении выгоднее дать сражение.

Это также выведено генералом Жомини из военных действий Фридриха и Наполеона следующим образом:

- 1) Определение выгоднейшего пункта для направления на него решительных действий зависит от расположения неприятельских сил⁸.
- 2) Против неприятеля, имеющего фронт действия слишком растянутый, или действующего не одною, а несколькими операционными линиями, должно направлять главные силы свои на средние или центральные пункты; ибо, по разбитии на них противника, войска обоих его флангов будут разделены и вынуждены к бедственным отступлениям в противоположные стороны.
- 3) Против неприятеля, имеющего свои силы совокупленными, выгоднее устремляться на один из флангов фронта его действия, а именно на тот, от которого скорее и удобнее можно достигать его сообщений с основанием действий⁹, или от которого скорее и удобнее можно прижать его к какой-либо непреодолимой преграде, как например: к морю, к большой реке без моста или к границам сильной нейтральной державы.

Таковы главные правила, извлеченные генералом Жомини из действий двух искуснейших полководцев новейшего времени. Способ извлечения этих правил есть наилучший и сообразнейший с целью, ибо сочинитель основывает свои выводы не на отдельных каких-либо фактах, им самим произвольно избранных, но на чистом и беспристрастном обзоре всех походов новейшего времени. Притом он не составляет ни одного правила умозрительно, но все без исключения извлекает практически из событий, или, лучше сказать, наведя читателя на правила, заставляет его самого неприметным образом извлекать их из хода военных действий.

Сочинения генерала Жомини весьма естественно должны были произвести важное влияние и даже переворот в образе мыслей военных людей. В сочинениях его отразился ясно отличительный характер войн новейших, то есть постоянное и решительное стремление к цели войны средствами также самыми решительными, а именно: *сражениями*. Таким образом, сражения не только стали опять на потерянную ими со времен древних степень первенствующей важности, но сделались уже главною, исключительною основою всей Стратегии. Эта основа должна была показаться всем несравненно лучшею, нежели основа сочинителей предшествовавших; ибо судьба почти всякой войны несравненно чаще решается сражениями, чем действиями на сообщения или другими стратегическими средствами, которые можно, в большей части случаев, назвать второстепенными и которые редко ведут к результатам решительным.

Столь важные достоинства сочинений генерала Жомини были причиною быстрого распространения их по всей Европе; и действительно, ни одно сочинение не было изучаемо повсюду с такою жадностью, ни одно не послужило столько к распространению полезных познаний о военных действиях, ни одно столько не способствовало искоренению многих вредных предрассудков, происшедших от прежнего образа войны и прежних сочинений. Если мы видим, что в последнем десятилетии революционных войн большая часть полководцев, действовавших против Наполеона, начала уже избегать излишнего рассеяния сил, что кордонная система вовсе исчезла, что обязанность охранения сообщений перестала уже считаться во всех случаях важнее обязанности сосредоточения сил для

боя и тому подобное, то это произошло, конечно, частью от самой опытности, но частью и от значительного влияния сочинений генерала Жомини.

Отдав, таким образом, знаменитым творениям его должную справедливость, нельзя не заметить также, что в них обращено внимание на один только материальный элемент, то есть на искусство устремлять многочисленную, по возможности, силу войск на те пункты, где предполагается решить боем жребий войны или неприятельской армии.

Чрез это не только стесняется чрезмерно объем стратегии, но возникает еще вопрос: могут ли правила, выведенные из одного только, хотя и важнейшего элемента стратегии, быть всеобщими и безусловными? Не придется ли иногда, по необходимости, принимать в особенное соображение и другие стратегические элементы, и не заставит ли это по временам уклоняться от вышеупомянутых общих правил? Сверх того, не может ли в войне случайно встретиться такое обстоятельство, где один какой-нибудь элемент (как например: средства снабжения войск запасами военными и съестными) приобретет важность первенствующую и тем предоставит более выгод действовать по правилам, основанным на этом элементе, нежели по правилам, основанным на силе материальной?

Для разрешения сего вопроса, разберем отдельно действия Фридриха и Наполеона и постараемся найти побудительные причины их, дабы увериться, *первое*, были ли помянутые действия исполнением коренных, заранее предначертанных, безусловных правил Стратегии, или необходимым следствием обстоятельств, посреди которых эти полководцы действовали? *Второе*, с переменою обстоятельств, не переменили бы эти полководцы и механизма своих действий?

В тех походах, где Фридрих II действовал внутренними линиями, такое расположение большей частью было следствием не произвола, но концентрического направления неприятельских сил. Конечно, были и такие случаи, в коих Фридрих без необходимости и по собственному произволу предпочел внутренние линии наружным; но к сему, вероятно, побудили его важные причины. Постараемся изыскать их.

Войска его имели над неприятельскими великое преимущество как образованием своим, так и способностью производить искуснейшие тактические маневры; притом же сам Фридрих был превосходный тактик. Все это заставило его не только искать сражений, но и считать их надежнейшим и вернейшим средством к получению решительных выгод над неприятелем.

Театр военных действий был не обширен; неприятель, наступавший из Саксонии, Лузации или от Вислы, мог в несколько переходов достигать центра прусских владений и тем наносить Фридриху решительные удары. Противодействовать в этом случае неприятелю дальними отступлениями, движениями на сообщения или другими подобными стратегическими средствами, требующими значительного местного пространства или продолжительного времени, чтобы причинить важный неприятелю вред, было для него отчасти невозможно, а отчасти и не обещало большой пользы. Следовательно, в подобных обстоятельствах, ему, по необходимости, надлежало употреблять средства самые решительные и быстро ведущие к цели, то есть опрокидывать или удерживать несколько армий, близких к центру государства. Средства эти не могли быть иные, как сражения.

И так мы видим, что для Фридриха сражения были не только надежнейшими, но большею частью и единственным средством для успешного противодействия неприятелю; а где существует такое условие, уже есть и побудительная причина предпочесть расположение, способствующее скорейшему сосредоточению материальной силы, то есть предпочесть внутренние линии наружным.

Но к этой причине можно присовокупить еще и другую, не менее важную, а именно: образ действий противников Фридриха. *Во-первых*, большая часть полководцев, действовавших против него, не умели уклоняться от сражения, или не постигали выгоды избегать боя в то время, когда Фридрих направлялся на них с сосредоточенными силами, или когда он в бое поставлял единственную свою надежду. *Во-вторых*, у них не было единства в действиях, потому что каждая их армия имела особенного, независимого от других главнокомандующего. *В-третьих*, затруднительный способ продовольствования войск и излишняя боязнь за свои сообщения делали движения их весьма медленными и осторожными, даже и тогда, когда армии имели против себя самые ничтожные силы. Фридрих, устремляясь с сосредоточенными силами на одну из неприятельских армий, почти мог быть уверен, что без потери времени вступит в решительное сражение и что после сражения успеет даже встретить и другую неприятельскую армию, прежде чем она приобретет значительные выгоды.

Весьма естественно, что при всех столь благоприятствующих внутренним линиям обстоятельствах, Фридриху было выгодно располагаться подобными линиями, и что он следственно действовал искусно, принимая иногда расположение это, независимо от концентрического направления неприятельских армий.

Теперь остается только рассмотреть, не действовал ли бы Фридрих II иначе, если бы изменилось одно или несколько из обстоятельств, служивших побудительными причинами его действий.

Предположим, например, что войска его, по составу и образованию были бы гораздо ниже войск противников, или что численная их сила была бы доведена до такой незначительности, что и сосредоточением не могла доставлять победы, или предположим вообще, что какие бы то ни были обстоятельства сделали для Фридриха вступление в решительный бой невыгодным.

Тогда прекратилась бы и главная причина к расположению внутренними линиями: ибо к чему предпочитать такое расположение, коего единственная выгода состоит в скорейшем сосредоточении сил для боя, коль скоро обстоятельства повелевают избегать боя? Действия самого Фридриха служат лучшим тому доказательством. После поражения при Гохкирхе силы его были весьма слабы; притом приближалась зима, в продолжение которой он мог надеяться укомплектовать армию. Отваживаться в сих обстоятельствах на вторичное сражение значило бы подвергать себя большой опасности, ибо с потерей сражения он мог потерять и средства к восстановлению сил. Австрийцы частью своих войск осаждали крепость Нейс, по занятии коей могли надеяться зимовать в юго-западной Силезии, и тем лишить Фридриха вспомогательных способов, эту провинцию доставляемых. В таких обстоятельствах ничего лучшего для Фридриха не оставалось, как, избегая решительного сражения, освободить Нейс. Для приведения этого в действие, он оставил около Дрездена часть своей

армии, а с остальной, обошедши правый фланг неприятеля, устремился быстро к Нейсу, дабы, угрожая осадному корпусу нападением, принудить его к снятию осады. Движение это, увенчавшееся полным успехом и принудившее австрийцев к отступлению в собственное их государство для зимования, было эксцентрическое, вело войска Фридриха к наружным линиям и предоставляло австрийцам внутреннее расположение между Нейсом и Дрезденом.

Приведем еще другой пример. После Кунерсдорфского сражения числительные силы Фридриха были столь малы, что если бы он даже и соединил их вместе, то и тогда не мог бы ожидать успеха в решительном бою против двух многочисленных армий Дауна и Салтыкова: притом же поражение при Кунерсдорфе лишило его значительной части артиллерии, поколебало нравственные силы войск и поставило его в необходимость уклоняться на время от боя, стараясь какими-нибудь иными средствами поправить положение свое. Средство, употребленное с этой целью, состояло в движении армии принца Генриха через Герлиц на сообщения и магазины Дауна, то есть, в движении эксцентрическом, которое удаляло принца Генриха от Фридриха и которое было во всем противоположно правилам внутренних линий. Движение сие также увенчалось самым блестящим успехом, заставило Дауна отступить и тем вывело Фридриха из того опасного положения, в каком он едва ли когда-нибудь находился. Здесь можно возразить, *что отступление Дауна не было следствием необходимости, но следствием излишней осторожности и излишней боязни потерять свои магазины*; на такое возражение легко отвечать мыслью Наполеона, что «верх военного искусства (*le sublime de l'art*) заключается в тех изворотах, кои основаны на знании характера и образа действий полководца неприятельской армии и в безошибочном предугадывании мер, кои он примет».

Допустим теперь другое изменение в обстоятельствах, служивших побудительными причинами действий Фридриха. Если бы, например, его владения были несравненно обширнее, то для достижения главной цели войны, неприятель должен был бы уже употребить более времени и простирать свои операционные линии гораздо далее; а от того, действия на его сообщения сделались бы предметом гораздо важнейшим, даже, смотря по обстоятельствам, могли бы иногда обратиться в решительные и самые верные средства к его преодолению. Можно ли ожидать, чтобы при стечении таких обстоятельств Фридрих предпочел всегда сомнительный жребий сражения другим способам наносить вред неприятелю? Не вероятнее ли, что этот полководец, будучи числительно гораздо слабее противников, старался бы пользоваться каждым удобным случаем вредить неприятелю избеганием боя, отступлением или действиями на сообщения? Действительность подобных средств была ему очень известна; он испытал ее над самим собою во второй Силезской войне, когда граф Траун и принц Лотарингский одними этими средствами принудили его оставить Богемию с большим уроном. Коль же скоро мы допустим, что для Фридриха иногда могло быть выгоднее искать успеха в избегании боя и в действиях на сообщения, то должны будем и согласиться, что внутренние линии не всегда полезны; ибо действия на сообщения ведут, естественно, к внешним линиям и даже большею частью требуют их необходимо.

Прибавим еще третье изменение в обстоятельствах: положим, например, что противники Фридриха способны к быстрым и дальним движениям; что

они умеют своевременно отступать, избегая боя, или наступать быстро и решительно. Тогда бы та часть, на которую Фридрих устремлялся главными силами, могла, отступая, отвлечь его от пунктов, служивших ему опорой действий, и между тем, прочие части неприятельских войск, действовавших по другим линиям, могли бы, опрокидывая и даже истребляя слабые силы, против них оставленные, устремиться решительно на упомянутые пункты опоры или даже в тыл главной армии Фридриха и тем довести его до последней крайности. Не очевидно ли, что в этом случае успех зависел бы уже преимущественно: от умения избегать боя там, где неприятель сильнее, и принуждать к решительному сражению там, где он слабее, словом сказать, успех зависел бы не столько от направления операционных линий, сколько от искусства полководцев, от средств производить отступление без важного для себя вреда, от свойств местности, от обширности театра войны и тому подобного. Для объяснения и подтверждения сказанного приведем два примера.

Когда Фридрих устремился против Субиза, оставив в Лузании для замедления и удержания армии Дауна часть сил под начальством герцога Бевернского, тогда он, начальным уклонением Субиза от сражения был поставлен в самое опасное положение. Следовать за отступлением Субиза ему было нельзя, потому что движение это удалило бы его значительно от Берлина и армии герцога Бевернского; а возвратиться к последней, значило бы открыть Субизу дорогу в Берлин. Король был принужден остановиться и стоять в бездействии более шести недель, ежедневно опасаясь получить известие о разбитии герцога Бевернского несравненно превосходными силами Дауна и о движении армии последнего в Берлин или к Эльбе в тыл Фридриха. Если бы в этих обстоятельствах Субиз продолжал уклоняться от боя и не отважился на сражение Россбахское, если бы притом Даун действовал хоть несколько быстрее и решительнее, то вскоре положение короля неминуемо сделалось бы не только весьма опасным, но даже почти безнадежным.

В 1813 году, после перемирия, войска французские были расположены во внутренних линиях, и Наполеон, пользуясь этим, устремлялся главными силами два раза на отдельную армию Блюхера. Этот последний умел оба раза с искусством уклониться от боя; французские же маршалы Удино, Макдональд и Ней, напротив того, вступили в сражение тогда, когда им следовало избегать боя, то есть когда Наполеон с главными силами был от них отдален, и когда они имели перед собою превосходного неприятеля. Следствием этого было разбитие французских отдельных корпусов при Грос-Берене, Кацбахе и Денневице. Наконец, когда Наполеон в третий раз устремился против Блюхера, оставив Мюрата с пятьюдесятью тысячами против армии Богемской, эта последняя, опрокинув Мюрата, направилась решительно к Лейпцигу (пункту, находившемуся в тылу французов на единственном их сообщении с Францией) и тем принудила Наполеона к отступлению в этот город и к очищению большей части Саксонии. Таким образом, здесь все выгоды оказались на стороне действовавших наружными линиями. Они могли бы быть на стороне Наполеона в таком только случае, когда бы Блюхер дал себя разбить отдельно, а Удино, Ней и Макдональд избежали бы всякого решительного боя; но это значило бы предположить у одних только французов умение или возможность уклоняться от боя. Такое предположение, не зависящее вовсе от направления

операционных линий, принять нельзя; ибо в обоих противниках должно предполагать равное знание и обстоятельства подобные. Генерал Жомини, желая доказать, что неудача действий Наполеона внутренними линиями в 1813 году нисколько не опровергает общепользы этих линий и что она произошла единственно от частных, посторонних причин, говорит, между прочим, следующее:

1) *«что главнейшими причинами неудачи были вышеупомянутые ошибки французских маршалов»*. Не согласиться с этим нельзя; но, предполагая в сих маршалах умение избегать боя, должно по всей справедливости предположить то же и в союзниках, а в таком случае опять не видно, какое преимущество имел бы Наполеон от сосредоточения своих сил против Блюхера или против какой-нибудь из других неприятельских армий;

2) *«что географическое положение границ Богемии доставило противникам удобство действовать из этой провинции на сообщения и в тыл французам»*. Это также справедливо; но обстоятельство это не было случайное, или свойственное одной сей кампании, ибо наружные линии всегда почти доставляют подобную выгоду, по существу своему охватывая неприятельское расположение с одной и даже с двух сторон, например: в подобном же выгодном положении находилась во время Семилетней войны армия Российская, овладев Вислою, и даже Субиз, когда он дошел до Лейпцига, и в 1812 году генералы граф Витгенштейн и Чичагов.

Итак, кажется, мы доказали, что польза внутренних линий не есть безусловная; что они большею частью выгодны только тому, кто ищет решительного боя или принужден, по необходимости, искать в нем единственного своего спасения; и что даже в этих случаях, для возможности извлекать надлежащую пользу из внутреннего расположения, требуются другие совсем посторонние условия, а именно: *во-первых*, чтобы местность или нерешительность неприятельских полководцев, или, наконец, какие-либо другие обстоятельства дозволили нам на тех пунктах, на коих имеем слабые силы, удерживать неприятеля без вступления в решительный бой и, *во-вторых*, чтобы на том пункте, где мы сосредоточили главные силы свои, противник, по свойству местности, или по составу его армий, или по расположению вблизи тыла крайне важного географического пункта, или по каким бы то ни было обстоятельствам, лишен был всех способов избежать боя. Очевидно, что при таких условиях, в способности избежать боя заключается чрезвычайная важность, и что вся выгода внутренних линий основана, так сказать, на предположении, что противник способности этой не имеет. Потому-то мы и видим, что во всех войнах, где по обстоятельствам для одной стороны вступать в решительное сражение было опасно, и где притом ей давалась возможность уклоняться от боя без важного для себя вреда, наружные линии оказывались всегда почти полезнее внутренних: по причине большей их удобности для действия на неприятельские сообщения. Так в новейшее время действовали испанцы с 1807-го до 1814 года; россияне в 1812 году; Фридрих после сражения Кунерсдорфского. И в 1813 году, после перемирия, значительное превосходство союзников в коннице, доставлявшее перед противниками более средств к уклонению от боя, было одною из важнейших причин успеха в действиях наружными линиями. Но самый убедительный сему пример представляют нам древние.

Во второй Пунической войне не только римляне, но и карфагеняне окапывали ежедневно свой лагерь. Для устройства этих окопов требовалось не более двух часов времени; атаковать же армию в укрепленном лагере значило тогда то же самое, что ныне брать приступом сильную крепость. Начиная движение двумя часами ранее неприятеля, или употребляя для марша ночь, или совершая переходы по таким направлениям, где нет опасения сойтись с неприятелем, легко было переходить из одного укрепленного лагеря в другой, не подвергаясь необходимости вступать в сражение против воли, как это и доказал Фабий-Максим, двигавшийся в течение нескольких месяцев все вблизи Ганнибала, который, однако же, при всем своем старании не мог принудить его к сражению. Где существуют подобные обстоятельства, там вся выгода внутренних линий исчезает, потому что сосредоточение сил не может вести ни к какому результату. Можно сказать утвердительно, что в подобных обстоятельствах наружные линии, очевидно, полезнее внутренних, потому что, не подвергая нисколько опасности отдельного разбития, представляют выгоду охватывать неприятеля с разных сторон и тем стеснять постепенно круг его действий. Эта выгода не ускользнула от пронизательности римлян. Когда они, после многократных поражений, убедились, что им необходимо избегать против Ганнибала решительного сражения, то приняли систему действовать против него наружными линиями: для этого они окружали тремя, а иногда четырьмя армиями пространство, занятое его войсками и двигались вперед постепенно из лагеря в лагерь, избегая всякого решительного боя и имея единою целью стеснять ежедневно более и более театр действий неприятеля, и тем самым уменьшать средства его к продовольствию и укомплектованию армии. Следуя постоянно этой системе, в течение последних шести лет второй Пунической войны, римляне не только сделали тщетными все покушения Ганнибала принудить одну из отдельных армий к бою с сосредоточенными главными его силами, но даже стеснили его, наконец, и заключили в столь узкое пространство, что положение Ганнибала перед отплытием в Африку сделалось весьма затруднительным¹⁰.

Перейдем теперь к правилам, извлеченным из действий Наполеона.

Сей полководец во всех войнах до 1813 года имел в виду завоевание столиц и целых государств; целью его не было достижение каких-либо более или менее важных выгод, но совершенное лишение противника всех средств к продолжению войны, а таковая цель необходимо требовала и действий самых решительных. Притом же он имел и перевес в тактическом отношении, происходивший как от собственного его искусства, так и от моральной силы войск его, бывшей плодом многих побед и удачных действий.

При такой цели и таких средствах весьма естественно, что Наполеон должен был искать сражений и для того держать всегда главную часть своих сил в совокупности; естественно также, что он должен был не только желать от каждого сражения самых решительных результатов, но и стараться привести противника в невозможность уклониться от боя. Выполнить это удобнее всего было направлением действий мимо неприятельской армии, прямо к линии ее отступления или, говоря другими словами, устремлением главных сил к выгоднейшему маневренному стратегическому пункту.

Подобный образ действий почти всегда выгоден там, где обстоятельства и средства позволяют или даже требуют самых решительных мер. Но здесь де-

ло не в том, чтобы решить: полезны ли эти правила в частных случаях, но в том именно, могут ли они быть приняты за общие, безусловные для всех случаев и для всех родов войн, и могут ли они служить руководством равно полезным как для обороняющегося, так и для наступающего.

Ведущий войну *оборонительную* обыкновенно бывает гораздо слабее наступающего и потому часто имеет надобность избегать решительных действий в начале войны, дабы выиграть время, собрать и соединить новые силы и ослабить неприятеля малою войною или другими средствами. Требовать, чтобы он в сих обстоятельствах действовал по вышеупомянутым правилам и искал тотчас решительного сражения, без малейшей почти надежды на победу, значило бы вести его большею частью к верной гибели. Это столь ясно, что считаем излишним приводить дальнейшие доказательства, а потому мы перейдем к изысканию: всегда ли возможно и всегда ли полезно для действующего *наступательно* направляться сосредоточенными силами быстро к решительнейшим пунктам театра войны?

Решительный стратегический пункт, смотря по обстоятельствам войны, может быть в большем или меньшем от нас удалении; достижение одного в одном случае может представлять несравненно большие затруднения, чем в другом; иногда может требовать оставления позади себя весьма значительных сил для охранения наших сообщений, для наблюдения за неприятельскими крепостями и тому подобному, а иногда может и не требовать сего. Очевидно, что возможность направляться прямо к нему не зависит от одной нашей воли, но преимущественно от соображения средств наших со средствами неприятеля и со всеми упомянутыми обстоятельствами: ибо, предпринимая подобные решительные действия, должно прежде всего удостовериться, будут ли силы наши, по достижению избранного нами пункта, довольно достаточны, чтобы мы могли иметь надежду победить.

Таким образом, прямое устремление к пункту, признанному за решительный, будучи возможно и полезно при большом перевесе в силах или при благоприятствующих обстоятельствах, может быть опасным и даже дерзким при меньших силах и при других обстоятельствах.

Действия Наполеона отличаются не тем только одним, что он умел угадывать решительные пункты театра войны и преимущественно на них направлялся, но в особенности тем, что все подобные его действия были соображаемы с его средствами и обстоятельствами. Для примера, приведем из них некоторые. Когда он в 1800 году устремился через Сен-Бернард к Маренго на сообщения Меласа с Австриею, тогда имел уже в своей власти Швейцарию и все проходы, ведущие оттуда в Италию; следственно, в случае поражения имел обеспеченное отступление через Сен-Готард или через Симплон (Simplon). Но если бы Швейцария и помянутые проходы были тогда в руках неприятеля, а у Наполеона оставался один только проход через Сен-Бернард, то подобное движение его к этому же самому пункту (Маренго), принимая даже все прочие обстоятельства не изменившимися, было бы вовсе неисккусным, но только отважным; ибо, отрезая сообщения неприятеля, он и сам подвергался тому же; притом неприятель, находясь тогда близ своих крепостей, имел бы в излишестве все военные потребности, а Наполеон был бы лишен всех способов к возобновлению своих запасов. Когда Наполеон

в 1805 году устремился к Ульму, он имел двести пятьдесят тысяч войска, а Макк только восемьдесят тысяч; сверх того, было на Манне несколько снабженных запасами укрепленных пунктов, которые в случае надобности позволяли Наполеону иметь на этой реке основание действий. Когда он в 1797 году направился сперва к Виллаху и Клагенфурту, а потом к самой Вене, то хотя численная сила его войск и не соответствовала трудности и важности этого предприятия, однако же, другие обстоятельства делали его возможным и даже выгодным, а именно: против Наполеона находились сначала силы слабейшие, которые быстрым наступлением он мог не только опрокинуть, но даже лишить возможности соединиться с шедшими к ним подкреплениями и тем без значительного препятствия достигнуть окрестностей Вены; угрозой же, или временным занятием этой столицы, он полагал склонить Австрию к выгодному для Франции миру. Если бы эти обстоятельства, которые и в самом деле были главными причинами удачи, не существовали то было бы невозможно, или по крайней мере весьма опасно, устремиться со слабою армиею прямо к Виллаху и Клагенфурту, предположив даже, что эти пункты сохранили прежнюю свою решительную стратегическую важность. — Когда в 1812 году Наполеон готовился к движению в сердце России, то в этом случае он также не упустил из виду сделать и средства свои соразмерными с обширностью предприятия, и потому двинул на Россию совокупные силы всей почти Западной Европы, составлявшие более полумиллиона войск.

Показав таким образом, что средства и обстоятельства не всегда допускают возможность стремительных действий прямо на решительные точки театра войны, постараемся доказать еще, что и самое достижение такого пункта, предположив его возможность, не всегда поведет к решительным выгодам. Если противник наш имеет намерение и способы избегать в начале войны генерального сражения, то он не останется на месте в бездействии, пока мы идем к стратегическому пункту, нами избранному: он либо отступит за него, либо переменит свою операционную линию. В этом случае, если пункт имел важность только маневренную, то есть зависевшую от расположения неприятельских сил, то выгода от овладения им будет ничтожна; если он имел важность географическую или политическую, то и выгоды будут соразмерны степени этой важности и, следовательно, не всегда решительны. В 1812 году Наполеон направился с начала главными силами к Вильне, на центр растянутого нашего расположения, с целью прорвать его и тем отделить 1-ю армию от 2-й; но мы умели быстрым отступлением предупредить исполнение этого плана. Наполеон, узнав, что 1-я армия находится в Дриссе, двинулся к Полоцку, чтобы занятием этого города преградить ей дорогу во внутренние провинции России и отделить от князя Багратиона; потом направился, с такою же целью, к Витебску; и, наконец, когда генерал Барклай-де-Толли сделал движение от Смоленска к Рудне, то он устремился к Смоленску с намерением пересечь нам прямой путь в Москву и в южные губернии. Все эти маневренные стратегические пункты были Наполеоном действительно достигнуты и заняты; но тогда уже, когда они, вследствие отступления нашего или перемены расположения войск наших, потеряли всю маневренную свою важность. Таким образом, постепенное достижение четырех, так называемых решительных пунктов не доставило ему никаких особенных выгод, а между тем армия его при Смоленске

не превышала уже двухсот тысяч. Из Смоленска устремился он к Москве, надеясь достижением ее принудить Россию к миру; но вместо того взятием столицы доказал только, что участь государств, главою которых государи, подобные императору Александру, и участь народа, подобного русскому, не может решаться одним занятием какого-либо стратегического пункта, сколько бы он не был важен в географическом и политическом отношениях.

Окончив, таким образом, разбор главных правил, заключающихся в первых сочинениях генерала Жомини, не излишним считаем заметить, что многие из них совершенно противоположны правилам Бюлова. Причина того есть различие оснований, принятых этими двумя сочинителями. Желание действовать на сообщения (основание Бюлова) ведет естественным образом к движениям эксцентрическим, к линиям наружным и к разделению сил; а желание решить войну сражением (основание Жомини) ведет к внутренним линиям и к сосредоточению сил. Первый род действий предполагает возможность избегать решительного боя и отдельного разгромом частей; а второй — невозможность уклоняться от решительного боя. Очевидно, что ни одно, ни другое из этих условий не может быть допущено в виде неизменном, ибо в иных войнах и обстоятельствах можно избегать боя безвредно, а в иных нет; но с другой стороны не подлежит также никакому сомнению, что участь всех почти войн решается сражениями, между тем, как, уклоняясь от битвы и действуя на сообщения, редко можно достигнуть решительных последствий. Поэтому, правила Жомини удобоприменяемы к большей части войн, между тем, как система Бюлова, в точном смысле ее, может быть применяема весьма редко и только при особенном стечении обстоятельств.

II. Новейшее сочинение генерала Жомини о стратегии

К разряду сочинений, нами теперь рассматриваемых, можно причислить и новейшее творение генерала Жомини (*Tableau analytique des principales combinaisons de la guerre*).

Между ним и двумя перед этим рассмотренными сочинениями замечательно важное различие. Генерал Жомини взял за основание преимущественно собственные мысли, присоединил к ним новые свои же, а из других сочинений заимствовал, в виде пополнения, только то, что могло удобно согласоваться с его правилами; Ксиландер же и Водонкур основывались преимущественно на чужих мыслях, а собственные присовокупили в виде дополнений.

В новом сочинении генерал Жомини рассматривает сперва различные политические причины, служащие поводом к войне и доказывает, что цель ее должна быть определена политикою, а общий план действий должен быть сообразен с целью и вообще со всеми политическими обстоятельствами.

Далее автор говорит, что составляя общий план какой-либо войны, то есть определяя для нее общую систему военных действий, необходимо должно брать в соображение характер народа, с которым ведем войну; характер его полководца; местное расположение и средства неприятельской земли, состав

и внутреннее устройство войск противника и тому подобное. Общее соображение всех этих предметов соединяет он под названием *военной политики*.

Допустив, таким образом, что все вышеупомянутые предметы имеют важное влияние на определение общего плана войны и общей системы действий, и следовательно могут изменять их, сочинитель присовокупляет, *что самое выполнение определенного уже общего плана войны не подвержено этому влиянию; может быть подведено под общие, постоянные правила и должно составлять исключительный предмет стратегии, или, как он говорит, чисто-военной стратегии.*

Таким образом, освободив чисто-военную стратегию от всякого на нее влияния политических обстоятельств и других предметов, выраженных под общим названием *военной политики*, генерал Жomini приступает к изложению самих правил.

Основным правилом наступательной и оборонительной войны утверждает он, согласно с прежними своими сочинениями, является направление главных сил войска на решительную точку театра войны. Приняв такое основание, он естественным образом признает общими и безусловными все прочие правила, проистекающие от принятия к соображению исключительно одного материального элемента, например: что действовать одною операционною линиею выгоднее, нежели двумя; что внутренние линии всегда выгоднее наружных и тому подобное.

Решительными пунктами театра войны он признает не только одни прежде принятые им маневренные, но подобно эрц-герцогу Карлу и те, которых важность определяется местными обстоятельствами. При самом же определении маневренных решительных пунктов, сочинитель к прежним условиям присовокупляет еще новое: он требует, чтобы *к этим пунктам можно было направляться, не подвергая опасности свои сообщения*, и тем, следовательно, признает нужным принимать в соображение не только один материальный элемент, но и обеспечение отступления и привоза запасов.

Из чужих сочинений автор заимствует мысль о необходимости базиса и охранения с ним сообщений; сверх того некоторые правила относительно самого устройства базиса; и, наконец, мысль, что при удобной местности и других благоприятных обстоятельствах можно иногда с выгодой отступать параллельно границам, то есть употреблять второй род эксцентрического отступления Бюлова.

Из этого обзора видно, что автор доказывает общность и неизменность правил чисто-военной стратегии преимущественно тем, что отвергает прямое на них влияние политических обстоятельств и всех предметов, соединенных им под общим названием *военной политики*.

Эта мысль, по важности своей, требует подробнейшего рассмотрения, ибо очевидно, что с принятием ее опровергалось бы многое, сказанное нами прежде.

Для этого, сперва, объясним, какой предел поставляет автор между общим планом войны или общею системою действий и стратегическим исполнением такого плана. Хотя он сам это подробно не объясняет, но содержание его чисто-военной стратегии ясно показывает, что под исполнением общего плана войны он разумеет: выбор пунктов, к которым должно направлять действия;

определение, сколькими и какими операционными линиями действовать; как располагать базис и обеспечивать сообщения и так далее, словом, все стратегические соображения, которые могут только случаться в продолжение самого похода. Из этого следует, что в состав общего плана войны или общей системы действий остается включить только то, что может быть рассчитано и соображено до начала похода, а именно, какая цель войны: действовать ли наступательно или оборонительно; действовать ли решительно или медленно и методически; стремиться ли к решительным сражениям или избегать их, стараясь вредить неприятелю преимущественно другими средствами, как-то — действиями на его сообщения малою войною и тому подобным.

Из этого видно, что мысль автора собственно заключается в следующем: «При начале войны необходимо сообразить все обстоятельства дипломатической и военной политики и на основании их определить главный план войны и общую систему действий; при самом же исполнении главного плана, следовательно, и при всех частных стратегических соображениях, не нужно уже обращать внимания на вышеупомянутые обстоятельства, а действовать всегда по постоянным, неизменным правилам *чисто-военной стратегии*, то есть во всех этих частных соображениях, например, при перемене во время похода операционной линии или предмета действий; при сосредоточении войск или разделении их на части, или на несколько линий; при устройении нового базиса и тому подобного, нет надобности уже обращать внимания ни на характер и расположение к нам народа страны, в которой ведется война, ни на характер и качества неприятельского полководца, ни даже на расположение театра войны и средства края».

Сколько нам кажется, эта мысль опровергается сама собою, ибо то, что автор разумеет под *исполнением* общего плана войны, есть, как видно, ряд не каких-либо тактических действий, но частных стратегических соображений. Каждое из них в свою очередь столько же зависимо от ближайших к нему обстоятельств военной политики, сколько общая система войны зависит от рассмотрения в общем объеме всех главных обстоятельств дипломатической и военной политики. В этом отношении, главное различие между частными стратегическими соображениями во время похода и предварительным общим планом войны заключается только в том, что первые менее второго подвержены влиянию как дипломатической политики, так и всего того, что относится к средствам неприятеля, в совокупности взятым и к театру войны, в целости рассматриваемому; на частные же стратегические соображения, то есть на исполнение предварительного плана, несравненно большее влияние имеет все то, что, в частности, ближе к нему относится, например, местность того края или той провинции, где делает какое-либо стратегическое соображение; средства края, характер народа, в нем обитающего, и расположение его к нам; состав и качества той части неприятельских войск, к которой непосредственно относится наше соображение; характер и образ мыслей начальника этих войск и тому подобное.

Если мы даже предположим, что этот вывод наш несправедлив и примем, безусловно, мысль автора, что обстоятельства военной политики не имеют никакого непосредственного влияния на частные стратегические соображения, то и тогда эти последние останутся не менее в зависимости от общей пер-

воначально начертанной системы действий; а так как она может быть различна, по различию обстоятельств, то, следовательно, и правила частных соображений подвергаются изменению. Например, правило направлять всегда главные силы к решительному пункту театра войны удобоприменяемо только там, где общая система действий требует поступать решительно и искать генеральных сражений; но оно часто будет вредно там, где вследствие общей системы действий предположено выигрывать время, избегать по возможности решительного боя и стараться преимущественно вредить неприятелю действиями на сообщения и другими подобными средствами.

Показав, таким образом, что невозможно представить правила стратегических соображений, не подверженными влиянию обстоятельств военной политики и независимыми от общей системы войны, мы получили полное право рассматривать чисто-военную стратегию генерала Жомини на тех самых основаниях, на каких рассматривали все прежние сочинения, то есть принимая в соображение все возможные обстоятельства и влияние разнородных предметов.

При таковом рассмотрении, мы, прежде всего, замечаем, что автор хотя и принял, как и прежде, главным основанием материальный элемент, однако, берет уже в соображение местность и действия на сообщения, отчего не только увеличивается число его правил, но и самое сочинение делается многостороннее и удобнее к применению.

Сверх того замечаем, что все правила, преимущественно на соображении одной материальной силы основанные, с небольшою разницею те же самые, которые были уже изложены в прежних сочинениях генерала Жомини; прочие же затем правила, по сущности своей менее важны или сходны с какими-либо правилами других писателей; одним словом, находим, что все важнейшие правила в Чисто-Военной Стратегии помещенные, были уже нами рассмотрены прежде, каждое в своем месте, и потому к целому сочинению, по справедливости, можем отнести то же суждение, которое сделано было нами о стратегии Ксиландера, то есть, что правила, из коих каждое само по себе нельзя принять за безусловное, останутся всегда условными, в каком бы порядке их не излагали и каким бы образом их не связывали между собою.

Но к этому должно прибавить, что правила генерала Жомини, хотя и не могут быть признаны безусловными, однако в весьма многих случаях будут служить очень полезным руководством для военных действий, потому что основаны преимущественно на соображении самаважнейшего стратегического элемента, от которого, действительно, почти всегда зависит решение участи войны.

По этой причине, не подвергаясь упрекам в пристрастии, можно сказать, что если бы необходимо должно было действовать всегда по одним каким-либо постоянным, неизменным правилам, то для этого, без сомнения, следовало бы предпочесть всем другим правила генерала Жомини, ибо они чаще вели бы нас к выгоднейшему и лучшему действию и только в редких случаях вовлекали бы в ошибки.

Примечания

- 1 По существу таковой являлась «военная история» в изложении русских курсов до милютинского периода. (*Примеч. ред.*).
- 2 Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, Томск, 1919 г. Т. I. С. 116-117.
- 3 Первый труд относится к 1806 году, второй — к 1835 году.
- 4 Как предлагал Жомини. Только преемник по кафедре Медема подходит к предложению Жомини уже с обратной, по сравнению с Медемом, точки зрения.
- 5 R. von Caemmerer. Die Entwicklung der strategischen Wissenschaften im 19 Jahrhundert. Берлин, 1904 г., с. 213. Редакция имеет в виду ознакомить читателей с этим трудом в будущих сборниках.
- 6 Особенно выигрывает Медем, если сравнить его труд с трудом ученика Г.А. Леера профессора академии Баскакова, написанным спустя 60 лет, и представляющим такую же попытку изучить классиков стратегии. Если что-нибудь можно понять из труда Баскакова, то это мысли, списанные им у Медема. Но какому уродованию и затемнению они подверглись! У редакции существуют большие сомнения, знакомились ли вообще, после Медема, русские писатели по стратегии с классиками в подлиннике.
- 7 Обзорные известнейших правил и систем стратегии. Составил 6-й Николай Медем, Артиллерии Генерал-майор, Профессор Стратегии и Военной Истории в Императорской Военной Академии. Санкт-Петербург. 1836 г., с. 210.
- 8 Таким пунктам, определенным по расположению неприятельских сил, генерал Жомини дал впоследствии название маневренных стратегических пунктов.
- 9 То есть с базисом. (*Примеч. ред.*).
- 10 Генерал Жомини, желая доказать, что внутренние линии у древних были также выгоднее наружных, приводит тому один пример из второй же Пунической войны. Рассмотрим в подробности пример сей: Ганнибал стоял в Апулии, фронтом к северу, имея против себя консула Нерона, между тем, как от Альпов на помощь к нему шел брат его Аздрубал. Для противодействия последнему, римляне отправили еще другую армию, и так естественным образом находились во внутренних линиях. Нерон, оставив часть своих войск против Ганнибала, с остальными присоединился поспешно к другой римской армии, с целью встретить Аздрубала превосходными силами. Последний имел сначала намерение оружием открыть себе дорогу к брату, но, узнав о прибытии Нерона, весьма благоразумно изменил план свой, решившись, подобно Фабию-Максиму, избегать всякого решительного боя и, переходя из лагеря в лагерь, приближаться постепенно к своему брату. Исполнение такого плана, нетрудное при тогдашних обстоятельствах, сделало бы несбыточной выгоду, ожидаемую от движения Нерона; но случайное обстоятельство изменило все дело. Аздрубал, двинувшись ночью, чтобы пройти мимо римлян, имел при себе двух только проводников,

силою взятых из враждебного народа; один из них убежал при начале движения, другой же, подведя войско к реке, успел в нее броситься и переплыть к римскому лагерю. Карфагеняне, оставшись без проводников и не зная дороги, должны были идти наудачу; они вошли в узкую теснину между горами и, окруженные неприступными скалами, должны были повернуть назад, но римляне успели уже занять выход из теснины и тем принудили их к решительному бою. Такой пример удачного употребления римлянами внутренних линий есть может быть единственный в военной истории сего народа, и вся удача его была, очевидно, следствием обстоятельств совершенно случайных и потому пример этот может разве только служить доказательством, что и у древних внутренние линии могли иногда быть полезны, но отнюдь не свидетельствует, чтобы сии линии были всегда выгоднее наружных, которые, как мы видели, употреблялись в этой же самой войне не один раз, но шесть лет сряду с постоянным и независимым от случайности успехом.

УМОЗРЕНИЕ ВИЛИЗЕНА

Как глыба мрамора таит в себе всю роскошь тех форм, которые резец скульптора может высечь из нее, так и законы логики содержат в себе все те научные достижения, до которых когда-либо достигнет человеческий ум. Со времени Декарта человеческий разум осаждаст законы своего мышления и стремится найти в них разгадку всех наук. Рационализм стремится к априорной чистой науке. Это излюбленный метод научной работы XVIII века. В военном искусстве господство рассудочности особенно отмечено тактическим трудом Пюи-Сегюра, провозгласившего, что теория войны существует независимо от практики, и что единственно при помощи ее изучения можно подняться до уровня требований, выдвигаемого обстановкой на войне.

В мышлении Вилизена рационализм получил уже характер метафизики, стремления уяснить основу всех основ в военном искусстве. Вилизен в течение тридцати лет после опубликования сочинений Клаузевица оспаривал у них руководящую позицию в германской военной мысли. Вилизен — полная противоположность Клаузевицу; с последним широкие круги ознакомились только из его посмертного собрания сочинений, а Вилизен сразу, первой же блестящей лекцией в Берлинской военной академии, покорила не только свою аудиторию, но завоевал широкое признание своим научным достижениям и в среде германских гражданских ученых и интеллигенции; германская буржуазия сороковых годов отдавала Вилизену безусловное предпочтение перед представителями школы Клаузевица. Когда, во время бурь революции 1848 г., потребовалось выдвинуть полководца для командования германскими контингентами, которые должны были отстаивать права Шлезвига и Голштинии против притязаний Дании, то общественное мнение потребовало вручения командования молодому еще, но гремевшему во всем мире военному ученому Вилизену. Только после неудачного командования в 1849 году звезда Вилизена начала несколько закатываться, и учение Клаузевица получило больший простор для распространения в Германии. Но еще в 70-х годах число поклонников Вилизена было огромное — укажем хотя бы такого крупного писателя, как Рюстов.

Личная точка зрения редакции настоящего сборника совершенно противоположна умозрительному методу Вилизена. В теории военного искусства мы видим не чистую науку *a priori*, а эмпирическую науку *a posteriori*, науку второго разряда или даже вовсе не науку в строгом смысле этого слова, так как военная теория не располагает той абсолютной, аподиктической точностью и убедительностью, которые Кант требовал для «собственно» науки. Несмотря на это коренное различие в точках зрения, мы не можем не рекомендовать читателям внимательно ознакомиться хотя бы с приводимым отрывком из сочинений Вилизена. Ни один метод изучения военного искусства, взятый сам по себе, не позволяет охватить его в целом. Необходимо пользоваться достижениями всех методов, чтобы возможно шире исследовать его.

Если нельзя строить на рассудочности, а тем более на метафизике, все здание военной теории, то, с другой стороны, в каждом ученом и сейчас заключается доля рационализма, все мы и в двадцатом веке являемся отчасти

учениками Декарта, все мы стремимся к углубленному пониманию, не довольствуемся изучением поверхностных явлений, и являемся отчасти и метафизиками.

Примечателен путь, который толкнул Ллойда и Вилизена на теоретическое изучение стратегии: оба они собирались писать собственно военно-исторические труды. Ллойд собирался описать по собственным материалам Семилетнюю войну, Вилизен был приглашен в Берлинскую военную академию на кафедру истории русско-польской войны 1831 года, тогда наиболее современной и привлекавшей поэтому общее внимание. И эти выдающиеся военные умы, имея перед собой безбрежное море фактов, которые представляют события каждой войны, почувствовали необходимость выработать определенные критерии, создать себе известный масштаб, чтобы мерить факты войны, избирать из них явления, имеющие историческое значение, и давать им правильную оценку. Отсюда Ллойд и написал свое исследование принципов военного искусства, как введение к неосуществленному труду по Семилетней войне; а Вилизен справился с порученным ему курсом, написав труд «Приложение теории большой войны к русско-польской кампании 1831 года». Этот труд состоит из двух частей: первая, как бы введение, это «теория большой войны», чистая стратегия, занимающая 205 страниц, а за ним следует очень тощая вторая часть, история войны 1831 года, представляющая как будто только пример, стратегическую иллюстрацию к высказанным в теоретической части положениям. Мы, конечно, далеки теперь от такого сведения военной истории на роль иллюстрации, поясняющей утверждения теории. Мы теперь помещаем наши соображения не как маяки, которые должны указывать путь военно-исторической работе впереди наших военно-исторических исследований, а приводим их в конце, в довершение всего труда, как наши выводы, заключения, замечания. Мы приводим факты, а затем стремимся раскрыть их происхождение и оказанное ими влияние. Но, конечно, каждый крупный военный историк, приступая к своей работе, уже проделывает про себя, хотя бы частично, ту работу мысли, которую Ллойд и Вилизен изложили в своих введениях. Они не могут не установить предварительно какой-то точки зрения, так как иначе они потеряются в горах материала; известная предвзятость скажется уже в подборе фактов, в обращении интереса исследователя на те или другие стороны событий. А если эта работа не будет проделана, если историк держится абсолютно беспартийно и не исходит ни из какого мирозерцания, не имеет никакой определенной точки зрения, то военно-историческая работа обращается в составление вполне бесполезного протокола войны, в нагромождение сырого материала, и так засоряющего в огромном количестве мозговые извилины лиц, работающих над военным искусством. Такие стратегические оценки — произведения исторических подмастерьев — могут представлять только первую стадию разработки архивов; это только краски, растертые мальчишкой, которыми мастер, знающий меру и проникнутый какой-то мыслью, будет создавать картину.

Изучая ближайших к нам классических писателей по стратегии, такого крупного представителя позитивного военного мышления, как Леваль, отпечаток идеи и методов которого и по сей час носит на себе основное направление французской военной мысли, мы увидим, что рационализм отнюдь не

ушел в прошлое; он заключил союз с опытом, чем в огромной степени усилился, и вновь атакует бедных эмпириков, строящих свое представление о военном искусстве исключительно на военном прошлом.

Семьдесят лет отделяют творчество Вилизена от Ллойда, и эти годы были очень богаты событиями и в истории Европы, и в развитии философской мысли. От материализма Ллойда мы не находим у Вилизена ни малейшего следа. Вилизен очень искушен в германской метафизике первой половины XIX века, и эта метафизика особенно сильно чувствуется в корнях его учения. Мы имели в виду исключить из нашего сборника первые восемь параграфов «теории большой войны», написанных таким языком, который теперь становится уже мало доступным нашему мышлению. Такие слова, как природа, свойства, решение, по-видимому, получали в германской метафизике значение, отличное от того, которое придаем им мы. Метафизические труды почти не поддаются переводу; их надо читать на том языке, на каком они написаны, и то, составив себе предварительно особый метафизический лексикон. Мы, однако, сохранили это туманное философское вступление, так как было бы жестоко отрезать начало от вилизеновского труда: в современных научных трудах вступление можно и отбрасывать, так как центр тяжести их заключается в фактических данных опыта и толковании их; в априорной же чистой науке, к которой стремились во второй четверти XIX века, весь центр тяжести заключается в обосновании, в тех аксиомах, на которых зиждется вся их логическая постройка. Поэтому, мы присоединяемся к просьбе Вилизена, обращенной к читателю — претерпеть эти первые восемь параграфов, тем более, что в них заключается обоснование и такой капитальной, часто повторяемой мысли: «от знания до умения всегда остается еще скачок, но все же от знания, а не от незнания». Наклонность к метафизике не только не препятствовала, но в дальнейшем обуславливала общую чеканность и ясность мысли Вилизена, определяющуюся по мере нарастания логической постройки и удаления от чисто метафизического фундамента.

Вилизен — чрезвычайно яркий и глубокий представитель совершенно определенного метода изучения военного искусства, метода, который многим, может быть, в настоящее время по душе. Нам представляется, что нельзя глубже и лучше, чем это сделал ум Вилизена, подойти с этим методом к стратегии, и поэтому пример Вилизена важен нам для уяснения, что же можно ожидать в стратегии от умозрительного подхода к ней.

Если мы будем сравнивать учение Клаузевица и учение Вилизена, то, прежде всего, наше внимание обращает бесформенная груда, которую представляют золотые мысли Клаузевица и необычайная стройность Вилизена. Ни самому Клаузевицу, ни самым талантливым его последователям не удалось привести в систему, объединить около какой-нибудь схемы его учение. Все 126 глав труда «О войне» — это какие-то упрямые ростки, которые тянутся прямо из жизни, имеют свое собственное обоснование и не желают играть роль кубиков, из которых можно было бы сложить объединенную одной идеей постройку. Поэтому-то Клаузевиц так труден для понимания; основы его учения — это действительность во всей ее широте. Клаузевиц не хочет перерубить ни одного корня, который его учение пустило в почву реальности, и вместо схематизированной стратегии открывает нам жизненный поток во всей широте. Отсутствие

какого-либо разрыва между реальной действительностью и учением Клаузевица обуславливает его бесформенность, но в то же время и удивительную жизненную силу. Оно выдержало вековой искус и сейчас представляет для военного искусства не меньший интерес, чем при своем появлении.

Вилизен, напротив, все свои усилия направляет на то, чтобы создать логический монолит. Все его учение представляет развитие единой логической схемы, о которой можно судить уже вполне по приведенному отрывку, и стройность и последовательность его мысли, неумолимо научная жесткость, непоколебимость его определений и оценок невольно подкупают читателя. Вместо шаткой почвы, на которой обычно строится теория военного искусства, Вилизен создает иллюзию настоящей научной фундаментальности, той строгой науки первой категории, о которой другие военные писатели и не мечтают.

Мы сказали: «иллюзию», и попробуем доказать это утверждение. Читатель, даже не заглядывая в приводимый отрывок, из десятых рук знаком со знаменитой схемой Вилизена четырех комбинаций, которые дает стратегическое наступление и оборона и тактическое наступление и оборона. Идеи этой схемы пережевываются многими военными писателями, никогда о Вилизене и не слышавшими. Идеалом для Вилизена является соединение стратегического и тактического наступления, и самым отрицательным случаем — соединение стратегической и тактической обороны, так как при этой комбинации полководец рискует всем, и не может рассчитывать ничего добиться. Все эти блестящие выводы Вилизена являются только результатом того определения, которое Вилизен дает обороне: исходя не из действительности, а из метафизической сущности обороны, Вилизен понимает ее как чисто пассивный отпор; понятие активной обороны Вилизену не знакомо, так как всякая активность выводит оборону из метафизических пределов деятельности, направленной на самосохранение. Понятно, что такое крайнее толкование понятия обороны позволяет сгустить в отношении ее краски и признать ее почти негодной формой военной деятельности. В этом вопросе, как и во многих других, Вилизен занял позицию, совершенно противоположную Клаузевицу, и интересно то, что в этом вопросе на точку зрения Вилизена стала и большая часть последователей Клаузевица. Между тем, сам Вилизен был жестоко наказан за свое метафизическое отрицание обороны, так как единственное сражение (1849 год), в котором Вилизен выступил, как полководец, ему пришлось дать в чисто оборонительной форме. Обстоятельства могли позволить Вилизену выдержать натиск датчан и сохранить позицию до прибытия подкреплений. Но как можно требовать упорства в обороне со стороны мыслителя, который громил всю свою жизнь подлость обороны и выяснял ее неосновательность! Вилизен отдал такой же необоснованный приказ для отступления и выхода из боя, как и Бюлов в 1914 году в сражении на Марне. Оторванность от жизни не проходит безнаказанно¹.

Оторванность от жизни объясняется, прежде всего, односторонностью теории Вилизена. Чтобы не втягивать в круг исследования стратегии все то, что существует между небом и землей, от «башмачного искусства до высших областей всех наук», Вилизен сознательно исключил из стратегии весь элемент политики, определяющей характер и основные черты войны. Это как раз тот элемент, который представляет силу учения Клаузевица, но в то же время

и обуславливает его бесформенность. Соображения Вилизена против признания влияния политики впоследствии в сильной степени дополнил, развил и заострил Леваль. Ниже мы увидим, что и позитивист Леваль, точно также как и метафизик Вилизен, оторвался от жизни и односторонне исказил характер стратегии.

В жизни нет той обороны — отпора с исключительной целью самосохранения, которую громил Вилизен, — а современная нам действительность, переплетающаяся в каждой операции в такой тесной форме оборонительные и наступательные действия, приводящая бой к непрерывному чередованию этих форм, заставляет и вовсе протестовать против всякого четкого деления военной деятельности на оборону и наступление.

В высокой степени интересно и поучительно определение, данное Вилизеном стратегической деятельности как деятельности, направленной на обеспечение снабжения своей армии, и лишение снабжения — неприятельской. Определение это, как и все, вытекающее из-под пера Вилизена, односторонне, но очень глубоко, и может дать плодотворные результаты при приложении к разбору очень многих стратегических вопросов.

Мы должны быть справедливы к Вилизену и потому обязаны отметить множество положительных заслуг его мысли: он далек от того, чтобы, как Ллойд и в особенности Бюлов, отвергать значение боя; особая глава его «теории большой войны» доказывает бесплодность самого лучшего стратегического маневра, если он не венчается тактическим наступлением. Очень ясно и далеко мыслил Вилизен, когда набрасывал идеи подготовки театра войны против Франции путем устройства крепостей на Рейне и выбора соответствующих направлений для постройки железных дорог. Если мы будем разбирать историю идейной подготовки Марнского сражения, то должны будем признать, что основной замысел рожден Вилизеном. Он хотел укрепить средний и верхний Рейн и оставить незащищенным и незанятым нижнее течение Рейна, что провоцировало бы французские армии наступать вдоль голландской границы, переправиться на нижнем течении Рейна и затем делать огромное захождение своим левым флангом против прусской армии, сосредоточившейся за Рейном на Майне. Этот маневр должен был заставить французов подставить под удары все свои сообщения, свой фланг, в возможной степени ослабить их к моменту решительного боя и создать условия для полного уничтожения французских армий в случае малейшего тактического успеха пруссаков. Этому замыслу нельзя отказать в гениальности. Можно совершенно точно установить рядом статей из французских военных журналов семидесятых годов, что после катастрофы 1870 года, когда во Франции выступила на первый план мысль о фортификационной защите против нового вторжения немцев, французские военные инженеры вдохновились именно этим планом Вилизена, за отсутствием Рейна в пределах Франции, французы решили возвести на границе искусственную преграду в виде ряда крепостей, связанных фортовой завесой; устройство этой своего рода великой китайской стены должно было провоцировать немцев к обходу ее через Бельгию, с последующим захождением правым крылом вперед. Французы сохраняли возможность наступления в Лотарингию через линию своих укреплений и атаки в выгодных условиях обходящих их крепостной фронт немцев, причем рисовалась возможность

в случае успеха, по более коротким направлениям совершенно перерезать им путь отступления. Эта идея с восьмидесятых годов стала идти на убыль в французской подготовке к войне, но сама Марна представляет собой как бы недостаточно энергичную, вялую копию с замысла Вилизена, пересаженного с германской на французскую почву.

В общем, изучая труды Вилизена, мы находим в них гораздо больше плюсов, чем можно было бы ожидать от чистого умозрения. Но не будем забывать, что Вилизен был вообще очень образованный человек, был очень начитан в военной истории и сам дал ряд незаурядных исторических исследований по современным ему войнам. В этих условиях не все достижения Вилизена можно отнести в заслугу принятого им метода, иногда метафизика только окрашивала и пристраивалась к тем выводам, которые он получал экспериментальным или историческим путем. Одни писатели таят свою метафизику про себя, а выступают только с работами, якобы основанными на беспристрастном исследовании фактов. Вилизен, на наш взгляд, поступал наоборот и сохранял про себя те точки опоры своего мышления, которые он получал от наблюдения действительности.

На наш взгляд, известная небольшая доза метафизики неразрывна со всякой научной работой; но, конечно, она должна оставаться в пределах авторских черновиков как известное приспособление для выбора точки зрения, с которой бы можно было глубже и полнее охватить факты. В том отрывке из Вилизена, к которому мы отсылаем читателя, можно познакомиться с сильным до гениальности проявлением этого метода мышления.

Редакция

ТЕОРИЯ БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ

Для изучения военного искусства существует два пути, сумма достижений на которых представляет и правила для практического использования, и нормы для распознавания добра и зла; это путь чисто теоретического подхода и путь индукции, основанной на опыте, или, как мы говорили, путь чистой теории и путь опытной теории, то есть чисто теоретический путь и практико-теоретический путь. Конечно, оба пути должны приводить к одним и тем же выводам, так как тут и там должна быть высказана истина, а одному и тому же предмету отвечает лишь одна истина. Далее, мы уже установили, что по обоим путям по существу необходимо следовать лишь для того, чтобы проверкой на примере получить полную уверенность в полученных выводах, но чтобы выяснить основы учения, необходимо сначала обратиться к чистой теории. Пока мы будем заниматься ею, потребуется некоторое терпение.

Невозможно складывать фундамент сразу столь же привлекательным и приятным для взора, как верхние этажи, и все же, кто попытался бы строить без фундамента? В законченном здании охотно забывают про фундамент, и его обитателям нет необходимости им интересоваться. Но кто захочет стать архитектором, тот скоро признает довлеющую важность основ и будет уделять им время с любовью.

Требование обратить особенное внимание именно на первые зачатки встретит общее признание, как только будет уяснено, что без них не только невозможен ясный обзор целого, но что и отдельные детали лишь тогда могут быть правильно поняты и оценены, когда в любой момент имеется возможность охватить целое и когда для нашей мысли рисуется совершенно ясно связь данного частного вопроса с упомянутыми основами научной теории.

Для нашего теоретического исследования мы избираем форму, в которой короткими предложениями будем указывать рамки, в которых будут развиваться рассуждения и доказательства. Эти предложения одновременно образуют заглавия параграфов и облегчат обзор и усвоение теории в целом.

Понятие об искусстве

Всякое искусство, в том числе и военное, в своих внешних проявлениях бесконечно разнообразно, но располагает ограниченными средствами; именно потому искусство и является искусством, что в нем ограниченное производит или творит беспредельное.

Всегда сначала необходимо определить предмет исследования. Правда, определения представляют небольшую ценность; однако, хорошее определение часто бывает очень плодотворным. Таково ли данное определение? Во всяком случае, оно далеко выходит за узкую границу обычного определения искусств-

ва, которое гласит, что оно является олицетворением прекрасного, и которое неизбежно влечет за собою второй, еще более трудный вопрос, а именно, что такое прекрасное? Если бы задачей искусства являлось только олицетворение прекрасного, то военное, счетное, кулинарное и многие другие виды искусства не могли бы называться таковыми, но язык, который в тайнах своих неизвестных основ подразумевает обычно больше, чем лица, произносящие слова, дал им наименование искусств. Данное же определение в состоянии всех их принять в свое лоно.

Таким образом, существенное отличие различных искусств может быть сведено к тому, что в одних бесконечность имеет преимущественно внутренний, а в других внешний характер. Выражение — посредством ограниченного создать беспредельное — одновременно указывает на постоянную неполноту данных; эта недостаточность данных и является наиболее характерным для проявления искусства. Для творчества, помимо того, что может быть познано, должно еще придти на помощь божественное вдохновение. Поскольку оно осеняет все искусства, постольку все они стоят на равной высоте. Обратим наш взор на искусства, и мы не найдем пределов их произведениям, как внешне по количеству, так и внутренне, по идее. Затем снизойдем до средств — в них все ограничено, мало и незначительно: краски, руда, камень, цифры, механические и физические силы, движимые законами предельных величин, которые никак не могут сотворить прекрасное и беспредельное. И все-таки, как прекрасное, так и беспредельное приводятся в движение столь ограниченными и столь постоянными по своей совокупности объектами, которые даже являются необходимым основанием — взращивающей искусство почвой. Мозг и беспредельная мысль нераздельны; если провести грань между ними, они оказываются мертвыми, и мы не можем ничего сказать о том, куда делась их жизнь.

Таково же отношение между средствами и творениями искусства; внешнее и внутреннее постоянно переплетаются между собой. Проникновение их друг в друга это и есть абсолютное, конкретное — сама жизнь.

Искусство есть творчество гения, подчиненное Закону

Творчество в искусстве является исключительно делом гения, чистого вдохновения, и все же оно подчиняется законам и правилам. Творчество мастера иногда действительно бывает бессознательным. В этих случаях он лишь бессознательно оглашает закон, остающийся, тем не менее, законом.

Положение, которым озаглавлен настоящий параграф, заключает в себе тему древнейших и важнейших споров в области философии искусства.

Этот спор никогда не сможет быть разрешен, пока истинным будет признаваться единственно первое или второе утверждение приведенного положения, и пока мы понимаем выражение — истина может быть только едина, — так что она может лежать только в одной точке и сосредоточиваться в одной мысли. Искусство, как и жизнь, является вечным и непостижимым переплетом и взаимодействием ограниченного и беспредельного, материального и нематериального. Разве жизнь заключается в крови, в нервах? Движение в механическом повиновении членов? Мышление — в мозгу? Чувства —

в сердце? Конечно, нет. — Но отнимите их, и куда денутся высокие материи, которые они не создают, но которые без них не могут иметь существования. Отнимите у искусства законы, которые подвергаются исчислению, его отношения, которые могут быть выражены в цифрах, и затем посмотрите, что останется от прекрасного, от беспредельной совокупности творчества. На этом становится ясно, как должен быть одарен истинный художник. Он должен все знать, но творческое вдохновение нисходит на него свыше.

Естественное использование данных средств

Всякое проявление искусства не выходит из пределов правильного и закономерного использования тех средств, к которым оно должно прибегать для разрешения задач, то есть из пределов использования, очерченных сущностью и природой данных средств.

Истина этого положения вытекает из всего предыдущего. Закономерность является необходимым внешним условием творчества, столь же необходимым, как внутреннее, то есть божественное вдохновение. Совершенная обособанность внешних законов и совершенно точное следование им могут подвести вплотную до высшей области искусства. Для чисто механических оснований это является вообще наивысшей точкой творчества, которую они в состоянии достигнуть. В то же время этим объясняется, как возможно, путем строгого прилежания, напряжения и добросовестности, и без гения создать нечто вполне приемлемое, и почему так называемые «гении», без знаний и прилежания, создают подчас лишь отвратительные произведения. Этот так называемый «гений» является порочной свободой, то есть произволом, и перед творением ложного гения с отвращением отступают не людская ограниченность, как нас часто стремятся убедить, а лучшие гражданские чувства. Но усиленное прилежание и беспрекословное подчинение закону в высших проявлениях невозможны без любви к делу; любовь же заслуживает отклик, милости, в данном случае творческого вдохновения. Этим путем мы все ближе приближаемся к совершенству мастера. Но отречение от законов, лень, ничему не научающая, и упрямство, не желающие подчиняться, соединяются в один поток с другими пороками, и ложно называемый гений по гордости своей в большинстве случаев идет к безумию.

Наука и искусство

Предписания, правила и законы, которые могут быть даны для работы в области искусства, составляют его науку; согласно с вышесказанным, искусство без науки существовать не может.

То, что в известном кругу человеческой деятельности и творчества поддается изучению, образует его науку. Так как теперь многое известно, в практике каждого искусства, и в большинстве случаев может быть известно еще большее, то каждое искусство имеет свою науку, которая в конечном итоге столь же беспредельна, как и самое искусство.

Кто рискнет сказать о себе, что он знает все, что может быть изучено в области того или иного искусства? И здесь спорят о том, является ли то или иное наукой или искусством; этот спор является таким же праздным и рождается из такого же непонимания или полупонимания, как и упомянутые выше споры о том, возможно ли научиться искусству или нет, и является ли способность творчества результатом сделанных усилий или исключительно даром, интуицией или вдохновением. Правильный ответ всегда гласит — и да, и нет, и то и другое вместе.

От знания до умения всегда еще остается скачок, но все же от знания, а не от незнания²

Всякая работа в области искусства исходит из его науки. Неустранимый промежуток, который каждый раз остается преодолеть, пока задача не разрешена, существует не между незнанием и умением, а между знанием и исполнением, между теорией и творчеством, от предельного к бесконечному.

Когда речь идет о проявлении искусства, мы относим к вдохновению выше то, для чего у нас отсутствуют твердые данные, а, следовательно, признаем и последний скачок.

Вполне и всегда соглашаясь с этим, надо, однако, признать безусловно необходимой наличность твердого фундамента, базы, служащей исходным пунктом для скачка, и образующей ту внешнюю точку опоры, которую требовал Архимед. Этим фундаментом, этой твердой точкой опоры в данном случае является знание. Спор же о том, каково относительное значение знания в окончательном итоге творчества, является совершенно праздным, так как в знании никогда не должно быть недостатка. Здесь, как и во всяком живом организме, часть всегда является одновременно и целым. Затруднения, которые связаны с представлением об органическом единстве, служат и вечно служили поводом к многочисленным спорам. Из этого видно, насколько наука и искусство, теория и практика суть ветви одного и того же целого, которые взаимно нуждаются друг в друге, друг друга дополняют, и ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах один другому не противоречат. Да каким же образом могут противоречить друг другу основание и дальнейшее его развитие — намерение и осуществление, когда они стремятся к единой цели? Только лженаука могла давать частые поводы к обвинению, искони приветствовавшиеся ленью.

Ясная задача искусства

В действительности наука только указывает средства и пути, которые ведут туда, куда стремится искусство. Решение может быть найдено лишь после точной постановки задачи искусства. Лишь тогда оно может быть вполне точным и целесообразным и давать не больше и не меньше того, что требует задача. Только при таких условиях задача будет решена мастерски. Только все вполне целесообразное находится на высоте требований искусства, все нецелесооб-

разное одновременно является и уродством. На этом пути чаще всего и грешат против искусства, так как, что приходится встречать чаще, чем нецелесообразность? В этом первом требовании в большинстве случаев заключается самая трудная часть задачи, так как вовсе нелегко настолько определенно охватить задачу того или иного искусства, как это в данном случае требуется. Кто не знает знаменитых трудов, посвященных исключительно проведению границ между родственными искусствами, что представляет ни что иное, как попытку уяснить задачу каждого из них в отдельности. Главное различие между искусствами заключается в разнообразии средств, которыми они располагают для творчества, для разрешения своих задач. В этом в особенности заключается различие между поэзией и скульптурой, между живописью и архитектурой, и так далее; одно искусство для разрешения своих задач пользуется одними средствами, а другое — другими.

Задача и средства ее решения

Когда задача твердо установлена, очередным вопросом является оценка имеющихся для решения средств и выявление из их природы законов и правил, которым надлежит следовать в работе. Решение задачи может лежать лишь в использовании средств в соответствии с их природой.

Строго говоря, природа средств должна быть известна прежде, чем задача может быть дана. Если задача ставится настолько всеобщее, что можно указать способ ее решения, каковы бы ни были имеющиеся средства, если вообще искусство может ее преодолеть, то только в этом случае можно задним числом осведомляться о средствах. В дальнейшем мы увидим, что нашу задачу мы ставим именно так всеобщее. Конечно, решение задачи из области какого-либо искусства не может выходить из пределов имеющихся в данном случае средств, и тем более не может лежать вне пределов их естественного использования. Искусство, которое сопротивлялось бы природе своих средств и искало бы вне ее пределов решения своей задачи, не желая подчиниться ей, представляет безумие. Главная масса глупостей, которая в наше время выявляется во всех искусствах, ведет свое происхождение от непонимания следствий, вызываемых природой средств, в обстановке коих или посредством которых творят различные искусства. Мы имеем в виду живописную пластику и пластическую живопись, живописную поэзию и поэтическую живопись. Тот же характер прегрешений можно бы найти и в отдельных отраслях военного искусства. Они заключаются, например, в превратном применении различных родов оружия, в неправильном использовании сил — направлении больших сил на малые цели или малых сил на крупные цели — в заимствовании фортификационных взглядов для тактической группировки войск, в мудрствованиях так называемой логистики, в старании исказить и смешать природу оружия, в желании создать летучую артиллерию на ряду с тяжелой кавалерией и так далее. Все эти устремления в совокупности происходят от непонимания природы средств, с которыми искусство тесно связано.

Итоги

Из предыдущего следует, что для того, чтобы мы могли продолжать наше исследование дальше, нам надлежит ясно установить задачу того искусства, которое предстоит изучать. Затем надо правильно распознать природу тех средств, которыми предстоит пользоваться, так как только из нее могут выявиться законы и правила, которые руководят творчеством. Лишь тогда, когда все эти данные будут освещены, возможно, свободное подчинение законам искусства, на которое направлены все чаяния и которое дает твердую уверенность в успехе, поскольку последний зависит от идейной стороны.

В этих словах был подведен итог всего предыдущего, и на возможности связать в одно логическое философское построение эту мысль базируется и возможность всего предпринятого нами труда. Отрицание необходимости такого исследования глубоких основ искусства может представлять или намеренный обман, или оправдание в целях удобства. Это обоснование представляет чисто спекулятивно-философское построение³. Дальнейшее относится к области чистого разума. Всякая частность науки всегда является делом разума, но последний должен всегда начинать с чисто гипотетического положения, и поскольку оно будет истинно и верно, постольку истинными и верными будут и выводы, сделанные из него разумом. Следовательно, основой каждой науки, в том числе и математики, является высшая философия. Система Коперника представляет ясную и научную систему разума, но, как таковая, она обосновывается на недоказанной им гипотезе. Если позитивные науки, и даже математика, имеют такую чисто умозрительную основу, насколько еще более умозрительную основу должны иметь такие живые науки, как науки об искусствах. Все это служит оправданием предыдущего и одновременно доказательством того, что эти более глубокие обоснования можно с легкостью оставить без дальнейших объяснений, не нанося ущерба практике; поэтому они здесь изложены скорее в виде указаний, чем доказанных выводов. В этой области без веры не обойтись, но точкой опоры для нее можно избрать или чужие плечи, или уже имеющиеся, только неосознанные собственные основы. Как степень крепости и непоколебимости всякой постройки зависит от состояния ее фундамента, так и в нашем труде все дальнейшее имеет только такую же гарантию. В соответствии с различием во взглядах, эта гарантия будет представляться или очень слабой, или очень надежной; точно также философия одним представляется глупостью, а для других единственно верным познанием. Философия вообще по существу не спорит с отрицающими ее мнениями, во-первых, потому, что она, конечно, стоит выше подобного спора, а во-вторых потому, что она заранее является победительницей в этом споре, так как, чтобы спорить против философии, нужно самому стать философом. Также, естественно, обстоит дело и в споре о философском обосновании отдельной доктрины, так как каждый, кто допускает доктрину, должен допускать и ее обоснование; обоснование же каждый раз оказывается философским, и только философия может его найти и определить. Однако это не является изобретением произвольного обоснования, что звучит в обвинительных речах, которым вечно подвержена философия, приблизительно как «приснилось».

а в лучшем случае зовется «остроумием». Философия никогда не изобретает, она только находит. Ввиду этого она естественно погружена в вечные поиски. Противники философии, вместо того, чтобы видеть ее сущность в этих поисках, вечно видят ее в найденном, которое, правда, очень часто похоже на изобретенное. Поскольку эти поиски имеют право именоваться философией, постольку же имеют право на это наименование такие теории, которые в конечном итоге приводят к ложным результатам; но эти результаты называться философией уже не могут.

Задача военного искусства — победа

Задачей военного искусства является исключительно победа в широком смысле этого слова, обозначающая ни что иное, как достижение военной цели, вытекающее непосредственно из борьбы.

Правда, такие определения не дают особенно много. Они представляют ценность, особенно для опыта научного трактата, постольку, поскольку они облегчают точное различие и ясное представление и устраняют столь частую путаницу, происходящую от произвольного обозначения одним и тем же словом различных понятий. Это определение обращает теорию военного искусства в учение о победе, чем она и должна быть для каждого, так как до сих пор еще никто не предъявлял требований на учение, как быть разбитым. Но даже такому странному требованию лучше всего удовлетворило бы верное учение о победе; опыт уже подтвердил по всем пунктам, что стоит только в своих действиях поступать отлично от такого учения, и это всегда явится лучшим средством, чтобы быть разбитым. Одновременно становится ясно, насколько легко этим определением включаются в теорию все виды военной деятельности, так как в нем должны полностью затрагиваться все пути, хотя бы в последней инстанции они и не имели непосредственного отношения к победе. Теория, естественно, начинается с призыва рекрут и кончается уничтожением противника; следовательно, в нее входит все учение об организации и устройстве армий. Но поскольку каждому разрешается ограничивать себя по собственному желанию, постольку здесь эта часть является исключенной; для этого ограничения, кроме произвола и удобств автора, имеются и другие основания. То учение, которое мы стремимся развить, начинается с действительным началом войны и трактует ее также лишь в крупных чертах. Легко усмотреть, что учение о войне, без такого ограничения, легко должно было бы распространиться на все отрасли государственного управления, так как нет такой части жизни государства, которой бы не затрагивала война. Теснее всего война находится в соприкосновении с политикой и финансами, а так называемое воспитание и подготовка к войне, естественно, охватывают всю жизнь народа. Всякий с ужасом отступил бы перед таким расширением задач своего исследования; да и глубина труда неизбежно уменьшится пропорционально росту его размеров. Мы воздерживаемся от приведения здесь примеров⁴, которые могли бы подтвердить наше утверждение; но тем с большей уверенностью мы будем обращаться к нашему праву ограничивать свой труд рамками по нашему усмотрению.

Армии суть средства войны, ее инструмент и материал

Лучшим средством, то есть инструментом и материалом для решения задач военного искусства, всегда является армия. Главный инструмент, которым работает военное искусство — армия; главный материал, над которым и против которого оно действует, опять-таки является армия, но только неприятельская.

Поскольку, согласно с предыдущим предложением, вся теория должна строиться вокруг наиболее целесообразного способа обращения с армиями, как инструментом и материалом, постольку неизбежно ежеминутно сталкиваться с вопросом, устроено ли это средство так, как следовало бы. Каждый раз, как я хочу достигнуть определенной цели, передо мной возникает вопрос, являются ли данные средства наилучшими для достижения цели. Было бы произвольно отрицать постановку этого вопроса, но все же это отрицание является вдвойне позволительным там, где цель исследования имеет в виду исключительно практическую деятельность, которой естественно приходится брать средства таковыми, каковыми оно их получает в свое распоряжение. Задачей искусства, которое всегда практично, как раз и является дать требуемое с имеющимися средствами. Наконец, исследование устройства войск уже потому мы вправе отодвинуть на задний план, что хотя некоторые частные улучшения в современной организации и являются желательными, но произвести существенные изменения, которые могли бы повлиять на развитие главных операций, не так-то легко. Лишь крупные изобретения могли бы дать бою иной облик. Но и они бы все же не коснулись той части искусства, которая оказывает главное влияние на результат войны, а именно, на искусство группировки и передвижения масс. Поражения и победы с начала всех времен и войн связаны именно с этой частью искусства, а не с отдельными проявлениями виртуозности и не с лучшим вооружением или строевыми перестроениями. Обстановка здесь существенно изменяется только в тех случаях, когда варварство и полное малодушие сталкиваются с вершинами военной культуры, или полному отсутствию дисциплины противопоставляется строгий порядок. Такие аномалии встречаются исключительно за пределами европейских условий, исключительно которые мы здесь желаем иметь в виду.

Природа армий, то есть их свойства

Армии суть главный инструмент и главный материал военного искусства, его главные средства. Следовательно, исследование природы армии является путем, который ведет к конструированию науки о военном искусстве, к созданию его теории.

Мы уже твердо установили, что путь к цели нашего труда не может быть иным, как исследование природы вещей, с которыми связано наше искусство, как со средствами разрешения его задач. Оно должно выяснить, как надлежит с ними обходиться для достижения цели. Но природа вещей представляет не что иное, как сумму их свойств, и таким образом, наше исследование, прежде всего, обращается к этим свойствам, стремится их классифицировать и перечис-

лить, затем задается вопросом, какие правила обращения с ними и действия вытекают из их отдельных свойств; наконец, исследование направляет свое внимание к тому, не встречается ли между отдельными выводами каких-либо противоречий; в последнем случае необходимо взвесить и искусственно сбалансировать итоги, чем и должно завершиться все теоретическое учение.

Потребность в снабжении как первое и главное свойство армии

Среди различных свойств армии на первом месте ясно выделяются два свойства, которые совершенно проникают и наиболее полно исчерпывают ее природу и которые дают о себе знать в любой момент существования армии. Рассмотрению этих двух свойств армии и должна быть посвящена большая часть теоретического исследования военной науки. Армия, прежде всего, представляет агрегат людей и животных, и ее первое и всепроникающее свойство заключается в огромных потребностях, от ежедневного или периодического удовлетворения которых зависит ее существование. Следовательно, *потребность в снабжении* есть первое и главнейшее свойство армии. Недаром старая поговорка гласит, что основой армии является ее желудок.

Потребность в снабжении является столь проникающим свойством армий, что ни одно мгновение в жизни армии не протекает вне сферы его влияния. Существование армий неразрывно связано с требованиями, исходящими из данного свойства. Таким образом, старая поговорка, что основой армии является ее желудок, вполне отвечает действительности.

Конечно, фундаментальная основа, на которой строится вся армия, заслуживает быть отнесенной к числу крупнейших характерных свойств. Поскольку неоспоримо истинны эти слова, постольку же правильным является обоснование на этом великом свойстве армий одного из главных отделов учения о войне.

Так как потребность в снабжении представляет первое крупное и неизбежное свойство армии, которое сопутствует ей во все моменты ее существования, то ею обуславливается целый ряд правил и наставлений по вопросам, связанным с армиями и их использованием, и они постольку же должны образовывать одну из главных частей учения о войне, поскольку свойство потребности в снабжении, из которого они вытекают, является главным свойством армий.

Если бы это было не так, то и данное свойство не относилось бы к числу главных свойств. Но если данное свойство всеобъемлюще охватывает всю жизнь армии, то и те правила, которые наука выведет из него для практического использования искусства, явятся обоснованными. Неизбежная необходимость этого свойства, которое оставалось неизменным во всех армиях и во все времена, и объясняет вечную действительность, законную силу этих правил, а также и неизменность целого ряда важнейших правил и научных положений искусства от глубокой древности до наших дней. И, действительно, поскольку мало изменяется природа армий в отношении этого свойства, в столь же малой степени подвержен изменению и один из важнейших отделов теории войны; и если бы эта область одновременно являлась важнейшей частью искусства,

то есть той частью, от которой зависит почти всегда решение крупных войн, то искусство оставалось бы вечно более или менее одним и тем же. Но каждая эпоха и, в особенности, в нынешние времена стремится утверждать и часто гордится тем, что ныне искусство стоит на совершенно другой ступени, чем в предыдущую. Таким самовосхвалением особенно страдает последнее столетие — эпоха Фридриха Великого, революции и нашего времени, когда мы живем взглядами, сложившимися из начал обеих предыдущих.

Учение о сообщениях. Стратегия

Всю эту часть теории, развивающуюся из ближайшего исследования указанного свойства, мы называем учением о потребности армии в снабжении или, исходя из тех средств и путей, посредством которых она удовлетворяется, учением о сообщениях, или для более удобного обозначения этого понятия одним словом — стратегией.

Разделение и раздробление на части одного, в конце концов, неразрывно связанного целого, представляет большие затруднения и вызывает крупные сомнения, но оно все же является крайне необходимым, так как исследование может развиваться лишь от одного этапа к другому.

Такое деление открывает возможность методичного подхода к целому и дает нам схему, которая поразительно облегчает возможность охватить одним взглядом все в любой момент нашей работы. Огромная его практическая польза заключается в том, что оно дает возможность легчайшим способом убедиться в том, что в принятом распорядке не упущено ничего существенного; высказываемые мысли предварительно воспринимаются наглядным образом. Нам остается только доказать обоснованность объединения всего очерченного широкого представления под одним, воплощающим уже определенные представления, словом — стратегия. С тех пор, как Бюлов дал слову «стратегия» значение, которого ему раньше не придавали, и оно получило широкое распространение, как известно, ни один военный термин не подвергался стольким толкованиям и искажениям. Некоторые настолько расширили понятие «стратегия», что в результате между небом и землей не оставалось ничего, что при известной ловкости нельзя было бы ввести в круг этой беспредельной науки. Под слово «стратегия» подводилась вся теория войны, но так как война представляет не что иное, как продолжение политики, только другими средствами⁵, то, следовательно, стратегия объемлет и все понятие ведущего войну государства, а так как война должна подготавливаться в мирное время, то стратегия распространяется и на весь период мира. Что же в государстве не является стратегией, начиная с сапожного мастерства и до высших научных исследований во всех областях? Другие же в свою очередь делают вид, что не понимают, какую особую группу представлений можно выделить под словом «стратегия», или наука ведения войны вообще не может раздробляться на отдельные части, как здесь указано, или же это разделение обвиняется в том, что оно — произвольное во всех отношениях, недостаточно четкое и, по меньшей мере, совершенно бесполезное. В конечном выводе этих нападок, ведение войны оказывается исключительно делом здравого смысла, не имеет никакой теории, никакой науки, и, следовательно, не подлежит расчленению на отделы.

Еще не раз представится случай вернуться к различным способам употребления слова и понятия «стратегия». Мы остановились здесь на нем, так как оно настолько решительно вошло во всемирный лексикон, что отказаться от него нет возможности, хотя некоторые и приводили против него отдельные довольно обоснованные возражения. Торжество слова «стратегия» над столькими препятствиями, стоящими на его пути, равносильно поддержке его неземными силами. Протесты некоторых против стратегии оказываются тем глупее, что даже в тех случаях, когда они имеют совершенно неожиданный успех, то слово стратегия, существующее в действительности и более или менее удачно обозначающее известное понятие, изгоняется, и немедленно же его приходится заменять другим. Наш выбор слова «стратегия» произошел в соответствии с завоеванием, сделанным в языке этим термином, что всегда оттеняет какую-нибудь ясную мысль; понятие «стратегия» соединяется с представлением о сообщениях или о руководстве большими массами вне боя. Но так как руководство большими массами вне боя можно разбирать лишь под углом зрения сообщений, то определение, *что стратегия является учением о сообщениях*, охватывает все, когда-либо целесообразно, ясно и определенно выраженное этим словом. Наконец, если бы даже было не так, каждому должно быть предоставлено право любым словом выражать какое угодно понятие, и можно лишь предъявлять справедливое требование, чтобы самое понятие было четким, точно ограниченным и объемлющим, чему данное определение, по-видимому, отвечает во всех отношениях. Несмотря на полную мою готовность принять какое-либо из имевшихся раньше лучших определений, мне не удалось найти такого, в пользу которого можно было бы сказать больше, чем в пользу избранного мною определения.

Боеспособность как второе крупное свойство армий. Тактика

Армии, наряду с потребностью в снабжении, от которого всегда зависит их существование, обладают вторым великим и всепроникающим свойством. Это свойство — активность, способность к деятельности на войне, способность наносить удары — боеспособность. Это то свойство, которое открывает армии возможность действовать на поле сражения. С боеспособностью, как и с потребностью в снабжении, тесно связана конечная цель военного искусства — победа, а, следовательно, это свойство также диктует для обращения и использования армии новый второй ряд правил и наставлений, которые образуют второй главный отдел науки о высшем военном искусстве.

Как ближайшее исследование о потребности армий в снабжении должно вести по пути, на котором перед нами должна открыться победа в ее наивысшем проявлении, то есть полное уничтожение противника, так того же пути должно держаться и ближайшее исследование второго вышеупомянутого основного свойства армий. Поскольку допустимым и возможным является уничтожение противника нападением, направленным на его свойство потребности в снабжении, постольку же оно представляется достижимым нападением, направленным на его второе свойство — боеспособность. Противник, который не в состоянии больше драться, уничтожен и побежден в такой же

степени, как и неприятель, которому нечего больше есть и который не может получить пополнений. Если здесь мы видим второй путь, на котором могут быть решены задачи искусства, то должно быть позволено еще раз выделить второй основной отдел военной теории, теорию, регулиующую эту часть искусства.

Эту вторую часть учения о свойствах, из ближайшего рассмотрения которых она разбивается, мы называем учением о боеспособности, учением о бое или тактикой.

Для оправдания данного избранного обозначения, мы отсылаем к тому, что выше нами было сказано для оправдания обозначения первой крупной части теории словом «стратегия». Широкое распространение термина «тактика» и достаточные внутренние основания служат оправданием к тому, что впрочем, также могло бы оцениваться, как естественное право произвольного усмотрения каждого автора.

Удовлетворительность этого деления

Оба вышеуказанные свойства охватывают все существо армий и устанавливают все их бытие в любой момент их существования. Все прочие свойства, которые окажутся возможным еще открыть в армиях, всегда явятся лишь побегам двух основных ветвей, побочной частностью главных свойств.

Все, что обычно включается в содержание теории военного искусства, затрагивает лишь понятия, к которым неизбежно приводит исследование вышеупомянутых главных свойств, а, следовательно, и находящиеся в неизбежной от них зависимости. Если в стратегии излагается учение о сообщениях, сущность которого учитывает все условия местности, и при этом существенное значение имеют политические, статистические и топографические условия, то каким образом могло бы не существовать ближайшего пути исследования, который бы охватывал все эти понятия, включая их как можно полнее в круг своего рассмотрения? Если сообщения суть дороги, по которым армиям подвозится необходимое им ежедневно и периодически для их существования, то каким образом учение о сообщениях могло бы не коснуться сущности самого подвоза и не образовать ответвления, которое бы изучало всю теорию продовольствования армий?

Такое расширение понятия учения о сообщениях ни в коем случае не является произвольным. Скорее можно сказать, что оно разрослось до таких размеров самым естественным и самым неоспоримым образом, и я избрал, правда, лишь для заглавия, ранее отчеканенное слово стратегия, имея в виду, что встречу добровольное признание этого термина.

Точно так же, если тактика излагает учение о боеспособности и о бое, к которому неизбежно относится и вся подготовка к бою — мирное устройство войск, вооружение и обмундирование, затем столь важный для этой части военного искусства моральный элемент и, наконец, местность и фортификация, как средства или материал для боя, то каким образом могло бы не существовать столь необходимого ближайшего пути исследования, который бы изучал до возможной глубины все эти понятия, охватываемые, согласно с вышеуказан-

занным, теорией тактики. В этом труде, согласно, с первоначальным нашим намерением, теоретически развита лишь важнейшая часть высшей теории ведения войны и отбрасываются, по крайней мере, временно, все побочные ответвления; объектом его исследования является только действительная война, а все подготовительные данные принимаются в готовом виде, как уже известные и существующие. Но при этом надо отметить, что все вышеупомянутые отрасли имеют в стратегии общий центр, так как иначе против всеобъемлющих и исчерпывающих положений главных отделов исследования, на которых мы остановились, впоследствии могли бы появиться возражения.

Наступление и оборона. Функции

Таким образом, сначала все учение распадается на два больших отдела, на стратегию и на тактику; основание к такому распадению дают два вечных главных свойства армий. Одно учение выясняет, в каком отношении стоит понятие искусства к всеобъемлющему свойству потребности армии в снабжении, а другое исследует, в каком отношении оно находится к столь же всеобъемлющему свойству боеспособности армий.

Поскольку армии во все время своего существования живут в кругу этих свойств, и поскольку они в любой момент требуют снабжения и имеют известную боеспособность, постольку они являются живым источником энергии, и непрерывно работают над достижением целей искусства в пределах закономерности, продиктованной их свойствами, и их деятельность в каждый момент их существования обращена с одной стороны на самосохранение, а с другой — на уничтожение противника. Как два постоянно и неизбежно присущих армиям свойства могут служить обоснованием для разделения всего учения на два основных отдела, так столь же справедливо таким основанием могло бы служить неизбежно имеющееся в наличности двойственное направление их деятельности. Та сторона деятельности армии, которая обращена на самосохранение, по существу является неподвижной, дающей отпор, защищающейся — оборонительной; сторона же, обращенная на уничтожение противника, является напором, наступлением, атакой. Таким образом, исходя из деятельности или функций, которые всегда выпадают на долю каждой армии, теория должна была бы разделяться на учение об искусстве самосохранения и на учение об искусстве уничтожения, на защиту и атаку, на оборону и наступление.

Группировка функций армии на оборонительные и наступательные, по сравнению со свойствами армий, является менее уважительным основанием для подразделения всей теории лишь потому, что свойства армий, очевидно, имеют право первородства. Функции армий, их деятельность, являются лишь следствием свойств, и к тому же позднейшими. Но, так как деятельность армий занимает второе место, то для всего последующего она могла бы служить столь же удовлетворительным исходным пунктом, как и их свойства, и вскоре станет ясно, что для теории в целом совершенно безразлично, какому распределению отдать преимущество.

Жизнь армий постоянно проникнута и обусловлена их свойствами и функциями

Таким образом, жизнь армий, то есть их деятельность в области искусства, является постоянным взаимодействием их свойств и функций. Каждое свойство армии обладает двоякими функциями, а каждая функция — двоякими свойствами. Это сплетение их представляет полную схему всей теории.

В любой момент своей жизни армии проявляют потребность в снабжении и боеспособность, и в каждый миг они всегда стремятся к самосохранению и к уничтожению противника. Армии стремятся обеспечить свои потребности в снабжении и затруднить снабжение противнику, стремятся сохранить и укрепить собственную боеспособность и ослабить или уничтожить боеспособность противника. Свойство потребности в снабжении всегда возбуждает двоякую деятельность, одна сторона которой направлена на самосохранение, а другая — на уничтожение противника; таковыми же всегда является раздвоение свойства боеспособности; один ее глаз всегда направлен на сохранение и укрепление собственных сил, а другой — на разрушение сил противника.

Из обоих свойств и обеих функций армий в любой момент выдвигается на первый план из каждой пары лишь одно

Жизнь армий в каждый момент их существования представляет целое, составленное из их свойств и функций; но одновременно резко выделяться могут только два из них, то есть одно свойство и одна функция.

В каждый момент их существования армии имеют потребность в снабжении и обладают боеспособностью; их деятельность также всегда одной стороной обращена к самосохранению, к обороне, а другой к уничтожению противника, к наступлению. Хотя это и является неоспоримой истиной, но все же деятельность армий, исходящая из их свойства потребности в снабжении, в каждый отдельный момент может быть направлена или преимущественно на собственное самосохранение, или преимущественно на уничтожение противника; армии оказываются, следовательно, или преимущественно в положении стратегической обороны, или преимущественно в положении стратегического наступления. Деятельность армий, исходящая из их свойства боеспособности, также каждый раз преимущественно направлена или на самосохранение, или на уничтожение противника; армии оказываются, следовательно, также или преимущественно в положении тактической обороны, или преимущественно в положении тактического наступления. Однако, деятельность армии, в отношении потребности в снабжении, может быть направлена на самосохранение и, в то же время, в отношении боеспособности, на уничтожение противника. Таким образом, при подобном скрещивании свойств и функций армий одновременно может создаваться момент стратегической обороны и тактического наступления и, наоборот, стратегического наступления и тактической обороны.

Схема теории в целом

Всю теорию можно свести к следующей схеме.

I. Учение о свойствах:

- а) О потребностях армии в снабжении. — О сообщениях. — Стратегия.
- б) О боеспособности. — О бое. — Тактика.

II. Учение о деятельности, — о функциях:

- а) О функциях по самосохранению — оборона.
- б) О функциях по уничтожению — наступление.

Для большей наглядности представляется целесообразным выразить всю схему в одном целом. При условии, что основанием для разделения были бы взяты свойства армии, схема представила бы следующую картину (рис. 1).

Рис. 1

Если же функции выдвинуть на первое место, а свойства поставить на второе, что возможно, если первым вопросом явится вопрос о роде необходимой деятельности для достижения цели, а уже на втором месте будет поставлен вопрос о средствах и их свойствах, то создается следующая столь же всеобъемлющая схема (рис. 2).

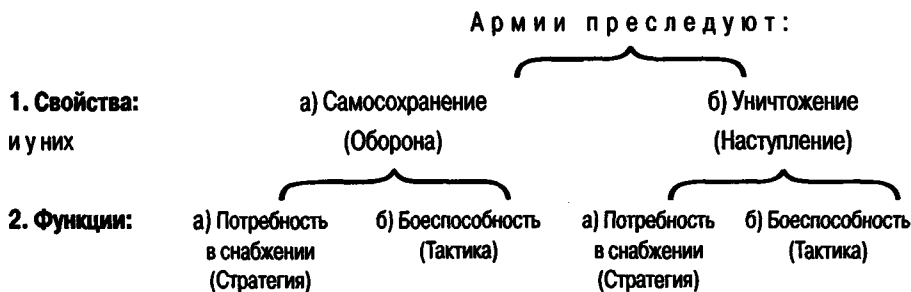

Рис. 2

Продолжением этой схемы можно наглядно изобразить то, что упоминалось выше, а именно: выразить все возможные случаи, в которых могла бы оказаться армия в любой момент своего существования. Каждое возможное

положение представляет соединение одного свойства и одной функции, в виду чего нижеследующая схема естественно вытекает из предыдущих (рис. 3).

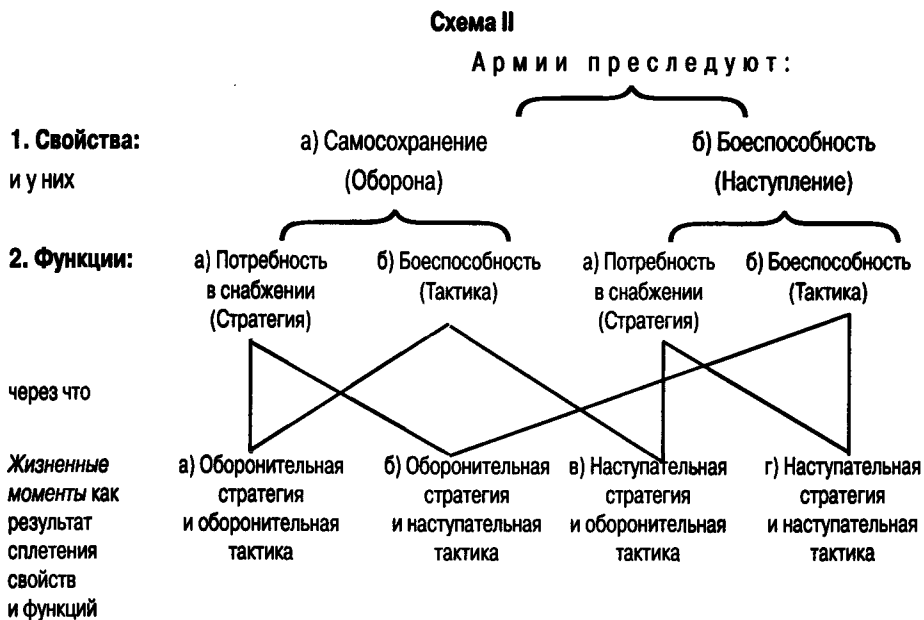
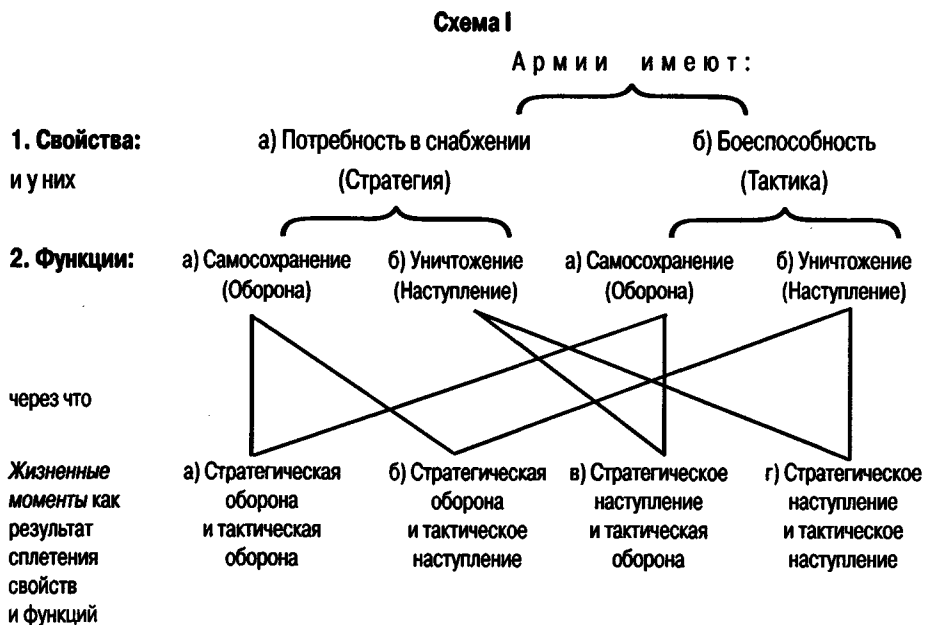

Рис.3

Насколько эта схема отвечает жизни, видно из того, что из исторического прошлого можно было бы легко извлечь тысячи и тысячи примеров положе-

ний армий, которые целиком оказались бы отвечающими случаям, указываемым в этих чертежах; даже любое положение каждой армии, в какой угодно момент ее жизни, то есть деятельности, может быть правильно и исчерпывающе обозначено посредством одной из выраженных в схеме комбинаций. Непредложность этого имеет следующее научное обоснование: комбинации неизбежно должны являться исчерпывающими, если в основании их лежат существо и функции всех участвующих элементов в их широчайшем и глубочайшем значении, что исключает возможность создать из них жизненное положение на какой-либо новой базе. Если в какой-нибудь области работы имеется возможность проявлять деятельность только в двух направлениях и имеется всего два свойства, в которых выражается существо всех применяемых в этой области работы средств, то могут существовать или комбинации, являющиеся результатом двух родов деятельности (функции) в зависимости от двух свойств, или комбинации, являющиеся результатом двух свойств, проявляющиеся лишь в виде двух функций. Во всех случаях возможны лишь четыре комбинации, и так как в действительности может иметь место только возможное, то эти комбинации должны охватывать всю действительность.

Примеры

Несколько примеров лучше всего подтвердят все то, о чем здесь говорилось. Мы выбираем их из кампаний 1809 и 1813 годов.

В апреле 1809 года⁶, когда австрийская армия впервые столкнулась с противником, ее положение, в стратегическом отношении, повсюду являлось стратегически оборонительным, так как она не имела никаких наступательных тенденций против неприятельских сообщений. Австрийская армия, по-видимому, потому отказалась от своего первоначального замысла — наступления из Богемии, что слишком опасалась за прямое направление на Вену, обеспечить которое она считала возможным лишь непосредственно. В тактическом же отношении ее положение до 20 апреля было наступательным, и она атаковала у Гаузена и на реке Абенс. Но 21 числа она повсюду позволила противнику себя атаковать, и с этого момента она перешла также и к тактической обороне и оставалась в положении стратегической и тактической обороны вплоть до сражения при Регенсбурге. Правда, после переправы у Регенсбурга, австрийская армия у Гама находилась один момент в положении стратегического наступления и тактической обороны по отношению к продвижению главных масс противника к Ину. Это продолжалось лишь до ее отступления в Богемию, после чего она устремилась к Вене, чтобы прикрыть ее, обороняясь и в стратегическом, и в тактическом отношении. В сражениях на Мархфельде⁷ ее положение, по отношению к прикрытию Венгрии, являлось стратегическим наступлением, а по отношению к Моравии и Богемии — стратегической обороной. В тактическом же отношении австрийская армия продолжала держаться обороны, представляя противнику каждый раз атаковать.

В кампанию 1813 года Наполеон под Дрезденом находился на всех фронтах в положении стратегической обороны, и лишь марш через Циттау в Богемию поставил бы его в стратегически наступательное положение по отношению к главной армии союзников. Но Наполеон здесь стремился все время

преимущественно к защите собственных, а не к атаке неприятельских сообщений; в тактическом же отношении он всегда наступал. Движение главной армии союзников сначала на Дрезден, а затем на Лейпциг, поставило ее в условия решительного стратегического наступления; напротив, на поле сражения она, преимущественно, занимала оборонительное положение. Силезская армия, до своего движения к Вартенбургу, вела стратегическую оборону, и лишь в тактическом отношении ее положение менялось, — становясь то наступательным, то оборонительным.

Эти примеры приведены теперь только для того, чтобы показать, что в данной нами схеме всегда можно найти правильное и вполне адекватное (соответствующее) выражение для любого положения армии. Вскоре мы опять вернемся к этим примерам, чтобы извлечь из них еще новые заключения.

Значение схемы

Не предъявляя требования чрезмерно переоценивать значение данной схемы, мы все же должны утверждать, что она имеет решающее влияние на всю теорию.

Конечно, в результате искусство представляет нечто цельное и нераздельное, но какое целое не состоит из частей! Конечно, творчество в искусстве, в конечном счете, опирается и на представления, не подлежащие исследованию для разума и посредством разума. Но разве из этого следует, что надо игнорировать исследование подлежащих истолкованию элементов? И разве они не являются теми самыми представлениями, с которых может и должно начинаться каждое размышление, чтобы впоследствии усилием гения и характера перейти к действию?

Хотя искусство и является неделимым, но теории его разрешается расчленяться, однако лишь постольку, поскольку это необходимо для лучшего научного исследования первоначально и жизненно единого целого. Подразделение, которое всегда неизменно поддерживает сознание цельности данного представления, ни в коем случае не влечет за собой полного расчленения — на несоприкасающиеся более друг с другом части. Наоборот, оно считает обязательным неизменно поддерживать мысль, как это и имеет здесь место, что речь идет исключительно об одном целом. Ведь о целом как таковом, можно получить представление лишь по его частям, а о частях — лишь по целому.

Таким образом, части здесь имеют самую тесную внутреннюю связь, и подразделения предпринимаются не для расчленения, а для жизненного, по сознательности, объединения. Все, что нам известно о каком-либо органическом соединении, мы познали лишь посредством подобной же операции деления, но во всех случаях изучение по частям является лишь средством, а не целью, и таковым же она должно быть и здесь.

Практические результаты комбинаций схемы

Для тех, которые усматривают в схематизации в данных нами таблицах, при предпосылке, что они не уклоняются от жизни, нечто очень полезное, по-

пытка их дальнейшей разработки явится не простой игрой остроумия. Мы укажем на неизбежно вытекающие результаты, если каждую отдельную комбинацию рассматривать как деятельность; отсюда будет ясно, какие комбинации надлежит применять, и каких надлежит избегать. Мы приведем здесь конец одной из уже имеющихся схем и продолжаем ее (рис. 4).

Жизненные моменты:	а) стратегическая оборона и тактическая оборона	б) стратегическая оборона и тактическое наступление	в) стратегическое наступление и тактическая оборона	г) стратегическое наступление и тактическое наступление
Отсюда вытекают результаты: а) для выигранного сражения:	Полнейшая нерешительность	Победа на поле сражения без последствий для всей кампании или войны	Общее благоприятное положение для одержания победы, но безрезультатность таковой вследствие сохранения боеспособности противником	Уничтожение противника, захват неприятельской территории
б) для проигранного сражения	Гибель своей армии и утрата территории	Отступление с целью нового перехода в тактическое наступление	Последствия ликвидируются вследствие выгодного стратегического положения	Временный отказ от предпринятой операции

Рис. 4

Если мы под обороной будем понимать только отпор, то есть чистую пассивность, которая является единственно присущей ей, то все приведенные результаты неизбежным образом будут вытекать из активных моментов армий. Если же оборона будет стремиться к чему-нибудь другому, то она должна превратиться в наступление и, следовательно, перестать быть тем, чем она есть. Оборонительная стратегия не имеет иных целей, кроме обеспечения собственных сообщений, оборонительная тактика — кроме удержания своих позиций. При этом результаты кульминационного пункта боевой деятельности, то есть выигранного или проигранного сражения, могут представлять лишь указанные соединения. Выигранное сражение в положении, стремящемся лишь обеспечить собственные сообщения и довольствуемся отражением противника, то есть чисто оборонительный успех, не имеет иных результатов, кроме того, что позволяет мне оставаться на моей позиции и, следовательно, не приводит к решению. Но при тех же условиях проигранное сражение, то есть сражение, в котором я был стратегически и тактически атакован и разбит, ставит на карту мое существование. Далее — выигранное сражение, которое я даю лишь с целью обеспечить мои сообщения; такое сражение хотя бы я

тактически и атаковал, приводит меня к победе лишь на поле сражения, так как, ввиду моего стратегически оборонительного положения, я не могу ее использовать. Таковым было большинство сражений в Семилетнюю войну. Если же, напротив, моя атака будет отбита, то это мне не особенно повредит, при условии, что противник остается в положении тактической обороны. Если же противник, вследствие одержанной победы, перейдет в наступление, то положение уже будет не тем, о котором сейчас идет речь, а подойдет под предыдущую комбинацию, в которой предполагалось, что я обороняюсь как стратегически, так и тактически. Если же я нахожусь в положении, указанном третьей комбинацией, то есть наступаю стратегически и обороняюсь тактически, то отсюда также не может получиться какой-либо положительный результат, так как тактическая оборона, которая сводится лишь к защите, препятствует полному развитию стратегического наступления.

Данное положение представляет размах без удара, то есть когда меч остается занесенным в воздухе. Но данное стратегическое благоприятное положение устраняет последствия тактического поражения, так как оно препятствует противнику, который по предположению стратегически обороняется, использовать стратегически свои преимущества. Наконец, как раз обратным первой комбинации является результат четвертой комбинации, то есть стратегического и тактического наступления, так как она представляет полную противоположность. Победа дает величайшие результаты, в случае же поражения, в лучшем случае, приходится начинать сначала. Следовательно, оценивая по этим результатам, мы должны признать, что существует одна абсолютно хорошая и одна абсолютно скверная комбинация и две комбинации, результаты которых легко сводятся к нулю, так как их элементы взаимно парализуют свою действительность. Комбинации положений, в которых находился Наполеон в 1805-м и 1806 годах, имели столь сокрушительную действительность, так как они и стратегически, и тактически представляли высшую степень наступления. Для противников же Наполеона они являлись столь уничтожающими еще и потому, что комбинации, в пределах которых они оставались, представляли, в узком смысле этого слова, стратегическую и тактическую оборону.

В 1809 году позиция при Гаме таким же образом парализовала бы победы Наполеона, если бы противники оставались в положении стратегического наступления, и таким же образом сражение при Прейсиш-Эйлау парализовало стратегическую победу Наполеона. Этим же путем сражение при Лейпциге оказалось роковым для великого властелина, так как его противники сумели перейти к комбинации стратегического и тактического наступления, а он остался при противоположной, то есть в положении стратегической и тактической обороны. Таким же образом стратегически наступательное положение главной армии союзников парализовало последствия Дрезденского поражения, и таким же образом победа при Дрездене парализовала последствия стратегически победоносного движения главной армии.

Следовательно, если существует метод действий, при котором победа на поле сражения не дает мне никаких преимуществ, кроме возможности далее не отступать, а поражение приводит меня к полнейшему уничтожению, то такой метод является столь непригодным, что к нему я могу обратиться, лишь совершая крупную ошибку, или вследствие постигших меня несчастных слу-

чайностей; попавши в такое положение, надо стремиться во что бы то ни стало из него выбраться. Но существует и обратная комбинация образа действий, при которой, в случае победы, мне улыбается величайший успех, а при неудаче ничто не угрожает, кроме возвращения к исходному положению; она, несомненно, является самой желательной, и я всеми силами должен стремиться к тому, чтобы такое положение продолжалось, а если я из него вышел, то должен пытаться как можно скорее к нему вернуться. Из обеих крайних комбинаций схем одна ведет к самым неблагоприятным, а другая — к самым благоприятным последствиям, обе средние же являются такими, в которых стратегия и тактика взаимно парализуют друг друга. Ближайшее рассмотрение схемы вообще дает повод к интереснейшим замечаниям, а тому, кто воплотит в себе ее выводы, так что они станут его истинным внутренним достоянием, рассмотрение схемы дает твердую надежду на то, что он нашел в ней путеводитель, который во всех положениях укажет ему самым четким образом, куда и к чему ему надо стремиться. Значение, для работы в нашей области, такого постоянного побуждения на верный и лучший путь можно столь же мало отрицать, как и для всякой другой области работы. Но если бы эту попытку свести важнейшие найденные отношения к наглядному изображению кто-нибудь квалифицировал бы как безвредную, но ничего не стоящую игру остроумия, то против этого, во всяком случае, надо протестовать. Вероятно, всем известно, что иногда нужно только меткое слово, чтобы вызвать целый ряд удачных мыслей. Но поскольку более ценным является иметь перед собой в самом сжатом виде те выражения, которые немедленно и непосредственно вводят нас в круг важнейших и решительнейших идей и даже указывают путь, по которому можно всегда придти к верному решению!

Заключение

После того как мы отчетливо охватили полный объем теории и ее важнейшие факторы, мы можем перейти к отдельным деталям. Прежде всего надо рассмотреть, какие выводы являются из исследования частных случаев. Их сначала предстоит сопоставить и изменить в соответствии с теми предпосылками, которые дает рассмотрение других сторон искусства; затем их надлежит свести в одно целое и, наконец, вывести законченную теорию, развитие которой и является нашей целью.

Никакая сложная теория не может выводиться иным образом. Все эти понятия, которые всегда оказываются сразу налицо, когда искусство переходит к практике, теория может обсуждать лишь каждое в отдельности и одно за другим.

Но, в конечном счете, теория должна подчеркнуть, как отдельные выводы по каждой частности изменяются под влиянием целого. Эти изменения, по своему существу, на практике должны встречаться в бесконечном числе оттенков и представляют задачу прикладной части искусства; здесь его теория встречает наибольшие препятствия и трудности. Но теория, в этом случае, не отречется и не отступится от своей цели, так как приложение искусства не должно сводиться к движению ощупью, в темноту и к случайному выбору од-

ного из одинаково сомнительных путей — для практики всегда должен иметься жизненный расчет функций; значение и достоинство каждой из них в отдельности должны быть известны.

При разработке отделов теории военного искусства, стратегия по такому же праву становится впереди тактики, по которому учение о свойствах стоит впереди учения о функциях, то есть по праву приоритета. Армии проявляют потребность в снабжении прежде боеспособности, и это первое свойство, к сожалению, всегда оказывается и более продолжительным, и более устойчивым. Это свойство пробуждается с первого момента существования армии и ни на секунду не покидает ее до самой смерти; боеспособность же, наоборот, позднее зарождается и раньше покидает армию, часто даже задолго до ее полного исчезновения.

Примечания

- ¹ Не будем, однако, злоупотреблять этим примером, рисуя себе Вилизена в роли крыловского метафизика. Клаузевиц очень высоко ставил оборону, однако ему ставят совершенно тот же упрек: он был начальником штаба того прусского корпуса, который в день битвы при Ватерлоо вел бой под Вавром с группой Груши, имевшей значительное превосходство в силах. Несмотря на ясно обозначившимся под Ватерлоо успех англо-пруссиков, корпус Клаузевица отступил из-под Вавра, не доводя бой до значительного напряжения, что развязало руки Груши и позволило последнему благополучно отойти во Францию. Историческая традиция приписывает Клаузевицу совет начать отступление. Действительность очень сложна, и безгрешных деятелей, свободных от ошибок на земле, не существует. (*Примеч. ред.*).
- ² Ударная мысль Вилизена, часто цитируемая в искаженном виде. (*Примеч. ред.*).
- ³ Спекулятивная или умозрительная философия понимается как противоположность эмпирической, то есть основанной на опыте. (*Примеч. ред.*).
- ⁴ Вилизен — определенный враг учения Клаузевица, и имеет в виду здесь именно его. Однако в недостаточной глубине Клаузевица упрекнуть безусловно нельзя, и он «с ужасом» не отступил перед этой задачей. Расширение рамок стратегии отнюдь не идет в ущерб глубине, но, действительно, широкий анализ крайне затрудняет стройность и целокупность изложения. В противность трудам Клаузевица, теория Вилизена представляет не тысячи песчинок настоящего золота, а стройный целокупный монолит. Это достигается, однако, за счет отрыва от жизни. (*Примеч. ред.*).
- ⁵ Читатель, конечно, понимает, что атака направлена здесь на учение Клаузевица. (*Примеч. ред.*).
- ⁶ Регенбургская операция. (*Примеч. пер.*).
- ⁷ Асперн-Эслинген и Ваграм. (*Примеч. пер.*).

ПОЗИТИВИЗМ ЛЕВАЛЯ

Наиболее характерным военным писателем второй половины XIX века является французский генерал *Леваль*. Труды его наложили чрезвычайно сильный отпечаток на французскую военную мысль и оказали сильное влияние и на других, в том числе и русских авторов. Леваль первый, когда еще не было Файоля, а тейлоризм интересовал только узкий кружок, провозгласил необходимость научной организации военного труда, механизацию и индустриализацию военного дела. Вместе с войной масс, по мысли Леваля, фабричное производство должно было придти в военном искусстве на смену творчества мастеров. В основе мышления Леваля лежит философия Огюста Конта, но тогда как наши последователи Конта, Г.А. Леер и Н.П. Михневич, являлись позитивистами только по заглавиям своих трудов, по отдельным вступительным главам, не связанным внутренне со всем содержанием их работ, Леваль явился настоящим творцом — сначала позитивной тактики, а затем и позитивной стратегии. Его работы представляют глубокий интерес для нас в настоящее время, так как мы и теперь стоим перед теми же лозунгами, которые, как фабричная марка, бросаются в глаза на любой странице Леваля: рационализация, индустриализация, механизация, научные приемы организации, борьба с эмпиризмом и так далее. Могучий ум Леваля развил колоссальные усилия, чтобы обосновать исключительно на опыте и логике и тактику, и стратегию. Многие работники нашей военной науки в настоящее время одушевлены тем же стремлением рационализировать военное искусство, которому посвятил всю свою жизнь Леваль, и это, может быть, наиболее поучительный для нас французский писатель.

Левалю, молодому полковнику генерального штаба второй империи, уже в 1869 году удалось создать себе громкое имя своей первой научной работой. Она была посвящена очень скромной теме: походному движению армейского корпуса. Это был вопрос, в котором ярче всего обрисовывались выгодные стороны новых научных приемов Леваля. Почти каждая строчка современных тактических учебников, гласящая о походных движениях, имеет свои корни в блестящем докладе, сделанном Левалем. Раньше думали, что ходить, говорить, есть, спать — это такие простые функции, которые не требуют никакого научного подхода; а XX век, например, создает науку о том, как дышать... Леваль, присмотревшись к походным движениям, совершавшимся исключительно по обычаям старины, усмотрел целый ряд вредных пережитков. В эпоху Фридриха Великого перед выступлением игрался генерал-марш, все складывали палатки, строились на первой линейке, затем начиналось вытягивание армии. Такой прием давал максимальное обеспечение от дезертирства, так как спрятаться где-либо на площади бывшего бивуака и отстать было крайне затруднительно; он являлся вполне рациональным для своей эпохи, хотя и был связан с тем, что части, составлявшие хвост походной колонны, стояли с одетыми ранцами в течение трех-четырёх часов, в ожидании своей очереди двинуться по дороге. Французская революция поставила в ряды армии совершенно других бойцов; вопрос о борьбе с дезертирством отпал на последний план; однако старый прием одновременного подъема всех войск

Жюль-Луи Леваль

остался; Мюрат здоровался со своими кавалерийскими массами, когда все всадники были посажены в седло, а затем дивизии, долженствовавшие выступить последними, даже не спешили в течение нескольких часов ожидания своей очереди движения. Все это нам, людям XX века, кажется противоестественным, но ни Наполеон, ни кто-либо другой, до Левала, не обратил внимания на эти мелочи. Леваль, поставив задачей тактики походных движений, нахождение приемов, которые позволили бы совершать наиболее длинные марши в наиболее короткое время, с наименьшим утомлением для войск и при условии сохранения в каждый момент боевой готовности, выяснил всю несообразность предварительного сбора войск и полную возможность создать колонну на ходу путем элементарного расчета глубины колонны и момента выступления каждой части.

Леваль сумел открыть также причины растяжки каждой части на походе. Рельсы не имеют постоянной длины, так как последняя увеличивается или уменьшается при изменении температуры; поэтому рельсы на стыках и не укладываются вплотную, а с известным зазором. Войсковые колонны на походе также не имеют определенной длины; известные затруднения, которые приходится преодолевать в движении, например, на подъеме, сейчас же отражаются на глубине колонны. Чтобы не вызвать остановок в движении, утомительно отражающихся на следующих в середине и хвосте колонны частях, нужно оставлять на стыке между частями определенные промежутки-дистанции. Леваль путем точных опытов и наблюдений пришел к определению необходимых для спокойного движения на средних дорогах дистанций между различными частями.

Он производил обширные опыты и наблюдения для того, чтобы установить, как сказывается повышение всего снаряжения на утомлении пехотинца, какая быстрота движения пехотинца является наиболее экономичной, как сказывается подъем на затрачиваемых пехотинцем усилиях, какая ширина походного движения является наиболее выгодной, чтобы сохранить возможность проветривания колонны и движения всадников вдоль колонны, на сколько пехотинец, идущий в голове колонны, утомляется меньше, чем двигающийся в середине ее и так далее. Тактик вооружился динамометром, шагомером, начал считать пульс солдата, потребовал на помощь себе всю мудрость медицины и в результате создал основы для главы о походных движениях, занимающей и сейчас еще почетное место во всех полевых уставах.

Тактика боя удалась Левалю в меньшей степени, так как здесь он встретился с явлениями, которые чрезвычайно туго поддавались исчислению с помощью динамометра. Уже в области походного движения беглецы, отступавшие после боя и покрывавшие до ста километров в сутки, обходившиеся при этом без тех комбинаций малых и больших привалов, которые также изобретены Левалем, принимавшие пищу далеко не в тот момент походного движения, который был установлен Левалем, как выгоднейший в медицинском отношении, и обходившиеся вовсе без сна, путали отчасти расчеты творца позитивной тактики. Поскольку явления самой пехотной атаки иррациональны, постольку логика Левала останавливалась перед ними, как будто попав в тупик.

Составив себе в тактике крупное имя и вынеся из войны 1870 года глубокую вражду к французскому «авось», которое отличается от русского маскировкой

из громких фраз о значении вдохновения и интуиции, о перевесе таланта над расчетом и так далее, Леваль приступил к работе над стратегией. Ниже мы даем перевод приблизительно половины его чрезвычайно характерного «Введения в позитивную часть стратегии»¹, обрисовывающего взгляды Леваля на военное искусство и военную науку. Мы выпустили в переводе филиппику, направленную Левалем против мысли о тесной связи между политикой и стратегией. Леваль здесь руководился личными чувствами, враждой по отношению к Гамбетте, взявшему в свои руки диктатуру над обороной Франции во вторую половину войны 1870 года. Но объявление независимости стратегии от политики нужно было Левалю и для того, чтобы открыть более широкую арену своим позитивным приемам научной работы. Замысел, искусство Леваль относит к творческой, умозрительной части стратегии, которая его не интересует.

Он сосредоточивает все свое внимание на технической части стратегии; в его представлении рост масс душист творчество, уменьшает значение удачных планов и выдвигает на первый план технику исполнения. Будущая война рисуется Левалю как лобовое столкновение миллионных армий, где все зависит от порядка, организованности технической организации, что вместе со здает крепкий лоб, который сумеет добиться победы; искусное же маневрирование в наполеоновском стиле в наш фабричный век отходит, по его мнению, на второй план.

Принципиальный отказ Леваля признавать за политикой какую-либо роль в стратегии ведет, прежде всего, к тому, что Леваль только предполагает, что он работает над стратегией; на самом деле его позитивные приемы позволяют ему разрабатывать только тактику — правда, тактику миллионных масс². Собственно стратегическое мышление у Леваля вовсе отсутствует. Он заимствует у железнодорожной техники идею графиков, переносит в графики работу тыла по снабжению — это очень хорошо, это было охотно воспринято всеми штабами, но все же это тактика, а не стратегия снабжения.

Любопытнее всего стратегия маршей Леваля. Отказавшись руководствоваться историей, видя в переживаемой нами эволюции военного искусства только элемент индустриализации, Леваль сосредоточивает все свое внимание на технике стратегии; но техника и все позитивные приемы Леваля не в состоянии обеспечить ему правильную постановку задания, выбор правильной цели. Леваль исходит из идеи сражения миллионных масс французских и германских войск на тесном пространстве одного из промежутков между участками, занятыми фортами — заставами, возведенными на франко-германской границе. Задание таково — движение миллионной армии на фронте около 100 километров, с последующим сосредоточением ее на фронте в 50 километров. Это задание открывает для позитивизма Леваля широкую арену: при таком столплении каждый вершок дорог должен быть использован для движения тяжелой артиллерии и подвоза снабжения, чтобы войска не остались без патронов и не умерли с голоду. Пехоте, кавалерии и полевой артиллерии нельзя позволить вовсе ходить по сколько-нибудь большим, сквозным дорогам; они должны уже на походе двигаться по колонным путям — частью по полем, частью порожними участками проселков, не имеющими сквозного направления и не применимыми для подвоза снабжения. Сквозь эту ужасную кучу должны пробиваться вперед резервные корпуса; они же, по ходу боя,

должны сохранить возможность производить в тылу рокировочные движения. Эти задачи со своим громадным умом и решает Леваль. Он не отрывается от почвы опыта и, будучи корпусным командиром, заставляет свой корпус на маневрах наступать в полосе четырехкилометровой ширины, оставляя имеющиеся шоссе свободным для армейского снабжения и тяжелой артиллерии. Эксперимент дает удовлетворительные результаты: несколько медленнее, производя некоторые опустошения в заборах, строя мостики, корпус на средней местности может совершать походные движения и без дорог.

Мировая война дала фронты, в десять раз более широкие, чем те, которые предал Леваль, и пехота не только не оказалась изгнанной с дорог, но получила их в свое распоряжение в гораздо большем изобилии, чем в 1870 году. Вместо того чтобы идти колонными путями, многие части с комфортом следовали на поле сражения на автомобилях. Жестокая гимнастика техники тыла и маршей миллионных армий, к которой приводило учение Леваля, непосредственного применения не нашла, но, разумеется, французские штабы, приуроченные на гораздо более трудную работу, легко справились с более легкими условиями мировой войны, а под Верденом, когда тыл оказался стесненным почти так, как думал Леваль, французский генеральный штаб показал себя на большой высоте.

Мы можем отметить могучие следы влияния позитивного материализма³ Леваля даже на мышление таких авторов, как Фощ, хотя у последнего намечаются уже другие тенденции и тяготения. И все же мы должны признать, что Леваль, со своим материалистическим — позитивным подходом вносил удивительную ясность и пожинал богатую жатву в одной категории военных вопросов, а в другой категории оказывался младенчески бессильным. Это объясняется отказом Леваля от учета исторических и политических данных и указывает нам пределы достижения узко-позитивной логики. Позитивизм Конта позади, но полезно иногда оглянуться на него, чтобы не повторять его ошибок.

Редакция

ВВЕДЕНИЕ К ПОЗИТИВНОЙ ЧАСТИ СТРАТЕГИИ

I. Изучение стратегии

Постоянный рост вооруженных сил во всех государствах заставляет общественное мнение интересоваться, как их будут передвигать и использовать в случае вооруженного конфликта.

Постоянное усовершенствование вооружения придает этому вопросу еще большее значение. Некоторые полагают, что они — на пороге открытия новых путей для ведения операций; все встревожены, находясь пред лицом неизвестного будущего, предугадать которое так трудно.

Маневры с участием больших сил, недавно состоявшиеся в России и Франции, выявили трудности вождения масс, возбудили много сомнений и поставили многочисленные вопросительные знаки.

Когда неограниченная никакими пределами растяжка организованных сил приводит к их разброду, когда обсуждение военных вопросов переносится на общественную трибуну и там запутывается и когда, наконец, пропагандируются самые странные теории, то надо опасаться понижения военной мощи; эту угрозу следует предотвратить.

Здесь перед нами как раз случай, когда следует вернуть мышление к точным методам военной науки, пропитать позитивизмом область высшего военного образования и поставить воображение и фантазию в самые тесные пределы.

В тот момент, когда столько лиц с столь явным непониманием обсуждает основные военные вопросы, может быть, будет не лишним обсудить самую высокую, но наименее известную из отраслей военного знания — стратегию и показать, что она представляет в настоящее время, а главное — чем она должна стать, и восстановить ее решающее значение в вопросах, касающихся руководства операциями.

В этом можно было бы даже усмотреть необходимость. За последние полвека ничего не было сделано для уточнения стратегии; наоборот, и писатели настоятельные, и писатели фривольные внесли в нее целый ряд привходящих вопросов, среди которых она погрязла, затуманилась и как бы денатурировалась. Романтизм, всеобщая история, политика, дипломатия, филантропия, физиократия, социализм и так далее и тому подобное внесли в нее принципы и афоризмы, которые толкали ее скорее к метафизике, чем к реализму.

Это движение направлено в обратную сторону по сравнению с эволюцией, имеющей место в искусстве и литературе, и это противоречие является довольно любопытным. К стратегии примешали все, правда, за исключением технических знаний. Писатели, считая их, безусловно, необходимыми,

по-видимому, полагали излишним напоминать о неизбежной их обязательности. Но общественное мнение, увидев, что вопрос о них не дебатруется между военными доктринерами, пришло к заключению, что они бесполезны и что можно рассуждать о стратегии без какой-либо подготовки.

Включив в стратегию столько аксессуаров, ее превратили в своего рода энциклопедию, в которой существенная ее часть, то есть ведение операций, оказалась как бы задушенной среди самых разнообразных сведений.

Это привело к известной путанице. Главный, доминирующий вопрос — практика оказался упущенным из сферы внимания. Началось блуждание среди диссертаций, мечтаний концепций большого размаха; в погоне за призраками действительность оказалась забытой.

Попытаемся очистить стратегию от этих паразитических наростов, под которыми прячется остов, та позитивная ее часть, которая является устоем высшей науки о войне.

II. Стратегический роман

Романтизм испортил стратегию. Он совратил ее с твердого пути науки и превратил в некое фантастическое, парадоксальное и неопределенное искусство, базирующееся на зыбкой почве, в какую-то улицу, на которой каждый, как ему заблагорассудится, может чертить любые вензеля.

В свое время Эзоп доказал, что наибольшее распространение имеет мания медицины, так как всякий готов помочь соседу советом в случае любой болезни. В наше время стратегов больше: все, за малым исключением, берутся за военные вопросы.

В талантах и остроумии недостатка нет, но компетентность отсутствует.

Воинственный инстинкт галла влечет его ко всем военным делам, но в то же время внушает ему явное отвращение к изучению связанных с ними вопросов. Современный буржуа по существу своему милиционер. Это явствует из обсуждения во всех парламентах законов, касающихся армии. Буржуа любит рыцарскую сторону войны и ненавидит подробности. Он без ума от военного мундира и проклинает строевое учение.

В то же время он антимилитарист и имеет отвращение к дисциплине; он обуреваем фантазией. Он не чувствует в себе скромных добродетелей солдата, но охотно воображает, что обладает достоинствами вождя.

Рассуждать о войне — для него большой опьяняющий соблазн. Он готов похвалить, но охотнее порицает. Он критикует все, что делается, а равно и все то, что не делается. Мы уже видели: он дискредитирует профессионалов. Больше всего он любит воображаемые операции и планы кампаний. Он бы охотно избрал умозрительную стратегию, если бы таковая уже не существовала.

Стого дня, как господин Прюдом⁴ вступил в ряды национальной гвардии, его осенили стратегические идеи. Количество воинственных нелепостей, до которых он со своими многочисленными единомышленниками додумался, не поддается исчислению. Это понятно, людей привлекает область фантазии; обобщения прельщают, высокие концепции заманивают, нетрудно оседлать химеры, и можно охотно провести несколько часов в области грез. Там нет ни гра-

ниц, ни препятствий; там можно свободно кроить и строить воздушные замки, не заботясь о практических возможностях, на которые смотрят с презрением.

В области выдуманного всякий замысел кажется выполнимым. Если судить по внешности, то руководство представляется легким делом; полагают, что достаточно иметь идеи, а стратегическими идеями преимущественно богаты люди, чуждые военной профессии.

Уже давно Клаузевиц сделал следующее замечание:

«Когда вы читаете рассказы великих полководцев о своих походах, когда вы видите, что они приводят в движение сотни тысяч людей с такой легкостью, как будто дело касалось исключительно их собственной персоны, когда вы слышите их объяснения, причем из самых несложных соображений вытекают те заключения, которые руководили их действиями, иногда приписываемыми даже простому проявлению инстинкта, то ничто не кажется проще, как руководство армией». Многие люди действительно убеждены, что не существует ничего более легкого. Однако, весьма ограниченное число великих полководцев, по-видимому, указывает, что задача труднее, чем это думают.

Военные писатели, занимая другую точку зрения, часто поддерживали заблуждение, что стратегия доступна для всех. Разве не писал Жомини следующие слова:

«Стратегия слагается из неизменных географических рубежей, относительное значение коих варьирует в зависимости от расположения неприятельских сил, расположения, которое может всегда представить лишь немного комбинаций, так как неприятельские силы могут быть разделены или сосредоточены к центру, или на одном из двух флангов. Нет ничего проще, как подвести столь простые элементы под правила, вытекающие из основного принципа войны. Ввиду этого, никогда военная наука не получала такой определенности, как современная стратегия». (*Большие операции*. Введение).

Этот тезис абсолютно оспоримый. Стратегия отнюдь не является ни простой, ни определенной. В прошлом это ясно из огромного количества имевших место неудачных комбинаций, а в будущем задача будет еще гораздо сложнее вследствие огромных масс, которые придется передвигать.

Это сама очевидность, и все-таки многие храбро пускаются в стратегическую дискуссию. По-видимому, против этого соблазна невозможно устоять. Этим обозначается то огромное количество ненужных высиженных трудов, вносящих в стратегию роман и подменяющих в ней рассуждение, расчет, науку и даже историю искусственными блестками или более или менее остроумными выпадами.

С 1870 года мания стратегии разрослась до колоссальных размеров. Наши неудачи являлись благодарными залежами для эксплуатации. Критика, нападки, обвинения и клевета обрушились на тех, которые скромно выполняли свой долг. Те, которые сделали немного, и, в особенности, те, которые ничего не сделали, свирепствовали. Каждый из них спас бы родину, если бы только послушались его предложений. У каждого был собственный план, и каждый, предлагал свои советы.

Старая история ритора, который давал в Эфесе уроки военного искусства и преподавал то, чего он сам не знал, остается и по сей час истиной.

Некий проповедник ораторствовал так: «Выйдя в незанятый район, франк-тиреры², описав большую дугу, бросятся веером во фланг противника и, загнув-

шись в подкову, ударят ему в тыл. Эти части, растянутые на обширном пространстве, конечно, будут представлять только кордон, но этот кордон явится огромным охватывающим фронтом, и из охвата постепенно образуются тиски».

Другой утверждал: «Для ученых комбинаций теперь не время. Достаточно одной энергии. Одна из армий, двигаясь укрыто лесами, широким охватывающим движением перережет неприятельскую операционную линию, тогда как другая армия, внезапно переправившись через реку, атакует его с фронта. Противник окажется захваченным врасплох и поставленным между двух огней, ему не уйти от уничтожения».

Вспомним эти красноречивые тирады, в них имеется все — воспоминания, реминисценции, фантазия, за исключением практических представлений. Фабриканты проектов и планов считали осуществимыми порождения своего мозга и не замечали, что их пальцы, великолепно гулявшие по карте, не представляют собой ни моста, ни сети, ни тисков. Между их концепцией и какой-либо возможностью ее осуществить лежала пропасть, которая осталась непрейденной.

Третий писал: «Противник внезапно обрушивается на нас, атакует, отбрасывает и непрерывно наносит нам новые потери. Мы не должны этого терпеть. Мы должны поменяться с ним ролями, и тогда в успехе не придется сомневаться».

Эти шумные и лишённые смысла фразы напоминают собой уроки фехтования господина Журдена⁶: дело заключается в том, чтобы давать удары, но не получать. Этот мольеровский рецепт вновь серьезно рекомендовали, без указания средства, как этого достигнуть.

Полвека тому назад Клаузевиц довольно зло критиковал эту романтическую стратегию:

«Очень легко составить проект обхода противника справа или слева. Идея сосредоточить армию, чтобы всюду иметь превосходство над растянувшимся противником, мысль восполнить меньшую численность быстротой движений, все это так же легко сообразить, как и высказать. Следовательно, нам не приходится восхищаться таким открытием, и о столь простых мыслях можно только сказать, что они очень просты». (Книга I).

До нашей роковой войны два остроумных писателя, подхватив идею Клаузевица, ввели в *«Великую Герцогиню»* сцену, в которой фабриканты планов кампании дают столь обычный совет: разрезать и проглотить⁷ как гимназический бутерброд. Над ними много смеялись, но урок не пошел в пользу и никого не исправил.

Пришлось встретить их достаточно и в жизни... Реорганизация армии, защита страны, будущие операции и системы войны дали неисчерпаемую пищу для все возраставшей мании стратегии. Военная идеология представляет замечательный источник постоянного развлечения, беспредельное поле, на котором забавляются тем, что сталкивают друг с другом человеческие массы, и где разрабатывающему планы кампаний кажется, что он проявляет свое могущество. Этими воображаемыми сражениями люди вызывают в себе опьянение и дурман победы, как курильщики опиума доставляют себе опьянение и дурман страсти.

В таких диссертациях все является продуктом умозрения, и ничто не исходит от позитивизма. Все затрудняются уточнить, в то время как, обобщая, генерализуя, каждый может мнить себя в некотором роде генералом.

Часть стратегии, являющаяся искусством, весьма доступна. Все хорошо себя чувствуют в этой туманной сфере. Замыслы, планы и критика представляются легко мнущуюся клячку. Она складывается, растягивается, обращается в шарик, сплющивается и покорно принимает самые разнообразные формы. Ничто в ней не определено, приемлемыми являются всевозможные конъюнктуры и допустимыми — любые гипотезы. Каждый может рассуждать на свой лад, даже экстравагантность не встречает возражений, так как в крайности можно допустить и невозможное.

Если верить декадентам, то смутные идеи и универсальные принципы применимы во всех случаях. Многие люди, не имеющие ни малейшего понятия о военном деле, не сморгнув, приступают к высшим военным вопросам, высказывают свое мнение относительно магазинного ружья или бездымного пороха в момент, когда специалисты еще воздерживаются высказать свою точку зрения.

Другие писатели объясняют, что будет представлять война в будущем, каким образом будут использовать массы, как будут давать сражения на суше и на море, и указывают, что произойдет в 1893-м или 1900 годах.

Эти остроумные книги легкого жанра отдают апокалипсисом. Они более или менее напоминают пророчество священника из Дортмунда о трехдневном сражении на перекрестке Було. Чтение этих книг доставляет такое же удовольствие, как чтение романа, но и все.

Этот сорт литературы отличается отвлеченным характером, цитатами, относящимися к частным случаям, неправильно обобщенным, и большой тягой к техническим выражениям: стратегический пункт, стратегические перевозки, стратегическая железнодорожная станция, стратегическая железная дорога и даже стратегический трамвай, ключ позиции, операционная линия и так далее, и тому подобное.

Эти превратные понятия, ставшие столь обычными в наше время, также превентивно критиковал тот же Клаузевиц. Он говорил: «Выражения: господствующая позиция, прикрывающая позиция, ключ позиции и тому подобные, в большинстве случаев представляют слова, лишённые какого-либо смысла. Некоторые ученые стратеги предпочитают употреблять эти мрачные выражения, чтобы замаскировать слишком явную банальность своих военных комбинаций; толкование этих терминов является излюбленной темой, которую они развивают своим ученикам». (Том I, стр. 403).

Правда, громкие термины накладывают на труд отпечаток эрудиции, но в действительности ничего не означают, так как их значение является по существу временным и относительным.

В этих туманных повествованиях, в которые не проникает ни малейшего света, все претендует на глубину, но в действительности предлагается только пустота. Эти военные концепции напоминают театральные пьесы, являющиеся плодом мысли, чуждой сценическому искусству, и, следовательно, не поддающиеся постановке.

В городском ли театре и на театре операции предъявляются однородные требования: надо оставаться на почве практики и, прежде всего, хорошо знать ремесло. При отсутствии этих основных условий провал неизбежен.

Но в первом случае автор наносит вред только самому себе, во втором, выдавая мираж за действительность, он вредит общественному делу и возбуждением химерических надежд разочаровывает до отчаяния.

Подобные эскизы приводят к очень опасным заключениям. Если стратегические решения даются так легко, что являются по плечу каждому, то почему они ускользают от военных профессионалов. Неспособные ли они люди или изменники? Это рассуждение, имеющее место в смутные времена, получает веру, вследствие усердной аргументации романистов стратегии. Вот это — печальное следствие стремления превратить в игру воображения серьезные вопросы войны.

III. История в стратегии

История, которая представляет одну из основ стратегии, причинила ей почти столько же вреда, как и роман, так как отвлекала ее от рационального, технического и позитивного пути и толкала ее к эмпиризму.

Верный отчет о фактах, добросовестное исследование причин и следствий и точное фотографическое изображение событий — такая история представляет драгоценный источник для поучения. Когда история уклоняется от этого пути, то она не только теряет всякую поучительность, но становится источником заблуждений. Это, в особенности, верно в военном отношении.

Можно сказать, что не существует ни одного труда по всеобщей истории, который бы точно и верно излагал военные события. Большинство писателей исходит из определенных убеждений, видят все с особой точки зрения; на них оказывает влияние среда, и они описывают и оценивают события не как беспристрастные судьи, а как представители заинтересованной стороны.

В таких неизбежных условиях история представляет такую же фальсификацию, как и роман. Воображение накладывает на нее более слабый отпечаток, но страсти — таковой же. То, перед чем преклоняется один, осуждается другими. В зависимости от руки, которая держит перо, те же факты излагаются совершенно противоположным образом.

У самых ученых и самых добросовестных писателей можно найти описания военных операций, представляющие совершенно различные картины, и мысль сбивается с толку в поисках истины.

Некомпетентность в военном отношении историков⁸, с точки зрения исследования, делает их труды бесплодными. Они часто ошибаются, так как предметы, о которых они говорят, и термины, которые они употребляют, им чужды. Они не вовремя хвалят и критикуют, то вознося ничтожества, которым мимолетно благоприятствовал случай, то осуждая блестящие решения, которыми изменили обстоятельства.

Только очень образованные военные могли бы писать военные хроники и объяснить и оценить чисто военные события. Но таковые встречаются очень редко, отсюда столько допущенных ошибок. Большинство историков лишено возможности составить собственное мнение; они пользуются более или менее признанными взглядами и иногда несколько изменяют их на свой лад. Это другой способ возникновения стратегической романтики. Тьер является глав-

ным представителем этого жанра. Его блестящий стиль скрывает убогость доводов, ступшевывает ошибки и оправдывает дерзость суждений. Его оценки представляют ложный след для изучения военной истории.

Его литературный успех и претензии стратега имели немало последователь. Теперь часто приходится исправлять неточности, которые приводились последующими историками, как достоверное предание.

Некомпетентность в суждении о фактах приводит к противоречиям в повествовании и к обычно бессознательному искажению исторической истины. Но она приобретает еще гораздо более серьезное значение при переходе от рассказа о событиях к их оценке. А между тем ценность истории заключается исключительно в необходимом для нее элементе — в критике. Критика заставляет восходить к причинам, выводить из них следствия и давать оценки. Велики затруднения и опасны соблазны...

Некомпетентный писатель критикует специалистов; это неизбежно, и неправильные приговоры сами по себе не слишком большое дело; найдется лучшее осведомленный человек, который исправит или вовсе отменит их.

Зло заключается в том, что автор, описав и оценив военные операции, давши аттестацию тем, которые ими руководили, и, указав, что следовало делать, приходит к заключению, что при случае он сам мог бы явиться вождем, и в результате историческая критика оказывается причиной, по которой столь большое количество стратегов существует теперь вне кадров армии.

Опираясь на сомнительные, хотя и исходящие от великих полководцев указания, многие полагают, что изучения военной истории достаточно, чтобы проникнуть в тайны стратегии. Но одна военная история, к тому же еще плохо понятая, приводит к традиции, как называют рутину, и она сразу убивает и размышление, и расчет.

У историков почти исключительно господствует эмпиризм. Они делают извлечения из более или менее достоверных, более или менее однородных военных фактов, взятых в большем или меньшем числе, и подразделяют их на две рубрики. Первая включает события с успешным концом, в их духе и рекомендуется действовать в будущем; ко второй относятся события с плачевным исходом, и благоразумие не советует брать с них пример. История, в конечном счете, только весы. Одна чаша содержит все то, что приводило к успеху, другая все то, что обуславливало неудачу. Вывод таков: действуйте так-то, остерегайтесь того-то; так учит нас прошлое и таковы должны быть правила для будущего. Начинается рабское подражание.

Сведенная в такие убогие рамки стратегия, казалось, представляет самое легкое и всем доступное искусство, инструмент, на котором можно играть, не изучив его предварительно.

Многие часто думают, что они стоят на твердой почве, если могут провести в подтверждение дел или слова одного из великих полководцев. Его действия и его слова были хороши в свое время. Но если теперь обстоятельства изменились, то они больше ничего не стоят. Чтобы придти к заключению, необходимо произвести очень деликатное исследование обстановки, что невозможно для человека, чуждого военной профессии.

Без внимательного обсуждения очень опасно брать из истории и образцы для военных комбинаций, и все же это очень часто имеет место. При этом ис-

ходят из принципа, что история постоянно повторяет сама себя. С военной точки зрения нет большего заблуждения. И сколько ошибок было сделано, когда совершенно не к месту воспроизводились образцы, неправильно истолкованные или неточно переданные.

Но это не останавливает подражателей. Копировать легче, чем творить.

Стремление повествователей превращаться в стратегов, несомненно, представляет очень странное явление. Мы не встречаем его ни в какой другой профессии.

В живописи, в музыке, в поэзии, в литературе имеется большое количество критиков искусства, и среди них встречаются превосходные. Одно дело — критика, а другое — творчество. Мы усматриваем, чувствуем, подчеркиваем недостатки и ошибки, сознавая одновременно, что мы не способны создать равноценное осуждаемому произведению. Никто не рискнет на это, и даже мысль об этом ни у кого не зарождается. А между тем, результатом такой попытки явилась бы только плохая картина, неудачная музыкальная пьеса или жалкая книга, которые никому не причинили бы вреда, разве что подписавшемуся под этим творением лицу.

Иначе обстоит дело с военными операциями, где на карту ставится судьба отечества. За них берутся без ремесленной выучки, без технических знаний.

Эта аномалия, без сомнения, является следствием двойного характера стратегии. Обычно не замечают ее научной стороны и усматривают в ней исключительно творческую часть; каждый и воображает, что у него талант мастера, творца, художника.

В литературе, в искусстве, в политике иногда приходится встречать извинения в том, что высказывают суждения о малоизученных вопросах. В стратегии никто не извиняется, приступая к разбору наиболее сложных вопросов: это считается вполне естественным. В соответствии с этим, от слов переходят к делу.

Разве мы забыли, как счастлив и доволен был господин Тьер, когда объезжал лагерь, производил смотры и давал указания по фортификационным работам; он воображал себя командующим армией.

Лувуа держал себя так же, и Людовик XIV насмехался над военными претензиями своего статс-секретаря, когда видел, как последний входит в роль командира полка. В 1691 году, во время осады Монса, излюбленный министр изменил положение одной из главных застав. Заметив это, король сказал своей свите: «Разве это дело Лувуа? Он воображает, что он «великий полководец» и знает все». (*Дневник Данжо*, 11 апреля).

Многие другие были о себе того же мнения. Непризнанные военные таланты мутят много голов. Они мечтают о том, чего не знают, неизвестность привлекает их, и они не могут устоять против такого соблазна. Комнатных стратегов и кабинетных воителей развелось целый легион.

Тем не менее, они вторгаются только в одну область стратегии, наименее реальную и наиболее соблазнительную: в искусство комбинаций.

Воображением править легче, чем разумом. В замысле прельщает дерзость, а не основательность. Большинство любит внешний вид и не интересуется остовом. Великие и смелые дерзания с первого взгляда кажутся красивыми; изыскание же практических путей является тяжелым и мало заметным тру-

дом. Только люди ремесла знают, насколько существенна вторая часть. Другие о ней вовсе не заботятся. Да как бы они могли ее знать? В истории она не упоминается.

Можно допустить, что история в некоторой степени передает замыслы, но она совершенно несостоятельна, когда повествует о выполнении его, на которое накладывает явный отпечаток особенности данного частного случая.

Было замечено очень верно: понять войну легко, но вести ее трудно. Этот афоризм проводит верную грань между двумя частями стратегии: комбинациями и выполнением. Всюду и всегда теоретическая идея проявляется только в своем приложении к действительности; замысел оценивается только по выполнению. Это позитивный закон, и если он не всецело объемлет стратегию, то, во всяком случае, является для нее руководящим.

Люди большой энергии уделяют ему огромное внимание и придают мало значения комбинациям. Мощное и искусное выполнение они ставят гораздо выше замысла.

Эта расценка, может быть, преувеличена. Влияние комбинаций гораздо больше отражается на неудачах, чем на успехах. Редко бывает, чтобы довольно удачный замысел обуславливал победу, но плохой неизбежно приводит к катастрофе.

Выполнение способствует успеху хорошей комбинации и приходит на помощь посредственной; но оно бессильно, когда замысел негоден, вот что надо понять.

Перевалить через Малый Сен-Бернар, чтобы по долине Аосты спуститься в Италию, это — правильная мысль. В июне 1691 года выполнить ее попытался генерал-лейтенант Ла-Огет; этот замысел привел к изрядно громкой неудаче. В 1800 году за эту мысль ухватился Бонапарт; замысел мог опять не дать больших результатов, если бы секрет операции был разглашен. Быстрота выполнения в данном случае обеспечила удачу.

План кампании 1796 года в Германии, составленный Директорией и разделявший наши силы на три группы перед лицом такого противника, как эрцгерцог Карл, был глубоко порочен, и самое блестящее выполнение не могло предотвратить неудачу; она и имела место, несмотря на все таланты Журдана и Моро.

В 1806 году прекрасный замысел Наполеона, несомненно, является одним из элементов успеха; однако, противник сохранял возможность ослабить его размах своим маневром. Величие победы объясняется преимущественно превосходным во всех отношениях выполнением.

Вторжение в Богемию в 1866 году, произведенное отдельными колоннами прусских войск, рассматривается как неправильная комбинация, так как она была связана с риском натолкнуться на заранее сосредоточенную австрийскую армию. Решительность и быстрота выполнения исправляют ошибку, заключавшуюся в плане кампании.

Наш замысел, имевшийся к началу кампании 1870 года, по существу, не был ошибочным. Распределение французских сил на две группы (в Эльзасе и на Сарре), связанных третьей, расположенной в Вогезах, открывало возможность действовать против неприятельского фронта или фланга и нанести сильный удар или правым или левым крылом; это была, несомненно, разум-

ная группировка. Выполнение никуда не годилось; высокие качества войск не смогли поправить дело.

Комбинация, которая толкала Шалонскую армию на помощь осажденному Мецу, была иррациональной. Политика заставила принять этот замысел к исполнению; но даже превосходное выполнение не могло предотвратить его неудачу. Военные по ремеслу могли легко это предвидеть.

В 1870 году турецкая делегация, по-видимому, вдохновлялась мыслями, которые дали такой жалкий результат в течение кампании 1796 года на германском театре. Наподобие Директории, она разделила французские силы, тогда как быстрое их сосредоточение было единственным шансом на спасение Парижа. Недостаток замысла не мог быть устранен качеством выполнения, и неудачи были неизбежны.

Этих примеров достаточно, чтобы показать, насколько заблуждаются составители планов кампаний, когда они руководствуются историческими воспоминаниями. Пытаясь подражать прошлому, можно легко себе вообразить, что воспроизведение замысла — практическое дело. Отсюда умозрительная или фантастическая стратегия, отсюда ошибки, за которые приходится дорого расплачиваться.

IV. Две части войны

Идея может проявиться, только реализуясь и олицетворяясь в действительности. Следовательно, имеются две категории: замысел и выполнение, отвлеченное мышление и осуществление.

Невыясненный и по сей час двойной характер стратегии был, тем не менее, разгадан и даже очерчен выдающимися писателями.

У Фекьера значится: «раз решение вступить в бой принято, надо перейти к средствам, которые позволили бы осуществить его с успехом. Часть этих средств можно предвидеть, а другие выяснятся в самый день боя». (О сражениях).

По-видимому, он усматривал, таким образом, позитивную, если не научную, часть стратегии и другую часть — умозрительную или творческую.

Маршал Пюи-Сегюр утверждал со своей точки зрения: «Я думаю, что вне всяких войн, вне армий можно изучить, исключительно исследованием, всю теорию маневренной войны. Эту теорию я называю свободным военным искусством. Армия представляет только механизм, который приводится в движение и ведется в бой этим искусством. Это то самое искусство, которое учит нас составлять план войны». (*Военное искусство*. Предисловие).

Свободное⁹ военное искусство! Да ведь это умозрительная стратегия, искусство комбинаций, а *механизм* — это часть позитивная или научная.

У всех писателей мы встречаем ту же, более или менее затуманенную мысль, так как она лежит в самой сущности стратегии.

Война ведется не только в мозгу, как это думают некоторые люди. Мозг скорее является органом разрабатывающим, чем творческим. Мозгам надо доставить всевозможные данные, а последние являются позитивными. Разум, суждение и индукция перерабатывают эти данные, в результате чего выходит комбинация, проект операции (часть умозрительная). Затем, чтобы уяснить,

насколько эта идея осуществима в жизни, необходимо вмешательство расчета (позитивная часть).

В зависимости от фазы изменяются сущность и условия задачи. В области теории господствуют разум и воля; действие здесь имеет преимущественно духовный¹⁰ характер. Это искусство с сопровождающими его неожиданностями, произволом, порывами и беспредельностью.

Затем надо покинуть эти высоты, где господствует полная свобода, и спуститься на землю, где все является сплошным препятствием, перейти от воображаемого к действительному, привести в движение отдельные единицы, импульсировать массы, преодолевать сопротивление, удовлетворять все требования, предвидеть, рассчитывать. Здесь искусство блекнет, и на сцену выступает наука со всей своей точностью и позитивизмом.

Это различие существенного, и его последствия особенно отражаются на способе подхода к рассмотрению военных вопросов и на методе того пути изучения, который приводит к знанию.

Стратегия представляет целое, составленное из замыслов и приложения к частному случаю, из материальных и моральных величин, из логики и расчета, из умозрения и позитивизма. Она имеет двойственный характер, или, вернее, состоит из двух частей. Она относится одновременно и к искусству, и к науке.

Наполеон I выражает это так: «Ахилл был сыном богини и смертного: это образ военного гения. К божественной части относится все то, что вытекает из моральных соображений, характера, таланта, интересов вашего противника, общественного мнения и духа солдата, который побеждает и силен, разбит и слаб, смотря по тому, каковым он себя считает. К земной части относятся оружие, укрепления, позиции, боевые порядки, одним словом все то, что касается материальных вопросов». (*Комментарии Наполеона*. Том VI).

Мармон, по-видимому, также хорошо отличал в стратегии две ее части, когда писал: «Позитивная часть войны всегда сводится к расчету времени и расстояния, но моральная часть, касающаяся знания человеческого сердца, зависит от вдохновения, от таинственного природного дарования, которое редко кто имеет и никто не может преподавать».

Это более отчетливое представление о стратегии, ее раздвоение, если можно так выразиться, позволяет легче к ней подойти. Искусство и наука в ней соединяются, но не сливаются. Их методы не тождественны, а средства различны.

Искусство не допускает ни абсолютных законов, ни абсолютных принципов. Оно допускает самые разнообразные решения, полагаясь иногда на вдохновение или на опыт, чтобы извлечь, что возможно, из случайности. Его поле деятельности столь же беспредельно, как область воображения. Решения, замыслы и планы зависят исключительно от таланта полководца, и только от него. Этот талант ничто заменить не может.

Наука о войне стремится отвечать требованиям, готовить, предвидеть и сокращать ту часть, где господствуют случайности. Ее методы — организация, управление, усовершенствование оборудования, механизация, как говорят в общежитии. Ее методы не зависят от дерзости предприятий и согласуются с ней. Для успеха требуется, чтобы учитывались обе категории — моральных и материальных элементов, и отдавалось должное каждому.

Отдельные народы отдавали большее или меньшее предпочтение первой или второй части стратегии, в зависимости от их интеллектуальных и воинственных склонностей. Одни любили крупные предприятия, стремились к отдаленным дерзким целям, которые возбуждали воображение, и уделяли мало внимания организационным мероприятиям, вопросам безопасности или осторожности. Рыцарская часть у них господствовала. Другие действовали упорядоченно, избирали лучший подступ к ограниченным целям, все тщательно регулируя. У них особенно выявлялась практическая сторона.

Победа поочередно увенчивала оба метода действий. Первый привлекал больше внимания и давал больше славы, но продолжительные успехи и серьезные выгоды имел второй.

Различие между обеими ветвями стратегии еще больше подчеркнулось в связи с усовершенствованием вооружения и увеличением численности армий. Умозрительная часть стратегии имеет тенденцию к умалению, а позитивная к росту.

Клаузевиц предчувствовал эту идейную эволюцию; он один из первых, отметивших тенденцию к умалению умозрительной стратегии. Он утверждал, что «наука состоит исключительно из знания, искусство же требует творческих способностей».

Современные войны вполне оправдали его взгляд. Фельдмаршал Мольтке проявил гораздо больше научности, чем искусства, механизация у него преобладала над замыслом.

Поэтическая сторона войны постепенно сходит на нет. Ее блестящее очарование уступает место механизму. Искусство отворачивается от идеального и все больше и больше уклоняется к реализму; это следствие, вытекающее из техники.

Руководство войной переживает существенную эволюцию. Операции широкого размаха, внезапность в большом масштабе и молниеносные удары больше не могут осуществляться. Масса является на смену протяжению. Все толкает к этому, в этом нельзя ошибиться.

Позитивная сторона стратегии идет на прибыль, как в действительности, так и в области идей. В этом направлении и надлежит ориентировать изучение, чтобы поднять уровень военной науки, элемента, значение которого растет вместе с численностью армий.

V. Умозрительная часть стратегии

Военное искусство, в частности, его умозрительная или гадательная часть, прельщает. К ней легко подойти, она как будто не требует усердного труда и представляется доступной для каждого. Искусство, природа которого не поддается дисциплине, предоставляет всем полную свободу мысли. Оно располагает туманными, случайными, иногда даже противоречивыми доктринами, и самые противоположные гипотезы не кажутся неправдоподобными. Можно занять точку зрения, защищать ее, изрекать приговоры, не располагая эрудицией, и все же иметь вид человека, компетентного в военных вопросах.

Таким образом, объясняется предпочтение, оказываемое умозрительной стратегии, так как ее красивый фасад позволяет не углубляться. Рассматривая

этот стратегический фасад со стороны, касаясь только замыслов, грандиозных планов, в известной степени можно было бы думать, что умозрительная стратегия составляет удел особо одаренных натур, что она доступна только для выдающихся людей, что обычные приемы обучения здесь не к месту, и в конечном счете, по словам Наполеона, она представляет ряд интуиций, провидений, где знание излишне и где достаточны одни природные дарования.

Эта мысль не новая; в свое время ее уже опровергал генерал Гибер:

«Кондэ, Люксембург, Евгений, Катина, Вандам и Виллар умели передвигать массы. Великие люди, о которых я только что упомянул, не ввели в армию ни новой организации, ни новой тактики. Они не завещали нам никаких принципов. Может быть, они даже часто действовали, руководясь больше инстинктом, чем размышлением. В то время наука командования рассматривалась почти целиком, как врожденный дар, как бы подарок небес. Тогда едва себе представляли необходимость обучения и исследования». (Том I, стр. 72).

Кое-кто не шел дальше и в наше время и исповедует ту же веру. Им кажется, что военный человек состоит сплошь из природных дарований. Школа, обновляющая теперь старину, еще сейчас берет под свое покровительство врожденные идеи. Некоторые верят в них и именуют себя спонтанистами или врожденцами, чтобы подчеркнуть свою принадлежность к знаниям по интуиции. Эти слова новейшей фабрикации недостаточно удачны и точны, и, по видимому, им суждена недолгая жизнь.

Почти все философы отбросили учение о врожденных идеях. Они рассматривают эту систему, как уловку людей, которые не в состоянии понять и не умеют объяснить, и потому предоставляют своему рассудку витать и блудить в пустоте.

Аристотель сказал: «Разум, еще не познавший — ничто, он представляет собой лист, на котором ничего не написано».

Та же мысль выливается из-под пера Клаузевица: «Несомненно, не существует никакой области, в которой мог бы работать человеческий разум, не располагая известным богатством идей; эти идеи, или по крайней мере большая их часть, не самозарождаются в мозгу человека, он должен их завоевать, и тогда они образуют его знание». (Введение).

Философ и военный утверждают то же самое. Многозначительное совпадение...

Разве превосходство врожденно? Да, если подразумевают силу ума и природные способности, которыми одарен человек. Нет, если имеет в виду, что человек уже при рождении одарен решением всех задач какой-либо профессии.

Старая аристократия заблуждалась, воображая, что происхождение одаряет всем; вспомним ответ маркиза Доранта в комедии Мольера «*Мещанин во дворянстве*»: «Мы, люди хорошего происхождения, имеем привилегию знать все, никогда ничему не учившись».

Вообще, много говорят о гении. Многие мнят себя гениями, но в действительности немногие им обладают. Гений, несомненно, является природным дарованием, так как предпосылками его являются широкая интеллектуальность и очень всесторонний ум. Это исключительный и интенсивный вид человеческого превосходства. Он выражается в предвидении и способностях, которые, в большинстве случаев, выходят за нормальные размеры.

Мы умалим гения, если будем стремиться видеть в нем лишь внезапное вдохновение, неожиданное откровение или молниеносное озарение. Привлекательность всего чудесного заставляет предполагать в великих событиях сверхъестественные причины.

На войне данные, имеющие самое реальное значение, не поддаются материальной оценке. Полководец счастливо одаренный, угадывает их, благодаря своей проницательности, делает заключения о них на основании незначительных признаков или узнает их каким-нибудь секретным путем.

Кое-что остается нам неизвестным, но это не основание, чтобы видеть здесь сверхъестественное. Если бы мы знали больше, то приходилось бы меньше удивляться. Итальянская кампания 1796 года была облегчена Наполеону поездками инкогнито, которые он предпринимал раньше в Приморских Альпах, вплоть до Генуи, и владением итальянским языком. Без каких бы то ни было посредников, он один оказался знающим частные особенности, а дальнейшие события заставили это знание истолковать, как вдохновение и ясновидение.

Объяснять успехи Наполеона его огромным умом, его проницательностью, его искусством, его энергией и его ученостью было бы слишком просто, и потому предпочитают видеть в его мышлении какую-то вездесущность или божественность.

В особенности досадуют, когда приходится соглашаться, что великие полководцы были образованными людьми.

«Поверие, столь распространенное в наше время, что полководцем надо родиться, и что нет необходимости в учении, чтобы развиться и вырасти в полководца, является одним из многочисленных заблуждений нашего века, одним из общих мест, к которым прибегают самонадеянные и апатичные люди, чтобы уклониться от тяжелых усилий, ведущих к совершенству. Да, гений, несомненно, родится вместе с нами, но великий человек, кроме того, должен сформироваться, гений не является зданием, а лишь его фундаментом». (Эрцгерцог Карл. *Принципы стратегии*. Предисловие).

В примерах нет недостатка.

Ганнибал воспитывался своим отцом, выдающимся генералом Гамилькаром, который рано привлек его к работе над своими планами и быстро развил его ум. Он участвовал в Испанской войне, под начальством своего зятя Гасдрубала, следовательно, его природный гений развивался изучением и опытом. Он интересовался всем и работал без отдыха. Так говорит Полибий.

Один из выдающихся военных писателей нашего времени приводит почти что аналогичный портрет Кондэ.

«Чтобы лучше осветить характерные черты Тюрена, часто утверждали, что его доблестный конкурент полководцем стал внезапно и сразу же оказался победителем. Надо отбросить эту химеру: импровизированный в один момент полководец существует только в воображении; гений Кондэ, данный Богом, был оплодотворен учением, и к тому же настойчивым учением под хорошим руководством; пять лет практической работы дали ему зрелость. Он быстро созрел, как плод, которому благоприятствовало солнце. Первыми же скачками он достиг апогея и сумел удержаться на высоте, не опускаясь по нисходящей линии. Его таланты были одинаковы, как при Сенеффе, так и под Рокруа». (*История принцев Кондэ*. Том IV, стр. 249).

Всем известно, как Бонапарт изучал походы: он не просто читал военно-исторические труды, а держал перо в руках, отмечая, критикуя и делая выписки¹¹. Чтобы овладеть военным ремеслом, он занимался по 16 часов в сутки. С управлением армиями он ознакомился в 1795 году, который он целиком провел в топографическом отделе Комитета Общественного Спасения. Необычайное прилежание Наполеона развило его суждение и позволило ему близко ознакомиться с военными вопросами.

Впоследствии, беседуя в 1809 году с Редерером, Наполеон говорил ему: «Если кажется, что у меня на все имеется готовый ответ и ничто меня не захватывает врасплох, то это следствие того, что прежде, чем что бы то ни было предпринять, я долго обдумываю и предусматриваю все, что может произойти. Это не гений мне внезапно по секрету подсказывает, что я должен сказать и сделать в обстоятельствах, которые для других являются неожиданностью; нет, это есть результат моего обдумывания и моих размышлений. Я всегда работаю».

В другой беседе он добавил: «Я убежден, что для того, чтобы быть хорошим генералом, надо не только иметь большой талант, но также большие знания. Глазомер и быстрота решения у великих полководцев доказывают только, что они необычайно близко освоились с необходимыми им знаниями».

Существует различие между качествами и способностями командования. Его можно было бы почти в точности отметить двумя словами: мочь и знать. Одни могли бы, но не знают, другие и знают, но не могут. Настоящий вождь соединяет в себе качества и способности.

В сущности, можно было бы обойтись без доказательства такой очевидности.

Прирожденные качества предпочитают благоприобретенным способностям. Первые дает природа, вторые же дает только учение, а это менее улыбается.

В нас сидит еще остаток рыцарского мировоззрения, которого ничто не смогло изгладить и в которое входит презрение к труду. Большинство восхищается людьми, которые бросаются в авантюры, не зная, куда они идут, не отдавая себе отчета в противниках, всецело полагаясь на свое мужество и свою звезду; к тем же, которые организуют, комбинируют и готовят, относятся более холодно.

Все очарованы Кондэ, когда он бросает свой маршалский жезл в неприятельские ряды и приказывает своим войскам отобрать его. Красивый жест, прекрасное вдохновение, не требующие ни работы, ни подготовки. К счастью, Кондэ знал и кое-что другое.

Старая традиция невежества основана на лжи. Изучение всех военных событий не оставляет в этом никакого сомнения. Одних природных дарований недостаточно для создания военного вождя. Странники врожденных идей тщетно стремятся поставить вновь на первый план вдохновение. Вдохновения больше нет, если оно вообще когда-либо существовало. Ему доверяются, а оно обманывает. Его зовут — оно не приходит. Вдохновение — это фантастическое, неуловимое божество, которое отзывается только на призывы образованных людей; а когда у командования не хватает надлежащих способностей, то расчет на внезапное прозрение оказывается мифом, и ему остается только претерпевать неудачу. К сожалению, мы это видали слишком часто.

VI. Моральный элемент

В соответствии с предположением, что военные комбинации внезапно рождаются в хорошо одаренном мозгу, любовь ко всему чудесному заставляет в войсках также усматривать только моральные элементы или, по крайней мере, приписывать им перевес.

Нет образования у начальников, нет образования и у подчиненных — этой нелепости нельзя отказать в логике. Чтобы избежать необходимости учиться вести войну, многие говорят: на войне моральные силы — это все.

Моральные и социальные вопросы интенсивно отражаются на сущности войны и гораздо меньше затрагивают ее ведение.

Почти во всех походах роль морального элемента выступает с полной очевидностью. Больше или меньше напряжение существенно влияет на результат. Их воздействие реально, несомненно, и капитально. Оно сказывается повсюду, независимо от перестроений, приемов, оружия.

По своей природе, моральные элементы не подчиняются разуму и, еще меньше, расчету. Иногда моральные силы ширятся, а порой внезапно ослабевают. Обращение с ними относится к очень деликатным операциям. Жомини относит моральный элемент к военной политике или философии войны.

Моральные факторы существенно никогда не изменялись. Храбрость, дисциплина, патриотизм, самоотвержение и презрение к смерти существовали во все времена. В том же виде мы их находим в священном батальоне Фив, у храбрецов Леонида под Фермопилами, у римских триариев, среди испанских терций и у ворчунов старой императорской гвардии.

Эти солдаты всегда были восхитительны. Такими останутся серьезные солдаты, пока они вообще будут существовать, пока на смену им не выдвинут милицию.

Природа моральных элементов не может измениться. Поскольку необходимым является уважение к моральным элементам, оказание им возможно большей поддержки, постольку же явится роковым допущение, что на войне — они все, и расчет исключительно на них.

Мы видели наемников, в особенности у Ганнибала, и даже рабов, которые дерутся не хуже граждан, воодушевленных большой любовью к родине; мы также видели каторжников, которые столь же хорошо держались под огнем, как и честные люди.

Увлечение крайностью заставит нас блуждать. Признаем же, что без моральных факторов или, по крайней мере, без части таковых, нельзя добиться многого, но что их одних недостаточно, чтобы ответить на серьезные требования войны. Они дают импульс, но не сами работают, а война, в конечном счете, является триумфом хорошо использованной материальной силы.

Не надо ставить образование выше военных доблестей, но недостаток в военном образовании всегда вел народы к гибели.

Обратим внимание на следующую заметку Жомини: «Прекрасная армия, умевшая хорошо маневрировать, хорошо дисциплинированная, но не имевшая умелых руководителей и подготовленных в народе резервов, в 15 дней

привела Пруссию к падению под ударами Наполеона». (*Большие операции*. Введение, стр. 49).

В наши дни мы также видели прекрасных солдат, которые были разбиты, потому что ими плохо управляли. Следовательно, одной доблести, качеств и моральных элементов недостаточно.

Знание теперь полезнее, чем когда бы то ни было.

Широкое распространение новых изобретений все больше стремится уничтожить материальные различия между армиями; успехи цивилизации все больше стремятся сгладить моральные различия между нациями; превосходство окажется за наилучше вымуштрованными, за более искусными, за лучше обученными; но весы судьбы, конечно, всегда чутко отзовутся, если на одну из чаш будет положен гений вождя.

VII. Нетвердость принципов военного искусства

Было бы ошибочно утверждать, что принципов военного искусства не существует; однако эти принципы не имеют абсолютной ценности. Ценность принципов зависит от данного им применения, и в этом заключается одна из главнейших трудностей военного ремесла.

Принципы военного искусства, чтобы не являться препятствиями, поневоле должны быть эластичными. Различные авторы дали им различную формулировку, в зависимости от их точки зрения или обстоятельств. Одни утверждают, что принципы несомненны, бесспорны, другие же считают их сомнительными и подлежащими критике. В результате создался ряд противоречий, расшатывающий наши убеждения.

Мы приведем несколько примеров в подтверждение сказанного.

1. Превосходство в численности на решительном пункте. — «Основной принцип всех комбинаций заключается в том, чтобы нанести возможно большей массой своих сил комбинированный удар на решительном пункте». (*Большие операции*. Том III, стр. 337).

Так говорит Жомини. Бог стоит за большие батальоны, говорили до него. Теперь же, когда таковые имеются у всех, начинают думать, что в один прекрасный день Бог окажется на стороне хороших батальонов. Очень старая истина, высказана Вегецием в первых строках его «Военных учреждений»: «Во всех видах боя победа скорее останется за искусством и опытом, чем за преимущественным в численности и доблестью, которыми плохо управляют».

Численность не является еще всем. То же утверждает и Клаузевиц: «Не следует думать, что все уже выиграно, если ваши преимущества состоят исключительно в численном превосходстве, так как в связи с другими обстоятельствами может легко оказаться, что обладание таковыми дает еще очень немного». (Том I, стр. 45).

Численность на решительном пункте не всегда обеспечивает превосходство. Моральные факторы могут компенсировать меньшую численность войск. Удачный маневр, быстрый подход подкреплений, внезапность, охват фланга, неожиданное сосредоточение артиллерийского огня, определенные выгоды

местности в известный момент могут сделать на определенном участке более сильной стороной, не располагающую численным превосходством.

Следовательно, превосходство в числе на решительном пункте не является принципом.

2. *Разделяться, чтобы жить, сосредоточиваться, чтобы драться.* — В походе идеал состоит в том, чтобы быть сосредоточенным, так как разделение сил представляет положение, вызывающее беспокойство и могущее даже оказать роковым. Имея хорошую тактику снабжения и располагая железнодорожной линией, армия вовсе не нуждается в том, чтобы разбрасываться для возможности существования. Она скорее должна разделяться на части, чтобы двигаться и маневрировать.

Вышеизложенное утверждение не представляет цельности и не обязательно для всех случаев. Следовательно, это не принцип.

3. *Никогда не избирать пункт сосредоточения в районе, где может предупредить противник.*

4. *Никогда не допускать, чтобы походные колонны оказались разделенными непреодолимыми препятствиями.* — В 1866 году пруссаки пошли на то и другое, вторгаясь в Богемию и отложив сосредоточение до достижения верхней Эльбы. Успех им благоприятствовал. Следовательно, их решение не было ошибочным. Сила и стремительность выполнения окупали недостатки, которыми, казалось, отличалась комбинация.

Здесь так же нельзя усмотреть постоянных принципов.

5. *Наступление во что бы то ни стало.* «Наступление вообще представляет больше выгод, особенно в стратегии. В тактике инициатива всегда уравновешивается». (*Жомини. Большие операции.* Введение, стр. 71 и 72).

Однако, Клаузевиц, большой сторонник наступления, писал: «Всем предшествующим мы, по-видимому, достаточно подтвердили наше утверждение, что оборона является более сильной формой ведения войны, чем наступление». (Том II, стр. 21).

По поводу того, следует ли отдавать предпочтение наступлению или обороне, много писали, как будто обе формы не согласуются с войной. Их смещение или чередование являются необходимыми; в них и заключается искусство войны. Разделение их приводит к системе, к предвзятости, к посредственности.

Признают выгоды объективности, то есть сохранения за собой руководства и определения военных действий, а не субъективности, с чем связано подчинение воле противника.

Объективности можно добиться обоими средствами, то есть и наступлением, и обороной. Когда англичане, неподвижные и расположенные на хороших позициях, поджидали наших солдат, которые стремительно неслись вперед, и останавливали их своим огнем, то они оборонялись. Однако они были объективны, так как они нас всегда вовлекали в один и тот же ошибочный маневр.

В 1796 году Бонапарт двигается на Риволийское плато, на направление, по которому следуют австрийцы; последние вынуждены атаковать эту пози-

цию. Он принимает сражение, которое его маневр сделал неизбежным. Таким образом, в его действиях сочетается наступление с обороной, этой формой мало занимались до сего времени; однако, она может оказать блестящие услуги.

Таким образом, наступление также нельзя назвать принципом, раз к успешным результатам можно прийти и иным путем.

6. *Действовать по внешним линиям.* — Завет Наполеона: «Никогда не атакуйте с фронта позиций, которыми вы можете завладеть обходом». (*Комментарии*. Том VI, стр. 265).

Такой прием ему удался в 1800-м, 1805-м и 1806 годах, в иных случаях дело обстояло иначе. Захват неприятельской операционной или коммуникационной линии является очень соблазнительной идеей. Перерезать артерию, которая питает армию, почти равносильно уничтожению последней. Приходится действовать по внешним линиям, или же, чтобы охватить или обойти противника, надо двигаться по охватывающей линии, являющейся наиболее длинной. Однако, кто хочет отрезать противника, сам рискует быть отрезанным. Обходящий сам обходится.

Как замечает эрц-герцог Карл, это само по себе хорошее правило имеет цену только в зависимости от выполнения.

Такой замысел не является обязательным; на него трудно смотреть, как на принцип, так как ему противопоставляется другое, и как раз обратное правило.

7. *Оперировать по внутренним линиям, которые суть наикратчайшие.* — Заняв центральное положение, можно, по системе ткацкого челнока, наносить удары то в одну, то в другую сторону, обрушиваясь всеми своими силами на отдельные части противника.

Этот образ действий имеет блестящие подтверждения в походе маршала Бервика в Южных Альпах и в походе Наполеона 1796 года в Миланской области. Однако, внутренние линии не спасли Наполеона ни в 1813 году на Эльбе, ни в 1814 году в Шампани, ни в 1815 году в Бельгии.

В 1870 году Рейнская армия не сумела использовать своего центрального положения, чтобы разбить по частям своих противников, группировавшихся вправо и влево от Вогез, и позволила им и тут и там разбить себя.

«Таким образом, в стратегии тот, который окружен, при равных силах, всегда оказывается в более выгодном положении, чем тот, который окружает». (*Генерал Драгомиров*).

Жомини придерживается того же мнения, Бюлов держится обратного. Они оба правы. Когда вы находитесь внутри круга, а численное превосходство на стороне противника, то вы рискуете быть запертыми и уничтоженными. Внутреннее положение имеет как свои хорошие, так и свои дурные стороны. В виду этого Клаузевиц по этому поводу воздерживается от каких-либо точных указаний. Он говорит:

«Преимущество останется за той стороной, руководство которой окажется более искусным». (Том III, стр. 57). Следовательно, это также нельзя признать принципом.

8. *«Обладание возвышенностями дает господство над долинами, этот принцип никогда не оказывался более верным, как в данном случае (Вальдкирх)»*,

таково выражение мысли эрц-герцога Карла (кампания 1796 года, глава XXIX).

Жомини протестует: «Это мнение долгое время признавалось за истину, но мы не можем признать его принципом... Можно придти к заключению, что во всех случаях, когда вы будете иметь сильные массы, устроившиеся в большой долине, вам обеспечено господство над окаймляющими ее горами... В тактике этот принцип чаще найдет оправдание, чем в стратегии, но ни в том, ни в другом случае он не должен считаться бесповоротным». (*Большие операции*).

Можно было бы умножить число примеров этого рода и всех их привести. Но и этих достаточно, чтобы показать, насколько нетверды умозрительные доктрины и как мало они заслуживают названия принципа.

VIII. Тайны войны

Помимо того, что называют принципами, существует много замечаний, исходящих от великих полководцев, освященных традицией, возведенных в степень стратегической панацеи¹² и названных секретами войны.

Мориц Саксонский уверяет, «что весь секрет войны заключается в ногах».

Однако Жомини его опровергает: «Секрет войны никогда не будет заключаться в ногах, он целиком находится в голове, которая приводит их в движение. Армия будет тщетно производить усиленные переходы; если их направление ошибочно, они не спасут ее от гибели». (*Большие операции*).

По словам эрц-герцога Карла: «Искусство большой войны состоит в том, чтобы либо силой, либо маневром заставить противника уклониться от принципов стратегии, и никогда самому от них не уклоняться». (*Принципы стратегии*).

«Самый важный секрет войны заключается в господстве над сообщениями». (Обращение Наполеона к Жомини при объявлении войны 1806 года. *Большие операции*. Том II).

Вся теория войны заключается в единственном правиле: «Быть более сильным на решительном пункте».

«Всей массой своих войск обрушиться на разбросанного противника: вот в чем Бонапарт видит непосредственный секрет победы».

«Это относится к системе войны точно так же, как и к осаде. Сосредоточивать огонь на один пункт, не расплывать, а концентрировать атаки. Это, говорит генерал Ронья, — основной принцип военного искусства».

Если каждое из этих рекомендованных средств представляет всю тайну и все искусство войны, то это лучшее доказательство того, насколько они неустойчивы. Они, бесспорно, имеют известную ценность как указания или советы, и в известной степени будет уместно с ними считаться, но большего значения им придавать не следует.

IX. Правила войны

Равным образом набирается значительное число наставлений, афоризмов и правил, исходящих от великих полководцев или знаменитых писателей.

В общем, они резюмируют оценку известного положения, или известный подход к делу, или, наконец, мнение по определенному вопросу. Сами авторы иногда не отдавали себе отчета в пределах, на которые распространяется высказанная ими мысль, и подчас давали ей противоречивое толкование.

Включая их в доктрину, этим правилам предписывали точность и неподвижность, которыми они никогда не отличались, и придавали жесткость, шедшую в ущерб искусству.

Доказательства встречаются в изобилии.

Наполеон пишет в своих мемуарах: «Генералы, которые будут стремиться сохранять свежие войска к следующему за сражением дню, будут почти всегда биты. В случае необходимости, надо уметь двинуть в бой всех, до последнего человека, так как на следующий день после полной победы нет неприятеля, которого надо побеждать».

Однако, он не захотел пустить в бой гвардию под Бородиным.

Сильное увлечение препятствует рассуждению. Мы преклоняемся перед Наполеоном, который говорит, что свои силы, прежде всего, надо направить на решительный пункт. Но в не меньшей степени хвалят Наполеона, когда он высказывается более практично: «Сначала повсюду завязывают бой, а затем уже будет видно».

По словам эрц-герцога Карла: «надо давать сражение, только если вы к тому вынуждены последовательностью военных событий, или если вы имеете обоснованную надежду одержать победу». (*Кампания 1796 года*. Глава XV).

Но целью войны является сражение, и каждый всегда имеет надежду его выиграть. Тем не менее, иногда представляются выгоды в том, чтобы отсрочить столкновение или переместить его на другой участок местности. Решение, конечно, зависит от нашей оценки, от такта и обстоятельств, но отнюдь не от каких-либо правил.

Жомини приводит еще одно правило, также отличающееся не большей точностью: «Я слышал, как Наполеон говорил в Варшаве, что на войне он знает только три дела: двигаться по сорок верст в день, сражаться и затем располагать войска по квартирам, чтобы дать им отдых». (*Большие операции*. Том III).

Это абсолютно неверно. В известных обстоятельствах некоторые части производили форсированные марши, но Наполеон никогда не заставлял свои армии в целом проходить по сорок верст в день. Он понимал всю невозможность таких переходов. С другой стороны, он отнюдь не был из числа тех, которые после сражения разводят свои войска на отдых. Никто не превзошел Наполеона в проявлении деятельности и энергии при преследовании, которое позволяло ему пожать все плоды победы.

Это утверждение, часто приводимое как образец сильной мысли, ложно по всем пунктам. Следующее немногим лучше: «Резюмирую, мой план кампании — это сражение, а моя политика — это успех». (Жомини).

Эти слова Наполеон произнес в 1812 года в Витебске, и они относились исключительно к походу в России. Эти слова постарались обратить в правило, но впали в ошибку.

Сражение не является планом, это цель, а план заключается в средствах, которые ведут к ее достижению. Сводить всю политику — в достижение успеха... конечно, это неизбежно. Так действовали все правительства, как бы

посредственны они ни были. Никто никогда не выдвигал неудачу как цель своей политики.

Эти сентенции, эти кратко изложенные идеи, ввиду особенностей частного случая, не могут являться рецептами. Уважение к великим военным людям не может заходить так далеко, не вырождаясь в фетишизм.

В особенности часто приводят слова Наполеона, ввиду величия его успехов, и возводят в ранг правил войны громкие фразы, которые были ему в обычае. Наполеон, блестяще комбинируя театральные эффекты и мало заботясь при этом о точности, любил поражать воображение, создавать лаконичные до карикатуры образы, чтобы они более глубоко запечатлевались в умах. Его легендарная, резкая и полная противопоставлений речь напоминала пророчества оракула и казалась мистически глубокой. Его мысль часто укрывалась за туманным покровом, и толковать ее можно различными образами. Мы этому уже приводили примеры.

Х. Простой здравый смысл в стратегии

Предыдущие главы мы посвятили тому, чтобы подчеркнуть неустойчивый характер этих противоречивых принципов, этих условных рецептов, этих правил, сентенций на случай, этих афоризмов на час, которые до сего времени образовывали поприще умозрительной стратегии.

В них мы не находим ничего абсолютно ложного, но и ничего ясного или определенного. Точки опоры здесь исчезают. Доктрина, основывающаяся на эмпирике или предположениях, сохраняет ту смутность, которая свойственна искусству. Она готова отдаться каждому, претендующему на нее, уважения она не внушает. Она предоставляет почти полную свободу вдохновению; красивое слово, под которым иногда кроется невежественная фантазия.

События, имеющие аналогичную структуру и совершенно противоположный исход, одновременно и подтверждают, и опровергают рецепты. Отсюда рождается склонность к заключению, что сами по себе рецепты и хороши, и дурны, как язык, оценка которого, по словам Эзопа, зависит от того употребления, которое ему дают.

Разум приходит в недоумение. Он ставит перед собой вопрос, не позволил ли он злоупотреблять словами, и действительно ли совокупность этих неточных и различных мыслей представляет доктрину, следование указаниям которой может привести к плодотворным результатам.

Зарождается сомнение со всеми его досадными последствиями.

При наличии непостоянства, изменчивости и противоречий было бы логично попытаться исправить недостатки доктрины. Можно было бы пойти по тому же пути, который проделала позитивная тактика.

Стратегия представляет обширную область исследования и разработки. Труды по организации, мобилизации, сосредоточению и снабжению войск указывали на возможность сузить и уточнить постановку вопросов. Было бы удобно применить тот же образ действий и в других областях. Желание улучшить и усовершенствовать должно было бы охватить все умы, и если бы произошел общий сдвиг, то, несомненно, был бы достигнут значительный результат.

Он был достигнут в тактике, его можно было бы добиться и в стратегии.

Произошло приблизительно обратное. Задача отличалась особыми трудностями. Противоречивые утверждения, оспариваемые теорией, и изменчивые системы старой школы представляли лабиринт, в котором трудно было не запутаться без содействия Ариадны¹³.

Современной Ариадной является научное исследование. Это оно теперь могло бы дать нам путеводную нить. Но, за немногими исключениями, все к нему повернулись спиной. Труд отпугнул многих и заставил их попятиться.

Вместо приступа к огромному труду, начали почти все отрицать. Было объявлено, что война не испытывает нужды в стольких теориях и диссертациях и что она может обойтись двумя или тремя принципами, основанными на простом здравом смысле¹⁴. Это означает вертеться на одном месте или кипятиться в пустоте. Чтобы замаскировать ничтожность такой аргументации, была вызвана на помощь фраза Наполеона: «На войне все просто и исходит из здравого смысла».

Благодаря этой формуле, каждый может считать себя в состоянии решать вопросы, касающиеся операций. Если бы она отвечала истине, то не было бы необходимости в знании и учении. Сторонники врожденных идей были бы прославлены.

Этот афоризм, по-видимому, как бы освящает вмешательство в стратегию совершенно чуждых лиц. Он должен был иметь большой успех, и он его одержал, тем более что плохо разобрались в пределах, на которые распространяется это изречение.

Наполеон хотел сказать, что стратегические замыслы в существе своем должны отличаться простотой и рациональностью. Всякий сложный план, одновременно преследующий несколько целей, обречен на неудачу. Всякий план, который не зиждется на здоровой оценке обстоятельств и правильном суждении, приводит к разочарованию. Простота и здравый смысл, что может быть логичнее такого их толкования; другое же толкование их недопустимо.

В военных вопросах все кажется просто, комбинации находятся легко, требуется лишь минимальное количество знаний. На практике же, наоборот, все оказывается сложным, и здравому смыслу не всегда удается обнаружить действительно простой способ как действовать.

Во-первых, сторонники простого здравого смысла забывают, что Наполеон также писал: «Среди вопросов, которые должен разрешить главнокомандующий, многие представляют задачи, требующие исчислений, на которые способен только Ньютон или Эйлер».

В действительности, война трудно доступна пониманию, сложна и часто полна самых противоположных требований. Клаузевиц, тщательно исследовав этот вопрос, выразил свое мнение, имеющее значение почти приговора, следующим образом:

«Хотя на войне все просто, но самые простые дела очень трудны; накапливающиеся затруднения вызывают такое трение, о котором никто, не побывавший на войне, не может себе составить точного представления». (Введение).

Итак, простого здравого смысла недостаточно, для чего имеется достаточно примеров.

В Великой императорской армии заставляли садиться на лошадей одновременно целые кавалерийские корпуса в четыре или пять дивизий, что составляло от 8-12 тысяч всадников. Несомненно, казалось очень просто дать общий сигнал, но, по рассказам очевидцев, лошади в последних эскадронах оставались под всадниками в течение шести часов, прежде чем до них доходила очередь двинуться по дороге. Это, конечно, противоречило здравому смыслу, но чтобы понять это, потребовалось полвека.

Наблюдая продолжительность вытягивания полка в походную колонну, легко было сказать: седьмой полк сядет верхом через три часа после первого, девятый на четыре с половиной часа позже и так далее. Этот очень простенький расчет долгое время считался чересчур сложным. Между тем, прием этот несложен.

Для каждого своего похода Наполеон формировал заново свою армию во всех подробностях, причем собирал войска понемногу отовсюду. Он продолжал организационную работу и в течение самой операции. Он расходовал огромные усилия, чтобы удовлетворять всем потребностям импровизированных единиц. Осложнения бывали так велики, что происходило много недоразумений, несмотря на могущество его воли.

Заблаговременная организация, установленные и известные приемы, подготовленное функционирование и разработанная мобилизация кажутся более сложными, а в действительности являются гораздо более простым образом действий. Наполеон сам признавал это в своих комментариях, указывая систему, которую он хотел бы применить, если бы имел свободу.

Эти два примера, избранные среди многих других, показывают, как можно ошибиться, руководствуясь исключительно простым здравым смыслом, притом, как известно, реже всего встречающимся на свете. В военных вопросах внешность обманчива. Предвидеть, заранее рассчитать, учесть неожиданности и быть готовым к их встрече кажется трудным. Думают, что проще выждать событий, и затем распутать их. Но когда ничто не подготовлено, то импровизация идет медленными, трудными и несовершенными шагами. Следовательно, эта система оказывается и более сложной, и противоречащей здравому смыслу.

Некоторым даже принципы простого здравого смысла показались слишком утомительным научным багажом. Нетвердость доктрин и необходимость больших интеллектуальных усилий разочаровали многих офицеров и привели их к полному скептицизму.

Беренхорст, по-видимому, является основателем этой школы, враждебной науке. Он отрицал полезность умозрительной стратегии. По его мнению, замысел почти не имеет значения. Сущность заключается в решимости сделать что-нибудь и в энергии исполнения.

По словам Жомини, в былые времена эти идеи были очень распространены: «Много военных отрицают существование принципов, даже не верят, что существуют правила ведения войны; они убеждены в том, что все искусство сводится к напору на противника». (*Большие операции. Введение, стр. 7*).

Совсем недавно можно было читать в одном военном обозрении: «Способ нападения на противника совершенно не поддается уставному нормированию. Когда речь идет о том, чтобы овладеть неприятельской позицией, то ее захватывают, как это представляется возможным, вдохновляясь сложившимися обстоятельствами. Кто стремится к концу, тот найдет средства до него добраться, и устав прав, когда говорит: во всех случаях твердая воля к победе является лучшим обеспечением успеха».

Они еще мыслят, как во времена Жомини, несмотря на события и вытекающие из них поучения, которые разделяют нас от той эпохи.

Превозношение природных дарований влечет, как неизбежное следствие, недооценку знания. Соединение тех и других дало бы совершенного вождя; к сожалению, между ними поддерживают антагонизм.

Почитатели врожденных идей не хотят признать бесспорные преимущества образования; как и ученики Спенсера, они раздражаются от одного вида книг и подвергают гонению *книжное знание*.

Долой принципы, формулы и ученых; долой излишний балласт. Война изучается в открытом поле и на чистом воздухе. Не нужно систем, не нужно методов и, в особенности, не нужно науки. Здоровье, хорошее зрение являются единственной доктриной героев всех времен. Напролом. Будь, что будет. Раз сорвутся вперед, то сделают как можно лучше, там разберутся. А в ожидании незачем ломать себе голову над кучей диссертаций...

Так проповедовали блестящие *врожденцы*, полные силы и энергии, но отнюдь не головастики. Вместе с Монтенем они думают, что «беспечность и лень представляют удобную подушку, на которой можно спать, не утруждая своего ума».

К отрицанию знаний они еще присовокупляют культ случая и культ удачи, которые благоприятствуют одним и изменяют другим. Наблюдая, как успех иногда дается людям, совершенно его не заслуживающим, и как очень хорошие замыслы оканчиваются очень плачевно, они пришли к заключению, что Фортуна принимает большое участие в военных событиях и что со счастьем можно на войне сыграть видную роль и не располагая особыми знаниями.

Тогда пришли к общему отрицанию, а интеллектуальный труд осудили как расслабляющий и вредный. Начали отрицать даже военное искусство как спорное. Захотели свести военную работу к простому ремеслу, состоящему исключительно из действия, темперамента и решимости. Здесь нарождается ошибка, которая уже столько раз была для нас роковой и которая заключается в признании, что учиться войне можно единственно на практике, неправильно смешиваемой с опытом.

XI. Практика и опыт

Результаты никогда не оправдывали мнимого равенства между практикой и опытом. По плодам определяется дерево, а плоды явились ужасающими. Несмотря на разочарования предупреждения, мы пережили несколько периодов возвращения к чистой практике, и она каждый раз не давала того опыта, который, как надеялись, будет из нее вытекать.

Проявлению нового рецидива надо противопоставить неудачу предшествующих попыток, соображения разума и факты.

Уверяют, что знание ремесла приобретается только практикой, и контакт с войсками является лучшей, если не единственной, практической школой. Затем добавляют: воевать можно научиться только на войне.

Таковы обе базы, на которые опираются противники образования.

Опровержение этой теоремы можно найти у всех крупных военных писателей. Все они полагают, что чистая практика, не освещенная какими-либо знаниями — это война, в течение которой мы скитались бы с повязкой на глазах.

«Это очень распространенный предрассудок среди тех, которые прошли через всю лестницу чинов и претендуют на фундаментальное знание военной науки». (*Эрц-герцог Карл*. Глава XIV).

Мармон развивает ту же идею: «Есть вещи, которые приобретаются исключительно временем, изучаются только на практике и не могут быть разгаданы; но слишком длительная привычка повиноваться скорее понижает, чем развивает способности командовать». (*Военные учреждения*).

И действительно: жизнь в той же среде, ежедневно выслушиваемые монотонные указания и повторение тем же способом одних и тех же вещей убивают всякую инициативу, парализуют решимость, вместо того, чтобы ее укреплять, сужают кругозор мыслей вместо того, чтобы расширять его, разбивают внимание на мелочи вместо того, чтобы давать уклон к обобщениям, и в результате создают все то, что прямо противоположно сущности командования.

«Практика, — пишет маршал Пюи-Сегюр, — насколько бы часто она ни повторялась, не является верным средством сделаться искусным в вопросах войны, если она не освещается теорией, основанной на принципах». (*Военное искусство*).

Рюстов объясняет причины: «Существует наука и искусство, которыми главнокомандующий не может пренебрегать без ущерба для дела. Но эта наука резко отличается от правил и принципов, которые можно изучить на учебном плацу». (*Военное искусство в XIX веке*. Том I, стр. 209).

Практика представляет одно из средств к изучению, но она не является ни единственным, ни лучшим средством; все это очень хорошо понимают, и этим объясняется стремление возвеличить практику на уровень опыта.

По этому поводу приводится авторитет Наполеона: «Знание высших областей военного искусства приобретается исключительно опытом и изучением истории войн и сражений великих полководцев». (*Комментарии*. Том VI, стр. 91).

Вторую часть большинство упускает. История — это чужой опыт, а они хотят руководствоваться исключительно личным опытом, то есть единственным, признаваемым ими хорошим.

Иметь практику, это значит, воспроизводить те же самые приемы, участвовать в аналогичных случаях, многократно выполнять одинаковые действия и сохранять о них более или менее беглое воспоминание. Конечно, излишне напоминать о том, что маршал Бюжо говорил о муле маршала Саксонского¹⁵. Все это помнят.

Опыт представляет нечто иное. Это приложение разума к событиям, рассматриваемым в своих причинах, своих средствах и своих последствиях. Работа, размышление и критическое углубление встречаются редко, и один

юмористический писатель смог сказать: «Не в диковину видеть людей, которые использовали все свои члены, но никогда не прибегали к применению своих мозгов».

Опыт превосходен, но при условии, что он действительно существует, а одна практика бессильна дать его нам.

Ввиду этого утверждение, что воевать можно научиться только на войне, является преувеличением. Много раз оно опровергалось. Если кто-либо участвует в войне, не стремясь непрерывно исследовать, разобраться и понять, то в результате он истратит свои силы и здоровье, но опыта не приобретет.

«Постоянно вести войну не приходится; ввиду этого не следует воображать, что научиться можно только на опыте, хотя на последнем в наше время и основываются способности большинства военных людей. Он только дает возможность усовершенствоваться и не приносит почти никакой пользы, если к нему не присовокупить изучение принципов. Ведь «война является наукой, которая поддается изучению, как и все прочее, и ее невозможно постигнуть, если не начать изучения принципов». (Фолар).

Маршал Пюи-Сегюр воспроизводит ту же мысль: «Я далек от мысли, что надо ждать войны, чтобы научиться, как следует ее вести; наоборот, я полагаю, что самые великие полководцы, которые создались исключительно на практике, были вынуждены сделать достаточное количество ошибок, которых они могли бы избежать, если бы предварительно изучили правила и принципы различных отделов войны». (*Военное искусство*. Предисловие).

После двадцати лет походов, 1 сентября 1813 года маршал Султ писал военному министру: «Мне вновь с грустью пришлось убедиться в общем недостатке образования у генералов, командиров частей и офицеров. Малая заботливость, уделяемая построениям, и безразличность, с которой колонны ввязываются в бой, часто являются причинами, приводящими к неудаче наилучшим образом обдуманное предприятие»...

По словам Гувийон-Сен-Сира, Наполеон признавал, что военного опыта, боевой практики и наилучшим образом развитых военных доблестей недостаточно для генерала. Генерал нуждается еще в придатке образования, который нельзя получить в сфере огня и который дается лишь исследованием и размышлением.

Налицо имеются многочисленные факты, которые подтверждают эту точку зрения. Все факты гласят одно и же, и притом вполне согласованно. История первой империи кишит ими. Немногие генералы, искусные в стратегии, были образованными людьми. Даву, Дезз, Гувийон-Сен-Сир, Жомини. И таковые встречались редко.

Наоборот, очень многочисленны были люди действия, энергии и порыва, дебюты которых были ознаменованы блестящими подвигами. Их храбрость привлекала к ним внимание, и они достигали самых высоких должностей, оставаясь все теми же, какими они были в начале своей карьеры. После такого количества походов практика войны ничему их не научила. Опыта они не приобрели. Они были прекрасными исполнителями под чьим-либо руководством, но их неспособность немедленно сказывалась, как только они сами становились вождями. Всегда восхитительные бойцы, они никогда не доросли до людей с замыслом.

Все характеристики этих генералов, начертанные Наполеоном, вращаются около этих двух идей. Как типичные, дадим следующие.

Вот портрет Лана. «Он умен, осторожен, отважен перед неприятелем и отличается невозмутимым хладнокровием. У него было чутье образования, а природа для него сделала все». Наполеон, наблюдавший за его развитием, часто выражал свое удивление. «На поле сражения он превосходил всех генералов французской армии, когда дело шло о маневрировании с 25 тысячами пехоты. *Он был еще молод, и впоследствии, вероятно, еще развился бы; может быть, он бы даже стал искусен в большой тактике, которую он еще не понимал*».

Наполеон обычно употребляет выражение «большая тактика» вместо стратегии. Если маршал Лан ничего в ней не понимал в результате стольких кампаний, то это служит ярким доказательством того, что одной практики недостаточно.

Наполеон выражается еще резче, когда он дает оценку своего главного заместителя, друга и зятя: «Мюрат дурак, но какие у него порывы и отвага. Он всю жизнь только воевал; Мюрат и дурак, и герой». (Разговор Наполеона с Редерером 11 февраля 1809 года).

Он смог ему дать престол, но не способность понимать войну. Он так ее никогда и не понял, несмотря на повторные нагоны Наполеона.

Эти люди, столь сильные в роли подчиненных и чудесно отважные в боях, в большинстве случаев проявляли нерешительность и невероятную слабость, когда оказывались в роли независимых вождей.

Это отсутствие характера и воли, это роковое равнодушие, это своего рода стремление стусеваться у людей, имевших, однако, хороший закал, является последствием недостаточного их образования. Они не знали и потому ничего не смели.

Твердое и решительное командование является следствием убежденности в правильности своих действий, в следовании по истинному пути, а не в хождении наудачу, а эта убежденность приобретает только успешными научными трудами, которыми мало-помалу развиваются природные качества. Способности должны расти вместе с чинами; эту аксиому очень часто люди не знают.

Клаузевиц не упустил ее отметить: «История не указывает ни одного выдающегося великого полководца или главнокомандующего, который бы отличался ограниченным умом. Но имеется масса случаев, когда люди, умственный кругозор которых не расширялся соответственно их продвижению по иерархической лестнице, оказывались весьма посредственными на высоких постах, хотя они и проявляли выдающиеся отличия на низших должностях». (*Введение*).

Таковы были результаты философского исследования Клаузевицем наполеоновских войн, которые представляли большое количество таких случаев. Можно было бы думать, что подобные факты в дальнейшем не повторятся. К сожалению, это оказалось не так; из того, что нам пришлось с грустью узнать или прочитать относительно прошлого, мы могли с болью в душе удостовериться собственными глазами, что это имело место у нас и в последних войнах.

Мы использовали ошибки первой империи и после нескольких лет борьбы взяли за учение. Период от 1818-го до 1840 года является периодом серьезных научных работ, которые высоко подняли престиж французской армии.

Существует много причин, в том числе и алжирская война, которые вновь привели к пренебрежительному отношению к образованию и к слишком слепой вере в превосходство природных качеств, результатом чего явились ужасные удары. Не надо бояться напоминать об этих фактах новому поколению, чтобы оно в свою очередь их не забыло.

Когда наступило столкновение 1870 года, мы оказались неготовыми, и в идейном отношении наша неготовность была значительно больше, чем в материальном.

Голова была особенно не на высоте. Генералы, которые приобрели такую прекрасную репутацию и так быстро выдвинулись в Африке, Крыму и Италии, в час больших сражений оказались недостаточно твердыми, нерешительными и затруднились распорядиться войсками, по старой привычке искали, как изловчиться применить свой ударный прием, и не находили наступательных комбинаций.

Они отличались обилием природных дарований. Оба обладали порывом, храбростью, энтузиазмом, рыцарскими достоинствами, преданностью, одним словом, всеми привлекательными чертами. Они уже много воевали, и их продолжительная служба внушала доверие. Все верили в их опыт, а такового у них не было, и в руководстве операциями они допустили много самых грубых ошибок. Наше восхищение шло по ложному следу. Мы усматривали лишь блестящий фасад, а у них не хватало фундамента, то есть знания войны, несмотря на то, что они практиковали ее в течение всей своей карьеры.

Теперь мы знаем достоинства их противников и признаем, что последние стояли ниже как в отношении природных дарований, так и по практическому опыту. Однако они восторжествовали. Они были более образованы, изучали военное дело, они лучше нас были знакомы со своим ремеслом и знали, что и как им делать. Наши же старались хорошо или плохо выпутаться и чаще распутывались плохо, чем хорошо; результат — разгромы.

После этих больших катастроф мы сознали их причины. Были напряжены все силы к их устранению. Произошел большой интеллектуальный подъем. Умы были охвачены лихорадочной работой, и все с горячим энтузиазмом устремились к знанию.

Это дало огромные успехи. Путь был хороший и плодотворный. Правда, он требовал усилий, но будущее принадлежит прилежным. Это не входило в расчеты сторонников врожденных идей. Воспользовавшись затишьем, наступившим, когда острота тяжелого горя была притуплена временем, они вновь начали напоминать, правда, сначала осторожно, о знаменитой школе: крепкая рука и верный глаз. Они вновь возбудили сомнения, и многие стали задаваться вопросом, не преувеличивается ли все, и действительно ли образование имеет ту цену, которую ему приписывают.

Начали с тепловатой воды, с ослабления воли к учению, а затем пошли и дальше. Началось громкое отрицание полезности научной работы, провозглашение превосходства природных дарований и проповедь презрения к образованным людям, которых квалифицировали как продукт фабричного производства.

Все это мы уже видели и раньше, история всегда повторяется, и в результате то, что уже несколько раз приводило нас к гибели, вновь признается, как

наилучшее. Можно содрогнуться при одной мысли о той каре, которую бессознательно навлекут на нашу страну эти люди, забывающие о прошлом, если бы мы только пошли за их опасной доктриной. Их усилия, однако, не бесплодны, и поэтому надо обратить на них наше внимание.

Они красиво выглядят и одарены природными качествами, включая и порядочную дозу самомнения; они не головастики, как говорят теперь, и физику имеют крупную, они хорошие товарищи и отличаются более в физических упражнениях, чем в умственных состязаниях. Они говорят громким и уверенным образом, подтверждают, подавляют. Они хвастаются своим опытом, однако, по неопределенности их мнений, можно легко придти к заключению, что они не имеют ясной точки зрения. Маневры подтверждают это заключение. Вдохновение к ним не является, их решения поспешны, но ошибочны, и результаты совершенно не отвечают рекламным заявлениям.

Как бы они выглядели на войне?

Многие не хотят этого понять; это вопрос темперамента, беспечности и малой предусмотрительности. Это очень стереотипно — рассчитывать выйти из самых трудных положений, полагаясь на собственную энергию и свою счастливую звезду, ничего не изучив заранее, ничего не предусмотрев и ничего не подготовив. Иногда удается вывернуться из неожиданного положения, но обыкновенно, полагаясь на случайности импровизации, мы очень близко скользим к катастрофе.

Надо иметь более высокое представление о военной профессии, чем то, которое имеется у претендующих свести ее к искусству, в котором каприз все или почти все. Надо оказывать сопротивление меньшинству, которое презирает науку и, не надеясь, вероятно, овладеть высотами, критикует ее, осмеивает, отрицает и стремится подавить порывы к ней новых поколений.

Эти самые сторонники природных дарований подняли в свое время громкий крик. Место молодым силам. Омоложение кадров. Набросили тень на уважаемых начальников, которым они наследуют, но заменить которых может быть и не в состоянии.

«Дух решимости, — пишет Клаузевиц, — встречается чаще у энергичных по природе людей, чем у обладающих блестящими умственными способностями. Имеется много примеров, когда у людей, по достижению высоких постов, не находится ни следа решимости, хотя и имеется неоспоримое доказательство, что они отличались таковой в начале своей карьеры. Это происходит от того, что, у этих людей умственный кругозор не увеличился вместе с чинами». (*Военные*.)

Этот кругозор — это знание. Военный начальник представляет не только тело, но главным образом ум. Последний, когда он хорошо развит, составляет драгоценную и главную часть командования. Чем больше он имел упражнений, тем меньше он притупляется. После долгой работы он остается ясным, работоспособным, могущественным и деятельным.

Совершенно иначе обстоит дело с физическими и прирожденными качествами. Много поработав, тело изнашивается, скрючивается и отказывается выносить продолжительную усталость. Одновременно же уменьшается порыв, притупляется энергия и пропадает отвага. Природные дарования исчезают с приближением старости, и, при отсутствии образования, вообще уже ничего не остается.

Так объясняются различия между людьми. Одни из них, относительно не слишком пожилые, однако считаются слишком старыми и непригодными к командованию. Другие же, наоборот, несмотря на свой преклонный возраст, энергично руководили войной, не выходя из экипажа. Они утратили физическую силу, но интеллектуальная сила, образование и способности остались у них неповрежденными.

Признавая все достоинства опыта, все же не следует усматривать и в нем пащации. Опыт часто оказывается лишь костылем хромого ума. За недостатком знаний, он опирается на более или менее оправдавшиеся в прошлом традиции. Допуская, что опыт существует, надо признать, что его все-таки недостаточно, тем более что он довольно скоро испаряется. Долгие периоды мира притупляют его и сводят на нет. Память затуманивается, и многое ускользает из вида. 7 мая 1809 года генерал Каффарелли писал из Венеции Дюроку: «Имеются часто даже генералы, которые забыли войну; в Италии они хорошо устроились».

Незначительный промежуток времени вносит существенные изменения в способ ведения операции. Усовершенствование оружия, новая техника, иные отношения и другие приемы образуют несходные условия и среду, резко отличающуюся от прошлого времени. Научная работа представляет единственное средство, чтобы оставаться в курсе настоящего и на высоте будущего. Кто начинает кампанию, руководясь устаревшими воспоминаниями и обычаями, тот сразу оказывается отсталым и уступающим противнику. Приобретенный опыт, вместо того, чтобы являться источником силы, создает в этих условиях лишь слабые стороны и недостатки.

Повторим еще раз: одного опыта недостаточно, чтобы научить вести войну. Больше того, обучение и знание позволяют исключить опыт и обходиться без него. Можно добиться того, что война будет вестись толково, несмотря на отсутствие и практики и опыта. Это доказали немцы в 1866-м и 1870 годах, и эти неоспоримые факты удивительно ослабили значение опыта.

В этом мнении особенно утверждает нас мысль, что будущее не будет походить на прошлое.

ХII. Эволюция комбинаций современной войны

Две сосредоточенные армии представляют пучки сил, направленных друг против друга и находящихся в таком положении неустойчивого равновесия, которое не может долго продолжаться. Они стремятся ударом оттолкнуть и взаимно уничтожить друг друга. Они стремятся, чтобы столкновение произошло в самом благоприятном для них положении. Это достигается посредством комбинаций. Несмотря на многочисленность и разнообразие комбинаций, они, в сущности, сводятся к одной: ввести противника в заблуждение, уяснить его план, не обнаруживая при этом собственного.

Ставка делается, если возможно, на силу и всегда на проницательность. Выигрыш принадлежит более искусному в творчестве и более остроумному в сохранении своих тайн. Обе стороны, как и при фехтовании, постоянно прибегают к уловкам. Диверсия, симуляция отступления, камуфляж в широком размахе, внезапность и так далее суть стратегические приемы, целью ко-

торых всегда является ввести противника в заблуждение и побудить его к ошибочному шагу. Это составляет сущность и определяет особый характер военных комбинаций, или, как их называли в древности, стратегии.

В этом участвует исключительно личность начальника. Он развертывает в них все свои способности к оценке, богатство своего воображения, решимость, умение, ловкость, и его решения служат мерилом его талантливости.

«Из всех субъективных талантов, — пишет Клаузевиц, — хитрость является наиболее необходимой, чтобы руководить и оживлять стратегическую деятельность». (Том I).

Наполеон, имевший большие умственные способности, в отношении стратегии был бесподобен. Тонкости, хитрости и обманы были его истинной сферой, как и великого карфагенянина Ганнибала, которому он часто подражал, но, не повторяя его.

Чудесные сюрпризы 1800 года (Маренго), 1805 года (Ульм) и 1806 года (Иена) представляют собой концентрированную хитрость, сконструированную с редкой энергией. Впоследствии его попытки были менее удачны, и даже он, в свою очередь, также попал в расставленные сети.

Условия внезапного нарушения неустойчивого равновесия противостоящих сил остаются теми же, как и в древнейшие времена, но в виду происшедших перемен способ его совершения не может оставаться таким же.

Осуществление хитрости и симуляции требует подготовки, для которой необходима скрытность, время и пространство, а также и гениальность. А в настоящее время пространство стеснено, а сохранение в тайне почти никогда не осуществимо.

Длительные марши, предшествовавшие сближению с противной стороной, сильно содействовали достижению эффекта внезапности. Редкие и медленные средства сообщений допускали сохранение тайны и благоприятствовали неожиданности. Большие марши Наполеона, по-видимому, являются последним творчеством в этом стиле. По-видимому, подобные явления больше не будут иметь места. Война приняла иной характер. Теперь направляются к цели без промедлений и прямым путем.

Мы пользуемся выгодами, которые приносит прогресс, но должны считать-ся и с вытекающими последствиями. Гласность, доведенная до предела, со своими многочисленными и быстрыми методами осведомления, противится сохранению продолжительной тайны, и надо быть довольным, когда удается ее сохранить на одно мгновение. В результате, мы вынуждены действовать в открытую и должны отказаться от маскирования широких замыслов.

Впрочем, их арена сократилась; разнообразие творчества остается, но поле его деятельности стало уже.

Раньше, в момент объявления войны, противные войска обыкновенно находились на большом удалении друг от друга. На их сосредоточение требовалось много дней. Во время движения *на значительном удалении противника*, как в то время говорили, можно было маневрировать, ослабить силы в одном направлении, усилить в другом и вводить в заблуждение неприятеля относительно намечаемых действий.

Теперь железные дороги господствуют над нашей волей. Нельзя больше идти туда, куда хочется. Зона, в которую сходятся железные дороги, неизбежно

является районом сосредоточения армий. Оно происходит очень быстро. Через несколько дней собравшиеся массы оказываются в очень близком соседстве друг от друга: завтра или послезавтра предстоит столкновение.

Для нескольких искусных и скрытых маршей не хватает ни пространства, ни времени, и для крупных комбинаций больше не остается места. Направления больше не выбираются, а используются полностью. Со всех сторон устремляются на главные силы неприятеля. Воображение и творчество уже не могут иметь хода. Все их ограничивает. События развиваются очень быстро и сокращают количество случайностей, которыми можно было пользоваться.

Полет замысла уменьшается пропорционально росту масс и сокращению расстояния между районами первоначального сосредоточения. Этот факт не подлежит сомнению, и из него вытекают последствия, с которыми считаться приходится обязательно.

Малочисленные силы отличаются быстротой, подвижностью и гибкостью, с ними возможно внезапно изменять решение и предпринимать обширные маневры. Так действовали Тюрен, Фридрих Великий и Наполеон.

Большая численность армии требует комбинаций исключительной простоты. Всякое внезапное изменение является губительным и часто даже неосуществимым. Значение ошибок растет пропорционально размерам армий; решения должны быть более устойчивыми. Краткость срока, по истечении которого может последовать столкновение, требует ультрапостоянного сосредоточения.

Огромный размер масс, ныне участвующих в действиях, препятствует осуществлению теперь гениальных замыслов прошлых времен. Наполеон был бесподобен во главе армий средней численности. В период от 1808-го по 1813 годы, когда он располагал многочисленными войсками, его комбинации идут на убыль. В 1814 году воскресают замечательные маневры, так как состав армий вновь уменьшился.

Следовательно, имеются требования необходимости, господствующие над нашей волей; важно учитывать их и изучать.

Авторы трудов о стратегии больше интересовались крупными операциями на больших дистанциях, чем крупными операциями больших сил; комбинации привлекали их внимание больше, нежели выполнение, они поддавались соблазну умозрительной части стратегии, открывающей широкий простор.

Количество комбинаций довольно ограничено. Их простота и даже наивность настолько очевидны, что мы их замечаем уже в первобытные времена, и с тех пор они не изменились. Не народилось ни одного поистине нового замысла и, может быть, появление такового даже невозможно. Таким образом, не выдумка, а приложение уже существующих идей представляется как существенный закон будущего.

Резюмируем: чем слабее массы, чем больше отделяющее их расстояние, тем более обширная арена открывается для комбинаций. Все играет активную роль; направление, движение, скорость и продолжительность получают огромное влияние. По мере приближения к полю сражения круг сокращается, замыслы изменяются, если не по существу, то, по крайней мере, по своему размаху, и постепенно приобретают все более обрамленный, точный и позитивный характер. Пределом этого изменения является установление непосредственного контакта враждующих сторон.

В будущую войну контакт будет устанавливаться почти непосредственно у высадочных железнодорожных станций. Крайняя простота плана является обязательной. Для маневра отсутствует пространство, и бой становится неминуем. Направление избирается на главные неприятельские силы, чтобы повторным ударом внести в них дезорганизацию. Это все очень элементарно, однако иначе действовать будет невозможно.

Следовательно, пределы значения комбинаций сокращаются, и обратно пропорционально им вырастают пределы значения выполнения. Влияние замысла, плана, умозрительной части стратегии имеет тенденцию чувствительно идти на убыль, в то время, как осуществление, методы, позитивная часть стратегии всегда будут расти в объеме своего значения.

Этот вывод, с которым никогда не считались надлежащим образом, вытекает из всех крупных событий *современных войн*.

Между 1796-м и 1800 годами Бонапарт, имея слабую, плохо организованную и мало обученную армию, достигает полных успехов, результаты которых, однако, быстро исчезают. В 1805-м и, в особенности, в 1806 году гений Наполеона и хорошее обучение войск производит необыкновенно сильное действие.

Гениальность затем получает менее решающее значение. Над комбинация-ми Наполеона в Испании торжествуют методы, применяемые английской армией, как над Ганнибалом восторжествовал боевой порядок Сципиона.

Начиная с 1812 года, неудачи Наполеона происходят по другим причинам: численность всей своей тяжестью давит на его гений. Прекрасные комбинации 1814 года оказываются бессильными против неспособных генералов и необученных, но численно превосходных войск, презирающих искусство и уповающих только на силу.

Полвека спустя то же повторилось в Новом Свете. Ли несомненно стоял выше Гранта, однако последний остался победителем. Последний действовал по образу Суворова и Блюхера. Он мало занимается комбинациями, но вливает в исполнение ни с чем не сравнимую энергию. Он доводит ее до последней степени упрямства. Без маневров, он прямо идет к цели, никогда не сворачивая. Его воля торжествует над всеми препятствиями, его армия, превращенная в настоящую машину, несет большие потери и трещит под гнетом ужасной работы, которую он на нее возложил, но продвигается, вторгается и, в результате, торжествует.

Он человек обыкновенных способностей, но с беспредельной настойчивостью, в его уме нет места для умозрительной стратегии. Ему достаточно безукоризненного выполнения, и он торжествует.

Аналогичные причины вызвали успехи Мольтке в войнах с Австрией и Францией. Воля, численность, обучение войск, все это содействовало тому, чтобы придать решающее значение исполнению и оттеснить комбинации на второй план.

Не претендуя доказывать маловажность умозрительной части, все же надо указать на очевидность того, что ее влияние не стоит на той же высоте, как и прежде. Оно становится относительно скромным по отношению к выполнению, значение которого возрастает с каждым днем. Прошли времена знаменитых подготовок, гениальных комбинаций и великолепных маневров. Огромные сосредоточенные массы немедленно устремляются друг на друга:

таковой, по-видимому, должна стать будущая стратегия. Это является отрицанием искусства и торжеством единой воли плюс механизация. Следовательно, позитивная часть стратегии превращается и господствует над умозрительной.

Замыслы попадают все в более тесную зависимость от той материализации, которую они получают, от того, как действие разъясняет мысль. Генерал Эмбер, несмотря на то, что у него воображение было развито за счет ремесленной стороны, когда приступил к изучению войны, пришел к такому заключению: «Стратегия больше чем когда-либо будет зависеть от расчетов, но эти расчеты должны вестись в известных материальных границах».

Он подвергся влиянию современности, тенденции которой ставят войну в новые условия.

Успех зависит от осуществления; последнее слово принадлежит выполнению: такова, по-видимому, формула будущего. Другими словами, вдохновение мало-помалу нисходит с интеллектуальных высот к практике действительности. Мысль подвергается неизбежным последствиям своей материализации. Будучи чисто духовной у своего истока она, в процессе осуществления, все больше материализуется, и это перерождение, смотря по тому, происходит ли оно хорошо или плохо, ее выручает или губит.

Замыслы, со времен древности, не стали величественнее. Даже сам Наполеон не сравнялся со знаменитыми полководцами прошлого. Вторжение в Россию в 1812 году сильно уступает походу Александра Македонского в Индию. Переход через Альпы у Сен-Бернара в 1800 году не может сравниться с движением Ганнибала из Карфагена в Турин, через Пиренеи, Рону и Женевские горы.

Все склоняется к подтверждению, что крупные наполеоновские комбинации больше уже не повторяются; идеи все больше и больше подавляются тяжестью все возрастающей численности.

Следовательно, стратегия приближается к науке и удаляется от искусства. Она предъявляет меньше требований к природным дарованиям и больше к знаниям; от главнокомандующего же она требует больше умения, чем героизма.

Стратегия перестает заключаться исключительно во вдохновении и интуиции, и прибегает к методам организации, механики и науки; в ней уменьшается умозрительная часть и наращивается реалистическая. Поэтому, за этой последней и надлежит следовать. Генералы, которые одерживали успехи, все сделали в этом направлении, говорит Наполеон. Надо действовать, как они. Составление прекрасного плана стоит немногого; главное, кто придет с его помощью к цели. Изучение средств выполнения замыслов умозрительной стратегии представляет область позитивной стратегии.

ХIII. Возможность создать военную науку

Возможно ли реализовать военную науку? Это не подлежит сомнению, несмотря на значительные трудности. Ничто не препятствует преодолеть таковые, и все усилия должны быть направлены к достижению этого желанного результата.

Полковник Окунев¹⁶ хорошо определяет цель, которой надо задаться: «Система стратегических операций является практическим отделом военной науки».

«Задача, лежащая на оперативную часть стратегии, состоит в том, чтобы указать нам наиболее верные и наименее пагубные методы, которые должны применять действующие силы». (13-й мемуар о *стратегических принципах*, стр. 174).

Это то, что он также называет механизмом крупных операций, чтобы провести различие между ним и стратегической идеологией, в которую входят комбинации.

В наше время повсюду стремятся применять фабричные методы. Война не ускользает от этого общего закона. Позитивная стратегия должна многое позаимствовать у динамики. В действительности, она представляет комбинацию сил, часто переброску сил и всегда противопоставление сил. Стремится наилучшим образом их распределить, соединить, заставить их сосредоточиться, выбрать пункт их приложения, уничтожить трение или инерцию, которые наносят им ущерб, и извлечь максимум могущества, в предусмотренном или непредусмотренном пункте и моменте; создать, наконец, послушный воле инструмент, орудие.

Как всякие другие силы, так и силы армии подчинены определенным требованиям, от которых нельзя уклониться, не внося ослабления и не подвергаясь серьезному риску. Наказание не всегда следует, так как противник может не заметить допущенной ошибки или оказаться не в силах использовать ее, но, совершая ошибку, подставляют себя добровольно под риск неудачи.

Природа сил, их напряжение, их соотношение, точка их приложения, обращение с ними нуждаются в том, чтобы быть изученными; нужно знать, как складывается их работа во всякого рода операции, прежде чем можно приступить к составлению крупных военных замыслов. Единственным средством для достижения важных стратегических результатов является постоянное правильное и уравновешенное сочетание элементов мощи. Это достигается посредством расчета, более или менее постоянного по своей форме.

Материальные требования, обуславливаемые операцией, имеют огромное значение и оказывают решающее влияние на реализацию идеи. Можно ли ее применять одним или несколькими способами? Каковы необходимые и достаточные условия, при которых операция войны протекает с наилучшими шансами на успех, независимо от того, какова будет комбинация, то есть условия, отвечающие всем комбинациям, и так далее.

Исследование условий и отношений основывается на осязаемых и определенных данных: численность и группировка частей, пространство, быстрота, продолжительность, количество, местность, климат и так далее.

Чем больше силы, тем более роковое и непоправимое влияние оказывают ошибки. Их можно избежать только путем предварительных подсчетов всех стадий действий и точным взвешиванием условий, в которых они будут происходить. Расчет времени и пространства проникнуты все стратегические операции. К нему обращаться надо непрерывно. Нельзя даже представить себе, как можно было бы без него обойтись.

Ввиду требований весьма различного порядка, расчет является почти единственным средством, чтобы классифицировать их по степени их важности, и так как одновременно удовлетворить их все невозможно, то указать на те

требования, которые надлежит удовлетворить, чтобы сделать операцию рациональной, солидной и верной.

Война, главным образом, основывается на возможности, то есть на расчете вероятностей. Случай также вносит свою долю, и большое место необходимо уделить внезапности. Но случай и внезапность в известных пределах могут быть предусмотрены, и можно несколько обеспечить себя от их разрушительного действия. Например, резервы являются настоящей страховкой от неожиданного риска.

Исследование осязаемой части войны, безусловно, необходимо; в былые времена оно называлось мало подходящим словом «логистика». Это исследование производилось в каждом частном случае комбинации. Это была бесконечно тяжелая штабная работа, поневоле спешная и иногда незаконченная, к тому же часто плохо понятая подчиненными инстанциями. Надлежит на досуге заблаговременно проделать ее один раз навсегда. Такая работа представит гораздо большую ценность и окажется много плодотворнее.

Заблаговременное знакомство со свойствами и характером группировок, выгодных и невыгодных сторон, со временем, требуемым для выполнения, занимаемыми ими площадями и способами достижения целей, превращает армию в послушный инструмент в руках начальников; сокращая сопротивление и трения, мы позволяем армии проявлять большую силу. В то же время эти занятия готовят офицеров к той роли, которая выпадет на них на войне, осваивают их с маневрированием масс, выясняют им, какие требования являются при этом и как возможно их удовлетворить, и обеспечивают их от заблуждений и грубых ошибок.

Некоторые армии показали себя умеющими удачно группироваться и на походе и в сражении; другие же представлялись враздробь, с разнобоями и опаздываниями. Следовательно, существует подготовка, позволяющая применять хорошие приемы и избегать дурных.

Поэтому мы будем логичны, приступив к формулировке типов, основанных на вероятности, необходимости и расчете, к указанию способов действия, которые в действительности выльются в методы, правда, не абсолютные, а допускающие эволюцию, ограничивающиеся резюмированием военной науки к моменту их формулирования. Эти типы будут средними вероятными. Не утрачивая своего существа, они будут сохранять возможность сжиматься и расширяться, чтобы быть применимыми в возможно большем количестве случаев. Так задуманные, они представят в распоряжение каждого средства нормальным путем, без сюрпризов и смятения, вызывать энергичные усилия, которые приведут к крупным успехам.

Приемы выполнения не варьируют до бесконечности, как многие это думают. Если в крупных операциях можно отметить разные оттенки, то они скорее являются результатом местных особенностей или случайных обстоятельств, или несходства в основных данных, и эти внешние различия не мешают им по существу сохранять аналогию.

Стадии войны для каждой отдельной части остаются теми же, независимо от разнообразия комбинаций и местности. Ведется ли операция в направлении на Альпы, на Пиренеи или в районе Вогез, условия передвижения, расположения на отдых, довольствия, разведки боя и так далее всегда остаются теми

же самыми. Районы, местность которых имеет средний характер, встречаются чаще всего и предъявляют аналогичные требования, со слабыми оттенками; высокие горы являются только исключениями.

Приблизительно везде и всегда солидарность, взаимная выручка и связь предъявляют свои требования одними и теми же способами. Обязательство всегда быть в состоянии оказать поддержку и иметь возможность соединить все силы для нанесения или отбития удара, всегда остается неизменным; меры по обеспечению безопасности, способы достижения экономии сил и методы довольствия однообразны. Одним словом, борьба против тех же, за малыми отклонениями, обстоятельств или явлений; действия ведутся однородными единицами, подчиненными тем же практическим требованиям, и хотя при этом и осуществляются различные планы, но средства выполнения в значительной степени остаются теми же.

Эти приемы, методы или типы сводятся к очень незначительному числу. Знакомство с ними штабов и войск дает большую силу командующему армией и снимает с него заботу о подробностях выполнения; его мышление остается свободным и может сосредоточиться на выборе надлежащих комбинаций.

Самые знаменитые полководцы всегда достигали решительных результатов с минимумом пролитой крови. Следовательно, они знали, как поставить доблесть своих войск в такие условия, которые давали бы ей наибольшую действительность и связывали бы ее с меньшими опасностями. Это знание является как раз различием между ними и теми, которые посредственно или плохо вели войну. То же подтверждает эрц-герцог Карл: «Не всегда можно называть полководцем генерала, возглавляющего армию. Большинство лиц, командующих армиями, не имеет ни малейшего представления о стратегии и знакомо только с тактикой. Они не способны охватить крупную операцию в целом, и руководствуются лишь узкими и случайными взглядами, их движения не задаются никакой определенной целью для будущего. Они двигаются лишь ощупью, в ожидании результатов целого ряда случайных происшествий, не зная при этом, каков будет характер этих результатов и как они их достигнут». (*Кампания 1796 года. Глава X*).

Чтобы идти по стопам великих стратегов, надо изыскивать хорошие приемы; определение их именно и составляет научную часть войны.

Сторонники врожденных идей протестуют против мысли о позитивном, рациональном образе действий. Они считают, что наука пренебрегает моральной стороной и отвергает все, что не поддается расчету: это заблуждение и почти клевета. Никто никогда не отрицал ни значения, ни пользы моральных элементов, но не надо думать, что они охватывают все военное дело. В нашу эпоху имеется тенденция к общей индустриализации, и армии в том числе. Научная сторона господствует повсюду, а, следовательно, она не может отсутствовать и в военных операциях. Ввиду развития масс, материальные элементы приобретают более решающее значение. Времена подвигов беспечного рыцарства миновали, и теперь к природным дарованиям необходимо присовокуплять оборудование, механизацию и фабричные методы. Это более прозаично, однако война может руководиться в части выполнения лишь приемами, имеющими научный характер. Наши несчастья 1870 года слишком хорошо это показали.

Не надо впадать в заблуждение, как это часто допускается умышленно или по оплошности. Когда начинают говорить о военной науке, то сразу возбуждается вопрос о невозможности заключить войну в формулы или подвести победу под уравнение. Речь идет совершенно не об этом. Научная форма не требует обязательного применения высшей математики. Война, наоборот, ее отталкивает, и очень жаль, что приходится наблюдать, как программа математики все расширяется в Сен-Сирской школе. Слишком глубокий анализ пагубен для операций, которые по преимуществу требуют синтеза. Ввиду этого, военные инженеры всегда были посредственными стратегами. Среди великих полководцев мы видим много гуманистически образованных людей: Цезарь, Сципион, Фридрих II, эрц-герцог Карл, принц де-Линь, Мориц Саксонский, Наполеон и так далее, но мы не находим ни одного математика.

Научная форма является рассуждением и расчетом, примененным к подробностям военных операций, с тем, чтобы предварительно отдать себе отчет об условиях их выполнения и не пускаться наудачу, а, по возможности, предусмотреть последствия, обеспечивая себя при этом против возможных опасностей.

Приверженцы военного искусства оспаривают это положение и формально, и по существу.

По их мнению, без универсальных и основных принципов не могло бы существовать науки. Это утверждение теоретически точно, но применяется ошибочно. Позитивная стратегия имеет твердые основы под другим названием. То, что принято обыкновенно называть принципами, в действительности является необходимостями, господствующими над событиями; они изменяются в зависимости от эпохи. Они командуют, не облекаясь в жесткие формы постоянного закона. В их существе заключается постоянство способности к совершенствованию.

Научная форма стратегии не является абсолютно новой. Ею уже пользовались. В особенности отдел боя в уставе полевой службы дал зачаток и набросок основных линий как тактики, так и стратегии боя.

Также имели место и индивидуальные попытки. Когда я в 1869 году напечатал свой эскиз «Тактики походных движений», критики указывали на невозможность ее применения. Теперь она всюду вошла в привычку. Впоследствии, когда будет создана стратегия походных движений, все будут удивляться, что прошло столько времени, прежде чем было установлено столь естественное представление.

Таким путем разрабатывалось значительное число военных вопросов: организация, мобилизация, сосредоточение, тактика боя, огня, разведки, снабжения и так далее. Будет логично принять тот же метод работы для стратегических вопросов, конечно, не затрагивая при этом умозрительной части, которая требует художественного, а не научного подхода.

Развитие высшего военного образования позволит осуществить этот значительный труд. Уже сделано очень много; однако, остается создать и даже усовершенствовать еще гораздо больше; сразу практическая простота не достигается. Существующая организация оставляет широкое место весьма желательным улучшениям. Подлежат пересмотру военные законы и, в особенности, закон о военной повинности, который не является ни всеобщим,

ни территориальным, ни местным, а основан на фантазии. В мобилизации встречается много противоречий; корпуса bis и, между прочим, смешанные полки могут лишь рассматриваться как средства отчаяния, обреченные на исчезновение.

Сосредоточение представляется довольно удовлетворительным, но это не означает, что оно достигло совершенства. Например, план перевозок слишком узок, слишком абсолютно жесток и недостаточно, может быть, приспособлен к комбинациям войны. Тактика снабжения, несмотря на похвальные усилия, недостаточно подвинулась вперед, а стратегия довольствия находится в первобытном состоянии. Гораздо большее внимание уделено боевым порядкам, огню, расквартированию и охранению. Следствием этого явились определенные мнения, системы, даже регламентация; повторное применение идентичных приемов создало, как и раньше, тактические методы.

Ничто не мешает подняться выше, сохраняя тот же порядок мышления, и искать лучших приемов переброски больших масс, более выгодных способов их группировки при направлении их для нанесения удара, а также с целью поддержки, или для сосредоточения усилий, не считаясь с каким-либо определенным замыслом. К этому уже приступлено; исследование продолжается, и имеется основание полагать, что оно приведет к полезным заключениям.

Одни предпочитают из походного порядка прямо переходить в боевой порядок; другие считают более выгодными прибегать к переходному состоянию между ними: резервному построению. При крупных боевых единицах одни рассматривают авангард как щит, обеспечивающий построение боевого порядка. Напротив, другие утверждают, что авангард не представляет ничего иного, как элемент боевого порядка, развертывающийся первым. Являются ли эти различные приемы одинаково допустимыми, или некоторым из них необходимо оказать предпочтение? Выяснить это представляется важным, так как в зависимости от решения между вступлением в бой отдельных частей походного порядка может образоваться промежуток времени в несколько часов.

При наличии четырех параллельных дорог, находящихся в распоряжении четырех армейских корпусов, имеется возможность предоставить каждому корпусу отдельную дорогу или разместить по два корпуса в первой и по два во второй линии. Причем каждый следовал бы по двум дорогам. Приемлем ли второй способ или он должен быть осужден, исходя из соображения быстроты развертывания, передачи приказаний, удобства маневрирования и снабжения и так далее?

В борьбе кавалерии против кавалерии боевой порядок дивизии в три линии, по бригаде в каждой, изобретенный немецким генералом фон-Шмидтом, противоречит разуму и расчету, однако он принят во Франции. Не было ли бы полезно изменить этот обычай?

Большая действительность артиллерийского огня достигается, как и раньше, сосредоточением орудий, а также, ввиду их дальнобойности, простым сосредоточением огня. В зависимости от общих методов действия, батареям потребуется или часто менять позиции, или они останутся относительно неподвижными. Было бы интересно пролить свет на этот сложный вопрос.

Эти примеры показывают, насколько важно углубить все вопросы и указать наилучшие решения. Каковы бы они ни были, они все же будут лучше того со-

стояния неизвестности, в котором мы сейчас находимся и которое так затрудняет выбор решения.

С рождением больших масс мышление офицеров поставлено теперь перед очень серьезными заботами. Никогда не проявлялось более живого и более настойчивого интереса к определению хороших методов выполнения. Большие исследования, упорный труд образованных офицеров позволяют достигнуть этих результатов, и эта работа мирного времени является великолепной подготовкой к войне.

В этом направлении замечаются значительные успехи. Число ценных трудов сильно возросло, что доказывает, что Высшая военная школа дает хорошие плоды. Они окажутся еще более резко подчеркнутыми, когда увеличится число окончивших ее офицеров, которые займут более высокие должности. Вероятно уже недалек тот день, когда рутинная отживет свой век, когда будет признано необходимым дополнять природные дарования знанием и нельзя будет стать начальником, не доказав своего умения.

Примечания

- ¹ Introduction a la partie positive de la strategie. Parle general Lewal. Paris, 1892 г., с. 99. По объему нашего труда пришлось отказаться от помещения семи глав (нумерация глав в переводе наша).
- ² Интересно, что Г.А. Леер, также занимавший отрицательную позицию по отношению к влиянию политики, также должен был определить свою «позитивную» стратегию, как тактику театра военных действий.
- ³ Обращает на себя внимание склонность Левала цитировать таких писателей XVIII века, как Пюи-Сегюр. Рационализм в XVIII веке также был в моде. Если Леваль цитирует Клаузевица, то исключительно вследствие того значения, которое он имел для французской военной мысли в конце XIX века. В основных вопросах Леваль резко расходится с Клаузевицем. Мышление Левала имеет окраску XVIII века; Гегель и Клаузевиц не восприняты им. Вместе с тем, надо отметить совершенно исключительные познания и эрудицию Левала; он даже злоупотреблял своим хорошим знакомством с древнегреческим языком, что побудило нас опустить первую часть главы о двух частях стратегии, где Леваль старается основать свое понимание стратегии на филологическом толковании этого слова.
- ⁴ Прюдом — литературный тип, олицетворяющий удовлетворенное ничтожество, мещанскую банальность. (Примеч. пер.).
- ⁵ Вольные стрелки. (Примеч. пер.).
- ⁶ Герой мольеровской комедии «Мещанин во дворянстве», которому наставник философии объяснил, что он говорит уже 40 лет прозой. (Примеч. пер.).
- ⁷ В подлиннике «завернуть». Игра слов: enveloper одновременно означает и «охватить». На русской сцене цитируемая Левалем пьеса идет, по-видимому, под названием: «Герцогиня Герольштейнская». (Примеч. пер.).
- ⁸ Блестящее исключение представляет Ганс Дельбрюк, перешедший от филологической критики источников по войнам к критике по существу, что

- и обусловило удивительное богатство завоеваний его мысли в истории. *(Примеч. ред.)*.
- ⁹ Пюи-Сегюр употребляет термин «либеральное», которое мы перевели словом «свободное». *(Примеч. пер.)*.
- ¹⁰ Дословно: моральный. *(Примеч. пер.)*.
- ¹¹ Это утверждение Леваля для юношеских лет Наполеона не соответствует истине, но верно для Наполеона в зрелом возрасте. *(Примеч. ред.)*.
- ¹² Панацея — рецепт, годный на все случаи. *(Примеч. пер.)*.
- ¹³ Нить Ариадны помогла Тезею выбраться из лабиринта. *(Примеч. пер.)*.
- ¹⁴ Может быть, нелишнее остановить нашу мысль на том, что такое «простой здравый смысл», единственный подход для большинства к решению стратегических вопросов. Простой здравый смысл — это те идеи, которые наиболее демократизировались и находятся у всех и на языке, и в голове. Простой здравый смысл — это шаблон общественного мнения, и не больше. Здравый смысл Наполеона значительно от него отличается глубиной суждения, творческой изобретательностью, знакомством со всеми привходящими техническими вопросами. *(Примеч. ред.)*.
- ¹⁵ Который сделал двадцать походов и ничему не научился. *(Примеч. ред.)*.
- ¹⁶ Профессор русской академии тридцатых годов XIX столетия, писал свои курсы еще на французском языке, почему и знаком Западу в гораздо большей степени, чем его преемники. Важнейшим его трудом является разбор операций 1812 года, каковой был переведен на русский язык и издан к столетнему юбилею Отечественной войны. *(Примеч. ред.)*.

Генерал Верди-дю-Вернуа

ПРИКЛАДНОЙ МЕТОД ВЕРДИ-ДЮ-ВЕРНУА

Верди-дю-Вернуа, один из блестящих сотрудников Мольтке и авторитетнейший его толкователь, в течение своей служебной карьеры вращался преимущественно в крупных штабах: в 1863-1865 годах мы видим его в качестве прусского военного агента при нашем наместнике в Польше, переживающим все стадии польского восстания, которое он предсказал еще в поданной им в 1860 году докладной записке начальнику прусского генерального штаба; в 1866 году он работает в штабе 2-й прусской армии; в 1870 году он в ставке, очень близок к Мольтке, принимает участие в оценках обстановки и в разработке решений, являясь как бы паладином генерального штаба, вступающим в схватки с Бисмарком, когда последний пытался оказать давление на стратегию¹. Впоследствии мы видим его в роли прусского военного министра. Воспоминания его о польском восстании представляют очень дружественную характеристику русской армии; воспоминания о войне с Австрией и, особенно, с Францией — это драгоценные документы для изучения стратегии и службы генерального штаба.

Таким образом, у Верди были все данные для того, чтобы успешно поработать в области создания школы стратегического мышления. Однако, лучшие свои силы (конец шестидесятых и начало семидесятых годов XIX столетия), он посвящает преподаванию тактики в Берлинской академии, и главные заслуги его как реформатора военной теории, лежат в области тактики. Верди разработал прикладной метод изучения военного искусства. Школа Верди — это полная противоположность умозрительному подходу Вилизена. Вилизен, профессор военной истории, отказывается подойти к морю фактов, пока не разработает системы, которая ему может позволить классифицировать и расценивать факты и укажет на существующую между ними причинную зависимость. Верди, профессор теории тактики, отрицает возможность построить теорию, дать какие-либо правила, наметить самую программу, не обращаясь к частному случаю. Только изучение частного случая открывает Верди, какие вопросы действительно выдвигаются жизнью, какие мотивы играют роль при их разрешении, какие явления мы наблюдаем более или менее постоянно и можем объединить под известными понятиями и соответственно классифицировать. Верди допускает использование военно-исторических примеров только при начальном обучении, как иллюстрацию тех представлений, которые учитель навязывает ученику. При самостоятельном же изучении, или в академическом преподавании, военно-исторический пример уже теряет права на существование: центр тяжести должен лежать в исследовании данного военно-исторического факта, чтобы извлечь из него все то поучение, которое он может дать. Военная история, на которую так нападает Леваль, при подходе Верди начинает играть роль сокровищницы военных знаний, единственного источника изучения. Изменяя некоторые данные действительно имевших место событий, включая в них новую технику и исследуя складывающуюся обстановку новой задачи, Верди как бы переходит от военно-исторического опыта к эксперименту. Верди обращает внимание на то различие в тактической деятельности, которое зависит от служебного гори-

зонта начальника, и является первым создателем тактики начальников дивизий. Те тактические задачи, которые ныне повсюду являются основным методом изучения тактики, в современной их постановке являются также творением Верди.

Работе над обширным стратегическим трудом Верди посвятил два последних десятилетия своей жизни (он умер в 1910 году). Он взялся за нее только после смерти Мольтке, когда прусский генеральный штаб начал публиковать его служебную корреспонденцию. Параллельно с томами военной корреспонденции Мольтке начали выходить и отдельные выпуски стратегии Верди. Такими же отдельными выпусками издавались раньше его работы по тактике. Этот метод работы — делиться немедленно с читателями результатами своего труда, несколькими главами, охватывающими один из подлежащих исследованию вопросов, отвечает общему нервному характеру работы нашего века, но, конечно, для книжек, которые претендуют удержать внимание читателей в течение десятилетий, метод Клаузевица, который всю свою жизнь переделывал, усовершенствовал, расширял, изменял труд «О войне» — и все же оставил в нем только одну из 126 глав совершенно законченной, — последний метод представляет серьезные преимущества. Однако в XX веке мы не можем требовать от автора такой скрытности, чтобы лишь в посмертном издании можно было бы ознакомиться с работой его мысли во всей глубине.

Тактике в семидесятих годах Верди посвятил 10 отдельных выпусков, которые господствовали в германской литературе около 25 лет; стратегии он посвятил 11 книжек, известных нам, первая из которых относится к 1891 году, а последняя — к 1906 году. С тактическими работами Верди русская армия была знакома по нескольким переводам, стратегические его труды были прочтены очень немногими специалистами.

При выборе трудов для перевода и издания русские военные издатели стремились избежать книжек, значительную часть которых наполняло военно-историческое содержание. Книги выходят объемистые, приходится прилагать много карт и схем, что удорожает издание; наконец, военно-книжный рынок предъявлял у нас своего рода американские требования — чтобы в самом ограниченном объеме было бы дано максимальное количество выводов, при том резких и, по возможности, новых. Русский военный читатель, по-видимому, куда-то сильно торопился. Книги, наполненные рассуждениями об известных уже войнах и, в то же время, не представлявшие капитальный по ним источник, у нас не распространялись и потому не издавались. Только этим можно объяснить отсутствие перед мировой войной русского перевода труда «Канны» Шлиффена, как любопытного и по положению автора, и по распространению изложенных в них взглядов в германской армии. Отсутствует у нас и капитальный труд Фоша «Ведение войны», с которым мы знакомим теперь читателей по отрывку «План войны». Отсутствовал у нас интерес и к трудам Верди.

Отчасти вина лежит и на авторе: первый раздел его «Исследований о войне» — три выпуска — были посвящены, несомненно, вопросу третьестепенного значения в стратегии — событиям в пограничных районах, происходящим между моментами объявления войны и началом крупных операций. Второй раздел — также 3 выпуска — посвящен плану кампаний. Через 11 лет после приступа к своему труду Верди, по-видимому, решил совершенно изменить

его конструкцию, наименовал третий раздел стратегией и полагал широко его развить. Нам известно только 5 выпусков стратегии, охватывающих общее определение стратегии и исследование вопросов об операционных целях, базах и линиях. В понятие операционной линии Верди избегал вкладывать какую-либо туманную идеологию и очень рационально, на наш взгляд, подразумевает под операционной линией всякую дорогу, необходимую войскам или обозам при ведении операции. Сюда попадает и «коммуникационная линия», и пути отступления, рокировочные дороги и так далее. Это очень далеко от учения Г.А. Леера и возвращает нас к тому определению, которое давал операционной линии автор этого термина, Ллойд; это определение имеет два больших преимущества: во-первых, изгоняется геометрический подход к исследованию важнейших стратегических вопросов, и во-вторых, получается возможность выдвинуть цель операции на принадлежащее ей господствующее место, а не прятать ее в схематическую операционную линию.

В стратегии Верди чувствуется работа уже сильно постаревшего писателя; дерзаний здесь нет. Неоднократно Верди предупреждает, что он не имеет в виду создание собственной стратегии, а стремится только к приведению в ясность существующих воззрений и к научной проверке их, насколько они правильны вообще, не заключают ли в себе внутренних противоречий и отвечают ли условиям нашего времени.

Каков же метод работы Верди? Минимальный, но авторитетный теоретический багаж нужен и ему при отправлении в плавание по морю фактов. В тактике исходным пунктом Верди являлись уставные положения. В стратегии таковых нет. Поэтому, выдвигая для исследования какой-нибудь вопрос, — например, о базе, Верди обращается к величайшему германскому теоретику Клаузевицу и величайшему практику новейшей эпохи, Мольтке, и изучает, какое содержание они вкладывали в этот термин, и если они употребляли его в различном значении, то выясняет, в чем заключается противоречие. На это тратится 15 страниц. Затем Верди отправляется в исследование военной истории — какое значение база имела в различных случаях, какие вопросы возникали во время войны относительно базы, какие мотивы имели решающее значение при решении их на практике. Все излагается необычайно сжато, точно и, в то же время, необычайно «основательно». На 85 страницах Верди изучает роль базы в трех кампаниях Мольтке, в походах Александра Македонского, Цезаря, в экспедиции Наполеона в Египет и в его же осеннем походе 1813 года. Затем Верди начинает подытоживать и классифицировать результаты.

По объему нашего сборника для нас не оказалось возможным развернуть перед читателем все три стадии работы Верди — и мы первые об этом горько сожалеем. Мы даем только тот урожай, который Верди собрал со своих исторических исследований о целях операций и базе, но очень неполно знакомим читателя с методом Верди, опуская всю тяжелую его работу по подготовке к сбору этого урожая.

Как же можно оценить результаты исследований Верди? Они очень скромны, в них нет ничего кричащего; и, в то же время, они страшно жизненны; классификация, которую дает Верди, не выдумана за письменным столом додуманного теоретиком, а взята из самой действительности; Верди не претендует

раскрывать причинной связи, он указывает только на моменты, получающие значение при решении возникающих вопросов. Работа его свободна от малейшего шарлатанства; претензии в ней немного, она не стремится диктовать поведение полководцу в будущем, и в то же время, если попробовать подойти к событиям мировой и гражданской войны с теми определениями, которые дает Верди, мы убедимся, что они во многом отвечают действительности — и не мудрено, так как они слеплены с жизни незадолго до мировой войны; те моменты, которые приводит Верди, как определяющие решение вопроса, действительно в мировой и гражданской войне имели место. Нам представляется, что тот исторический метод, который рекомендовал Наполеон для изучения стратегии, прекрасно представлен в трудах Верди, и что приводимые здесь в сборнике итоги Верди по двум вопросам дают, вообще, возможность судить о том, что мы можем получить от исторического метода, и что является для него недоступным.

Обратим внимание на то, что Верди, в отличие от большинства писателей по стратегии, очень охотно обращается к исследованию вопросов в стратегической обстановке войн глубокой древности. Верди не боится изучать взгляды Тюренна, даже Цезаря, Ганнибала и Александра Македонского². Верди обращает внимание на опасность замыкать наш исторический кругозор новейшим временем; его не удовлетворяет пример Мольтке, являвшийся руководящим для прусского генерального штаба, который углублялся в глубь веков не дальше Фридриха Великого; Верди указывает, что если Клаузевиц предостерегал нас от примеров из глубокой древности, то сам он иногда все же ссылаясь на нее; что как раз в настоящее время историческая наука поднялась на такую высоту, что мы гораздо яснее и точнее можем себе представить обстановку борьбы Александра, Ганнибала и Цезаря, чем предшествовавшие поколения; и если в XVIII и в начале XIX века так охотно ссылались на них, то нам нет никаких оснований отказываться обогащать наш исторический опыт изучением действий этих полководцев. В этом отношении Верди является горячим защитником истории военного искусства, даже ссылается на Дельбрюка, вообще держится точки зрения, противной тенденции прусского генерального штаба. К сожалению, у Верди нет понимания эволюции, нет исторической диалектики в подходе к изучению стратегических вопросов в прошлом. Лишь глубокое знание войн Мольтке с одной стороны, и с другой — заимствование исторического освещения у Дельбрюка и других крупнейших ученых направляет его исторические экскурсии по правильной колее.

Труд Верди остался недоконченным, несмотря на 50-летнюю работу в области стратегии и 15 лет систематического труда над ее теорией. Можно отметить известное колебание во взглядах Верди — к концу своей жизни он даже отказался от своего определения стратегии и усомнился, не существует ли грань между тактикой и стратегией только в воображении. И все же, Верди надо признать классиком в стратегических вопросах — мы предоставляем читателю познакомиться с точностью и добросовестностью его научной работы по приведенным отрывкам, которые мы, признаемся, по-варварски вырезали из органического целого его исследования.

Редакция

ЭТЮДЫ О ВОЙНЕ И. ФОН-ВЕРДИ-ВЕРНУА

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. СТРАТЕГИЯ

Берлин, 1903 год

Об объекте операции

Общая точка зрения

Современному и почти общепринятому термину «*объект операций*» я предпочитаю термин «*цель операции*»; этот термин уже применялся Клаузевицем, а также многократно употреблялся Мольтке. Первый термин преимущественно применяется по отношению к *наступлению*, а при *оборонительных* намерениях встречается лишь случайно. Но *оборона* в своих операциях также должна преследовать определенные намерения, и выдвигать для операций задачу достижения известных целей. Хотя оборона во многих случаях протекает в условиях зависимости от противника, однако же, пресечение неприятельских намерений является для нее целью, которая может принять весьма разнообразные формы. Но совершенно независимо от этого, оборона имеет возможность выдвигать и свои самостоятельные цели; сосредоточение вооруженной силы и избрание обороной сразу же определенного оперативного метода может продиктовать противнику совершенно определенные направления, а, следовательно, и предписать наступающему свою волю. Очень часто цель обороны будет состоять лишь в «препятствовании», «задержке» или встречном движении по отношению к неприятельской операции, цель же наступательной операции по преимуществу заключается в каком-нибудь «достижении». В общем, мне представляется, что «цель» является более широким термином, чем «объект».

Подразделение объектов на «*объект войны*» и «*объект наступательной операции*» или «*объект боя*» может быть научно обосновано, однако я не считаю необходимым останавливаться на нем.

Различные виды целей

Обзор целей

Цель операции нельзя рассматривать, как нечто одностороннее, постоянно принимающее один и тот же образ. Наоборот, содержание ее в действительности бывает чрезвычайно разнообразным; обуславливающие ее соображения включают в свой круг и *политическую цель*, к достижению которой должны направляться все операции. Так, *окончательная цель* устанавливается в полном согласовании с политическими намерениями. Но до достижения окончательной цели обычно перед командованием является еще задача достигнуть раз-

личных других целей, начиная с *первой цели* операций, и далее различных *промежуточных целей*, в особенности, если операции будут дробиться в различных районах, или *второстепенных целей*, если обстоятельства складываются так, что наряду с главными операциями явится целесообразным разрешить еще несколько подсобных задач.

В *конечных целях* придется различать *широкие цели* от *ограниченных*, причем последние встречаются также в том случае, если первая цель совпадает с конечной.

Далее, предыдущее исследование подчеркнуло нам положения, которые можно хотя бы отчасти охарактеризовать понятием «*колеблющейся цели*». Планы в последнем случае должны учитывать несколько различных целей и быть подготовлены к тому, чтобы отвечать требованиям той обстановки, которая в результате сложится в действительности. Такое положение, когда еще нельзя определенно сказать вперед, что захочешь сделать, неизбежно является, если в *промежуток времени между составлением плана и его выполнением* ожидается еще выяснение важных обстоятельств или неожиданные события могут вызвать изменения, а также, если политическая обстановка пока не позволяет использовать изготовившиеся вооруженные силы. Но как только получится свобода действий, то в первый же момент, на основании сложившейся обстановки, должна быть установлена цель, которую хотят достигнуть³.

Разнообразие целей мы видим уже в войне Ганнибала с Римом. *Политической целью* было сокрушение Рима, конечная же *цель операции* соответственно должна была быть *широкой*, и она заключалась в захвате города Рима, но в результате свелась к изоляции этого центра путем отпадения союзных Риму областей. Как *первая цель*, при этом выдвигалось преодоление кельтских племен, препятствовавших продвижению севернее реки Эбро; затем следовал целый ряд *промежуточных целей*, как, например, борьба на Роне и в Альпах, соединение с цизальпийскими галлами и так далее; чтобы можно было приблизиться к конечной цели, надлежало счастливо достигнуть все предыдущие.

Окончательного решения можно было достигнуть лишь в Италии или Африке, ввиду чего римские походы в Испании в своей совокупности являлись второстепенными операциями, преследовавшими *второстепенные цели*.

Ограниченные цели мы видим, например, в намеченном в 1864 году отделении от Дании Шлезвиг-Гольштейна, а также в защите Тюренном Эльзаса в 1674 году.

Колеблющиеся цели являлись у австрийцев в начале кампании 1859 года; ввиду этого, при рассмотрении этой кампании нами было указано на необходимость остановиться на определенной цели к моменту начала операций.

Политическая цель

Политическая обстановка и вытекающая из нее собственно *политическая цель* создает основание для военных действий; таким образом, политическая цель, поскольку она находится в зависимости от нашего выбора — должна согласоваться с нашими военными возможностями.

Однако это не исключает возможности создания вооруженных конфликтов, в которых силы одной из держав, по-видимому, недостаточны, чтобы

противостоять с оружием в руках намерениям более сильного государства. Даже в таких условиях, если на карте стоят наиболее жизненные интересы народа, его честь и его свобода, вступление в борьбу все же может найти себе оправдание. История представляет достаточное количество примеров, когда по видимости совершенно безнадежное предприятие малого государства против более сильного все же заканчивалось в пользу первого.

Но в обязанности высшего военного командования всегда лежит ясное осведомление дипломатического руководства страны, когда нам угрожает или когда мы готовим конфликт, поскольку оно считает себя в состоянии успешно его разрешить; дипломатия, в свою очередь, также должна своевременно извещать высшее командование о своих намерениях, дабы последнее успело достаточно подготовиться. Политическая цель должна быть ясна высшему военному командованию; ему необходимо твердое определение политической цели, чтобы, базируясь на нем, привести к известной смычке с нею свои оперативные соображения.

Исключение явится в том случае, если верховный военный вождь не возьмет на себя командование всеми вооруженными силами или частью их, предназначенной для военных действий. Тогда он сохраняет за собой политическое руководство. Генерала же, которому в таких условиях передается командование, политика не касается⁴; он получает в виде директивы цели, которые он должен достигнуть путем операций. Отступления от этого могут иметь место лишь при совершенно исключительных обстоятельствах.

Но политическая цель может подвергаться изменениям. Благоприятный ход кампании позволяет расширить преследуемую цель, если ход кампании замедлится, например, вследствие вмешательства других держав, то цель может сузиться, а неудачный оборот войны может вынудить и вовсе от нее отказаться.

Все многочисленные планы Мольке в его «Военной корреспонденции», относящиеся к будущим войнам, построены на *широком исследовании политической обстановки и вытекающих из нее политических целей.*

Буры вступили в борьбу с превосходной по силе Англией, защищая свою самостоятельность; с этой задачей они не справились, но раньше им однажды удалось закончить успешно борьбу с этой великой державой. Еще на заре военной истории мы видим, как греки выходят победителями из борьбы с могущественной Персией.

Полководец может быть не ориентирован в политических соображениях, и он может удовлетворяться основанным на них оперативным заданием, если это не верховный вождь, а назначенный командовать армией генерал. Мы видим это из инструкции, данной в 1864 году фельдмаршалу Врангелю для войны с Данией. Счастливый ход этой войны и положение, занятое, в конечном счете, иностранными державами, позволили *расширить* первоначальное политическое намерение: «обеспечить права Шлезвиг-Гольштейна» до «отделения герцогств от Датской монархии». С другой стороны, позиция Пруссии и других германских государств во время итальянской войны 1859 года привела к тому, что Наполеону III пришлось *значительно сократить* свою политическую программу, которая в начале войны выражалась лозунгом: «свободная Италия вплоть до Адриатического моря»⁵.

Конечная цель

Та цель операций, которая устанавливается к началу похода в согласовании с политическими намерениями, и достижение которой должно, по крайней мере, осуществить последние, может быть удачно названа *конечной оперативной целью*.

Эта конечная цель никогда не должна упускаться из вида, и от нее нельзя отступать, даже если она временно будет представляться недостижимой. Как только откроется малейшая возможность достигнуть ее, сейчас же она вновь должна получить значение руководящей идеи. Изменение политической цели и вытекающие из этого последствия мы уже оговорили; если конечная военная цель окажется недостижимой, то политическая цель также должна измениться, приспособляясь к создавшемуся положению. Таким образом, политические намерения и конечная оперативная цель остаются в постоянной внутренней связи и оказывают друг на друга влияние. Однако, первоначально установленная конечная оперативная цель по обстоятельствам может измениться, в соответствии с изменением стратегической обстановки, не обуславливая этим изменения политических намерений.

Прежде всего, должно быть твердо установлено, что окончательное решение всегда заключается в *поражении неприятельской вооруженной силы*; это окончательное поражение может быть нанесено в открытом поле или оттеснением их в крепость, вместе с которой они вынуждены будут сдаться, причем безразлично, *двинутся ли они нам навстречу, или нам придется их отыскивать*.

Однако весьма своеобразное значение может приобрести *неприятельская столица*⁶. Если она имеет влияние, господствующее над всем государством, если последнее раздирается партийными распрями, центром которых является столица, или если народ терроризирован узурпатором власти, то падение столицы открывает перспективу на окончание войны, и тогда взятие ее, с одной стороны, и *оборона с другой*, могут являться *конечными оперативными целями*.

Узурпатор в случае неудачи легко может лишиться поддержки народа. Народ или соглашается с состоявшимся уже решением, если только оно отвечает его собственным желаниям и интересам, или из его поражения вырастает новая власть, которая, в свою очередь, берет на себя задачу борьбы. В обоих случаях целью сначала является устранение военных средств узурпатора, причем в последнем случае, по достижении первой конечной цели, создается новая обстановка, из которой выливается новая конечная цель.

В государстве, в котором господствует легитимная власть, потеря столицы будет иметь большое значение, особенно в моральном отношении, однако, ее падение в большинстве случаев не приобретает решающего значения.

Кроме того, общее политическое положение, как внутреннее, так и внешнее, всегда влияет на значение, придаваемое столице с оперативной точки зрения. В одном случае настроение в кругах, руководящих в столице, может быть таково, что одной угрозы столице будет достаточно, чтобы заставить их уступить и поторопиться закончить войну; в другом — они разовьют самое энергичное сопротивление, какое только допускает обороноспособность страны.

Далее, конечная цель может принимать различные образы в зависимости от того, заключает ли она в себе *крайнее* решение или же является только ограни-

ченной целью. И в первом случае не требуется достигать крайних пределов, то есть полного уничтожения противника; в большинстве случаев достаточно лишить противника средств, необходимых ему для продолжения борьбы или, вообще, привести его к убеждению, что продолжение войны вызовет лишь новые жертвы и не может дать благоприятных результатов.

Иногда слагаются такие положения, в которых обширные цели вообще недостижимы, или достижимы лишь с особенными трудностями; в таком случае приходится удовлетворяться *ограниченной оперативной целью*, и тогда конечной военной целью не будет являться полное сокрушение противника.

Теперь напрашивается вопрос, каковым должно быть положение, позволяющее отказаться от полного сокрушения и удовольствоваться ограниченной целью. В общем, достижение ограниченной цели может рассматриваться, как задача *обороны*; однако, сама по себе оборона не исключает сокрушение противника как конечную цель.

При этом надо учитывать количество и особенности военных средств. Если таковых недостаточно, чтобы конечной целью поставить себе всестороннее сокрушение противника, то придется попытаться найти ограниченную цель, достижение нами которой будет очень чувствительно для противника.

Иногда удаление объекта, достижение которого могло бы принудить противника к сдаче, бывает столь велико, что для операций приходится ограничиваться более близко расположенными целями. Главным образом, с этим приходится считаться при ведении войны за морем.

На ряду с вышеупомянутыми обстоятельствами, постановка ограниченных целей обуславливается дипломатическими соображениями по отношению к другим державам.

Новым мотивом для постановки ограниченной цели может явиться следующий: захват важного пункта или обширного района, с целью получить залог, который можно было бы обменять затем на желательный объект, немедленный захват которого встречает затруднения⁷. Вообще захват ценных областей, принадлежащих противнику, делает его более уступчивым при постановке мирных условий. Наконец, надо еще упомянуть, что при продолжительных войнах, в каждом отдельном походе часто могут выдвигаться *особые цели*.

В отношении *обороны* мы не можем руководствоваться соображением, что ее задачи, по обстоятельствам, могут разрешаться и переходом в длительное наступление. Если это будет иметь место, то в таком случае ее операции будут иметь наступательную цель. Но, сама по себе оборона, поскольку она ищет решения, не выходя из природы оборонительных действий, будет ставить себе *конечную цель* в длительном *удержании* того, чем она уже владеет.

Образ действий Тюренна в 1674 году доказывает, что неуклонное преследование конечной цели, даже в таких положениях, когда ее достижение всем представляется совершенно невозможным, все же может привести к счастливому разрешению. Средняя и верхняя часть Эльзаса были потеряны, когда кампания этого года, казалось, уже заканчивалась, и войска располагались на зимние квартиры. Таким образом, задача Тюренна — удержание Эльзаса — не была достигнута. Но он предпринял зимнюю операцию, каковой образ действий в те времена не входил ни в какие планы, стянулся из северного района и внезапно напал на союзников с противоположной стороны; таким путем он

достиг конечной цели своих оперативных и политических намерений и выполнили свою задачу.

Само собой разумеется, если имеется какая-либо политическая цель, а направленные к достижению ее операции потерпели неудачу, то политика должна поставить себе другую цель. Таковы следствия каждой неудачной кампании. Стремление французов к захвату левого берега Рейна, после неудачного начала кампании 1870 года, превратилось в необходимость защищать собственную территорию. В связи с этим, им потребовалось заменить оперативную цель завоевания такой целью, которая покоилась бы на оборонительных тенденциях.

Что конечные оперативные цели могут подвергаться изменениям, не вызывая тем самым перемены политических целей, это видно из похода Ганнибала. Первоначальное намерение заключалось в овладении Римом; после того, как боевые силы настолько растаяли, что эта первая цель представлялась уже недостижимой, она эволюционировала в стремлении отрезать Рим от его союзников, чтобы принудить его к сдаче.

Едва ли так же требует пояснения утверждение, что основным средством к достижению политических целей является включение в конечную военную цель полного разгрома противника. Гражданская война в Северной Америке пришла к концу, как только войска Северных Штатов принудили к капитуляции остатки храбрых батальонов Ли.

Что для достижения цели иногда может быть достаточно вырвать у противника средства, необходимые ему для ведения войны, между прочим, показывает и последняя испано-американская война. С уничтожением испанского флота у Кубы и Филиппинских островов, всякое дальнейшее сопротивление Испании могло вызвать только новые жертвы; Испания больше не могла удержать за собой свои прежние владения в Вест-Индии и близ западного побережья Северной Америки.

Своеобразно всегда складывается обстановка, когда во главе вооруженных сил противника стоит государь, не являющийся легитимным, наследственным монархом. В 1814 и 1815 году Наполеон I пал вместе с поражением его армии, такова же была судьба Наполеона III; оба они больше не могли найти в своем народе средств для продолжения борьбы в их личных интересах. Однако, в 1870 году, после падения империи, республика немедленно повела вторую войну, но борьба велась во имя интересов Франции, и ее вожди сумели побудить народ к дальнейшему продолжению войны.

При таких обстоятельствах, особую важность приобретает удержание столицы. Нормально следствием падения столицы не является низвержение наследственной династии, если только последняя не возбудила против себя ненависти народа. Ее занятие также в большинстве случаев не вызовет окончания войны.

Вена, Берлин, Москва и много других столиц побывали во вражеских руках, и это не приводило к окончанию войны; Неаполь был взят, однако, Неаполитанское королевство развалилось лишь после падения Гаеты. Но особые обстоятельства могут обусловить различное влияние, которое окажет занятие столицы. Так, например, в 1796 году одной угрозы Турину было достаточно для заключения мира между Францией и Пьемонтом, так как последний со своими интересами сумел оторваться от Австрии. В 1859 году, наоборот, ко-

роткое наступление правого крыла графа Гиулая, предпринятое им в направлении на Турин, правда, вызвало у союзников большое беспокойство, но отнюдь не могло побудить пьемонтцев к окончанию войны, так как потеря столицы не являлась для них решительным ударом. Последний могло дать лишь столкновение всех находившихся в стадии сосредоточения сил союзников с австрийской действующей армией.

Что касается ограниченных оперативных целей, то испано-американский конфликт доказывает, какое решающее значение в первую очередь имеют особенности военных средств. Америка имела возможность уничтожить испанский флот, блокировать испанские берега и нанести стране огромный ущерб, но силой оружия уничтожить испанскую армию, в пределах самой Испании, представлялось для Соединенных Штатов невозможным. Те боевые силы, которые имелись в распоряжении Америки, никогда не могли рассчитывать на успех внутри Испанской монархии, где воспоминания об участии народа в партизанской войне, несомненно, вызвали бы опять к жизни гвериллю. Таким образом, для американцев было большим счастьем, что они имели возможность достигнуть цели войны другим путем.

Географические условия также могут обуславливать постановку ограниченных целей. В Крымскую войну, во время борьбы западных держав с Россией, для них совершенно исключалась возможность искать решения внутри империи. Огромные размеры России, в связи с необходимостью для них опереться на базу на русском побережье, расположенную в большом удалении от их собственных стран, в высшей степени увеличили бы трудности данной операции. Таким образом, пришлось удовольствоваться ограниченной целью, то есть уничтожением Черноморского флота и его опорных пунктов, что, по крайней мере, создавало условия известной безопасности для Турции.

Задача русских, наоборот, состояла в удержании Севастополя, что также являлось ограниченной целью, и разрешить ее должна была оборона.

Что касается влияния дипломатических соображений на ограничение целей, то Шлезвиг-Гольштейнский поход показателен как в этом отношении, так и по вопросу о захвате залога. Изучение этой войны показывает нам, какое тормозящее влияние оказывали эти соображения как в период, предшествовавший началу военных действий, так и в течение их развития. Еще в своем плане кампании Мольтке проектировал занятие Ютландии как ценного залога, который желательно было иметь в руках, так как не представлялось возможным нанести удар в центр сопротивления, то есть по Копенгагену, и не рассчитывали в то время на возможность захватить острова, принадлежавшие к территории герцогств.

Какое значение может иметь оккупация важных частей территории, то есть достижение ограниченной оперативной цели для приближения к политической цели, показывают последние события в Китае. Та цель, которую поставил для операции генерал Вальдерзее, заключалась в расширении сферы, на которую распространялась его власть, до Великой Китайской Стены; в связи с угрозой возможного распространения ее дальше, эта оккупация, во всяком случае, много способствовала успеху политического воздействия и побудила китайское правительство ускорить темп ликвидации конфликта.

Чтобы убедиться, что конечный результат обороны также может вылиться в уничтожение неприятельских вооруженных сил, стоит только вспомнить различные вторжения в Швейцарию, хотя бы сражение при Зембахе или гибель герцога Бургундского в сражении при Муртене.

Первая цель

Первая цель определяется положением к моменту начала войны; поэтому характер ее может быть весьма различен. Таковая цель представится уже в период *сосредоточения боевых сил*, как только последнему явится помеха со стороны противника.

Возможность помехи может явиться в результате разнообразных предпосылок. Среди них назову следующие: запоздавшая мобилизация, более быстрое сосредоточение противника, ошибочный выбор района сосредоточения, большое протяжение государства при недостаточно развитых сообщениях, вообще все моменты, которые благоприятствуют внезапному стратегическому нападению противника или обеспечивают за ним инициативу.

Таким образом, в сухопутной войне особенно выдвигается необходимость обеспечивать мобилизацию и сосредоточение специальными *пограничными отрядами, задачей которых обыкновенно и является достижение первых оперативных целей*; когда мы ведем войну в других частях света, наоборот, таковая цель в большинстве случаев заключается в *перевозке боевых сил и в создании для них базы*.

*Проектированное наступление или оборона могут с самого начала лелеять мысль нанести поражение отдельным неприятельским отрядам. Обстановка также может выдвинуть требование немедленного захвата определенных местных пунктов, которые явятся желательной целью первых операций*⁸.

При обеих основных формах войны, то есть как при наступлении, так и при обороне, *первая и конечная цель могут совпадать*. Такое совпадение будет иметь место в тех случаях, когда борьба идет за овладение участком территории.

При *начале крупных операций, целью наступления*, в большинстве случаев, является столкновение с главными силами противника или значительной их частью.

При этом направление нашего наступления, в зависимости от обстоятельств, может обуславливать неприятельские контр-мероприятия, противник же, в свою очередь, своим оперативным образом действий может воздействовать на направление, в котором должны будут развиваться наши операции. Если операции с самого начала создадут угрозу важнейшим интересам враждебной стороны, то последняя будет вынуждена обратиться к их защите⁹.

Оборона во всех случаях, когда она не может ожидать выгоды от оттяжки решения, также первой своей целью должна иметь в виду решительное столкновение.

При установлении первой цели, если обороне приходится прикрывать область, заключающую известные стратегические и местные интересы, то надо точно установить, необходимо ли обеспечивать ее *на всем протяжении*, или на первое время можно удовольствоваться прикрытием *лишь части ее*. Далее, оборона должна обсудить, может ли быть эта задача разрешена наступательным ударом, если условия наступления противника будут являться трудными,

или наступление будет организовано им ошибочно, или же оборона может разрешить свою задачу занятием позиции для непосредственной или косвенной защиты. Во всех этих случаях оборона может идти на немедленное решительное столкновение или пытаться вызвать таковое.

Когда, напротив, оттягивание решительного столкновения отвечает *общей* политической и стратегической обстановке, и выдвигается необходимость выдержки, то часто создается своеобразное явление: соображения о том, что следует немедленно делать, включают в себе и дальнейшие моменты войны, то есть устанавливается связь между первой целью и дальнейшими, чтобы совокупно с ними прийти к решению общей задачи. Так, например, в намерении удерживаться в каком-либо пункте может крыться стремление к фланкирующему отходу или к давлению на неприятельские сообщения. В таких случаях расчет не может быть построен на одном броске, и является необходимостью попытаться также выяснить, что же придется делать после того, как первое мероприятие сыграет свою роль.

Несколько иной облик приобретает *первая цель при обороне, когда на армию возлагается задача прикрытия* других операций, и *эту задачу нельзя разрешить путем удержания участка территории*. Придется также стремиться к такому разрешению задачи, при котором первая цель будет заключаться в преодолении противника путем наступления, поскольку соотношение сил и особые условия дают шансы на успех. Если же таковых не имеется, то здесь придется перейти к оборонительному в общем образе действий, лишь с тем отличием, что постоянно меняющееся положение своих армий, развивающих особые операции, может принудить ее применяться к нему; это приспособление в особенности должно отвечать требованиям, вытекающим из соображений по обеспечению флангов, сообщений и даже базы главных сил. Это обуславливает *частую перемену намерений*: то удержание определенных путей, то движение навстречу противостоящему противнику, выжидание или производство натиска.

Исследование планов *Мольтке*, относящихся к кампании 1870 года и их выполнение в период, предшествующий первым крупным столкновениям, учит нас, какое влияние могут оказать различные привходящие обстоятельства на установление первой цели — сосредоточение действующих сил. Уже мобилизация потребовала выдвижения отрядов для прикрытия некоторых пограничных участков. Большое удаление войск, квартировавших в мирное время на востоке, и то обстоятельство, что не каждый наш корпус имел в своем распоряжении отдельную железнодорожную линию, существенно задержали сосредоточение. Своеобразный прием французов в отношении мобилизации и сосредоточения почти дал им возможность начать наступление против еще не сосредоточенных германских действующих сил и заставил принять меры для устранения этой опасности в виде изменения распоряжений по перевозкам¹⁰; он также вызвал весьма обширные сомнения относительно установления, где и когда немцы будут в состоянии встретить французский удар с шансами на успех. *Таким образом, самое сосредоточение превратилось в первую оперативную цель чрезвычайно большой важности.*

Соединение французов с пьемонтцами в 1859 году, которое при наступлении австрийцев могло быть поставлено под вопрос, надо также рассмотреть, как первую *оперативную цель*.

Такова же была задача союзников в Крымскую войну; *первая цель заключалась в переброске войск в Крым и в создании там базы*, после достижения чего лишь вообще возможно было приступить к дальнейшим задачам войны. Здесь эта цель весьма своеобразно распалась на два подотдела, так как для высадки был выбран район, отличный от того, который *должен был явиться базой для действий против Севастополя*. Эта первая операция, помимо сражения на Альме, включала обходное движение мимо Севастопольской крепости и завершалась занятием Балаклавской гавани.

В кампанию 1864 года наступление было нацелено на немедленное столкновение с противником. Так же обстояло дело у нас в 1866-м и 1870 годах, однако в обеих этих кампаниях видно, что столкновению могли бы *предшествовать и другие первые цели, а именно: 1866 год — соединение различных армий на неприятельской территории; 1870 год — обеспечение сосредоточения отдельных армий на собственной территории*.

Первой задачей также может явиться нанесение поражения или принуждение к отступлению действующих сил противника, занимающих выдвинутое положение, пример чего дает борьба Ганнибала севернее Эбро¹¹.

На возможность попыток обороны избрать себе, как первую цель, нанесения поражения отдельным неприятельским отрядам, обращает наше внимание наступление Тюренна через Рейн против герцога Лотарингского и графа Капра. Подобным же образом для наступления представлялся случай и в 1870 году, когда можно было *нанести удар маленькому отряду при продвижении французов на Саарбрюкен*. Но так как этот удар, в связи *со взятием Саарбурга* и прилежащего участка правого берега Саары, создавал особенно благоприятное положение, безразлично, преследовались бы оборонительные или наступательные намерения, *то постановка здесь захвата участка местности, как первой цели, являлась целесообразной*.

По мысли Мольтке, кампания 1866 года, даже если бы мы в начале держались обороны, подчеркнула бы нам положение, в котором *первой целью обороны является захват местности, лежащей вне пределов вверенной ее защите территории*. В этом случае нельзя достаточно высоко оценить значение захвата Саксонии, как первой оперативной цели.

Метод действий Тюренна еще указывает нам затем, что *оборона может оказаться в таком положении, когда ей придется искать первую цель в обеспечении всей области или лишь ее части*, как скоро начнется вторжение противника.

Изучение соображений Мольтке относительно третьей армии в подготовительных работах к 1870 году также дает ценные указания относительно *целей, которые должна себе ставить армия, имеющая оборонительную задачу по прикрытию других операций*. Операции против французской столицы являлись задачей первой и второй армии; прикрытие их с юга ставилось оперативной задачей третьей армии. Соображения приводят к тому, что задача третьей армии могла вылиться или в наступление в Эльзасе, или в следовании уступом впереди продвижения первой и второй армий.

Промежуточные цели (побочные)

От достижения первой цели находится в общей зависимости дальнейшее развитие намеченных первоначально операций; точно так же обстоит дело в отношении целей, которые выдвигаются в отдельные периоды, когда операции могут развиваться в избранном направлении лишь постепенно, от этапа к этапу. От их достижения также зависит возможность дальнейшего преследования конечной цели.

Помимо термина *«промежуточные цели»*, можно было бы иметь в виду и другие обозначения, однако данное выражение представляет то преимущество, что отвечает действительности, поскольку речь идет о целях, которые выдвигаются между первой целью и конечной. С этой точки зрения сюда можно было бы отнести и *«побочные цели»*, под которыми я понимаю достижение особых намерений, *происходящее наряду и одновременно с главными операциями, не прерывая последних, иногда даже под их прикрытием*. Подобные цели могут выдвинуться с самого начала операций.

Однако, при постановке их никогда не следует упускать из вида, имеется ли в них необходимость для приведения в исполнение основных намерений, или же они в отношении к последним, по крайней мере, обещают доставить выдающиеся преимущества или устранить крупные невыгоды. В противном случае, постановка подобных целей легко может привести к распылению сил.

Что касается выдвижения *промежуточных целей*, то таковое обуславливается уже необходимостью преодоления местных препятствий и, прежде всего, как мероприятиями противника, так и собственными намерениями.

В отдельных случаях можно заранее предусмотреть, что конкретная цель будет достигнута лишь после того, как удастся разрешить различные задачи, которые будут выдвигаться одна за другой. В других случаях непредвиденные заранее мероприятия противника заставляют нас временно отложить выполнение собственных намерений, направленных на достижение конечной цели, и временно уклониться за другими целями. Кроме того, оборона также иногда может оказаться в положении, требующем постановки различных промежуточных целей.

Задачи Майнской армии в кампанию 1866 года надо постольку считать направленными на *побочную цель*, поскольку решение покоилось на борьбе других армий против Австрии; однако, одновременно эти задачи являлись необходимыми для прикрытия прусской территории и операций главных сил, а также, чтобы удалить от них контингенты средних германских государств. Задача, которую в ту же кампанию третья армия должна была выполнить под Ольмюцем¹², также не была направлена на решительную цель, которая выпадала на долю других армий. Однако в данном случае задача третьей армии имела и внутреннюю связь с решительным столкновением, которое прочие армии должны были вызвать на Дунае.

В отношении промежуточных целей поход Ганнибала представляет пример случая, когда выдвигается целый ряд таковых (в том числе и местные цели), часть которых, со стороны пунийцев, можно было предвидеть и до войны. Германско-датская война 1864 года, однако, показала нам, что в течение самой войны подобные цели могут возникать и вновь (Альзен, Фюнский проект)¹³.

Как непредвиденное событие, заставившее немецкое командование выставить новые цели, надо рассматривать Седанский марш Мак-Магона в 1870 году. Когда немецкое командование, после сражения при Гравелоте, двинуло две армии на запад, то никто не думал о возможности подобного предприятия со стороны французов, и марш был нацелен на Париж. Когда же наступили неожиданные события, данная цель была временно отложена и установлена новая; однако, последняя уже не состояла исключительно в том, чтобы побороть намерение противника, а заключала в себе сознательное стремление отрезать французскую армию от сообщений с Парижем и уничтожить ее.

Что оборона в общем также может преследовать различные промежуточные цели, мы видим из образа действий Тюренна в борьбе с распространением противника на левом берегу Рейна; он занимал многочисленные позиции, которые всякий раз находились в соответствии с общим стратегическим положением; занятие их чередовалось с наступательными операциями, что в результате позволило ему выполнить возложенную на него задачу.

Влияние союзов на цели операций

Огромное значение при установлении *оперативных целей* получает такая обстановка, в которой *дело заключается в совместных действиях союзников*. При составлении плана часто создается огромная разница в зависимости от того, приходится ли руководствоваться лишь собственными условиями или необходимо учитывать таковые и у других¹⁴. Это позволяет нам выделить в отдельную главу рассмотрение этих своеобразных моментов, заслуживающих особого внимания.

В отношении своих союзников более сильная держава всегда должна помнить об обязанностях, лежащих на ней по отношению к более слабым союзникам, а именно: она должна защищать от опустошений их страну, поскольку это только возможно по условиям общей обстановки и при непременном соблюдении требования, *что слабейшие союзники примыкали бы к военным задачам, преследуемым главной державой*¹⁵.

Осуществление этой обязанности может быть проведено путем *непосредственной* или *косвенной* поддержки. Первая — путем выделения подкреплений на территорию союзника; последняя — путем занятия фланкирующей позиции или поступательных операций, против угрожающей державы в другом районе театра войны¹⁶.

Прямой поддержкой знаменуется начало кампании 1859 года со стороны союзников. Как только Наполеон III узнал о предъявлении австрийского ультиматума в Турине, он немедленно отдал приказ о направлении французских войск в Пьемонт.

При развертывании германских армий в 1870 году, наоборот, обеспечение южно-германских государств от неприятельского вторжения со стороны Страсбурга имело место *косвенно* и вполне себя оправдало; оно заключалось в сосредоточении третьей армии в баварском Пфальце или соответственно на реке Майне — сначала фланкирующее положение, затем наступательное движение, которое, в результате, привело третью армию в совершенно иной район театра войны, чем тот, на котором имели место ее первые бои.

Обозначившийся победный ход наступления вглубь Франции устранил совершенно всякую опасность для южно-германских государств.

Если своевременная поддержка союзников вышеупомянутыми способами неосуществима, то приходится обдумать или как принять отступающие из своей страны союзные войска¹⁷, или, если последние займут на своей территории сильную позицию, то как оказать им помощь в будущем, а, в случае окружения их противником, как их выручить. Оставление слабых союзников в пределах их родной страны может обосновываться на особенно для этого благоприятных условиях местности, на принятии участия в войне народа и на фортификационной подготовке; но если только союзные части не могут избежать окружения, то всегда надвигается опасность катастрофы, при условии, что более сильный союзник не найдет своевременно какого-либо способа оказать помощь. Возможность осуществить эту помощь принадлежит к числу тех условий, которые иногда позволяют считать целесообразным оставление войск более слабого союзника на родной территории под прикрытием фортификационных сооружений или других благоприятных данных. Но пребывание сил слабейшего союзника на укрепленных позициях всегда вызывает большие сомнения¹⁸, если только сила этих позиций и снабжение их всем необходимым не гарантирует длительной обороны, или если сильнейший союзник недостаточно могуч и недостаточно близок, чтобы можно было с уверенностью рассчитывать на выручку.

Образ действий малого государства, которое в пределах родной территории встречает наступление превосходных сил противника, а равно противоположный, когда своя страна оставляется, мы можем наблюдать в войнах саксонского королевства. В 1756 году саксонские действующие силы удерживались в своей стране на укрепленной позиции у Пирны, ожидая скорой выручки со стороны австрийцев. Но эта надежда не сбылась, и последовала катастрофа. В 1866 году, наоборот, саксонцы отказались от такого метода действий и отступили, очистив всю свою территорию, причем они отошли к выдвинутым в Богемию, чтобы их принять, частям I австрийского армейского корпуса. — Военные действия в Тироле, в которых принимало участие все население, и которым благоприятствовали условия местности, указывают на возможность положений, в которых и незначительные державы могут долгое время успешно отстаивать родную землю.

Однако для оказания поддержки главной державой более слабым участникам союза решающее значение имеют некоторые предпосылки. Огромное влияние всегда будет иметь тот факт, отдает ли более слабое государство свои боевые силы в распоряжение более сильной державы или нет и, соответственно, будет ли оно оперировать в тесном единстве с ней или пожелает вести войну самостоятельно. В первом случае обязанности по отношению к союзнику — по крайней мере моральные — идут значительно дальше; во втором случае — войска этого маленького государства все же составляют известный добавок сил, так как связывают некоторые части противника; вопрос же оказания помощи главной державой при таких условиях в значительной степени зависит от того, насколько это отвечает ее интересам как с политической, так и с оперативной точки зрения. В этом случае обязательства по отношению к слабейшему союзнику сами по себе далеко не идут.

В 1866 году непосредственное присоединение саксонского корпуса к австрийцам явилось поводом, побудившим императора Франца-Иосифа настоять при заключении мира на сохранении этого государства, без каких-либо урезок его территории. Прочим же своим союзникам Австрия предоставила заключать мир сепаратно. Бавария отказалась от участия в совместных операциях в Богемии, так как она полагала, что уклонение в Богемию баварских войск представляет опасность для ее собственных интересов, а также для интересов прочих юго-западных государств.

Мольбке во всех своих планах войны с Францией придерживался по отношению к южно-германским союзникам следующей *основной точки зрения*. Если слабейшие союзники желают действовать по собственному усмотрению, то заботиться о них больше нечего. Ему тем легче было отстаивать этот взгляд, что он полагал достаточными силы одних северо-германских войск для успешного завершения войны с Францией. Таким образом, выдвигается условие, имеющее решающее значение для возможности занять эту точку зрения: достаточность собственных сил для благоприятного завершения войны¹⁹.

Несколько иначе складывается положение вещей, когда *союз заключается* между двумя или несколькими великими *державами или вообще между равносильными государствами*. В начале войны в данном случае на первый план иногда также может выдвинуться требование непосредственной поддержки одного государства другим; однако полное право на существование сохраняют и совершенно самостоятельные операции, которые даже могут развиваться на совершенно различных театрах войны; это положение сохраняет свою силу и в борьбе двух держав против третьей, которая может вестись даже без заключения особого союзного договора. Существенное влияние в этом случае приобретает географическое положение государств, ведущих борьбу, как относительно друг друга, так и враждебной страны. Различие интересов также может привести к преследованию различных оперативных целей. Чем многоголосее союз, чем ближе по силам подходят друг к другу его участники, тем большие затруднения будет встречать вопрос об объединенном ведении войны, и тем больше *постановка целей будет приближаться к компромиссу и менее отвечать естественным требованиям войны*. При таких условиях, как неизбежное следствие, надо ожидать колебаний, нецелесообразных мероприятий, например, разброски операций — все это моменты, вызывающие многостороннее расстройство и недоразумения, могущие возрасти до развала Союза²⁰.

В начале осенней кампании 1813 года *широкая поддержка* была оказана русскими *прусским, австрийским* (а также шведским) *действующим силам* посредством распределения русских корпусов между главной армией в Богемии и армиями в Силезии и Бранденбурге; эти армии находились в областях союзников — Пруссии и Австрии, которые находились впереди русской территории, и, прежде всего, должны были учитываться как театр военных действий. Однако, как в эту кампанию, так в кампанию 1814 года, замечается, что по временам *отдельные державы преследовали совершенно различные цели*: одни — ограниченное освобождение Германии от французского господства, другие — разрыв оков прежних мирных договоров и, наконец, третьи — то, что должно было бы неуклонно рассматриваться как основная задача — свержение Наполеона.

Пример совершенно *самостоятельных операций* дают нам действия прусских и итальянских армий в кампанию 1866 года. При этом обе державы, борющиеся с Австрией, имели столь тесные общие интересы, что даже едва ли являлась нужда в союзном договоре, сами обстоятельства диктовали им необходимость союза. Иначе обстоит дело с политическими целями: итальянцы стремились отторгнуть итальянские земли от Австрии, пруссаки — к лишению Австрии ее сферы влияния в Германии. Первое намерение могло быть достигнуто *занятием спорных областей*, второе же отнюдь не заключалось в аннексии австрийских земель, а достигалось путем *сокрушения ее боевой мощи*.

Все трения, зачатки коих таят в себе союзы между приблизительно равными государствами, можно усмотреть в событиях освободительной войны 1813-го и 1814 годов, а также, в малом масштабе, и в войну 1674 года, где общее руководство объединялось в лице курфюрста Фридриха-Вильгельма Бранденбургского, затем в поведении южно-германских государств в кампанию 1866 года и вообще во всех многочисленных коалиционных войнах.

Заключительные замечания

Хотя не все, но большинство тех соображений, которые надо учитывать по отношению к постановке оперативных целей, затронуты нами выше. Я говорю: не все, так как эта область стратегии столь емка и обширна, что, по имеющемуся у меня опыту, если продлить исследование на другие войны, то очень легко могут выявиться еще новые явления. Это положение будет сохранять силу и для дальнейших тем моего исследования. *Оно открывает для каждого исследователя чрезвычайно широкое поле работы и познания.*

Чрезвычайная важность, заключающаяся в установлении оперативных целей, как в начале войны, так и для отдельных ее периодов, побудила меня уделить этой теме особое внимание в нашем исследовании.

Постановка целей связывается с задачей *избрать целесообразные пути к достижению этих целей.*

Вся стратегия — знание и умение вести большие операции — вращается в пределах этих двух вопросов, но если вышколенное понимание может привести к правильному выбору целей и путей к ним, то достижение таковых можно ожидать лишь от стойкого и энергичного характера.

Я хотел бы еще отметить, что путем всестороннего изучения «Военной корреспонденции» *Мольтке*, а также путем наблюдения его деятельности на войне, я пришел к убеждению, что он — наш величайший стратег прошлого столетия — достиг исключительно высокой способности в любой обстановке различных кампаний инстинктивно немедленно выдвигать целесообразные предложения *путем посвящения целого ряда лет всестороннему и глубокому исследованию целей операций и путей, посредством которых они могут быть достигнуты. Столь интенсивная работа над стратегическими вопросами, из которых 13 лет было уделено на разработку одной войны с Францией, должна была существенно способствовать тому, чтобы зародыш его огромного дарования достиг полного развития. Это объясняет весьма многое относительно достигнутых им величественных результатов.*

Операционный базис

Различия в характере базиса

Мольке и Клаузевиц употребляли термин «*операционный базис*» не всегда в одном и том же смысле, в военно-исторических трудах, в заданиях для маневров и при их разборе это понятие не всегда получает одинаковое значение.

Так, например, мы видим, что под понятием «*операционный базис*» иногда подразумевается *обширная область*, владение коей дает основание для *содержания действующей армии*; из этой области армия преимущественно черпает средства к существованию, и продолжительный отрыв от нее *без соответственной замены* таит в себе опасность развала армии.

Далее, то же понятие распространяется на обозначение незначительной части *всей области*, в которой происходит сосредоточение войск и где берет начало его оперативная деятельность. В последующем значении этого понятия, данный незначительный район сводится к *геометрической линии*, определяющей границу сосредоточения, выступление за пределы которой возможно для армии лишь при наличии особенно благоприятных стратегических и географических условий; когда же начинается это наступление, то данная линия образует основание оперативной деятельности.

Однако, *поддержание сил армии и оперативная деятельность* охватывают две категории явлений, которые надлежит совершенно точно отличать друг от друга; эти различные функции могут быть выполнены лишь совершенно различно образованными факторами. Правда, рассматривая их в чисто территориальном отношении, мы можем встретить случай, когда оба района даже совпадут друг с другом, и предъявленные к ним требования будут служить к достижению общей цели; но сами по себе предъявляемые к ним требования не имеют между собой ничего общего.

Мы попытаемся теперь уяснить себе требования, предъявляемые к базису и различные значения этого понятия. *Содержание таких армий*, каковые имеют большие континентальные государства, при нормальных условиях, в течение войны будет преимущественно опираться на отечественную территорию. Конечно, из неприятельской области, которую удастся оккупировать, так же должно быть извлечено все, что может разгрузить собственную страну; точно так же и нейтральные государства могут быть привлечены в равной степени к доставке всевозможных запасов; но все, что удастся получить такими путями, имея в виду общую потребность содержания армии, может рассматриваться только как *дополнительная опора*.

Если подойти ближе к рассмотрению этих условий, то первым вопросом является следующий:

Что требуется армии в военное время, помимо ее внутреннего устройства, чтобы она могла отвечать своему назначению?

В первую очередь выдвигается *требуемая численность действующих сил*. При этом речь идет не только о начальном развертывании таковых в достаточном количестве, но также о пополнении потерь и о поддержании возможно большего наличного состава в течение всей войны. За исключением единич-

ных походов в других частях света, это требование в большинстве случаев будет покрываться населением собственной страны; оно будет распространено на подданных других государств лишь при наличии войскового устройства, основанного на широкой системе вербовки.

Таким же образом надо заботиться о *поставке и пополнении кавалерийских и упряжных лошадей*, а в отдельных случаях, и о вьючных животных. При этом родина также является главным источником, поскольку она может выполнить эти поставки. Получение лошадей, как из нейтральных, так и из неприятельских областей, в общем, также может рассматриваться лишь как дополнение. К нейтральным странам придется обратиться, если воюющее государство у себя дома вообще не располагает требуемым; что же касается коневых средств занятой территории, то будет использовано все сколько-нибудь пригодное, что в ней еще сохранилось. При этом необходимо иметь в виду, что противник к этому времени соберет уже со своей территории весь ценный конский материал.

Для пополнения орудий и оружия, всякого рода боевых припасов, различного материального снабжения, обмундирования и снабжения в первую очередь необходимо обратиться к имеющимся на родине складам, фабрикам и заводам, а также к поставщикам военного ведомства. Все, что может быть в дополнение получено из нейтральных государств, также, прежде всего, должно сосредоточиться в складах на родине; оккупированные же неприятельские районы в удовлетворении данных требований обычно могут оказать лишь случайное содействие.

На первый план в вопросе о содержании армии выдвигается огромное значение *снабжения ее продовольствием*. Надежное обеспечение продовольствием представляется тем затруднительнее, чем больше скучиваются массы и чем меньше данная потребность может покрываться местными средствами. При маневренной войне на неприятельской территории никогда нельзя с уверенностью рассчитывать своевременно собрать и использовать еще имеющиеся там продовольственные средства и только ими покрыть всю потребность. Таким образом, и здесь необходимо заботиться о том, чтобы подвести с родины достаточные запасы; соответственно с этим, там должны располагаться пункты, куда будет собираться и все то продовольствие, которое может быть доставлено из-за границы.

Ввиду этого, территория своей страны служит базой для всех требований, удовлетворение коих необходимо для существования армии. Сверх этого, родная территория используется еще в другом отношении, а именно для эвакуации того личного состава и материальной части, удаление которых из сферы операций будет являться желательным и осуществимым (больные, раненые, пленные, предметы снабжения, излишние или требующие ремонта, который может быть выполнен только на отечественных заводах, и так далее).

Однако, все требования, удовлетворение коих преимущественно выпадает на долю отечества, сводятся к следующему: *сделать войска, в соединении с другими элементами, пригодными для оперативного использования и поддерживать армии в соответственном составе.*

Таким образом, эти требования относятся к области тех мероприятий, которые в своей совокупности вообще преследуют цель организации для войны соответственной армии, притом такого состава, который бы отвечал совре-

менным требованиям к большому государству. Ту же цель преследуют законы о воинской повинности, а также уставы и наставления для обучения войск и многие другие организационные институты и мероприятия. *Они все направлены на достижение цели операций, но сами по себе не образуют основы операций.*

Полководец требует, чтобы в его распоряжение была предоставлена способная к операциям армия²¹, и чтобы она поддерживалась в этом состоянии. Однако само ведение операций является его делом и *относится к другой области.* Конечно, он никогда не будет упускать из вида необходимость сохранения его действующих сил в пригодном для операций состоянии, поскольку вопрос употребления войск включает в себе и вопрос о сохранении их в пригодном виде; однако, *полководец должен свои операции базировать на стратегическом положении и на вытекающих из него требованиях, а также и на возможности их осуществления. Отсюда, как основа всех операций, являются особые требования стратегического положения.*

Ввиду этого я *считаю себя вправе провести границу между базой для содержания армии и базисом для операций.* Руководясь этим соображением, с целью обратить наше внимание на данную разницу, я с самого начала исследования подразделил понятие «база» на «общую базу» и «операционный базис». Может быть выражение «общая база» могло бы быть заменено и другим, более удачным словом, однако, после приведенных рассуждений не может быть сомнений в том, что я под ним понимаю.

Теперь постараемся охватить, что дали нам наши исследования выдержек из теории и действительно имевших место событий для познания особенностей этих различных отделов стратегии.

Общая база

Требования, предъявляемые к таковой в основных чертах, уже изложены в предыдущих соображениях. Если мы ближе ознакомимся с их внутренним содержанием, то придем к заключению: чем тесней и концентрированнее связываются отдельные части государственного образования, чем многочисленнее и провозоспособнее железные дороги и прочие сухопутные и водные пути сообщений, тем более совершенно будут разрешаться *требования, предъявляемые к общей базе.* Далее в этом отношении имеет еще значение благоприятная дислокация войск в мирное время и географическое положение источников тех средств, которые нужны войскам для получения полной способности к операциям. Совершенно особое значение необходимо придавать тому, чтобы вся являющаяся общей базой территория не была подвержена замешательству какого-либо рода.

Где все эти условия выполнены, там можно считать общую базу нормальной и вполне отвечающей всем предъявленным к ней требованиям.

Но политические границы и общегеографическое положение государства далеко не всегда отвечают этим требованиям; это замечание в равной мере относится как к государству, имеющему преимущественно континентальный характер, так и к состоящему из нескольких отдельных владений, то есть к комбинации континентального или островного владения с колониями.

Перед кампанией 1866 года Прусская монархия распалась на две большие группы земель, которые разделялись землями враждебных государств. Еще недавно Великобритания была вынуждена покрывать потребность в людях и материальных средствах для создания и содержания войск, необходимых для военных действий, не только с территории метрополии, но и из ресурсов ее отдаленных заморских владений и колоний²².

В обоих случаях, как совершенно необходимое, выдвигалось требование об обеспечении от всяких помех возможности совместного направления деятельности на преследуемую цель, отдельно или чересполосно расположенных земель. В первом случае, прежде всего, явилась необходимость в насильственном воздействии на враждебно настроенные государства, чтобы восстановить недостающую связь²³; во втором случае возможность вмешательства противника была почти вовсе исключена²⁴, и, следовательно, дело сводилось к объединению и урегулированию мероприятий, касающихся набора людей и снабжения продовольствием и всякого рода материальной частью.

Во всех таких случаях для того, чтобы сохранить общую базу, является необходимость в особых мероприятиях.

Само собою разумеется, что общая база нуждается в защите достаточными силами.

Защита общей базы

Это идеальное требование *обороны*, которая стремится, поскольку это достижимо, к удержанию своей территории; *при наступлении*, поскольку придется считаться с опасностью неприятельского вторжения, и насколько защиту отечественной территории невозможно обеспечить косвенным образом, неизбежно выделение для этой цели известной части действующих сил.

Оборона может иметь место не только в тех случаях, когда оперативный план имеет оборонительный характер, но и тогда, когда противник предупреждает нас, прежде чем мы будем в состоянии начать намеченное наступление. *В обоих случаях прикрытия операционной базы надо стремиться достигнуть сперва развертыванием армий, а затем развитием операций.* Но развертывание, прежде всего, должно исходить из соображений о предстоящих операциях, и приведенные в нашем исследовании исторические примеры в достаточной мере свидетельствуют, что может создаться такая обстановка, при которой отдельные части всей территории государства вовсе не будут защищены самим развертыванием. Эту задачу должны взять на себя особые отряды; последние, однако, не в состоянии выдержать натиска сильных неприятельских частей, своевременная же поддержка их часто явится невозможной; ввиду этого, оказываемая ими защита страны в большинстве случаев имеет условный, а, следовательно, и сомнительный характер. Однако и противник находится в таком же положении.

Когда при составлении немецкого плана кампании 1870 года потребовалось перенести сосредоточение армий с Майна и от Майнца ниже по Рейну, то для прикрытия территории Бадена, на верхнем Рейне были оставлены лишь слабые отряды гарнизонных войск. В 1866 году Верхняя Силезия, где находились лишь незначительные отряды Штольберга и Кнобельсдорфа, также была бы

принесена в жертву, если бы в пограничный район вторгся австрийский армейский корпус, и тем самым прусская армия была бы лишена некоторых вспомогательных источников, представляемых данной областью. *Таким образом, приходится мириться с возможностью потери районов, лежащих вне сферы непосредственного действия армии, чтобы иметь возможность явиться с возможно большими силами на решительном пункте.* При счастливом исходе там столкновения, противник обычно будет вынужден очистить захваченные им к этому моменту участки. Однако, все же необходимо пытаться обеспечить угрожаемые участки хотя бы некоторым прикрытием, так как, во-первых, это наш долг перед населением, а во-вторых, в наших же интересах — сохранить за собой вспомогательные источники данного района. Против этих маленьких пограничных отрядов будут находиться подобные же части противника; однако, может случиться, что близ них будет происходить и развертывание главных сил неприятеля; такой случай имел место в кампанию 1866 года, когда австрийское развертывание в Моравии в высшей степени угрожало Верхней Силезии.

Дальнейшее обеспечение таких участков может быть достигнуто фортификационным путем; в этом отношении может оказаться полезным устройство системы фортов — застав, или, при ограниченном протяжении угрожаемой границы, в особенности в горах, может оказаться выгодным возведение сплошной заградительной позиции²⁵.

Однако при этом надо отметить, что если вопрос заключается в удержании за нами более обширных районов, например, целых провинций, то их обеспечение, в зависимости от их важности и от силы ожидаемого там противника, может обусловить выделение для этой задачи целых армейских корпусов и даже армий. Вспомним только обстановку в Восточной Пруссии и Померании в Семилетнюю войну²⁶.

Сверх того отдельные части страны могут быть в достаточной степени защищены географическим положением; обширное протяжение и труднодоступность страны представляют прекрасное обеспечение для некоторых районов. В этом убеждает нас пример вторжения Наполеона I в Россию в 1812 году; точно так же, во время похода Александра большие области персидского царства в течение одного, двух лет являлись базой, где создавались новые персидские армии. Великий македонский царь обязан своим конечным успехом лишь мудрому и систематическому продвижению. Труднодоступность земель центральной Африки до последнего времени также препятствовала покорению туземцев²⁷.

Обратимся теперь к рассмотрению обстоятельств, *находящихся в связи с наступательными операциями, которые постепенно все более и более удаляют главные силы от первоначальной общей базы.*

Прологом, основной предпосылкой к персидскому походу Александра является его борьба с пограничными с Македонией варварскими народами²⁸. Необходимость этого пролога вытекает из необходимости получить достаточное обеспечение для своей страны, которая должна была являться основным ядром общей базы похода. Ввиду этого, приступая к операциям, он оставляет на родине значительную часть своего войска — 13 тысяч человек. Отчасти, оставление этих войск могло быть мотивировано возможным вторжением сосе-

дей, но основной причиной является тот факт, что в состав общей его базы входила не только Македония, но и Греция; правда, обе страны имели общие интересы; однако, обстановка в Греции была таковой, что в случае десанта персидских войск или появления персидского флота, она должна была учитываться, как *ненадежная база*. При таких обстоятельствах, то есть *при сомнениях изнутри и угрозах извне, является необходимость и при наступлении обеспечить общую базу выделением части войск*. Равным образом Ганнибал, предпринимая поход в Италию, оставляет значительные силы в Африке и Испании, то есть в обеих странах, служащих ему общей базой; эти силы предназначались как на случай нападения африканских народов, так и на случай восстания иберийских племен, но преимущественно для защиты этих областей от экспедиций римлян, которых при господстве их на море можно было ожидать. Так как подступом здесь являлось море, то карфагенский полководец подчинил имевшиеся морские силы вождям, которым была поручена защита этих двух стран.

В 1799 году, предпринимая поход в Сирию, Бонапарт также был вынужден оставить значительные силы для удержания своей базы в Египте против возможных восстаний и дальнейших вторжений мамелюков и бедуинов, а также против возможной высадки турок с Родоса; ввиду этого ему пришлось выступить в поход, имея лишь 13 тысяч человек.

Война 1870 года с Францией выдвигает перед нами разрешение задачи защиты общей базы в виде новых комбинаций. В течение подготовки к войне позиция Австрии и Дании не была еще вполне ясна, и приходилось также учитывать возможность попытки французов высадить десант. Возможность этого десанта, в связи с сомнениями относительно Дании, требовала, помимо постановки задачи морским силам, оставления в начале войны нескольких дивизий для прикрытия побережья. Что же касается Австрии, то против нее было намечено направление особой группы корпусов в том случае, если эта держава действительно начнет обнаруживать тенденцию присоединиться к Франции прежде, чем начнется перевозка на Рейн этих корпусов, отнесенная на конец общего сосредоточения. Если же Австрия до данного момента не займет враждебной позиции, то можно было предполагать, что времени, которое потребуются австрийцам от начала их мобилизации, к которой они еще не приступали, и до момента начала ими операций, будет достаточно, чтобы привлечь намеченную против них группу корпусов к первым решительным действиям во Франции. Австрия предусмотрительно воздержалась от вступления в войну, но если бы она поступила иначе, то операция из района сосредоточения на Рейне, направленная через Южную Германию, очень скоро принудила бы австрийцев отозвать свои армии, вторгнувшиеся на северогерманскую территорию. *При этом обеспечение общей базы было бы достигнуто не непосредственным прикрытием, а косвенным путем*. Если этот путь является только возможным, то его нужно рекомендовать, тем более, что он часто допускает иное предварительное использование всех сил²⁹.

Как только десант на германском побережье стал маловероятен, равно как и принятие участия в войне Дании, то дивизии, предназначенные для охраны побережья, также по ходу военных действий нашли себе применение во Франции.

В общем, этот метод действий характеризуется заботой о защите общей базы в случае, если возникнет опасность, причем эта забота принимает форму эвентуального³⁰ употребления войск, собственно предназначенных для участия в больших операциях.

Далее мы видим, что к общей базе могут быть присовокуплены и союзные области; в мелком масштабе это имело место в 1866 году; в крупном — в 1870 году. Прежде всего это отвечает интересам самого союзника, а также имеет большое значение для главной державы, так как последняя может извлекать из этой области снабжение для удовлетворения своих военных потребностей, насколько они излишествуют за удовлетворением нужд контингента войск союзника. Тем не менее, этот *прирост базы* для главной державы будет представлять лишь *ограниченную базу*. В тех случаях, когда отдельные государства помогают не добровольно, а подчиняясь давлению узурпировавшего власть, и создаются условия зависимости, какие выпали при Наполеоне I на долю германских государств, — то такой прирост общей базы должен рассматриваться лишь как сомнительная помощь, которая обычно будет оказываться только до тех пор, пока господствующая держава будет побеждать или пока она будет располагать на данной территории или поблизости достаточными силами, чтобы немедленно подавить всякое восстание. При таком положении данную базу надо считать *сомнительной*³¹.

Подобным же образом сложатся обстоятельства, а, в соответственных случаях, и меры предосторожности, если по ходу операций окажется возможным *присовокупить к первоначальной базе неприятельскую область*. Если при этом будут захвачены области, представляющие известное государственное целое, которые тут же отрекутся от неприятеля и заключат союзный договор со своим прежним противником, то вспомогательные источники этих стран включаются, хотя бы с известными ограничениями, в общую базу³².

Все вышеприведенное построено на поддержании сообщений между действующими силами и общей базой. Однако, военная история приводит нам много примеров, когда *нельзя уверенно рассчитывать на сохранение сообщений с общей базой*, и даже предусматривается вероятность продолжительного разрыва связи с ней.

Само собой разумеется, что мы имеем в виду только случаи, когда вождь идет добровольно на этот разрыв, то есть когда для него еще не исключена полностью возможность прибегнуть к другому оперативному образу действий или занятию выжидательного положения. Если же его к разрыву сообщений с общей базой вынуждает противник, то он оказывается в бедственном положении и должен, худо или хорошо, из него попытаться выпутаться.

Но чтобы *добровольно* подвергнуться связанным с разрывом сообщений с базой опасностям, налицо должны быть известные условия, чтобы все не было легкомысленно поставлено на карту, и война, в конечном счете, не превратилась в азартную игру. Последний метод представляет только путь узурпаторов и авантюристов³³.

При *временном* отказе от сообщений с общей базой я, прежде всего, оправдываю тех вождей, которые, полагаясь на себя и на свои войска, на их превосходство над противником, рассчитывают, что они все вернут в нормальную колею посредством одержанной победы или в итоге своих операций. Однако,

это упование также должно иметь какое-то внутреннее оправдание. Кроме того, этот способ может применяться лишь в тех случаях, когда он ведет к достижению такой операционной цели, которая должна оказать особое влияние на исход всей кампании³⁴.

В период осенней кампании 1813 года, непосредственно предшествовавшей Лейпцигской битве, Наполеон I мог держаться мысли временно отказаться от сообщений с Францией и думать о том, чтобы перенести операции на правый берег Эльбы до тех пор, пока он надеялся там порознь разбить Северную и Силезскую армию. Тогда главная Богемская армия, конечно, по доброй воле отказалась бы от своего движения на сообщения Наполеона. Право Наполеона на такую операцию вытекало из превосходства над противником его испытанного полководческого гения и его выдающегося мастерства на поле сражения, которое до сих пор везде, где он лично присутствовал, связывало победу с его знаменами; это подтвердилось также в эту войну при Гросбеерене, Бауцене и Дрездене.

В 1870 году, в сражении при Гравелотте — Сен-Прива, германская армия, учитывая свои предыдущие успехи, также могла себе позволить вступить в бой с перевернутым фронтом.

Однако, в обоих случаях надо обратить внимание еще на некоторые условия, благоприятствовавшие подобному маневру. В 1813 году в распоряжении Наполеона при этом полностью оставалась его оперативная база, которая, в случае некоторого потеснения им союзников на правом берегу Эльбы, открывала ему возможность, под прикрытием укрепленных переправ, вновь перейти на левый берег и завоевать прерванные сообщения. В 1870 году поражение обеих германских армий при Гравелотте все же сохраняло за ними возможность продолжения операций совместно с 3-й армией кронпринца прусского, находившейся поблизости в этом же районе театра военных действий. Соединение с ней позволяло достичь такого превосходства, благодаря которому можно было бы с уверенностью рассчитывать на восстановление утраченного стратегического положения.

И при других условиях, добровольный временный отрыв от базы также может найти оправдание. Например, армия или часть ее может пойти на это, если ее вождь с уверенностью может рассчитывать на выручку его вмешательством других дружественных армий, а условия местности или наличие крепости, или целой системы крепостей, позволяют ему удержаться до этого момента³⁵.

Таким образом, *сохранение связи с операционным базисом или твердая надежда в скором времени восстановить все сообщения с общей базой путем ли соединения с другими силами, находящимися на том же театре военных действий, или путем вступления новых сил, которые могут быть подтянуты к данному участку, а также посредством поддержек местного характера*, как, например, восстания населения данной области — все это является моментами, *наличие которых может вполне оправдать временный отказ полководца от сообщений с общей базой*.

Но, как уже сказано, для разрешения данной задачи полководцу в первую очередь необходима уверенность в самом себе и в своих войсках, и эта уверенность должна базироваться на положительных данных.

При наличии последнего условия может быть сделан дальнейший важный шаг — *предпринята операция, считающаяся с возможностью более продолжи-*

тельного разрыва сообщений с общей базой. Мы видим Ганнибала в этих условиях устремляющимся в Италию, а Бонапарта — в Египет. Но и при этом необходимо наличие особых предпосылок, чтобы выполнение было проникнуто положительностью и не носило характера дерзкого скачка в неизвестность. В обоих примерах имелись налицо эти предпосылки, заключающиеся в следующем: *область, куда переносится операция, должна быть способна удовлетворить все требования, которые вообще можно предъявить к общей базе, или следует отправляться в эту область, уже имея при себе средства, достаточные для проведения операций.*

Ганнибалу представлялись две такие области — страна цизальпинских галлов и южная половина Италии. Для поддержки численности своей армии на известном уровне он мог в этих областях рассчитывать и на вербовку, и на добровольное зачисление в его ряды. Далее, при господствовавших тогда своеобразных условиях, можно было рассчитывать, что повсюду удастся найти продовольствие, оружие на замену утраченного и прочие военные материалы. Подобным же образом складывалось положение Бонапарта в Египте, и таковой же могла бы явиться обстановка и в Сирии; в населении обеих стран имелось достаточно элементов, видевших во французах освободителей от гнета мамелюков и турок; эта часть населения, следовательно, могла дать пополнение людьми. Страна была богата продовольствием, давала возможность приобрести прочее снаряжение, даже оружие, и позволяла приступить к изготовлению боевых припасов. Сверх того, в этих обоих походах сообщения с первоначальной базой были не вполне утрачены; в обоих случаях родина являлась не главным источником, а, наоборот, обычным условием, складывающимся при захвате неприятельской области — лишь дополнением к тому, что последняя могла дать, как новая общая база.

Во всяком случае, отсюда вытекает, что *отнодь нельзя исключать возможности, при известных обстоятельствах, оказаться в такой обстановке, когда может выдвинуться необходимость отказаться от отечественной базы*³⁶. Но такое предприятие всегда следует относить к числу самых опасных и трудных операций, которые только можно задумывать. Но эти опасности не устрашат никогда великого полководца, если только он убедится, что осуществление замысла приведет непременно к результатам исключительного значения, и чем большие трудности будут нагромождаться, тем большие силы разовьются в нем для их преодоления.

Теперь обратимся к той основе, которую мы обозначаем термином «операционный базис».

Операционный базис

Он устраивается *внутри или на границе общей базы, однако он может находиться также и на значительном удалении, или даже быть вполне от нее изолированным.*

Если операционный базис расположен на границе, то надо учитывать лишь занятую им часть границы и прилегающий район, смежный с неприятельской территорией; в береговом базисе — только исходный пункт для морских операций — со всем необходимым для прикрытия его районом.

Требования, которые стратегия предъявляет к такому базису, по существу сводятся к следующему: *обеспечение сосредоточения, обороноспособность, прикрытие собранных там военных материалов, благоприятные условия для перехода в наступление, опорные пункты для войск, вынужденных отступить на него.*

Первой задачей, выпадающей на полководца, с началом кампании, является *сосредоточение его действующих сил.* Для сосредоточения должны быть использованы все средства, чтобы закончить его в кратчайший срок — однако это преимущественно техническая сторона вопроса — с оперативной же точки зрения, основное требование заключается в том, чтобы *организовать его так, чтобы оно не было подвержено каким-либо помехам со стороны противника.* Своевременность мобилизации и срок, необходимый для перевозки войск, получают особенно важное значение. Если же все же приходится рассчитывать, что противник нас предупредит, то остается лишь *настолько отнестись назад сосредоточение, чтобы опасность серьезной помехи была исключена; к этому методу приходится обращаться в тех случаях, когда нельзя найти другого выхода.*

Таким *выходом* может оказаться использование имеющегося рубежа, удобного для обороны, безразлично, будут ли природные условия затруднять наступление противника или эти условия будут созданы искусственно, расположением фортификационных сооружений, фортов — застав или другой системы укреплений; выход будет найден, если для защиты этого рубежа своевременно может быть доставлено достаточное количество войск, чтобы иметь возможность задержать дальнейшее продвижение противника до окончания сосредоточения наших главных сил. В таком случае этот рубеж сперва получает значение оборонительной линии, которая, если ее удастся удержать, в дальнейшем обращается в исходное положение для всех наступательных и оборонительных операций, то есть является действительным операционным базисом с двойным назначением.

Так и расценивалась линия Рейна при разработке планов кампании против Франции. Она должна была образовать операционной базис для наступления, а также служить таковым для обороны в том случае, если противник предупредит окончание сосредоточения нашей армии на этой реке. Задачей наших войск, прибывших на Рейн, в первую очередь являлась оборона этого рубежа, представлявшего в связи с рейнскими крепостями сильную преграду.

Другой способ замедлить приближение противника к операционному базису заключается в выдвигании части армии на неприятельский путь наступления. В плане кампании 1870 года такие задачи временно возлагались на части VII и VIII корпусов, а также на одну из дивизий III корпуса, которая выдвигалась к Сааре. Разрешению этих задач способствовало наличие благоприятных условий местности, а на равнинных участках — придача этим частям сильной кавалерии. Для прикрытия мобилизации в большинстве случаев окажется достаточно небольших пограничных отрядов.

Операционный базис при обороне

Сперва мы проследим вопросы, выдвинутые нашими предыдущими исследованиями, касающиеся *операционного базиса при оборонительном плане кампании.*

Предпосылкой оборонительного плана должно являться известное соответствие между наличными силами и размерами операционного базиса, которое позволяет своевременно выдвигать достаточные силы к угрожаемому пункту.

В общем, операционный базис для обороны очень часто может являться в то же время и оборонительной линией. При этом если операционный базис находится в пределах своей страны или в непосредственной связи с ней, то не рекомендуется нагромождать здесь запасы на продолжительное время, так как в случае отступления они неизбежно пропадут; однако эти запасы нужны на период сосредоточения армии и начальную стадию операций. Пока соответственные железные дороги находятся в нашей власти, запасы, предназначенные для позднейших периодов, могут смело оставаться позади.

Но если предвидится угроза *общей базе* с другой стороны или разрыв сообщений с ней, то нагромождение продовольственных средств и устройство складов для удовлетворения различных военных потребностей *на самом операционном базисе* и вблизи от него является неизбежным.

Как и в прежние времена, так и теперь, имеет значение расположение всяких складов, магазинов и так далее в пунктах, обеспеченных фортификационными сооружениями. Так, в осеннюю кампанию 1813 года Наполеон, имея операционный базис на Эльбе, использовал расположенные на ней крепости, снабдив их настолько богато, что они давали ему на продолжительное время независимость от Франции. Вследствие этого, если бы ему удалось восстановить на правом берегу Эльбы сообщения с гарнизоном крепостей, расположенных восточнее, то он достиг бы усиления своей действующей армии.

Оборона, задачей которой является защита страны, выполнит свою задачу тем шире, чем ближе она обоснуется к обращенной к противнику границе. При этом базис и оборонительная линия могут совпадать; цель также может быть достигнута *короткими наступательными ударами.*

Однако часто может оказаться, что вблизи границы нет подходящего рубежа, а имеющиеся не подготовлены в фортификационном отношении. Конфигурация границы также может создать такое положение, что сам по себе сильный участок охватывается с фланга неприятельской территории; таким образом, осенью 1813 года был значительно ослаблен Эльбский базис Наполеона, как только Австрия присоединилась к его противникам³⁷.

Во всех этих случаях нужно отдать себе отчет, не лучше ли пожертвовать частью своей территории и избрать себе для опоры более отодвинутый назад, но более благоприятствующий обороне базис. На этом основании в 1674 году Тюренн отказался от непосредственной обороны Рейна и некоторое время опирался на линию Цаберн — Гагенау, причем ему пришлось пожертвовать частью Эльзаса. С другой стороны мы видим, что Наполеон, осенью 1813 года, несмотря на уязвимость его операционного базиса на Эльбе со стороны Австрии, продолжал удерживать его до начала враждебных действий и еще некоторое время после их начала отстаивал находившуюся в его владении территорию.

Как на выход из положения, если фланг оказывается на весу, военная история указывает нам на создание фортификационных сооружений, на группировку там достаточного количества действующих сил и, прежде всего,

на наступление, направленное против части неприятельской армии, которая попыталась бы реализовать выгоды своего благоприятного географического положения путем охватывающего наступления или выдвижением партизанских отрядов на наши сообщения.

Если в начале или в течение операций ход таковых или другие соображения потребуют отнесения операционного базиса от границы, то при этом часто выдвигаются различные требования, которые должны быть тщательно взвешены. К таковым относится прикрытие столицы, важного района или направления, откуда ожидаются подкрепления, удержание узлового пункта сети железных дорог или колесных путей и так далее. При этом всегда должно уделять особое внимание, насколько местные особенности могут облегчить задачу боевых сил.

В этом отношении известную опору может дать наличие долговременных укреплений (крепость, укрепленный лагерь и так далее); местность сама по себе также может представить крупные выгоды.

Горные хребты часто могут оказаться полезными, но преимущественное значение имеют реки, в особенности, если они в подходящем направлении пересекают всю страну и лежат поперек наступления неприятеля; при вторжении с запада в Северную Германию такие преграды, одну за другой, образуют Рейн, Везер, Эльба, Одер и Висла. Следует также учитывать рубежи ограниченного размера, пересекающие участки, где театр военных действий суживается; при соединении природных оборонительных данных с искусственными сооружениями получают недоступные для охвата преграды. Таково в 1864 году было положение Доннерверкской позиции³⁸.

Далее мы пришли к тому, что город, имеющий господствующее влияние по военно-политическим основаниям, может явиться центром, исходной точкой всех оперативных отношений; в 50-м году до Р. Х. такое значение для Цезаря имело владение Римом.

В некоторых случаях, в связи с *отнесением назад операционного базиса, полководцу предоставляется свобода выбора между несколькими*. Так мы знаем, что Мольтке, на случай оборонительной войны против Австрии, исследовал вопрос, следует ли расположить операционный базис на Висле или на Эльбе. При этом необходимо сообразить, следует ли для операционного базиса избрать линию, пересекающую полосу неприятельского наступления, или же, как это имело место в приведенном только что примере, следует избрать линию в стороне от этой полосы, удобную для косвенной обороны.

Далее, часто создаются положения, в которых перемена операционного базиса является разумной. Так, например, мы видим, что Тюренн покидает свой операционный базис в Нижнем Эльзасе, причем он оставляет за собой господство лишь над частью Эльзаса, который ему надо оборонять; зато он сохраняет сообщения со всеми прочими частями общей базы, с Лотарингией и со всей Францией. Когда он из своего расположения к западу от Вогез наступает, обходя их с юга, то опирается на Бельфор, через Франш — Контэ устанавливая сообщения со всем массивом территории Франции.

При всех этих случаях надо, по возможности, стремиться использовать средства общей базы, поскольку они в течение этих операций не захвачены еще противником. В этих случаях задача облегчается железными дорогами;

не важно, если при этом войска и военные грузы будут следовать очень кружными направлениями³⁹.

Если для операционного базиса избираются рубежи, преимущественно реки, не пересекающие полосы наступления противника, а тянущиеся в том же направлении, то использование такого положения, путем *многократного перенесения центра тяжести операций с одного берега на другой*, предъявляет высокие требования к искусству высшего командования⁴⁰.

Столь же трудные задачи создаются, когда противник наступает перпендикулярно к протяжению нашего операционного базиса и ему удастся *прорыв* нашей оборонительной линии; как и в первом случае, трудные вопросы выпадают здесь на долю обоих противников. Существенное различие заключается лишь в том, что, в первом случае атакующий, безусловно, сохраняет свои сообщения со своим операционным базисом или общей базой, а во втором эти сообщения нуждаются в особых мерах для защиты.

Тогда оборона окажется в состоянии проявить свою деятельность на том или другом берегу при условии наличия опорных пунктов, открывающих ей возможность переправы, и таком снабжении операционного базиса, которое было бы достаточно, чтобы он мог в течение некоторого времени функционировать, как общая база.

Дальнейшее повышение создающихся при этом опасностей и затруднений имеет место в том случае, если операции складываются так, что данная линия используется на два фронта. В начале осенней кампании 1813 года Наполеон доказал на правом крыле Эльбского базиса возможность применения такого метода действий. Он многократно переводил свой резерв и другие корпуса с одного берега на другой, причем на правом он успешно отогнал противника, подошедшего на угрожающе близкую дистанцию, а на левом берегу победоносным сражением помешал противнику овладеть главным центром своего базиса⁴¹ и в дальнейшем заставлял его остерегаться путем своевременного сосредоточения своих главных сил. Однако, всех этих выгод, которые здесь сумел извлечь Наполеон для своих операций, все же оказалось недостаточно, чтобы позволить ему удержать линию Эльбы против оперирующих по обоим берегам Эльбы армий; в результате последним удалось соединиться на левом берегу, где и состоялось решение.

Вспомним еще о своеобразном виде операционного базиса, встречающегося в различных походах, и который мы могли изучить в ганнибаловской войне. Таковым базисом являлись укрепленные лагеря, возводимые в процессе маршей, которые иногда играли свою роль только в течение одних суток, но иногда выполняли свои оперативные функции и многие недели. В них складывались необходимые запасы, из такого лагеря выходила армия, предлагая противнику вступить в сражение; в случае неудачного оборота боя лагерь большею частью являлся верным убежищем. Таким образом, укрепленные лагеря служили операционным базисом для движения в бой как римлянам, так и карфагенянам, и являлись опорой для операций, так как их возводили ежедневно, по достижению цели перехода.

Ввиду этого, эти укрепленные лагеря можно с полным основанием назвать *странствующим операционным базисом*, который в равной мере обслуживал и наступление, и оборону.

Операционный базис для наступательных целей

Последний вопрос, который нам предстоит рассмотреть, заключается в исследовании условий *операционного базиса при чисто наступательном образе действий*.

Дело, прежде всего, заключается в том, чтобы, исходя из такого базиса, легче и вернее всего достигалась оперативная цель.

Однако, обстановка не всегда складывается в желательном направлении. Часто приходится удовлетворяться слишком узким базисом, что затрудняет свободу движений; во многих случаях является необходимость создавать операционный базис *лишь на неприятельской территории, и к тому же на значительном удалении*.

Рассмотрим в отдельности эти разнообразные возможности:

Положение французских армейских корпусов в 1859 году, имевших базис к западу от Альп, было, конечно, весьма неприятным, так как, с начала наступления из него, перед ними оказывались Альпы, перевалить через которые они могли лишь по двум трудным горным проходам. Здесь, вместо возможного облегчения наступления от базиса, что является важнейшим к нему требованием, создавалось весьма существенное затруднение. Но здесь ничего нельзя было изменить, так как сосредоточение французской армии в Италии нельзя было производить исключительно одним морским путем. Таким образом, пришлось примириться с временной изоляцией отдельных корпусов и со связанной с ней опасностью — по выходе из гор быть опять отброшенными в горные проходы, если только пьемонтцы не сумеют выдержать наступление австрийцев.

Разбирая вопрос об условиях движения вперед из операционного базиса, необходимо помнить, что наступление должно происходить на достаточно широком фронте. Мы уже знаем, что Мольтке указывал, что если бы Франция, в период до 1870 года, хотела наступать *исключительно* против Пруссии, то узкое пространство между Люксембургом и баварским Пфальцем являлось бы очень неудовлетворительным базисом; поэтому, чтобы расширить базис, Франция была бы вынуждена одновременно вторгнуться или в Бельгию, или на прусскую территорию Германии⁴².

Незначительное протяжение операционного базиса менее важно, если приблизительно такова же ширина расположенного перед ним района наступления. Таковы были условия в 1864 году при продвижении за линию Эйдера. Иногда же может явиться более удобным создать в другом районе, путем обширного предварительного маневра, более длинный операционный базис, что даст большую свободу движений. Успехи Александра Македонского в Малой Азии и Сирии, в случае неудачного развития наступления на Евфрате, позволили бы ему отходить как в Малую Азию, так и в Сирию⁴³. Это стало возможным потому, что он предварительно завладел всем имеющим значение в этом вопросе сирийским побережьем.

Вторжение Наполеона III в Италию, о котором мы упомянули выше, доказывает нам также, что наступление, исходящее из *двух различных базисов* и направленное к одной общей оперативной цели, смотря по обстоятельствам, равно связывается и с выгодами, и с опасностями. Выгоды заключаются в об-

легчении подхода крупных сил и в возможности направить удар по сходящимся направлениям, невыгоды — в опасности, которые последний прием всегда таит в себе, когда противник оказывается в положении, допускающем использование внутренних линий, или может поставить себя в таковое. Альпы и море принудили французов образовать уже в стране их союзников *передовой операционный базис*.

В 1866 году наше вторжение в Богемия также последовало из различных операционных базисов. При этом нам посчастливилось избежать использования австрийцами внутренних линий, и тогда сказалась в полном объеме выгода совместного удара по сходящимся направлениям на поле сражения.

Мотивы, оправдывающие использование на одном театре военных действий не одного, а нескольких операционных базисов, заключаются в возможности путем стратегических маршей, проявить деятельность, имеющую решающее значение, а также в облегчении передвижения больших масс, в особенности при трудных условиях местности. Если же вопрос идет о нескольких театрах военных действий⁴⁴, то в большинстве случаев является необходимость в различных операционных базах, хотя иногда обстановка складывается так, что из одного и того же операционного базиса можно вести операции в различных направлениях. Борьба России с Турецкой империей до конца прошлого столетия могла всегда одновременно разразиться как в Европе, так и в Азии, ввиду чего требовались два различных операционных базиса. В 1870 году мы, наоборот, при одном базисе на Рейне, разделили наши операции между двумя большими группами, из которых одна направлялась в Лотарингию, а другая в Эльзас.

Надо еще отметить, что в случаях, когда намечается больше, чем один операционный базис, то в связи с базисами для сухопутных операций может иметься и исходный пункт для войны на море.

Если объект сухопутных и морских действий один и тот же, то это обычно представляет значительные выгоды. В 1859 году Франция обладала сухопутным и морским базисами; последний представляли порты Тулон и Марсель. Для каждой морской экспедиции гавани на различных участках берегов Франции представляли много исходных пунктов. Что же касается случаев, когда возможен свободный выбор между сухопутным и морским базисами, то Мольке однажды сказал, что кто обладает сухопутным базисом, тот никогда не будет пользоваться морским. Это утверждение, по-видимому, слишком смело. Если операционные пути по суше слишком трудны или требуют слишком много времени, то надо предпочесть морскую базу, естественно, при условии, что мы господствуем на море. В начале гражданской войны в Северной Америке Северные Штаты, ввиду характера местности, считали наступление на Ричмонд из какого-либо сухопутного базиса слишком трудным и продолжительным и полагали скорее достигнуть цели, значительно сократив подход к неприятельской столице доставкой действующих сил в ее окрестности морским путем; однако, эта операция не дала им успеха.

В Крымскую войну, наоборот, союзники вполне основательно предпочли добраться до Севастополя морским путем; во всяком случае, путь по суше⁴⁵ вокруг Черного моря был слишком затруднителен, и со стратегической точки зрения воспользоваться им было бы неосмотрительно.

Удаление оперативной цели от операционного базиса может оказаться настолько большим, что подвоз, формирующийся на базисе, должен будет следовать большое расстояние изолированными отрядами и транспортом, прежде чем достигнет армии. При известных обстоятельствах это может привести к весьма неприятному положению, а именно: если в промежуточной полосе или на ее флангах начнут сказываться неприятельские маневры или начнется восстание. В данном случае, железные дороги также проявляют сильное влияние на сокращение затраты времени.

Предприятие Александра Македонского невозможно было выполнить в один прием — маршем от Фракийского Херсонеса до его конечной цели. Чтобы достигнуть конечной цели, ему было необходимо *продвинуть операционный базис*, а это, в свою очередь, было возможно лишь при условии удержания в своей власти пройденной территории. Поэтому он вначале перенес этот базис на западное побережье Малой Азии, а отсюда уже постепенно распространил ее в стороны и вперед.

*Перенесение операционного базиса за пределы собственной территории или устройство впереди нового операционного базиса с сохранением и первоначально почти всегда является необходимым, если нам придется вести войну далеко за морями. При таковой войне, прежде всего, необходимо утвердиться на соответственном побережье и затем овладеть на нем опорными пунктами или возвести таковые, чтобы обеспечить разгрузку с судов подвоза, предоставить укрытие для складов и магазинов и, в случае необходимости, позволить спокойно произвести посадку на суда. Обычно в первую очередь выдвинется вопрос о занятии *одного пункта*. Этот пункт будет или непосредственно местом выгрузки, или будет находиться поблизости от него; на этот пункт будут опираться все операции; в Крымскую войну таким пунктом являлась Балаклава. Тем не менее, если это только достижимо, надо стремиться возможно скорее расширить этот базис до больших пределов. Александр Македонский широчайшим образом имел это в виду, а Бонапарт, прежде всего, обеспечил за собой побережье Египта.*

Подобный прибрежный базис представляет тогда исходный пункт или несколько таковых для дальнейших операций, которые, в первую же очередь, будут стремиться создать дополнение первоначальной общей базы или полностью заменить таковую новой, как скоро сообщения с прежней базой окажутся под угрозой.

Если морские сообщения действительно будут прерваны, то новый базис будет подвержен атаке с моря, вследствие чего он должен быть приспособлен для действий в двух противоположных направлениях, то есть для операций на суше, и как оборонительная линия против атаки флота, и соответственно служить базисом для предприятий находящихся здесь своих морских сил. На это указывают нам походы Александра Македонского в Азии и восточная экспедиция Бонапарта⁴⁶.

Поход Александра представляет своеобразный пример того, как можно посредством наступления на суше захватить морской базис неприятельского флота и лишить последний предпосылок дальнейшей деятельности.

Впрочем, в замечаниях относительно осенней кампании 1813 года я уже указал, что в сухопутную войну также могут создаться положения, требующие

использования операционного базиса на два фронта. Надо еще только добавить, что отрыв от изолированного операционного базиса, не сопровождающийся началом функционирования общей базы, лишает действующие так силы их последней опоры, и неуспех их сейчас же разрастается в катастрофу, которая и постигла южан в Северной Америке⁴⁷, а Гергея в Венгрии.

Наконец, надо еще указать, что как при наступательных, так и при оборонительных предприятиях должны быть использованы все средства для усиления операционного базиса, чтобы можно было пользоваться им как *оборонительной линией*, в особенности на случай неудачи наступления.

Примечания

- ¹ В записках Бисмарка есть выражение «полубоги генерального штаба». Больше всего оно относится к Верди.
- ² В стратегии Верди чувствуется учет мирового масштаба, который принимает ныне война; его интересуют вопросы морской и колониальной стратегии, которые он часто захватывает в своем исследовании. Походы Мольтке не давали ему надежного основания для такого понимания войны, и обращение к седой древности позволило Верди особенно модернизировать свои выводы.
- ³ Пример колеблющейся цели представляет хотя бы русский план сосредоточения в 1914 году, со своими вариантами «А» и «Г», выбор коих зависел от направления германцами массы своих сил на французский или русский фронт, причем в самом плане был указан точный срок, именно 8-й день мобилизации, когда должен был быть сделан окончательный выбор между этими вариантами. Менее удачно решили вопрос о вариантах своего сосредоточения австрийцы, у которых главная масса корпусов (лит. А) была расписана твердо на русский и сербский фронты, а группа из 4 корпусов (лит. Б) могла быть направлена по произволу на тот или иной фронт. В результате, австрийцы начали мировую войну с сербского варианта, что задержало их сосредоточение в Галицию на 5 дней. У немцев также были варианты сосредоточения, в особенности на случай сохранения Францией, в первые дни войны с Россией, нейтралитета. — В течение самой войны иногда приходится ставить колеблющиеся цели, вызывающие варианты. Упомянем приказ Мольтке для сражения 18 августа 1870 года, когда Мольтке не знал, остаются ли французы у Меца на Гравелотской (и далее к северу) позиции, или стремятся уйти северными путями; Мольтке ставит в приказе две цели: если французы остаются у Меца, то атаковать их с охватом фланга, если уходят, то атаковать их с целью прижать к бельгийской границе. Еще больше вариантов, уже не по недостаточной осведомленности, указывает Мольтке в январе 1871 года для операции против армии Бурбаки — в зависимости от действий последней, немецкие корпуса для уничтожения ее должны выполнить различные задачи. — Вопрос о моменте установления окончательного варианта Мольтке разрешал тем, что передавал окончательное решение частным начальникам, с чем едва ли можно вполне согласиться. (*Примеч. ред.*)
- ⁴ Здесь в труде Верди-Дю-Вернуа оказывается ревнивость, с которой Мольтке смотрел на вмешательство политики в стратегию. Мы совершенно не мо-

жем согласиться с этим утверждением, а равно не можем согласиться с приводимым ниже Верди доказательством — инструкцией, данной Врангелю для ведения войны с Данией, ставившей определенные оперативные задачи, но не затрагивавшей политических целей. Такое обезличение Врангеля объясняется, на наш взгляд, стремлением сделать из Врангеля пешку; в действительности важнейшие чисто оперативные вопросы, возникавшие в процессе войны с Данией, решались и Мольтке, и принцем Фридрихом Карлом, и Прусским королем, только не стариком Врангелем и его начальником штаба, Фогель-фон-Фалькенштейном, совершенно неспособным и непонятливым генералом. На наш взгляд, лишение какой-либо инстанции политических указаний может преследовать лишь определенную цель умалить ее значение. *(Примеч. ред.)*.

- ⁵ Вследствие объявления Пруссией мобилизации, направленной против Франции, Наполеон III счел необходимым скорее заключить мир с Австрией и оставил в руках последней Венецианскую область, что сильно огорчило его итальянских союзников. *(Примеч. ред.)*.
- ⁶ Здесь прежде всего Верди понимает значение Парижа. Этот вопрос, а равно и многие другие о целях войны, разбирает также Фош в приводимом ниже отрывке «О плане войны», с которым и рекомендуем сравнить изложение Верди. *(Примеч. ред.)*.
- ⁷ Мысль Верди ясна, хотя он и не поясняет ее в дальнейшем примерами: Германия могла рассчитывать перед мировой войной расширить свои колониальные владения, захватывая в Европе клочок, дорогой для Франции Бельгии или Голландии, и затем выменивая его, при заключении мира, и ценную для нее колонию. Вообще, вопрос об ограниченных целях Верди не подвергает надлежаще углубленному анализу, который привел бы его к установлению категорий стратегии сокрушения и стратегии измора, а держится в границах учения Клаузевица (в его не переделанной, как того желал автор, редакции) и Мольтке. Дальше Верди, в отношении выявления стратегии ограниченных целей, военная мысль до мировой войны не шла, и более глубокое толкование этого вопроса было дано только гражданским историком Дельбрюком. *(Примеч. ред.)*.
- ⁸ Вспомним захват Льежа немцами для обеспечения вторжения в Бельгию, немедленное занятие Люксембурга для обеспечения сохранности Люксембургских железных дорог для нужд германского сосредоточения, выдвигание немцев в Польшу со стороны Силезии для захвата Домбровского угольного района и обеспечения Силезских копей и так далее. *(Примеч. ред.)*.
- ⁹ Мысль Верди: наступление германцев в 1914 году через Бельгию обусловило рассредоточение французов с лотарингской границы. С другой стороны, нагромождение войск и укреплений французами на лотарингской границе повлияло на выбор решения немцев наступать через Бельгию. Так как французские операции против реки Саар не имели успеха, а движение немцев, быстро развиваясь, начало грозить всему северу Франции, Парижу и левому крылу французского сосредоточения, то французы вынуждены были подчиниться немецкой инициативе и попятиться влево для защиты своих важнейших интересов. *(Примеч. ред.)*.

- ¹⁰ Как известно, французы в 1870 году перевезли, для выигрыша времени, свои войска к границе в немобилизованном виде с целью немедленно начать наступление и укомплектовать части уже на походе. Воцарившийся во французском сосредоточении хаос помешал осуществить переход в наступление, но Мольтке, чтобы уклонить сбор своих армии от готовящегося удара, отдал распоряжение отнестись на четыре перехода станции высадки. *(Примеч. ред.)*.
- ¹¹ В мировую войну — действия германцев против бельгийских армий. *(Примеч. ред.)*.
- ¹² Бенедек после Кениггреца сначала отступил к Ольмюцкой крепости, для наблюдения за которой и была выделена третья армия, тогда как прочие силы продолжали наступление к Дунаю. *(Примеч. ред.)*.
- ¹³ До начала войны с датчанами пруссаки считали датские острова неуязвимыми. Успехи, одержанные в течение войны, повысили предприимчивость пруссаков, и при помощи понтонных средств они захватили Альзен и проектировали дальнейшее преодоление узких морских проливов, отделявших ближайшие острова, несмотря на господство датского флота. *(Примеч. ред.)*.
- ¹⁴ Вспомним трудности, которые являлись для составления русского плана, в виду необходимости согласовать развитие операций на русском фронте с трудностями, рисовавшимися при отражении французами главного удара германцев. Русские армии, во-первых, должны были форсировать быстроту начала активных операций и, во-вторых, вместо направления единственного мощного удара на Австрию должны были дробить свои силы на два удара, по австрийскому и германскому фронту. — Мировая война представляет ряд великолепных иллюстраций к высказанным Верди мыслям о совместных действиях союзников. *(Примеч. ред.)*.
- ¹⁵ Бельгийская армия вначале войны оперировала независимо от французской, что снимает с французов упрек в том, что они допустили германцев до захвата всей Бельгии. Сербское командование очень послушно относилось к указаниям, даваемым русской ставкой, и потому русское верховное командование очень глубоко чувствовало свою ответственность за разгром Сербии осенью 1915 года; прямая вина за него ложится на англо-французов, очень вяло приступивших к формированию в Салониках фронта для оказания помощи сербам. *(Примеч. ред.)*.
- ¹⁶ Так в 1914 году Россия объявлением войны Австрии и вторжением в Галицию оказала косвенную поддержку Сербии. Установление позиционного характера войны мешает оказывать косвенную поддержку и ставит в очень опасное положение изолированных, слабых силами, союзников. Наступательные действия на юго-западном фронте осенью 1915 года помешали, правда, отправлению двух намеченных к переброске в Сербию австрийских корпусов, но последние легко были заменены германскими дивизиями. Наше вторжение в 1914 году в Восточную Пруссию оказало могучую косвенную поддержку Франции, так как на фронтах был разгар маневренной войны; наоборот, в 1915 году, англо-французы не оказали нам почти никакой косвенной поддержки, ссылаясь на позиционный характер действий во Франции; и весьма запоздали с подачей прямой помощи путем направления в Россию запасов вооружения. *(Примеч. ред.)*.

- ¹⁷ В мировую войну — принятие французами бельгийских войск после очищения ими Антверпена, а также принятие англо-французами остатков сербской армии, пробившейся к Албанскому побережью Адриатического моря, и реорганизация ее на острове Корфу. (*Примеч. ред.*)
- ¹⁸ Основная идея обороны малых государств в конце XIX и начале XX столетия заключалась преимущественно в устройстве в стране большой центральной крепости, редюита обороны. Дания с трудом отдалась от навязываемого ей специалистами проекта обращения Копенгагена в островную гигантскую крепость. Румыния возвела широкие по замыслу и жалкие по исполнению укрепления Бухареста. Бельгия, вместо того, чтобы интересоваться своей полевой армией, расходовала огромные средства на создание гигантской крепости Антверпена. Верди совершенно правильно высказывает сомнения в успехе такой попытки малого государства сохранить возможность проводить во время войны свою самостоятельную, военную политику. Высоко положительный пример представляет Саксония в 1866 году, которая, далекая от какого-либо сепаратизма, заранее мобилизовала свою армию и подготовила уход ее в Австрию; саксонская земля была захвачена пруссаками без единого выстрела, но и без каких-либо трофеев, а все силы саксонской армии приняли участие в важнейшем акте войны — Кениггрецком сражении. Опыт мировой войны, как нам кажется, должен убедить малые государства в необходимости отказаться от упований на какие-либо редюиты обороны, от какой-либо самостоятельной стратегии; и в безусловной рациональности подчинять свои войска верховному военному командованию более сильного союзника. (*Примеч. ред.*)
- ¹⁹ Без этого замечания Верди нам трудно будет разобраться во взглядах, которые отстаивал генерал Алексеев относительно вступления в войну Румынии. Для Франции и Англии вступление в войну Румынии было вообще важно, так как расширяло фронт атаки на срединные державы и давало Антанте известный приток новых сил. Но для Алексеева было важно, чтобы румынские войска основные линии своего поведения подчинили намерениям русского командования; такой же союзник, который будет вести свою собственную линию в политике и стратегии, и который в то же время только требует от России крупных сил для защиты своего тыла от Болгарии, сильно обременит наш транспорт доставкой к себе снаряжения и не представит ни какой ценности. Это чисто мольсковская точка зрения, но Алексеев смог удержаться на ней только до той минуты, пока он сохранял надежду на возможность добиться счастливого исхода наступления силами исключительно русской армии. Затруднения, которые встретили русские войска при расширении Луцкого прорыва, в особенности неудача атаки гвардии на Стоходе, заставили Алексеева капитулировать и принять Румынию как союзницу, со своей собственной линией поведения. Отсюда и все несчастья, обрушившиеся на Румынию, и скупость, с которой выделялись русские войска на чуждый нам фронт до тех пор, пока потеря Бухареста не заставила румынское правительство прозреть, согласиться на то, что Румыния представляет лишь часть общего русского фронта. Что открыло перед ней возможность черпать самым широким образом из резервов и запасов всего русского фронта. К сожалению, и русские, и румыны поняли требования войны слишком поздно. (*Примеч. ред.*)

²⁰ Мысль Верди в этом абзаце не совсем ясна. Сначала он признает право на многоголовие в союзе нескольких великих держав, но в результате ждет от него лишь огромных извращений. Несомненно, Верди видел перед собой, когда писал эти строки, с одной стороны, франко-русский, с другой — тройственный союз. Он как бы охотно признавал право России и Франции на самостоятельное оперирование и приводил далее соответственный пример борьбы Италии и Пруссии в 1866 году против Австрии. Несомненно, если бы Верди был бы в русском генеральном штабе, он еще энергичнее Обручева отстаивал бы независимость русской стратегической мысли от французских притязаний. Но в этом вопросе многое зависит от «географического положения», этим выражением, может быть, Верди осуждает отсутствие военной конвенции и полную свободу в операциях, которые сохранили за собой Германия и Австрия в мировой войне.

События истекшей войны позволяют значительно углубить и развить мысль Верди: с одной стороны, гибель России как великодержавного государственного организма, обращенного в услужение эгоистических союзников и забывшего собственные задачи. С другой стороны — отношения между Германией и Австрией: уклонение Германии вначале от принятия на себя каких-либо военных обязательств, отказ от тесной военной конвенции с Австрией для сохранения свободы рук, отсутствие объединения командования против русского фронта, эгоистическое давление на австрийское командование через императора Франца-Иосифа, а к концу войны — полное порабощение Австрии, также ускорившее развал этого великодержавного организма. Здесь открывается широкое поле для углубления начатого Верди исследования. (*Примеч. ред.*).

²¹ Мы исходим из большого широкого взгляда на стратегию и полководческое искусство и не можем согласиться с проведением резкой грани, отмежевывающей административные вопросы. Полководец является не только расходчиком армии, но и создателем ее. (*Примеч. ред.*).

²² Верди здесь имеет в виду англо-бурскую войну. Значение колониальных владений, как части общей базы, еще рельефнее выступило в мировую войну, причем последние получили значение не только для Англии (канадские, индийские, австралийские, южно-африканские дивизии), но и для Франции (черные войска). (*Примеч. ред.*).

²³ Верди имеет в виду операции Майнской армии пруссаков против Ганновера в начале войны 1866 года, чтобы устранить чересполосицу, разделявшую Рейнские земли Пруссии от основного массива ее территории (описание этих действий имеется, например, в «Каннах» Шлиффена). В настоящий момент такая же чересполосица имеется в Германии, вследствие «польского коридора» вдоль Вислы, отделяющего Восточную Пруссию. Этим создается положение неустойчивого военного равновесия, которое в начале войны, несомненно, должно быть устранено или занятием поляками Восточной Пруссии или занятием немцами польского коридора. — То значение, которое приобрели теперь колонии, как существенные части общей базы, придает особое значение обеспечению связи с ними, то есть для Англии содержанию такого флота, который обеспечивал бы ей господство на морских путях сообщения; для Франции необходимо обеспечить перевозку в Европу черных солдат, для чего ей важно

обеспечить господство на Средиземном море союзом с Италией, постройкой воздушного и подводного флота и сократить морские перевозки постройкой через Сахару к Сенегалу железной дороги, которая бы позволила избежать все перевозки по Атлантическому океану. (*Примеч. ред.*)

- ²⁴ Буры не имели флота, который бы мог грозить сообщениям между английскими колониями. (*Примеч. ред.*)
- ²⁵ Так, например, немцы обеспечили большую часть Эльзаса, не представлявшего для них оперативного интереса, возведением сплошной долговременной позиции, от Рейна до Вогезов включительно, на параллели Страсбурга. (*Примеч. ред.*)
- ²⁶ Верди здесь касается чрезвычайно важного вопроса; как известно, план Шлиффена был испорчен и разжижен тем, что его преемник очень чувствительно относился к вопросу об обеспечении отдельных пограничных земель Германии от временной хотя бы оккупации противником. Соображения о том, что успех решительного наступления заставит противника очистить занятые участки, парируется доводом, что после визита французов в Саарский район в августе 1914 года остались бы разрушенные копи и фабрики, а пребывание русских в Восточной Пруссии, если бы и не обратило ее в пустыню, то, во всяком случае, так разорило бы, что она не в состоянии была бы выполнять свои функции по поставке сельскохозяйственных продуктов в общей экономической жизни Германии. Приводимая Верди ссылка на Семилетнюю войну очень характерна. На этом вопросе мы можем убедиться в необходимости расчленить наше исследование стратегических методов в зависимости от того, имеет ли война характер борьбы на сокрушение или на измор. Действительно, Фридрих Великий, который ожидал успеха в войне от выдержки до конца, должен был больше заботиться о сохранении своих провинций от неприятельского опустошения, чем о достижении численного перевеса в районе главных операций. Наоборот, Шлиффен, стремясь в шесть недель вывести Францию из борьбы сокрушительным ударом, совершенно логично приносил в жертву силе этого удара промышленные интересы Лотарингии и земледельческие — Восточной Пруссии. Ошибка Мольтке-младшего и Людендорфа, готовивших стратегическое развертывание 1914 года, заключалась в том, что они сразу хотели и нанести сокрушительный удар, и обеспечить на долгую войну экономические интересы Германии. Здесь две цели, одновременная погоня за которыми невозможна и выбор между которыми должен основываться на общем, намеченном нами характере войны. Русское командование, намечая со своей стороны стратегию сокрушения, было вполне логично, совершенно пренебрегая интересами отдельных пограничных районов, особенно к западу от Вислы и на ее нижнем течении, а равно придавая самое ограниченное значение захвату отдельных уголков неприятельской территории. Это не мешает нам признавать эту логику совершенно ошибочной, так как вся обстановка русского фронта в мировую войну должна была бы заставить нас забыть о марше на Берлин и Вену и перенести центр тяжести на операции с ограниченной целью и, в первую очередь, на утверждение наше в Галиции и Восточной Пруссии и закрепление за нами всего течения реки Вислы. (*Примеч. ред.*)

- ²⁷ Образцовое использование труднодоступности страны представляет защита Летов-Форбеком германской колонии в юго-восточной Африке, со своими ничтожными силами. Летов-Форбек заставил англичан развернуть огромные массы, строить железные дороги для подвоза им воды, преодолевать все неприятности африканской природы и, в результате, правда, перейдя к партизанскому образу действий, сумел продержаться до конца мировой войны. Такая четырехлетняя борьба против в пятьдесят раз превосходящего противника с огромной техникой была, конечно, возможна лишь в тесном союзе с географическими особенностями Африки. *(Примеч. ред.)*.
- ²⁸ С этой точки зрения основная ошибка германской политики в подготовке к мировой войне заключалась в обострении соперничества на море с Англией, пока ее дела на континенте не были урегулированы. Англия, благодаря своему островному положению и отсутствию сухопутных границ, не имела соседей, которых можно было бы возбудить против нее, а у Германии таковые были; отсюда естественное окружение Германии на суше и на море. Надо было бы или отказаться от защиты интересов Австро-Венгрии на Балканах, направленных против России, или от морского соперничества с Англией, или же последовательно разрешать эти задачи; одновременное преследование двух направлений политического наступления — против России и Англии, имея рядом враждебную Францию, свидетельствует о большем падении немецкой политической мысли в послебисмарковский период. *(Примеч. ред.)*.
- ²⁹ Сосредоточение 9-й германской армии между Вартой и Торном перед началом Лодзинской операции, висело над правым флангом русских и косвенно прикрывало Силезию. Но Верди, рекомендуя косвенную защиту территории, имеет в виду не столько преимущества фланговых стратегических позиций, сколько возможность путем их, одной угрозой, защищать отдельные районы, сохраняя все силы сосредоточенными для главной операции. *(Примеч. ред.)*.
- ³⁰ То есть только в этом случае. Железные дороги, позволяющие быстро изменить назначение нескольких корпусов, дали Мольтке возможность отказаться от обсервационных армий, которыми раньше приходилось охранять общую базу от возможных, но еще не занявших открыто враждебного положения противников. Совершенно понятно, что русские, во время осады Севастополя, должны были приковать крупные силы к границе Галиции, где австрийцы производили вооруженную демонстрацию. Но в мировую войну оставление сил против Румынии (7-я армия) и особенно для защиты Петрограда (6-я армия) теряло смысл, так как с румынской и шведской опасностью, а также с возможным германским десантом можно было бы бороться эвентуальным предназначением для этих задач части корпусов, принимающих участие в решительных битвах в Галиции, Польше и Восточной Пруссии. Обсервационные армии сохраняли свое значение от Александра Македонского до постройки железных дорог, а теперь могут найти себе применение лишь при таких материковых удалениях, которые велики еще и для железных дорог. Мы еще мыслим, при борьбе на нашей западной границе, обсервационный корпус на Дальнем Востоке, но не ближе. Соображения Верди о возможных опасностях изнутри сохраняют всю свою силу и в настоящее время. *(Примеч. ред.)*.

- ³¹ Так в мировую войну, в 1917-м и 1918 годах, Австро-Венгрия и Болгария ведут уже борьбу, лишь принуждаемые Германией, и являются сомнительным участком общей базы, как только в 1918 году обозначилось бессилие Германии одержать победу, то вопрос об отпадении их выступил на очередь; а так как Германия сумела поставить в зависимость от себя центры этих держав, то отпадение произошло в форме развала фронта. Точно так же многие черты развития русской революции 1917 года объясняются тем зависимым положением, которое заняло Временное правительство по отношению к Антанте. — Замечания Верди о ненадежном приросте сил от присоединения к общей базе территории «союзников поневоле» вполне может быть распространено на враждебные инородческие окраины империалистического государства; царская Россия от Финляндии и Польши получала сомнительное прибавление сил. Равно Германия в мировую войну испытывала значительные затруднения от солдат, уроженцев Эльзаса; чехи своими систематическими сдачами много содействовали военному развалу Австрии и создали карьеру целому ряду русских генералов. (*Примеч. ред.*).
- ³² Захват Польши Германией, провозглашение ее самостоятельности, попытка сформировать для германской армии несколько польских дивизий, затруднения в заключении сепаратного мира с Россией и прочие злоключения немцев, вытекшие из этой политики, вплоть до обезоружения поляками возвращающихся на родину после революции германских и австрийских частей, представляет яркую иллюстрацию неудачного приложения этой мысли Верди. (*Примеч. ред.*).
- ³³ Нам представляется, что в этих словах высказывается уже сильно стареющий Верди. Ведь Наполеон, военное искусство которого признает Верди, прежде всего — узурпатор и азартный игрок. Революционные вожди, по общему правилу, всегда также склонны к более рискованным операциям, чем имеющие до известной степени застрахованное будущее генералы наследственных монархий. Является ли это основанием возражать против риска? Казалось бы, что наоборот, можно утверждать, что Наполеон отказался бы от многих своих планов, в том числе и наилучших, если бы мы вообразили его представителем наследственной династии и влили бы ему, вместо крови азартного корсиканского авантюриста, большую дозу спокойной рассудительности, осторожности и желания перестраховывать все свои операции на случай неудачи. (*Примеч. ред.*).
- ³⁴ Мы с этой точки зрения не можем оправдать решения Самсонова, порвавшего сознательно утром 15/28 августа 1914 года связь с тылом и пустившегося в самое азартное наступление. Бои I армейского корпуса у Усдау 13/26 и 14/27 августа не могли внушить Самсонову веру в абсолютное превосходство русских войск над германскими, а весь риск, которому он подвергал армию, не находил себе оправдания в возможных результатах в случае успеха. Психологически решение Самсонова объясняется глубоким отвращением, которое создалось в русской военной мысли после войны 1904-1905 годов к недоигрыванию сражений до конца, к отступлениям генерала Куропаткина в самую решительную минуту, когда проявление упорства могло бы еще дать победу. Но это стремление к противоположной Куропаткину линии поведения ока-

залось приложенным в обстановке, которая прямо диктовала подражание осторожности нашего вождя в Маньчжурии. (*Примеч. ред.*).

- ³⁵ По идеям плана войны Обручева и Куропаткина, треугольник крепостей Варшава — Новогеоргиевск — Зегрж должны были позволить русским войскам, находившимся в момент германского вторжения в Польшу, отнестись спокойно к перерыву германцами их сообщений с главными силами не сосредоточившихся еще русских войск; эта система крепостей позволяла бы отброшенным в нее русским корпусам отсидеться в течение тех месяцев, которые были потребны для сбора всех русских сил и решительного их перехода в наступление. Русско-японская война заставила нас отказаться от такого оптимистического расчета и приложить все усилия в плане войны, чтобы избежать такого преднамеренного отрыва от общей базы. Бельгийцы, при вторжении немцев, должны были бы рассматривать Францию, как свою общую базу, однако, они отказались от сообщений с Францией, и отошли в крепость Антверпен, где надеялись сохранить выгодное выжидательное положение. Случайность — отступление узким коридором вдоль берега моря, позволила части бельгийской армии избежать полной катастрофы при неожиданно быстром падении Антверпена. (*Примеч. ред.*).
- ³⁶ Скорее всего, необходимость отказаться от отечественной базы и положить ее на базу, находящуюся впереди, и которую еще нужно завоевать, возникнет при операциях, имеющих характер внесения в страну революции извне. Ганнибал в Италию, Наполеон в Египет вносили революцию, поднимали восстание против господствующих наций или классов — римлян или мамелюков — и этим путем лишь могли рассчитывать извлечь из только что занятой области средства для дальнейшего ведения войны. Только политический расчет на население области, куда направляется операция, может оправдать длительный разрыв своих сообщений с общей базой. (*Примеч. ред.*).
- ³⁷ Такой случай при границах России перед мировой войной представлял наш «передовой» театр, коренная Польша, которую территории Германии и Австрии охватывали с обоих флангов. (*Примеч. ред.*).
- ³⁸ Цзинь-чжоусская позиция в русско-японскую войну, запиравшая доступ на Квантунг или Чатаджда, позволившая туркам отстоять Константинополь в Балканскую войну, или Перекопская позиция в гражданскую войну, преграждавшая пути в Крым. (*Примеч. ред.*).
- ³⁹ Мы можем наблюдать случай изменения операционного базиса в мировую войну при отступлении французов после пограничного сражения. Как известно, они перешли в контратаку на Морне, еще не достигнув указанного им для отхода рубежа, который и следует рассматривать как новый операционный базис; точно так же Париж явился операционным базисом для наносившей фронтальной удар армии Монури. На нашем фронте в течение целых 11 месяцев войны Неман, Бобр, Нарев и Висла сыграли огромную роль как наш операционный базис, оборудованный путями, укреплениями, складами. Здесь наши войска приходили в порядок после неудач, оправлялись и отсюда вели новые наступательные операции; преследующие нас после неудачи немецкие войска почтительно останавливались перед нашим операционным базисом и доносили, например, что вдоль Бобра тянутся

русские позиции с бетонированными постройками (фантазия). Только в июле 1915 года, благодаря всем известному отсутствию боевых припасов и при напряжении всех сил Германии и Австрии, нас оторвали от этого, выбранного еще Обручевым, операционного базиса. Вопрос о выборе нового операционного базиса летом 1915 года был решен недостаточно четко, почему правый фланг такового оказался на Двине, и значительное пространство было отдано без достаточных оснований. *(Примеч. ред.)*.

- ⁴⁰ При современных широких фронтах использование таких речных линий для обороны против наступающего вдоль них противника нам представляется невозможным. Раньше можно было, если течение реки заставит разделиться 7-8 корпусов неприятеля, напасть с 4-5 корпусами на колонны, следующие по одному берегу и нанести им отдельное поражение. Теперь и наступающий запасается техническими средствами для устройства быстрой переправы, и фронт его будет настолько широк, что рокировочные движения через реку потеряют свое значение. Для организации же, путем железнодорожных перевозок, флангового удара, такой операционный базис не будет иметь никакого значения. *(Примеч. ред.)*.
- ⁴¹ Сражение у Дрездена спасло этот укрепленный город, важнейшую опору наполеоновского базиса на Эльбе, от захвата его Богемской армией. Мы настоятельно рекомендуем для уяснения этих идей Верди ознакомиться вкратце с осенней кампанией 1813 года. *(Примеч. ред.)*.
- ⁴² Те же соображения, в связи с сужением полосы наступления, наличием многих французских крепостей, привели Шлиффена к решению нарушить нейтралитет Бельгии, чтобы создать достаточный базис для вторжения во Францию. *(Примеч. ред.)*.
- ⁴³ Наполеон расценивает гораздо сильнее риск, которому подвергался Александр Македонский в случае проигрыша им сражения на Евфрате. *(Примеч. ред.)*.
- ⁴⁴ Против одного восточно-прусского театра мы имели по мотивам, в точности указанным Верди, два операционных базиса на Немане и Нареве-Полесье, разрезающее наше западное пограничное пространство на два театра, вынуждает нас теперь иметь два различных операционных базиса к северу и югу от Полесья. *(Примеч. ред.)*.
- ⁴⁵ Исходным пунктом для армии союзников была территория современной Болгарии, причем им было тем легче избрать морской путь, что и в Болгарию они попали морем. *(Примеч. ред.)*.
- ⁴⁶ Рассуждение Верди имеет в виду не столько повторение этих грандиозных и рискованных предприятий, как представляет стратегическую программу военного оборудования германской колонии; так был оборудован, например, Шантунгский полуостров. *(Примеч. ред.)*.
- ⁴⁷ Верди имеет, очевидно, в виду последние моменты сопротивления армии генерала Ли, когда она, потеряв свой последний опорный пункт — укрепленную столицу Ричмонд — попробовала ускользнуть на запад, не имея более никакой опоры, и не усматривая ясной цели продолжения явно безнадежного сопротивления. Она была окружена и вынуждена капитулировать. *(Примеч. ред.)*.

Кольмар фон-дер-Гольц

АЗИАТСКИЕ МОТИВЫ фон-дер-ГОЛЬЦА

Когда наиболее известный писатель Германии, автор классических трудов «Вооруженный народ» и «От Росбаха до Иены» и нескольких нашумевших работ по Франко-прусской войне («Гамбета и его армии» и другие), выступил в 1895 году с трудом, посвященным стратегии («Ведение войны»), то естественно, он не мог пройти незамеченным и был немедленно переведен на многие языки¹. Однако, впечатление, произведенное им, оказалось весьма противоречивым. Критики, жадно ждущие новых мыслей, ценящие научную работу постольку, поскольку в ней отражается автор, как пионер, прокладывающий новые пути, оказались особенно разочарованными, труд фон-дер-Гольца, наравне с новыми стратегическими приемами, включал и старые, казалось уже совершенно отжившие; учение Мольтке в нем явилось не на смену Наполеоновским оперативным методам, а разместилось рядом с ними. Казалось, фон-дер-Гольц совершил преступление против законов эволюции и смешал в одно военное искусство две различные эпохи.

Наиболее определенный диалектик среди германских писателей, Шлихтинг, автор теории встречного боя, осознанного им, как результат тактической эволюции XIX века, был настолько смущен появлением реакционного труда фон-дер-Гольца, что решил ответить на него особой работой, в которой бы из стратегии и тактики были бы выброшены все пережитки старины, и были бы в полной мере оттенены те требования к военному искусству, которые выдвигает современность. Таким путем, в процессе внутренней полемики с фон-дер-Гольцем, Шлихтинг создал свои знаменитые «Тактические и стратегические основы современности», трехтомный труд², вышедший два года спустя после появления «Ведения войны» фон-дер-Гольца.

Шлихтинг и фон-дер-Гольц представляют две резко противоположные точки зрения. Шлихтинг, очень широко образованный человек, один из тех редчайших самородков, которые были зачислены в прусский генеральный штаб, не проходя курса академии генерального штаба, задался написать не вообще труд по стратегии, а труд, предназначенный для германцев, стоящих во главе военного развития народов всего мира, располагающих самой богатой военной техникой, готовящихся действовать на самых культурных театрах войны в мире, опирающихся на лучшую железнодорожную и колесную сеть дорог и собирающихся воевать в XX веке. По идее Шлихтинга, он должен был строить свою стратегию на самом острие, в конечной точке мировой эволюции, сказать самое последнее слово, отвести все, не выдерживающее экзамена с точки зрения утонченной военной культуры.

Фон-дер-Гольц — также очень образованный писатель, в литературном отношении значительно более одаренный, чем наиболее глубокий немецкий тактик Шлихтинг; но фон-дер-Гольц, половину своей жизненной работы посвятивший созданию турецкого генерального штаба и турецкой реформе, нашедший в глубокой старости в 1915 году (уже в 1870 году фон-дер-Гольц принимает участие в войне как капитан генерального штаба) смерть на берегах Тигра, фон-дер-Гольц, полувенец, полуазиат, смотрит на стратегию не исключительно из того германского окошка, которое является точкой зрения Шлихтинга: фон-

дер-Гольц представляет себе отчетливо, что те культурные театры, на которых собирается воевать Шлихтинг, еще не представляют собой весь мир; не всюду царит та организованность и тот военный тейлоризм, как в Германии; не всюду имеются те предпосылки, которые учитываются германской доктриной. Учение Шлихтинга — мысль Мольке старшего, развитая, дополненная и облеченная в форму стройной теории, — является безукоризненным для германских условий; оно отражает в себе все требования современности и потому является для немцев истинным рецептом победы; но лишенное тех предпосылок, которые оно находит на германской почве, рассматриваемое, как товар для экспорта в экзотические страны, в государства, где козы тропы заменяют цивилизованные шоссе, а вся государственная деятельность строится на эгоизме отдельных лиц и на взятках, это специфически германское современное искусство может оказаться вредной модой, шарлатанской панацеей, рецептурой самого скверного свойства, не считающейся с диагнозом местных условий. Фон-дер-Гольц пишет свой труд преимущественно для вывоза в Турцию, и естественно его стратегия, берущая сразу в свой кругозор и Европу, и Азию, должна давать наряду с современными методами и указания, как действовать попроще, при более бедных культурных и технических средствах; а это, в свою очередь, заставляет руководствоваться не только последней модой, но обращаться за поучением и к старине; пример Наполеона может оказаться во многом полезен, так как обогнала ли Азия XX века в культурном и техническом отношении Европу начала XIX века — это вопрос.

Если Шлихтинг велик своей диалектикой, учетом эволюции тактики и стратегии, установлением грани между сегодняшним и вчерашним днем в военном искусстве, то фон-дер-Гольц интересен своим географическим подходом, указанием на необходимость учета местных особенностей, характера народа и его вооруженных сил, на невозможность обходиться единой стратегией в нашем пестром мире и на необходимость создания стольких же национальных стратегий, сколько наций существует на земле. Может быть, отсталая в некоторых своих частях стратегия фон-дер-Гольца, именно в силу своей отсталости, своей полуазиатской окраски, была бы гораздо полезнее для нас, русских, чем пропагандировавшаяся у нас перед мировой войной стратегия Шлихтинга. По Шлихтингу, Ренненкампф и Самсонов должны были быть другими генералами, чем они оказались на самом деле. К сожалению, стратегия фон-дер-Гольца легко была затушевана более прогрессивным словом Шлихтинга — такова уже привлекательность в наше время передовых идей; их заимствуют даже при полной невозможности их осуществить. Не только в России, но и в Турции, где фон-дер-Гольц изо всех сил тормозил увлечение новыми идеями, его тормоза оказались бессильными. И нигде, может быть, Шлихтинг не нашел более усердных и слепых поклонников, как в турецком генеральном штабе. Мы берем на себя смелость утверждать, что военные бедствия, обрушившиеся на младотурок во время Балканской и мировой войн, в значительной степени объясняются тем, что они не послушались костенеющего, как им казалось, в устарелых военных понятиях фон-дер-Гольца и увлеклись модными представлениями о военном искусстве, которые, в условиях турецкой действительности, представляли лишь опасный дурман для штабов.

Мы заимствуем наши отрывки из второго издания стратегии фон-дер-Гольца³ существенно измененного и вдвое увеличенного сравнительно с первым изданием, имеющимся в русском переводе, мы берем из него неизвестные русским читателям главы. Это издание прошло совершенно незамеченным, а между тем оно заслуживает самого большого уважения. Фон-дер-Гольц работал над ним в тот же момент, когда зрел и развивался проект железнодорожного пути Берлин — Багдад, и уже хотя бы потому, что германцы, намечая линию политического и экономического наступления, вместе с проектом азиатской железной дороги создавали и трактат полузиатской стратегии, он заслуживал нашего полного внимания.

Собственно стратегию фон-дер-Гольц именует «ведением войны», избегая употреблять термин, отмеченный большими злоупотреблениями и шарлатанством. Законы стратегии в изложении фон-дер-Гольца так многочисленны и так изменчивы, что их трудно даже назвать законами. Автор, строгий поклонник Клаузевица, стремится развить учение Клаузевица, освободив его от туманных философских форм мышления начала XIX века. Этим «ведением войны» и ограничивалось первое издание.

Во втором издании «Ведение войны» представляет уже только первую часть. Вторая часть — «Вожделение армий» Фон-дер-Гольцу недостаточно, что он признал изменчивость законов стратегии, он эту изменчивость возводит в квадрат, указывая и разбирая в «вожделении армий», какими основами надо руководствоваться при выборе из двух противоположных средств, даваемых теорией стратегии, «ведением войны». Вожделение армий — это вся та сила обстоятельств, которая заставляет изгибаться, по своей прихоти, положения стратегии, это стремление изучить и понять требования и указания обстановки, подчеркнуть приемы, которыми повелевают, по мысли Наполеона, обстоятельства.

Мы считаем глубоко поучительным приводимое ниже сравнение германской и турецкой армий и вытекающих из их особенностей руководящих линий германской и турецкой стратегии. Мы подчеркиваем, как глубоко звучат советы фон-дер-Гольца, страстного поклонника захвата инициативы и наступления во что бы то ни стало для немцев, и рекомендующего на вывоз в Турцию и прославляющего для нее оборонительный способ действий, на случай столкновения с армией великой державы, то есть с русской. Мировая война в точности подтвердила советы, которые фон-дер-Гольц давал, и это — лучшая рекомендация для предлагаемых глав. Турки должны очень сожалеть, что не послушались их.

Несмотря на некоторые недостатки трудов фон-дер-Гольца (в юности — византийская защита ошибок начальства, в старости — некоторое разжижение мысли и фабричное направление литературно-научной работы), мы считаем, что фон-дер-Гольц может вполне по праву занять место в ряду военных классиков. Критика первого издания его труда и работа Шлихтинга чувствительно затронули фон-дер-Гольца, и в приводимых ниже главах уже стареющий фон-дер-Гольц достиг блеска и увлекательности времени своей молодости.

Редакция

СТРАТЕГИЯ И ВОЖДЕНИЕ АРМИЙ (Krieg und Heerzuehrung)

I. Вступление

Условия, в которых протекают военные действия, настолько разнообразны, что лишь очень редко встречаются два совершенно одинаковых положения. Но даже если бы, как исключение, такой случай и имел место, то вследствие особенностей различных лиц, принимающих ответственные решения, последующие события никогда бы не оказались так аналогичны, как два подобных треугольника.

Из этого вытекает, что хотя для стратегии и можно дать неоспоримые законы, но приложение их ни в коем случае не приведет неукоснительно к таким же одинаковым результатам, как повторное применение математических формул. И притом, мы делаем оговорку, что результат явится обеспеченным только в том случае, если мы будем руководиться верным тактом, соглашаясь с особенностями данного случая. Но, ведь очень трудно здесь стать на верную почву, так как налицо имеется исключительное разнообразие условий, и их значение обычно выясняется к концу, а не к началу действий.

Таким образом, голое знание законов стратегии представляет лишь сомнительную ценность. Если многочисленные предпосылки, обуславливающие успех практического их приложения, недостаточно точно уяснены, то это знание может привести к чреватым последствиями ошибкам. Оно легко влечет за собой переоценку победоносной силы правил и предписаний стратегии, а также собственного таланта. Существует очень странное, хотя и вполне поддающееся объяснению явление, что как раз в тех армиях, где вождям представлялись реже всего случаи практически испытать себя, и имеется огромное число лиц, которые полагают, что они призваны быть полководцами и что в этой профессии легко работать.

В тех случаях, когда учиться приходится на практике, в такие взгляды быстро вводятся поправки под влиянием опыта ошибок, затруднений и неудач. При этом барометр самоуверенности падает вниз, как будто перед началом бури.

В высших военно-учебных заведениях отчасти же совсем отказались от преподавания теории стратегии⁴, как отдельного предмета и предоставили каждому в отдельности усваивать ее основы из изучения военной истории, обсуждения больших маневров и личной исследовательской работы.

Все же потребность в кратком обзоре теории ведения большой войны остается; не всегда в распоряжении молодых военных, подготавливающихся к тому, чтобы стать вождями, может оказаться возможность собственными силами вышеуказанным путем достигнуть желанной цели. Не везде имеются оживленные общественные сношения, обеспечивающие возможность обмена мне-

ний с опытными товарищами по профессии, постепенно охватывающего все явления войны и являющегося преподаванием, не связанным ни формой, ни принуждением.

Для ознакомления с литературой, прежде всего, рекомендуется изучение старых трудов военно-классической литературы как, например, Бюлова, Жомини, Клаузевица, Вилизена и других. Сопоставление их содержания позволяет вывести общепринятые правила. Но такая работа требует времени, трудов и известной зрелости. Наряду с этим невольно нарождается вопрос, обладают ли в настоящее время, когда произошло столько радикальных изменений во внешнем состоянии войск и боевых средств, приобретенные с таким трудом знания какой-либо практической ценностью?

Новейшая военная литература о стратегии в большинстве случаев находится в тесной связи с личным опытом и особенностями наших отечественных войн; вследствие этого многое в ее содержании, без дальнейших комментариев, оказывается мало понятным для людей, выросших в других условиях. В ней часто предполагается такое знание нашей военной службы и устройства войск, которым не обладает каждый читатель. Кроме того, эта литература затрагивает такое множество понятий, что она является чрезмерно обременительной для непривычного ума. Большая ее часть написана для уже опытных войсковых начальников. Наконец, современные учебные пособия по стратегии преимущественно посвящены вопросам мобилизации и развертывания войск. Это является преимущественно следствием развившейся на Западе густой сети железных дорог, которая является средством для необычайно быстрого изготовления армий к боевым действиям. В этом отношении одна держава стремится превзойти другую. Так как при таких условиях транспорт должен осилить огромные переброски войск, то все в целом выливается в своего рода военный фокус, и перед военным техником открывается возможность проявить свои способности. На этом пути ныне многократно приходили даже к выводу, что этот первый отдел представляет всю теорию стратегии. Такая односторонность представляет опасность для будущего.

В настоящем труде как раз отдается предпочтение деятельности уже развернутых войсковых масс, которая теперь столь часто встречает недоброжелательное к себе отношение. Она есть и останется главной частью теории войны. Развертывание и снабжение войск составляют подходящие отделы для особого исследования, для которого они открывают широкую арену. Но в этом труде они будут освещены лишь постольку, поскольку этого требует понимание целого.

Наконец, легко забывают о том, что войну приходится вести также в странах, в которых железные дороги еще не играют столь крупной роли, и что в таких странах развертывание и передвижение войск происходит более медленным темпом и проще, чем в Западной Европе.

Правда, наиболее авторитетный ныне и испытанный наставник наш в военном искусстве, генерал фон Шлихтинг, утверждает: «Немецкий учебник стратегии должен отвечать отечественным требованиям». Это непреложная истина, если предполагать, что решительная борьба возможна исключительно на западноевропейском театре войны. Лично я исходил из того же представления в другом своем труде⁵. Однако, времена меняются; европейский Запад

больше не включает в себя всю арену мировой истории. Нации, существование коих до сих пор мало нас затрагивало, ныне принимают участие в общеполитической мировой борьбе. Страны, которые рисовались нам на недостижимом удалении, теперь уже близко соприкасаются с нашими интересами. Столь же вероятной можно считать как борьбу на границах нашего отечества, так и мировую войну на морях и на огромной территории колониальных владений великих держав, отражения которой окажут почти что решающее влияние на положение метрополий.

Следовательно, учение стратегии имеет право базироваться на более широких основах, чем те, на которых нам придется действовать в пределах собственной территории или соседних областей. Очень важно также быть осведомленным о теориях, которым следуют другие армии и народы.

Только знакомство с различными системами может дать в конечном результате твердую уверенность в том, какие действия в данном случае являются наиболее целесообразными для нашей армии.

Ввиду этого я не могу вполне разделять громогласно высказанного опасения, что учение, которое предоставляет ученику выбор для нашего времени между несогласованными в своих основах методами действий великих людей различных времен, может лишь сомнительными окольными путями привести к единой системе управления. Правда, мысль идет кружным путем, но меня это отклонение не останавливает, раз оно ведет к углублению нашего понимания и размышления.

Однако, нет необходимости забираться в седую древность, а также учитывать всевозможные разновидности методов войны. В действительности не существует всеобъемлющей теории стратегии. Но наполеоновская стратегия, несомненно, и теперь еще не исключена из круга военного мышления и даже после Мольтке, в условиях современности, еще часто будет являться для нас образцом. Основы, которыми руководился Фридрих Великий, реже будут иметь для нас значение и находить применение на практике.

Если теория стратегии будет предоставлять ученику на усмотрение избрание себе прототипа и не присвоит себе законодательной власти, с чем всегда связана некоторая опасность односторонности, то все же неукоснительно потребуются дополнения к ней. Последнее, разъясняя обстоятельства, обуславливающие деятельность полководца, должно заключать необходимые указания по применению установленных основ при управлении определенной армией.

В этом заключается задача второй части этого труда, «вождения армий».

Пример из личного опыта лучше всего разъяснит отношения между стратегией и «вождением армий». Установление грани между этими понятиями может показаться произвольным, но оно не лишено целесообразности.

Первоначально мой труд «Стратегия» создан из кратких рассуждений о сущности военного искусства, заимствованных из курса, который я читал за несколько лет перед тем в Оттоманской школе генерального штаба.

Я начал чтение курса, преисполненный духом стратегии Мольтке, всецело господствующей в наше время. Я решительно примыкал к числу тех, которые считали, что вечером, накануне решительного сражения, раздельная группировка сил представляет гораздо более выгод, чем сосредоточение в одну мас-

су, что искать соединения надо не перед сражением, а на самом поле сражения, и что отдельными частями армии надлежит совместно действовать, но не совместно располагаться и двигаться.

Затем я начал углубляться в сущность того армейского аппарата, работу которого мне надлежало подготовить. Мне удалось познакомиться почти со всеми известными турецкими генералами, из которых многие играли выдающуюся роль в русско-турецкой войне 1877-1878 годов, и отличились, возглавляя крупные войсковые соединения. Среди них я встретил много образованных вообще и в военном отношении людей, с которыми можно было очень остро обсуждать вопросы войны и военного искусства. Но мне пришлось также установить, что большинство из них держались в своих взглядах самостоятельного пути, в зависимости от избранного каждым метода самообразования. Какая-нибудь излюбленная книга часто получала руководящее значение для взглядов того или другого генерала⁶. Здесь были представлены все стратегические системы, начиная с устаревшей теории позиционной войны и кончая современной маневренной войной. Получившие большое распространение в наши дни брошюры, преимущественно французские, клали свой отпечаток на составлявшиеся на будущее стратегические проекты. Не малое число военных начальников также руководились исключительно эмпирическим опытом. Другие, напротив, в мирное время еще ни разу не имели случая видеть хотя бы собранными вместе те большие войсковые соединения, которыми им предстояло командовать на войне.

Войска состояли из прекрасного людского материала и были хорошо вооружены, но им не доставало единства обучения.

На Востоке во всех государственных и военных вопросах персональные влияния имеют столь же решающее значение, как и деловые основания. Личные соображения — иногда, может быть бессознательно, — руководят мнениями. Не подлежит сомнению, что при таких обстоятельствах нельзя с твердостью рассчитывать на единство и согласованность боевых действий, в которых примут участие несколько самостоятельных войсковых групп.

Театром войны являлась местность, отличающаяся преимущественно своим бездорожьем. Чтобы составить себе правильное представление о театре войны, надо иметь случай убедиться, что турецкий крестьянин называет «Бюйюк Дьяде», то есть большая дорога. Правда, этим не исключаются армейские операции крупного стиля, однако они приобретают совершенно иной характер, чем в наших странах. Точный расчет времени становится невозможен. Согласование движений двух раздельных колонн является, в большей или меньшей степени, делом случая.

Система продовольствия войск, как это показали приказы по армиям Эдхемпаши в Фессалии, самая примитивная. Позади войск интендантство нагромождает, где это ему удастся, продовольственные запасы, главным образом, сухари и муку, а когда люди бедствуют, даже одну кукурузу. Подвоз остается на обязанности войск. Ясно, что беззаботность и случайности должны вызывать непредвиденные задержки в движении отдельных следующих колонн армии.

Наконец, не надо забывать недостатка в хороших картах, что весьма затрудняет ориентировку в гористой местности, покрытой кустарником в рост всадника. Отсюда могут народиться ошибки в несколько переходов.

Я начал курс с параллельного исследования кампаний 1757-го и 1866 годов⁷, и мои слушатели проявили живой интерес к обеим кампаниям. Критическое изложение имело для них всю прелесть новизны. Их способность к быстрому восприятию и серьезное стремление к образованию прекрасно помогали учебной работе. Такое преподавание могло доставлять наставнику одно удовольствие.

Результат очень скоро сказался на прикладных занятиях. Подходы раздельными колоннами к полю сражения и охваты во что бы то ни стало⁸! Я оказался вынужденным повторно остерегать и указывать на то, что армия и вожди еще не отвечают столь высоко развитому оперативному методу⁹, что с ним не согласуется природа страны, и что применение его не вызывается ни размерами армии, ни необычайной быстротой темпа развития военных действий. Я часто советовал, когда придется серьезно действовать, прибегать к более простым и легче управляемым средствам, а именно, к сосредоточению в одно целое, по крайней мере, главных сил и к наступлению по одной операционной линии¹⁰. Однако, я вскоре почувствовал, что мои ученики считают мои опасения преувеличенными.

Мне иногда самому становилось страшно от преподаваемой мной мудрости, и невольно вырастал вопрос, правильно ли учить исключительно по военной системе Мольтке, и не рискую ли я при этом прослыть ложным пророком. Наконец, я пришел к убеждению в крайней необходимости раздвинуть назад круг исследования и включить в него более ранние кампании.

Сражение при Фарсале неожиданно быстро оправдало мои соображения. Этот незначительный в действительности бой являлся по замыслу и плану решительным сражением. 5 мая 1897 года является поворотным пунктом в истории турецкой стратегии, устанавливающим резкую грань между двумя ступенями развития. В этот день молодое поколение взяло управление в свои руки. Подход к полю сражения в 4 колоннах, долженствовавших соединиться на самом поле битвы, являлся верной картиной современной, скажем, «новопрусской» операции, так как он целиком вытекал из предшествовавшего положения¹¹.

Каков же был результат? — Из четырех колонн только одна 6-я дивизия Гамид-паши действительно достигла до намеченного пункта и подверглась опасности быть в одиночестве разбитой. Правда, эта опасность была устранена неустранимостью вождей и правильным использованием артиллерии, что позволило даже добиться успеха. Но если бы здесь имелся более энергичный и более решительный противник, то ей едва ли удалось бы избежать поражения¹².

Сражение при Домоко уже показывает удивительный прогресс на том же пути оперативного мышления. Все пять колонн, изолированно наступавших на противника, сумели вступить в бой, что хорошо рекомендует офицеров генерального штаба, которым посчастливилось протолкнуть вперед по верному пути своих осмотрительных начальников дивизий.

Однако, в данном случае противник также держался совершенно пассивно, и этот пример не устраняет опасения за исход подобной же попытки против энергичного неприятеля¹³.

Можно привести более ранние примеры; они не настолько от нас удалены, чтобы не заслуживать внимания. Вспомним несчастную кампанию в Болга-

рии, когда три армии Мехмед-Али, Сулеймана и Осман-паши действовали против русских, занимавших центральное положение, а также неудавшееся весной 1877 года первое русское наступление в горах Армении против Ахмед-Мухтар-паши.

Все это укрепляет меня в убеждении, что теория стратегии, при указании средств к победе, не должна ограничиваться слишком узким кругом, и что надо предоставить полную свободу учению о «вождении армий», которое устанавливает основания для выбора этих средств. Оно даже обладает правом в отдельных случаях отвергать то, что признано правильным стратегией, а также для достижения своих целей может пользоваться тем, что стратегия считает неправильным «так как на войне повелевают обстоятельства»¹⁴.

Задача практического приложения теории стратегии и вождения армий к занятиям на плане, к полевым поездкам и к большим маневрам, орудием которых всегда являются свои войска, и заключается в конечном счете в достижении единства действий к моменту, когда наступит час войны.

Мы в дальнейшем отказываемся от систематического развития приводимых положений, чтобы не писать новой книги в дополнение ко многим уже имеющимся объемистым трудам по данному предмету; правда, содержание нашего труда едва ли будет представлять много больше перечня заголовков. Однако, это отвечает поставленной нами цели — простейшим способом подвести начинающего к самостоятельной работе по изучению.

II. Отношение учения о вождении армий к теории стратегии

Мы можем теперь отдать себе отчет об условиях, от которых зависит применение законов стратегии полководцем. Правда, число этих законов так велико, что даже перечисление их представляется совершенно невозможным, и тщательный наблюдатель всегда будет делать новые открытия при изучении военной истории или размышлении над своим практическим опытом. Но самые существенные из них могут быть здесь кратко отмечены.

Прежде всего, должно быть учтено общее соотношение сил; однако, при этом необходимо иметь в виду не только численность, но и уровень военной квалификации боевых сил. Далее, надо взвесить политическую обстановку, поскольку она помогает или препятствует противнику и нам свободно использовать имеющиеся силы. Затем необходимо учесть союзы, которые могут быть брошены на одну из чаш весов победы с началом войны или в течение ее. Это позволит установить ту «живую силу», которая окажется в предстоящую войну в распоряжении каждой из воюющих сторон. Исходя из этих данных, можно в крупных чертах решить, следует ли держаться наступательно или оборонительно, и какая степень энергии требуется с самого начала войны.

Характер исполнения определяется преимущественно свойствами пограничной полосы, в особенности, сетью пересекающих его колесных и железных дорог, и состоянием театра первоначальных операций. Они обуславливают скорейшее или замедленное развитие военных действий. При этом, конечно, должно быть также принято во внимание общее состоя-

ние страны, богатство района, плотность населения, наличие необходимых средств для содержания людей и лошадей, одним словом, все, имеющее значение для движения и довольствования войск.

Местность и ее очертания накладывают свой отпечаток на планы отдельных операций; они заранее обрисовывают в главных линиях будущие стратегические и тактические предприятия; карта местности передает эти линии нашему творчеству, когда оно работает над составлением планов.

Здесь же учитывается и наличие или отсутствие крепостей, или долговременно укрепленных позиций. В отношении наступающей стороны, это отражается преимущественно на подготовке к войне. В отношении обороняющейся стороны наличие их совершенно непосредственно отражается на планах первых операций. Война в открытом поле требует иных средств и сил, чем борьба за крепости. Они имеют различный характер. Маневренная война развивается быстрым темпом, проявления ее резки, большие столкновения наносят сокрушительные удары одной из сторон; борьба же за крепости имеет затяжной характер, медленно, но в громадных размерах поглощает силы и предъявляет величайшие требования к упорству и выдержке.

Зачастую время года и климат недостаточно принимаются во внимание при применении законов стратегии. Между тем, они могут иметь прямо-таки решающее значение, причем их воздействие бывает совершенно различным, в зависимости от преследуемой нами цели и от характера района операций. Карл XII чрезвычайно удачно использовал зиму 1705-1706 годов для наступления в Польшу; зима позволила ему без затруднений переходить через многочисленные замерзшие реки и болота. Зима 1708-1709 годов, вследствие глубокого снега и сильных морозов, в такой же мере оказала обратное действие, воспрепятствовав тому же Карлу XII завоевать Украину. Достаточно известно, какую роль в гибели великой армии имело невнимание Наполеона I к предстоящей зиме при продолжении в 1812 году похода за Смоленск. В 1870 году распутица и короткие декабрьские дни, как мы знаем, благоприятствовали упорному сопротивлению Шанзи у Божанси и на Луаре, а в следующем январе глубокие снега облегчали ему оборону на Сарте. Но та же зима обусловила неудачу наступления Бурбаки на Бельфор.

Не считающиеся с препятствиями наступление зимой легко поглощает наши силы, причем успех не компенсирует расходов. Но иногда особые обстоятельства и характер театра войны вынуждают вести такое наступление¹⁵.

Если мы обратим наш взор за пределы этих чисто внешних предпосылок, которые полководец всегда должен учитывать при выборе метода действий из числа значащихся в теории стратегии, то, прежде всего, мы усмотрим необходимость, являющуюся перед полководцем, уделять равное внимание национальным особенностям своей и неприятельской армий. Каждая армия имеет свои сильные и слабые стороны, которые должны быть или использованы, или учтены. Национальные особенности, которые толкают одну армию на бурное наступление, а другую влекут к упорной обороне, дают о себе знать еще при подготовке и обучении мирного времени, а последнее, в свою очередь, кладет на войска еще более яркий отпечаток. Этому много способствуют традиции, в особенности в начале войны, когда их очарование еще не разрушено соприкосновением с новыми элементарными силами. Даже Наполеон

в начале войны 1806 года считал необходимым предостеречь свою закаленную в боях армию, указывая на прусскую конницу, так как он допускал, что воспоминания о прежних подвигах будут воодушевлять ее на выдающиеся героические деяния.

Традиции войск находятся в тесной связи с состоянием офицерского корпуса, который является их хранителем. Правда, национальные свойства отражаются на офицерах так же, как и на солдатах, но могущественным рычагом, воздействующим на офицерский корпус, является еще и социальное положение их, если оно объединяет весь офицерский корпус в одно сплоченное общество с одинаковыми правами и пониманием долга¹⁶. Это во много раз увеличивает влияние отдельных единиц на массу. Там, где нет такого единства, офицерский корпус, представляющий только образованных специалистов, дает отдельные благоприятные достижения, и элементарные боевые действия будут протекать успешно, но всегда скажется недостаток в общей согласованности и в дружности общего напора. Правда, этот недостаток равномерности может быть возмещен превосходством командования, гениальным полководцем, который увлечет за собой массы; но данный недостаток будет остро чувствоваться при отсутствии такой необычной силы.

В 1870 году армия французской империи, в особенности пехота, столь опытная в малой войне, блестяще действовала в отдельных боевых эпизодах. Она проявляла смелость, хитрость, отважность и упорство, но в целом ей доставало выдержанной наступательной силы, которая, естественно, была бы достигнута при объединении всех этих хороших свойств однообразно воспитанным и образованным офицерским корпусом.

Характер офицерского корпуса обуславливает также и высшее руководство армией, но на нем также отражается и «школа» в самом широком смысле этого слова. Сила школы отчетливее всего сказалась на руководстве прусскими войсками в 1864-м, 1866-м и 1870-1871 годах. Тактическая часть этой школы преимущественно являлась творением императора Вильгельма I, а стратегическая — творением Мольтке. Воздействие этого человека тем более примечательно, что внешне его личность очень долго оставалась в тени. Этого воздействия Мольтке достигал преимущественно ясностью и превосходством своего мышления. Метод подготовки, который он применял до войны, не представлял систематического учения, а заключался в постановке больших маневров и в предложении задач, заимствованных им из практики войн, которые в общей сложности давали разъяснение по всем важнейшим вопросам ведения большой войны. Убедительная простота приводимых Мольтке решений в большинстве случаев поражала принимавших участие в работе над задачей; последние обыкновенно искали гораздо более сложного и отдаленного решения, а не того простейшего, которое у них было под руками. Мольтке наставлял развитие мышления своих сотрудников на параллельные пути, предоставляя каждому судить на свой лад. В результате он мог рассчитывать, что, в случае войны, поставленные отдельным войсковым частям задачи большинством начальников будут решены приблизительно однородно, в его собственном духе. Имевшие место в действительности ошибки преимущественно произошли скорее вследствие различного подхода начальников к оценке данных о противнике, чем вследствие ошибочных заключений из точно выяснен-

ной обстановки. Сначала и не представляли, какую силу будет иметь такое единообразие военного мышления, но она проявилась полностью во время войн за объединение Германии. Совершенно ясно, что для современной системы войны, которую мы называем системой Мольтке, единообразие в подходе к решению является необходимым. В распоряжении старшего начальника непосредственно находятся только те силы, которые следуют по одной дороге¹⁷. Но ведь армии передвигаются одновременно по многим дорогам, и, следовательно, решение относительно колонн, направляющихся по всем дорогам, кроме одной, зависит от чужой воли. Ввиду этого старший начальник должен быть уверен в том, что решения, принятые по усмотрению его частных начальников, будут таковыми же, как если бы он там лично присутствовал. Следовательно, не с каждой армией можно свободно стремиться к одной цели, раздробив ее на отдельные массы, и не всегда можно рассчитывать на решительные действия их в один и тот же час.

Качество войск должно отвечать методу вождения их. Совершенно ясно, что от молодых и неопытных в войне войсковых масс нельзя ожидать, при самостоятельных их действиях, ни особенно энергичных действий отдельных колонн, ни молниеносных бросков при действиях сосредоточенными силами по внутренним линиям, между тем как эти части могут быть очень пригодными для стойкой обороны. Если бы Наполеон имел в своем распоряжении в кампанию 1813 года свои войска 1805-1806 годов, то он вообще не перешел бы к обороне театра военных действий на Эльбе по внутренним линиям, а продолжал бы наступать, и даже если бы какие-нибудь особенные основания побудили его перейти к обороне, то он провел бы ее счастливо. К этому еще присовокупим, что февральские успехи Наполеона в 1814 году также были бы невозможны с весенними наборами 1813 года. За этот промежуток времени он воспитал из большого числа рекрут маленькое ядро боеспособных ветеранов.

Из этого мы видим, что стратегия, даже для одной и той же армии, непрерывно должна считаться с ее состоянием. Постоянные изменения в подходе к основам стратегии обуславливаются не только материальными, но и моральными данными. К этому присовокупляется воздействие отношений, связанных с личным положением полководца, вытекающих из общения его с правительственной властью, с руководителями политики, с окружающими его лицами и другими сотрудниками. Выбор определенного образа действий обуславливается не только способностями и счастьем вождя, но даже состоянием его здоровья. Все эти данные он должен наблюдать и у противника, так как наши действия обуславливаются действиями противника. Таким образом, вождение армий находится не в меньшей зависимости от целой массы содействующих или тормозящих сил, как законы стратегии — от внешних обстоятельств.

Такое многообразие положений, в которых приходится ориентироваться полководцу, и заставляет нас так часто возвращаться к мысли Наполеона: на войне повелевают обстоятельства, и управление представляет лишь вопрос такта. На том же основании Мольтке определил всю стратегию как систему подпорок.

Однако, не надо забывать, что только гений имеет право без затей, несколько презрительно, называть «обстоятельствами» все смешение причин и след-

ствий, картину которого представляет всякая теория стратегии и вождения армий; только взор гения пронизывает их насквозь и охватывает непосредственным чутьем.

Нам же, простым смертным, рекомендуется сначала уяснить себе одну за другой все основы стратегии, и затем в каждом отдельном случае взвешивать, насколько они применимы для работы полководца при данных условиях. Таким путем мы можем с большим правом рассчитывать постепенно, шаг за шагом, подняться до ясного понимания сущности войны, чем, если мы будем избегать этой трудной работы или даже считать ее бесполезной. Кто ясно понимает дело и обстоятельства, тот скорей и свободней придет к решению, чем тот, в уме которого все соображения за и против не привели ни к одному недвусмысленному итогу; с другой стороны, правильность суждения приводит к целесообразности и последовательности в действиях. Свободная работа ума дает возможность, среди разноголосицы хаотических соображений, устанавливать общие основные взгляды и тем приобретать способность сводить к немногим единым точкам зрения всю многосторонность и кажущуюся противоречивость; такая работа ума, до известной степени, в то же время развивает и поддерживает решимость. Эти качества являются важнейшими для вождя, чтобы, при почти ежедневно меняющихся требованиях обстановки, его действия не впали в беспринципность и бессистемность или не направились по неверному и нездоровому пути вследствие ошибочности его общих взглядов¹⁸.

III. Два примера

Двумя примерами можно, скорее всего, разъяснить содержание предыдущей главы. Мы избираем две совершенно различные по характеру армии, участвовавшие в двух последних войнах в пределах Европы, а именно прусскую и турецкую. С обеими автор знаком по личному опыту.

Подобное сравнение тем более ценно, что следовавшая за франко-прусской войной русско-турецкая велась уже с полным знанием событий предыдущей кампании, и, несмотря на это, в ней приходится отметить весьма большой уклон в сторону, напоминающий о давно пройденных ступенях развития военного искусства. Эти явления можно объяснить или только незнакомством с тем видом стратегии, который мы называем современным, или характером театра военных действий, который, правда, затруднял общую работу отдельных армий, направленную на достижение единой цели, но ни в коем случае не делал ее невозможной. Скорее случай, чем заведомо обдуманное намерение, в первую часть войны привел турецкую армию на Дунае к такой группировке, которая имела все внешние признаки концентрической операции, направленной с нескольких сторон на противника, стиснутого в охваченном пространстве. Несмотря на все естественные выгоды такого положения, мы не усматриваем реализации их, хотя они и не остались незамеченными, как показывают некоторые попытки использовать их; поэтому, нельзя сделать другого вывода, кроме того, что причина неиспользования этих выгод заключалась в природе того инструмента, на долю коего выпало исполнение. Войска и вожди оказались не в соответствии с требованиями положения.

Прусская армия 1870 года вышла из реорганизации 1859 года и сложилась в напряженном обучении в мирное время, при использовании военного опыта 1866 года. Последний отчасти разъяснил и подчеркнул основы стратегии, выведенные посредством размышления и теоретического умозрения, а отчасти ввел в них коренные изменения. Лишь недавно были оглашены в печати данные, свидетельствующие, насколько глубокое влияние оказала краткая проба на богемских полях сражения на общую дееспособность прусской армии¹⁹. Опираясь на него, ей удалось подняться на высшую ступень обучения и управления.

Предчувствие крупных решений, которые должны были получить на долгое время выдающееся значение для будущности отечества, явилось для офицерского корпуса, построенного на классовом единстве, очень серьезным импульсом, который нашел свое отражение в малозаметном, но упорном стремлении дать наилучшее в исполнении своего долга. Лишь во времена Фридриха Великого, да в период возрождения Пруссии после глубокого падения 1806 года, высокие достоинства солдата прусской армии находили такое же безусловное признание и имели решающее значение в сравнении с другими соображениями в планах отдельных начальников. Этот общий порыв окрылял низшее командование, давал ему большую силу и бесспорное единство.

Известно, каким единством были пропитаны взгляды высшего командования. Во главе стояли всеми уважаемый, опытный в военном деле король и начальник генерального штаба, огромное превосходство которого над современниками уже тогда начинало встречать всеобщее признание. Ввиду этого, взгляды верховного командования имели такой перевес, что никакое другое влияние не могло с ними соперничать, и подчинение им командующих армиями и корпусных командиров являлось обеспеченным в лучшем смысле слова.

Основательно вышколенные системой воспитания мирного времени и хорошо вооруженные войска обнаружили физическую выносливость; в поход они двинулись охотно. Войско, как и весь народ, чувствовало, что для исполнения тлеющего во всех немецких сердцах желания объединить отечество неизбежно, прежде всего, расчитаться со старым врагом.

Крупные войсковые части проявили способность совершать быстрые марши и умение маневрировать; боевое обучение, несмотря на то, что ему недоставало научной проработки новейшего времени²⁰, уже базировалось на основательном использовании действия огня.

Таким образом, были созданы все предпосылки для такого образа ведения войны, сущность которого базируется на равномерной самостоятельности и на самостоятельности отдельных частей целого. Можно было с уверенностью сказать, что ни одна армия и ни один корпус, находясь в отделе от других, но, участвуя в проведении одной и той же оперативной мысли, не покинет в решительную минуту остальные части. Те боевые силы, ожидать подхода коих имелось основание, всегда своевременно вступали в бой на поле сражения.

Высшие начальники так же могли уверенно рассчитывать, что все целесообразное и вызываемое необходимостью будет сделано и без приказа свыше. Штаб и обер-офицеры привыкли проявлять инициативу, и если последняя иногда и граничила с произволом, то все же вытекала из сущности обстанов-

ки и шла на пользу общему ходу операций и боев. Правда, для высшего командования могли иногда создаться неудобства; тем не менее, намеченные им цели и задачи продолжали преследоваться. Несогласие среди начальников, часто играющее столь пагубную роль на войне, было совершенно исключено, благодаря примеру и абсолютному авторитету верховного командования²¹.

Такая армия, естественно, находит свое истинное призвание в маневренной войне и в наступлении, которые раскрывают наибольший простор свободно проявляющимся силам. Характерным для войны 1870-1871 годов является то огромное число сражений и боев, к которым собирались все войска, находившиеся в пределах досягаемости до поля сражения, причем эти части вводились в бой до последнего батальона; этим путем имевшиеся силы могли быть использованы в наибольшей степени.

Широкое развертывание, дающее наибольшую свободу движений, стремительное наступление с сохранением раздельного порядка до решительного момента, атаки на противника, производимые самостоятельно с нескольких сторон, борьба за решение, доводимая до крайнего напряжения, новое разделение и новое сосредоточение, если противник еще раз решится на сопротивление или противопоставит свежие силы — таковы явления, которые открывают перед нами правильное управление, располагающее войсками такого закала. Это те самые явления, которые и исследуются по преимуществу генералом фон Шлихтингом в его учении о современной войне²². Такие явления имеют место в коротких и блестящих национальных войнах, которые ведутся в высококультурной стране, и в которых быстро нарастает и обрушивается решительный удар; ввиду этого они вполне отвечают общей сущности германских войск. Пока последние имеют современную высокую боеспособность, до тех пор они погрешили бы против самих себя, если бы, не вынужденные повелевающей всем обстановкой, стали бы стремиться к иному образу войны. В будущем германские войска также будут настойчиво стремиться к сохранению того же метода войны, хотя бы он не мог опираться на столь благоприятный в 1870 году момент численного превосходства. При одновременной войне на нескольких фронтах численное превосходство будет под большим сомнением, и возможность успеха будет основываться на повышении моральных качеств и на росте боеспособности, а так же на создании такой обстановки, которая позволила бы ограничиться незначительными силами на том фронте, где ведется оборона, чтобы в других пунктах можно было бы действовать с прежней силой и быстротой²³.

Но не следует забывать, что такой образ ведения войны возможен лишь при наличии *всех* элементов, на которые он опирается и которые мы только что изложили. Он может оказаться неосуществимым уже при отсутствии одного из них, будь то авторитет верховного командования, или единообразная подготовка генералов и офицеров, или внутренние достоинства войск, состав коих, вследствие тяжелых потерь в течение продолжительной войны может многократно обновиться.

Турецкая армия в Балканскую войну, поскольку можно судить о ней по ее состоянию несколько лет спустя, состояла из целого ряда элементов, имевших весьма крупные достоинства. Прежде всего, она укомплектовывалась прекрасным человеческим материалом, который мог выдержать сравнение с наилучшим в мире. Солдаты были здоровые люди, высокого сложения, преимущественно горцы; они отличались физической силой и большой природной интеллигентностью. Привыкшие к жизни в суровых условиях, они охотно переносили тяготы и лишения; простой образ жизни сохранял их пригодность для войны до гораздо более зрелого возраста, чем среднего человека из испещренного фабриками европейского Запада. Каждый в отдельности носил отпечаток известной индивидуальной самостоятельности. Хотя исторические предания не пользуются на Востоке особым культом, все же в магометанском населении в целом продолжают гнездиться гордость и сознание завоевателя, поддерживаемые сильным религиозным чувством. Турецкий солдат бесстрашен и не боится численного превосходства; он убежден, что если Бог захочет, то боец преодолет и множество врагов.

Прежний образ управления турецкой армии уже обрисован нами. Весь офицерский корпус отличался пестротой своего состава. Лучшая часть молодого поколения должна быть квалифицирована очень высоко, так как в ней хорошие национальные свойства соединяются с естественным тяготением ко всему военному, и к тому же оно с большим усердием стремится постигнуть современное образование. Именно в этих кругах и заключается материал для создания дельного генерального штаба.

Но, несмотря на большой опыт отдельных лиц, приобретенный ими в боях в беспокойных провинциях или на границах, всему в целом не хватает систематической школы, отвечающей современным требованиям войны. Обширных военных маневров не производится, ввиду чего совершенно нет навыков в организации движений крупных частей — бригад или дивизий. Это создает тактическую тяжеловесность, которая сказывается тем сильнее, чем многочисленнее становятся действующие массы войск. В этом отношении войска скорее напоминают составленную из прекрасного материала милицию, чем постоянные части, каковыми мы обычно представляем себе турецкую армию. Организованного обоза, необходимого для быстрого развития крупных операций, не существует. — Что с такими средствами можно все же достигнуть значительных результатов, не подлежит сомнению; однако, образ действий при этом должен быть своеобразным.

В 1876 году эта армия провела кампанию против Сербии. Она одерживала победы с начала до конца; однако, имея в виду превосходство сил противника, она лишь медленно продвигалась вперед.

Поэтому, когда в последующем году турецкая армия без передышки и без подготовки была вынуждена выступить против могущественной России, вся Европа ожидала, что она окажет лишь слабое сопротивление. Первоначально русские двинули шесть армейских корпусов, которые вскоре были усилены до девяти²⁴; в начале войны все считали, что этих сил более чем достаточно, чтобы быстрым наступлением на Константинополь сокрушить много слабейшие

силы турок и восстановлением креста на Софийском соборе дать широкое историческое решение старой тяжбы по восточному вопросу. Эта недооценка турецкой военной мощи преимущественно объясняется имевшим известные основания соображением, что турецкие войска уже два года вынуждены вести военные действия, и силы их должны быть истощены в той длительной борьбе, которую они имели на своих плечах. Кроме того, на театре войны к услугам русских имелось содействие большей части населения. Легко удавшаяся переправа через Дунай и смелое продвижение русского авангарда и конницы через Балканы, по-видимому, даже превзошли всеобщие ожидания.

Но, к удивлению всего мира, дело вскоре приняло иной оборот. Осман-паша, который в течение всей сербской войны стоял у Виддина и не привлекал к себе никакого внимания, неожиданно появился на правом фланге русского наступления. Правда, повстречавшись с противником, он приостановился, но затем блестяще отразил неприятельскую атаку и остался у Плевны и Ловчи, занимая угрожающее положение в своих быстро сооруженных укреплениях. Прорвавшись через Черногорию, Сулейман-паша поспешил из Герцеговины на Фракийский театр военных действий. Перевалившие через горы русские головные отряды встретили здесь сопротивление превосходящих сил и были вынуждены отойти назад. Главная масса русских сдвинулась к левому флангу²⁵ и остановилась перед главными турецкими силами. Вторая сильная атака Плевны закончилась новым поражением русских, которые понесли большие потери; все это изменило обстановку коренным образом. Русские признали теперь, что они начали кампанию со слишком слабыми силами и подтягивали новую армию; однако, прибытие ее требовало много времени.

Турецкие войска совершенно неожиданно обнаружили высокую обороноспособность, которая вновь проявилась в полной мере во время третьего большого сражения под Плевной.

Теперь общественное мнение изменило свою позицию и, вполне естественно, начало переоценивать турецкие силы. Каждый требовал, чтобы победоносные турки нанесли последний энергичный удар, перейдя в общее наступление тремя армиями — от Плевны, с Балкан и с реки Лома — для уничтожения ущемленного внутри противника, и отбросили русских в Дунай и за него. Вместо этого, однако, последовала лишь бурная, но бесцельная атака Сулейман-паши на русские позиции у Шипки в Балканах. Турецким генералам вменялось в вину отсутствие более крупных операций, но это обвинение несправедливо, так как истинная причина заключалась в общем укладе оттоманских войск того времени. Они вообще дали максимум того, на что были способны в очерченных их природою пределах, и выйти за них не были в состоянии. Вождей можно упрекать лишь в том, что среди них не нашлось крупного, одаренного Богом первоклассного гения, который сумел бы, подобно Александру Македонскому или Наполеону, преодолеть все преграды, существующие для простого смертного, и преобразить вверенный ему военный аппарат. Такой упрек, однако, легко перенести каждому человеку; притом еще остается открытым вопрос, давало ли тогдашнее внутреннее состояние государства и войск достаточный размах для деятельности такого гения. Гению также требуется возможность взлететь, чтобы затем проявить себя.

Для выполнения этих требований нужна была другая армия: прежде всего, при действующих независимо друг от друга вождях, необходимо было создать, посредством широкой общей подготовки единое понимание военной обстановки, а затем и согласованный проект совместных операций. Определенно выраженный патриотизм, который подчинил бы общим интересам все личные точки зрения, имеющие всегда на Востоке такое большое значение, должен был бы в дальнейшем побудить всех генералов победоносно провести начатую большую операцию; при отсутствии настоящего верховного командования, оно в некоторой степени могло бы быть возмещено лишь твердым стремлением каждого в отдельности дать максимум на своем посту. Кроме того, для этого требовалась еще и привычка самостоятельно действовать, по собственной инициативе, без особого приказа. При других условиях продвижение вперед всех трех армий должно было бы естественно остановиться на первом же встреченном препятствии, которое одной из них не удалось бы немедленно же преодолеть.

Для частных начальников также требовалась иная подготовка, чтобы счастливо провести, по меньшей мере, большинство начальных боев, без которых, конечно, нельзя было обойтись при наступлении трех армий по отдельным операционным линиям. Наконец, войска должны были обладать такой маневренной способностью, которая позволила бы высшему командованию ограничиться указанием крупным единицам времени и направления наступления, а остальное предоставить на усмотрение частных начальников, чтобы обеспечить общее продвижение вперед²⁶. Для энергичной операции, которая бы вела к целому ряду переходов вперед, не хватало конницы, а также сколько-нибудь организованных планомерно работающих транспортов.

В течение обороны Плевны, прекрасные свойства турецкой армии оправдали себя до конца, и последняя отчаянная попытка прорыва, произведенная 10 декабря 1877 года, составила ей и ее вождям славное на веки имя. Осман-паша оказался значительно выше своего товарища по судьбе Базена.

Но этих свойств неожиданно не оказалось, когда еще раз пришлось оборонять Балканы. Несмотря на зимнее время года, русским сравнительно легко удалось форсировать занятую турками горную цепь, хотя это и стоило русским многих неприятностей и больших потерь. Главные затруднения причинили морозы и глубокие снега, которыми были покрыты горные тропы. Успех был велик, и им фактически закончилась война.

В действительности, оттоманские войска в этот период изменились лишь в том отношении, что после гибели героического корпуса Осман-паши было выставлено еще известное число новых, наскоро сформированных батальонов, составленных преимущественно из людей более старых призывов. В остальном, прежние достоинства турецкой армии отнюдь не исчезли; это доказывают бои Фуад-паши у Дермендере и необычайный марш Сулеймана через Родопские горы. Турецкое поражение обусловлено исключительно ошибочным решением оборонять горы на чрезмерно растянутом фронте, что всегда является сомнительным, а в данном случае было вдвойне губительным, так как такая оборона требует большого числа искусных и самостоятельных начальников, а также войск, пригодных для оперирования и быстрых передвижений, а таковых как раз и не было. Если бы, после падения Плевны, все

войска, за исключением оставшихся в четырехугольнике крепостей, вместо того, чтобы рассеяться по Балканам, были бы без боя оттянуты к Адрианоплю, то здесь повторилась бы картина Плевны, и война вновь могла бы затянуться на много месяцев. Против окружения обороняющегося здесь легко было бороться уже благодаря ведшим в Адрианополь железным дорогам и близости моря, на котором господствовал турецкий флот; атака же была связана с гораздо большими затруднениями, так как линия сообщений русской армии к этому времени значительно удлинилась бы и находилась под серьезной угрозой турецких сил, еще находившихся между болгарскими крепостями. Здесь попытки деблокировать были бы легче осуществимы, чем у Плевны, расположенной много дальше от столицы; в последнем случае они выразились, как известно, в нескольких энергичных порывах со стороны Орхание.

Принятию несчастного решения оборонять зимой Балканы содействовали политические побуждения, что является лишним доказательством тому, что непосредственное вмешательство политики в военные операции всегда приводит к отрицательным результатам²⁷. Наконец, турецкие армии могли еще оборонять простирающуюся от моря до моря позицию Чаталджи, где они имели возможность полностью проявить свою силу и стойкость в обороне, и где русские, конечно, не могли их одолеть посредством голода, как в Плевне. Имея шансы добиться полного изменения обстановки, турецкие армии оказались бы там в состоянии вступить в последний бой с полной энергией. Может быть, энергичный натиск из этой последней твердыни привел бы русских к полному отступлению до Дуная.

Таким образом, если бы турецкая армия была использована для обороны, в соответствии с ее своеобразием и ее особо сильными сторонами, то она, вероятно, смогла бы спасти государство и, в конечном счете, удачно противостоять наступлению.

В природе всех подобных армий лежит свойство быть сильней в позиционной, чем в маневренной войне. Армия, составленная из такого хорошего материала, как оттоманская, несмотря на свою ограниченную маневренную способность, отнюдь не является неспособной к наступлению. Но она может вести лишь короткие удары и непригодна для длительных наступательных операций. Характерным для турецких армий является начало операции Осман-паши, его продвижение, направленное на стратегический фланг неприятельской армии, результатом угрозы которому должна была явиться неприятельская атака, быстрая и искусная подготовка к отражению таковой и блестящая оборона. Чтобы привести к счастливому концу, все предпринимаемое подобной армией должно быть коротко и просто. Она должна воздерживаться от попыток сложных операций, которые требуют точного взаимодействия многих отдельных самостоятельных частей.

Война в Фессалии свидетельствует, в отношении командования, на значительные успехи турецкой армии. Благодаря оживленной, энергичной деятельности молодого поколения генерального штаба, турецкая армия к концу Фессалийской войны, при Домоко сумела предпринять в трудных обстоятельствах наступление в новом стиле, успех которого базировался на совместных действиях отдельных колонн. Однако, не надо упускать из вида, что в данном случае она превосходила противника не только количественно, но и качест-

венно. В борьбе с большой армией, организованной на современных основах, было бы предусмотрительнее для турецкой армии, в особенности в начале войны, осторожно использовать свое своеобразие²⁸, пока успех не откроет ей путь к сильному наступлению. Таким образом, полководец должен для каждой армии различным образом применять законы стратегии. Найти правильный путь — величайшее достижение вождя и вернейшее обеспечение успеха.

Примечания

- ¹ Русский перевод Кольтшмидта, под редакцией Пузыревского, изд. 1896 г. в Варшаве.
- ² Через 12 лет после появления немецкого оригинала появился русский перевод Лазаревича, под редакцией Незнамова, двух томов из трех этого труда (1909 г.).
- ³ Krieg und Heerführung. Berlin. 1901 г., стр. 298.
- ⁴ Автор говорит все время «ведение войны», что мы переводим «стратегия». (*Примеч. пер.*)
- ⁵ «Вооруженный народ».
- ⁶ Нам кажется, что такие же наблюдения фон-дер-Гольц, может быть, сделал бы и в России. (*Примеч. ред.*)
- ⁷ Излюбленная тема конца восьмидесятых годов прошлого столетия — параллель между вторжением в Богемию Фридриха Великого во второй год Семилетней войны и Мольтке в 1866 году. В русской литературе этой теме посвящена академическая диссертация П.А. Гейсмана, написанная так, чтобы отвечать научным взглядам Г.А. Леера. (*Примеч. ред.*)
- ⁸ Генерал Шлихтинг уже подчеркнул, что в 1866 году Мольтке с самого начала не имел в виду, и вообще не мог думать об окружении неприятельской армии, и что это явилось естественным следствием движения пруссаков на соединение и вступления австрийцев в круг последнего.
- ⁹ Точно так же вопрос о причинах неудачи вторжения Самсонова и Ренненкампа в Восточную Пруссию следовало бы ставить не в плоскость правильности или ошибочности идеи плана вторжения по обе стороны Мазурских озер, а в плоскость рассмотрения, отвечала ли эта идея уровню подготовки русского высшего командного состава. (*Примеч. ред.*)
- ¹⁰ Известный турецкий план, составленный в 1886 году для похода против Греции, в общем, носил этот отпечаток. Сосредоточенная главная масса этой армии должна была через перевал Дамази атаковать левый фланг греков, чтобы в самом начале войны добиться тактического решения, причем противнику мог быть отрезан путь отступления и уготована полная катастрофа. Правда, две отдельные дивизии должны были одновременно наступать через Мелунский перевал и по долине Темпэ, но их значение сводилось скорее к тому, чтобы задержать противника в Северной Фессалии и ввести его в заблуждение, чем к принятию серьезного участия в решении. Несмотря на то, что численность армии не превосходила средней

нормы, разделение являлось необходимым уже вследствие ничтожного числа и ужасного состояния дорог, ведущих через пограничные горы.

- ¹¹ Вследствие командирования дивизии Гаири в направлении на Триккала.
- ¹² Наследный принц Константин действительно намечал наступательный удар против 6-й дивизии, но ему не удалось провести свой план в жизнь, отчасти вследствие сопротивления подчиненных ему начальников, а отчасти вследствие создавшихся ошибочных представлений об обстановке.
- ¹³ Опасения фон-дер-Гольца оказались вполне основательными. Турецкий генеральный штаб справлялся с задачей приложения идей Мольтке только против того «обозначенного» противника, которого представляла греческая армия. Балканская война 1912 года представляет полное крушение «ново-прусской» тактики с турками на ролях действующих лиц. Саракамышская операция в зиму 1914–1915 годов также представляет глубокий крах применения германских идей на турецкой почве. *(Примеч. ред.)*.
- ¹⁴ Слова Наполеона I.
- ¹⁵ Таким недостаточным учетом климатических условий являются наши зимние наступления, особенно в декабре 1915 года на юго-западном фронте и в марте 1916 года на северо-западном фронте. *(Примеч. ред.)*.
- ¹⁶ То есть классовая сплоченность. *(Примеч. ред.)*.
- ¹⁷ Шлихтинг. Современные основы тактики и стратегии. *(Примеч. фон-дер-Гольца)*. С развитием современных средств связи, допускающих возможность быстрой информации и передачи приказаний на походе в разные колонны, острота этого замечания в значительной степени утратилась. *(Примеч. ред.)*.
- ¹⁸ Тактические и стратегические статьи Мольтке 1857–1871 годов. Берлин. 1900 г. Предисловие, стр. 7.
- ¹⁹ Докладная записка большого генерального штаба от 25 июля 1866 года его величеству и указания для высших начальников от 24 мая 1869 года, базирующиеся, главным образом, на этой же докладной записке. Смотри тактико-стратегические статьи Мольтке с 1857 по 1871 год. *(Примеч. фон-дер-Гольца)*. У фон-дер-Гольца вкралась опечатка, упоминаемая им докладная записка относится не к 1866, а к 1868 году. *(Примеч. ред.)*.
- ²⁰ Фон-дер-Гольц имеет в виду, что германские войска инстинктивно практиковали встречный бой, теории и даже названия коего еще не существовало. *(Примеч. ред.)*.
- ²¹ Не лежит ли в плоскости этих соображений фон-дер-Гольца объяснение неудачи германцев на Марне в сентябре 1914 года, вследствие недостаточной авторитетности Мольтке-младшего? *(Примеч. ред.)*.
- ²² Основы современной тактики и стратегии.
- ²³ Фон-дер-Гольц в тот момент, когда писал свою стратегию, занимал должность генерал-инспектора германских крепостей. Он имеет в виду здесь свою работу — такое фортификационное укрепление русского фронта (укрепление реки Вислы по преимуществу), которое позволило бы выделить против русских лишь очень слабый заслон, и такое укрепление Лотарингии

и Эльзаса, которые бы позволили направить главную массу немцев для удара через Бельгию. *(Примеч. ред.)*.

²⁴ Включая и два корпуса, предназначенных для охраны побережья. *(Примеч. ред.)*.

²⁵ Рушукский отряд. *(Примеч. пер.)*.

²⁶ По этому поводу автор вспоминает интересную беседу с покойным Осман-пашой о причинах, которые помешали ему использовать победу при Плевне немедленным контрнаступлением. Слова маршала были приблизительно таковы: «Независимо от того, что у меня почти совершенно не было кавалерии, мне бы пришлось самому объехать верхом все обширное кольцо укреплений и лично отдать все приказания для наступления. Иначе в нем бы отсутствовало единство, и наши силы расплылись бы в храбрых, но безрезультатных атаках. И, в случае неудачи, Плевна и наши остальные позиции севернее Балкан «оказались бы в опасности». Вдумчивый генерал, которого часто напрасно квалифицируют как представителя исключительно грубой энергии, хорошо знал свою армию и умел использовать ее сильные стороны.

²⁷ Добавим — ошибочной политики. Несомненно, правильная политика будет влиять на принятие основных стратегических решений, каковым являлся в данном случае вопрос об удержании Балканского хребта, и не будет вмешиваться в детальные вопросы. Ошибка турецких политиков и стратегов в отношении обороноспособности Балкан зимой тем более извинительна, что таких же взглядов в 1877 году держались военные специалисты всей Европы. *(Примеч. ред.)*.

²⁸ Вспомним блестящую оборону Дарданелл турецкой армией, почти совершенно лишенной снарядов и отбивавшей все приступы англо-французов, снабженных колоссальной техникой и поддержанных огромной тяжелой и средней артиллерией линейных кораблей. И наравне с этими успехами, жалкие наступательные авантюры на Кавказском и Сирийском фронтах. Лично сам фон-дер-Гольц сумел провести одно наступление турок, кончившееся взятием в плен английской армии у Кут-эль-Аморы, но и это наступление, окружение в условиях позиционной войны, было таким же простым и коротким, как то требует для милиционной армии фон-дер-Гольц в приведенном отрывке. *(Примеч. ред.)*.

УЧЕНИЕ ФОША

Наиболее значительный военный писатель Франции, наиболее авторитетно и точно выразивший те стратегические идеи, с которыми французская армия вступила в эту войну, — это Фош. Важнейший его труд — «Ведение войны» представляет лекции по стратегии, которые он читал в Высшей военной школе, в Париже, на рубеже двух столетий¹. Работа Фоша поражает своей стройностью и отделкой; научный метод, применяемый им, оценивается очень высоко гражданской французской академической мыслью. Очень характерна законченность ее, сравнительно с немецкими работами; тогда как Клаузевиц переделывал свое произведение всю жизнь и все же оставил нестройные груды мыслей, тогда как Верди пятнадцать лет ковал свою стратегическую работу и успел изготовить ее всего на одну четверть, причем в последующих выпусках высказывает сомнения относительно некоторых положений, которые он утверждал при приступе к ней, Фош создал сразу такое произведение, совершенное во всех деталях, что не считал возможным внести в него ни малейшего изменения, ни во втором издании через семь лет, ни в третьем издании через 15 лет.

Но, несмотря на это, в труде Фоша мы имеем перед собой настоящую военную систему, которая оказалась вовсе не соответствующей той действительности, которую развернула мировая война. Всякий вывод из мировой войны является опровержением самых дорогих для Фоша тенденций. Это верно как в основных построениях учения Фоша, так и в мелочах². Что стоит хотя бы критика Фошем большого удаления точки, избранной Мольтке для пребывания ставки в день сражения под Сен-Прива (высоты Флавињи), отнесенной на 8-12 верст от различных точек фронта сражения. Фош объясняет также удаление немощью стариков — семидесятилетнего главнокомандующего короля и семидесятилетнего начальника штаба Мольтке, их резонерским характером управления и беспомощностью их распоряжаться на поле битвы. С такого удаления можно высказывать, будто бы, только мнение и советы, и командование обрекается на бессилие. Такими обвинениями Мольтке и его методов управления полон труд Фоша; предоставляем читателям самим оценить, правильно ли усвоил Фош направление, в котором происходит эволюция командования.

Фош справляется с теми затруднениями, которые представляет безбрежность стратегических вопросов, не прибегая к тому грубому гильотинированию важнейшей части стратегии, которое производит позитивист Леваль, изгоняющий из нее все, что имеет уклон в сторону политики или искусства. Фош строит удивительно искусно свою идейную постройку, базируясь на двух китах: прикладном методе, заимствованном у Верди и отделанном по Густаву Ле-Бону, и исходящей от Гильбера французской военной доктрины.

Прикладной метод изучения стратегии, быть может, всего удобнее проследить на этом труде Фоша, и в этом отношении прилагаемый отрывок уже может дать известное представление. Фош идейно готовит французскую армию к борьбе с Германией, на том же театре войны, который являлся ареной событий 1870 года. Он ожидает, что и в будущую войну стратегический пятачок

Фердинанд Фош

между Рейном, Маасом и бельгийской границей явится районом, где найдет свое решение франко-германский спор. Отсюда его решение — взять за канву изучения стратегии начало франко-прусской войны, выяснить последовательность различных стратегических вопросов, возникавших во время войны, рассмотреть, какими мотивами объяснялось их решение в 1870 году, и затем изучить, в чем разнится современная обстановка с ее новой техникой с тем, что было за тридцать лет раньше. Этот прикладной метод — творение Верди — мастерски используется Фошем; он сразу подводит под его рассуждения твердую почву и позволяет ему не отрываться от действительности.

Это очень хороший метод; мы бы приветствовали появление у нас такого же курса стратегии, за исходную точку которого была бы взята польско-русская война 1920 года, который бы оценивал стратегические решения, принятые обеими сторонами, выяснял бы огромные отличия, которые истекшие немногие года наложили на обстановку на польско-русском фронте, и отсюда извлекал бы ценные вообще и, в частности, для нас стратегические поучения. Если мы не видим появления такого стратегического труда у поляков, где так много поклонников Фоша, то это можно объяснить, по-видимому, недостаточностью источников, которые бы освещали мысль польского и русского главнокомандования в этой войне, а также некоторой обостренностью вопроса о секретных данных, не позволяющей ныне более авторитетным деятелям взять на себя пророчество, в известной форме, по поводу будущей войны на том же театре. Но со временем, если только события не предупредят военную мысль, такой труд мы увидим.

Каждому профессору по стратегии весьма заманчиво пойти в этом отношении по следам Фоша, так как получается наиболее выгодная форма, обещающая великолепнейшие результаты при сколько-нибудь сносном исполнении. Успех у аудитории и в широких кругах армии обеспечен: во много раз интереснее изучать стратегию, представленную как пророческий план предстоящей войны, базирующийся на истории, логике, современной конъюнктуре и технике.

Однако, имеются и некоторые сомнения. Обычная участь пророков — разбиение камнями. Версальский мир позволил Фошу избежать пока этой участи, в него пока во французской литературе летят только мелкие камешки, и лишь будущие военные историки метнут более основательные. И за дело, так как база, на которой строит Фош свои стратегические выводы, очень мала. Прикладной метод имеет дело с частным случаем; очень неосторожно давать распространительное толкование выводам, полученным из рассмотрения только одного частного случая. Прикладной метод работает в шорах, которые позволяют ему сосредоточивать все внимание на одной заданной обстановке, и достигать, вследствие этого, за счет отказа от всякой разброски мысли, большого углубления. Но эти же шоры представляют крайнюю опасность, если все учение зиждется на рассмотрении только одного частного случая. Верди, работая почти одновременно с Фошем, страховал себя тем, что не ограничивался изучением данного вопроса в трех кампаниях Мольтке, на трех различных театрах войны, а совершал экскурсии вплоть до Александра Македонского. Фошу следовало бы свой курс ведения войны не ограничивать внимательнейшим изучением одного частного случая в обстановке Эльзас-Лотарингского

театра войны, а применить тот же прикладной метод хотя бы к изучению стратегической обстановки на русско-австро-германском фронте; такое изучение освоило бы Фоша с иными масштабами маневрирования, чем на франко-германском пятачке, подготовило бы его мышление к более широкому представлению о протяжениях, необходимых для развертывания, наступления и боевых действий миллионных армий, и спасло бы его от многих предвзятостей — например, от утверждения, что для германцев было бы с оперативной точки зрения бессмысленно нарушать нейтралитет Бельгии для охвата французского развертывания.

В результате такого повторного применения прикладного метода много бы выиграла французская армия: читатель в прилагаемом отрывке, этом красочном плане войны, знакомится не только с теоретическим рассуждением, но изучает также и мировую войну, так как эта работа вдохновила по всем пунктам французских авторов плана №17, действительно осуществленного в августе 1914 года. Сравнивая теорию Фоша и практическую работу генерального штаба, усматриваешь полное тождество и получаешь представление, что и Жоффр, и его оперативные сотрудники были в стратегии совершенные дилетанты и рабски группировали французские корпуса в соответствии с требованиями строгого профессора...

От такого изучения выиграла бы и русская армия, так как французская стратегическая мысль, замкнувшаяся в изучение двух уездов и удивившая поэтому весь мир с началом войны своей безграмотностью, извращенностью и отсталостью, при некотором знакомстве с стратегической обстановкой русского фронта перестала бы оказывать на русскую стратегическую мысль столь отрицательное давление. Мы имеем в виду не столько требование скорейшего вторжения в Восточную Пруссию, не отвечавшего нашим условиям мобилизации и развертывания, как требование скорейшего наступления по направлению Варшава — Берлин. Это требование в решительный момент первого вторжения наших сил в Восточную Пруссию ослабляло нас на несколько корпусов, выброшенных к западу от Вислы, а во второй период явилось провокацией, толкнувшей нас на самый ошибочный шаг — наступление в Силезию, окончившийся Лодзинской неудачей.

Если мы сравним работу русской стратегической мысли и Фоша, то получим впечатление, с одной стороны, бедной, грязной, неряшливой, отсталой, разбросанной без толка русской деревни, но построенной на чистом воздухе, со свободными, далекими горизонтами, а с другой стороны — городка в табакерке, где каждый квадратный сантиметр культурно использован, где все очень живописно и очень прилажено друг к другу, но так ограничено и мелко, что эта стратегическая постройка могла в мировой войне вызвать только конфуз.

Стройность выводов, изрекаемых Фошем посредством прикладного метода из событий 1870 года, объясняется еще и тем, что профессор стратегии имел их уже в своем кармане, приступая к своему исследованию. Тогда как Верди добросовестно углублялся в историческую действительность, чтобы заявить затем читателю о своих находках, Фош прибегает к удивительному маскировочному приему. Уже до него заповеди французской доктрины были изречены Гильбером и подробно запротоколены Мальяром. Учение Клаузевица было

растолковано Гильбером как призыв обратиться к изучению непосредственно того первоисточника, который вдохновлял Клаузевица: зачем французам учиться у туманно мыслящего германского военного философа, строящего свои заключения на деяниях Наполеона, когда проще обратиться к самому оригиналу, к его поступкам, к его мыслям, запечатлевшимся в его корреспонденции. И, отбрасывая малейший намек на идею эволюции, французы еще до Фоша реконструировали полностью военное искусство Наполеона, его стратегию и обратили ее в свою доктрину. Задача Фоша заключалась в том, чтобы заветы стратегического искусства Наполеона представить высшим совершенством и в настоящее время и показать, что Мольтке велик постольку, поскольку он через Клаузевица их частично усвоил, и является постольку жалким, поскольку не находил в себе мужества копировать их во всех деталях. Чтобы утвердить французскую доктрину, недостаточно было ее построить на Наполеоне, надо было доказать, что отступления от нее Мольтке являются только лишним подтверждением ее совершенства. Острие мысли Фоша должно было быть направленным против всех тех шагов вперед, которые эволюция заставила Мольтке сделать по сравнению с Наполеоном.

Французское общественное мнение дало блестящему профессору стратегии Фошу мандат — расправиться с тем сучком в глазу, которым являлся Мольтке. Когда Фош писал свой курс стратегии, начальником французской Высшей военной школы был несравненно более заслуженный в научном отношении и еще более талантливый генерал Бонналь, работа которого заключалась в том, что он открыл перед французской мыслью настоящего, подлинного Наполеона. Но в отношении немцев Бонналь проявлял научную сдержанность, осторожность, которая крайне не удовлетворяла шовинизм французских доктринеров. Бонналь пользовался слишком большим уважением в Германии; к нему обращался Вильгельм II, когда хотел сделать Франции авансы; его приглашали в Германию на маневры.

Фош блестяще справился с задачей, решения которой ожидали от него; он сокрушающим образом расправился с Мольтке-старшим и тем дал новый блеск французской доктрине. Еще за 18 лет до победы над Людендорфом он одержал бумажную победу над немцами и был увенчан по заслугам: его начальник, Бонналь, за доброе имя, которым он пользовался в Германии, был неожиданно уволен в полном расцвете жизненных сил и огромного научного таланта, а Фош, сумевший свысока посмотреть на Мольтке-старшего, был очень молодым возвеличен на его место начальника академии.

На примере Фоша мы видим, что и прикладной метод не спасает нас от предвзятости, профессор с большим талантом может сохранить вид, что он добросовестно исследует военно-исторические факты, и в то же время вынимать и раскладывать заготовленные заранее в заднем кармане сюртука выводы: что и требовалось доказать. Яснее всего этот процесс фальсифицирования прикладного метода можно усмотреть в главе VI прилагаемого отрывка, где Фош пристегивает к исследованию организуемого Мольтке наступления конек французской доктрины — учение о стратегическом авангарде.

Предвзятость, вытекающая из построения теории на одном частном случае, предвзятость, вытекающая из доктринерского обращения с прикладным методом, отрицание эволюции, научный шовинизм — такова фальшь, заключа-

ющаяся в стратегической табакерке Фоша. Это очень односторонний труд по стратегии. Мы не можем сравнивать, по разносторонности основания, работу Фоша с трудом фон-дер-Гольца. Но односторонний подход к стратегии не является, на наш взгляд, основанием для изъятия автора из настоящего сборника. Мышление Фоша, его разбор и оценка отдельных явлений, настолько типичны, а иногда и настолько поучительны, вопросы, поднимаемые им, настолько иногда жизненны, что в настоящем первом томе, посвященном преимущественно выявлению наиболее типичных в своей односторонности методов, применявшихся классическими писателями по стратегии, Фош может занять свое место. Мы избираем первую, лучшую часть его труда, по жгучему вопросу о плане войны, в которой он еще сравнительно щадит Мольтку. Мы должны отметить добросовестность исследования Фошем корреспонденции Мольтке. Как труд Верди, так и труд Фоша возник на почве критики этой корреспонденции, появление в печати которой не вызвало у нас в России, в силу какого-то глубокого падения интереса к стратегии, вовсе внимания.

Редакция

МАРШАЛ ФЕРДИНАНД ФОШ

ВЕДЕНИЕ ВОЙНЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПЛАН ВОЙНЫ

ГЛАВА I. О цели войны

Прежние военные системы, исходившие, главным образом, из соображений о сохранении живой силы армии, стремились к достижению результатов посредством хитрости, угроз, переговоров, маневра боя, занятия территории и взятия крепостей. Современная война, начиная с Наполеона, использует, не считая³, находящиеся в ее распоряжении средства, признает лишь один аргумент: проявление насилия. Она приступает к переговорам с противником, лишь сокрушив его в сражении и прикончив преследованием.

Ввиду этого стратегия, прежде всего, требует, чтобы операции преследовали только одно стремление — вызвать и подготовить это сражение в возможно лучших условиях. Раз сражение выиграно, стратегия вступает в новую фазу, стремясь к той же цели, то есть к следующему сражению.

Тактика стремится это сражение вести рационально, подчиняясь законам, управляющим явлениями духовного порядка, и механическим принципам, чтобы в результате добиться неоспоримого сокрушения противника.

Хотя история и указывает, что эти две части военного искусства достигали различных уровней — в руках хотя бы Наполеона или Мольтке или их противников, тем не менее в их совокупности они оказываются производными от следующих явлений, вызванных современным развитием военного дела, и определяющими характер стратегии и тактики:

Все более и более национальные укомплектования.

Увеличение численности.

Усовершенствование оружия.

Руководство войсками на войне все более и более сводится к совокупности распоряжений, имеющих в виду сражение, а в этом наступательном сражении — решительную атаку: это основная идея, которая должна определять наше мышление и наш характер, чтобы поддержать их на уровне предстоящих затруднений, выше тех сомнений, которые будут их одолевать. Вспомним мысль Наполеона: «Обычно имеет место неточное представление о той душевной силе, которая необходима, чтобы, вполне обсудив возможные последствия, разыграть одно из тех больших сражений, от которых зависит история армии и государства. Ввиду этого редко приходится встречать генералов, которые бы охотно давали сражения». Однако *решимость* их дать является необходимой.

Наши исторические исследования также приводят к выводу, что всякая кампания представляет ряд стратегических актов, заканчивающихся каждый

большим сражением. Но связаны ли эти различные стратегические действия просто случаем или бессознательным вдохновением вождя, или же, наоборот, они вытекают из неоспоримой логической последовательности, которую мы могли бы проследить, выяснив отношения причин к следствиям, связывающие действия армии с момента ее выступления из мирных стоянок до момента возвращения после заключения победоносного мира? Вот вопрос, стоящий перед нами на очереди.

Изучив в подробности операции войны, пойдем дальше, чтобы дать синтез, если это возможно, чтобы найти в операциях эту логическую связь, а также момент, когда война достигает своей цели, если последняя существует. Состоит ли война только в вождении войск, направляющихся в сражение и используемых в этом сражении, или сверх того еще существует такая теория войны, которая указывала бы нам, *где* кончается борьба и *какое направление* приводит к нему? Как вести войска, мы знаем, но *куда*? На каком пути эта стратегия, стремящаяся к сражению, должна его искать и затем организовывать? То же самое о втором и третьем сражении. И раз мы ориентируемся, где искать этих сражений, то перед нами встанет второй вопрос, как их подготовить, чтобы достигнуть цели войны.

Наполеон дал ответ на подобные вопросы. Однажды он прочел в одном труде выражение «методическая война». В отчаянии он воскликнул: «Всякая хорошо веденная война есть методическая война»⁴. Впоследствии он написал следующее: «Всякая война должна быть методична, так как всякая война должна вестись по принципам и правилам искусства и логики, в соответствии с ее целью».

Следовательно, существуют хорошо и плохо веденные войны, в зависимости от того, соблюдалась ли или нет последовательность в идеях, методах и приложении правил искусства к достижению преследуемой цели. Затем Наполеон добавил:

«Стратегия является искусством, основанным на принципах, которых никому не дозволяется забывать. Все великие полководцы древности, а также и те, которые впоследствии достойно следовали по начертанному ими пути, совершили великие дела лишь потому, что они усвоили естественные правила и принципы искусства, то есть комбинации их были правильны, представление их о средствах, которые нужно пустить в дело, было точно, с затруднениями они вступали в борьбу».

«Благодаря такому усвоению, они имели успех, какова бы ни была дерзость их предприятия и обширность их побед. Они никогда не переставали делать из войны настоящую науку. Только в силу этого соображения они являются нашими великими учителями, и только стремясь подражать им, мы можем надеяться приблизиться к ним».

Следовательно, война, рассматриваемая в целом, не является созданием случая, а наукой, которая может быть усвоена. Существуют принципы стратегии; только они определяют правильность комбинаций и точную концепцию средств, которые нужно пустить в дело. А Клаузевиц?

«Когда читаешь режиссуры, которые пишут великие полководцы о своих походах, и в которых они с такой же легкостью приводят в движение сотни тысяч людей, как будто дело идет о переезде только их самих, когда слышишь, как они, объясняя руководившие ими мотивы, приводят самые несложные

соображения, а иногда даже приписывают свои решения, просто подчинению своему инстинкту, то, кажется, нет ничего легче, чем руководить армией, и война рисуется нам умаленной до масштаба простого единоборства. Но когда вопрос заключается в установлении теории, для которой все необходимо представить в систематизированном и целом виде, и для всякого действия найти достаточные логические основания, то мысль приходит в смущение, и у каждого невольно появляется страх навеки остаться пресмыкающимся на низинах элементарных заключений и никогда не достигнуть тех высших областей, где великому полководцу открывается свобода, необходимая, чтобы господствовать над событиями, одним взглядом охватывать всю войну и принимать решение о направлении, которого он должен держаться, и с которого уже ничто не может заставить его уклониться».

«Однако, если нам суждено иметь успех, то достигнуть его мы думаем только упорно следуя намеченному нами с самого начала пути (анализ обстановок, изучение истории обстановки). *Теория должна подчеркнуть читателю и дать ему почувствовать* (это единственный смысл ее существования) моменты, в которых концентрируются и связываются идеи, образуя принципы или правила».

«*Теория* должна указать на основные идеи и точки зрения, дающие широкий кругозор, который выносит мышление из своего паломничества в высшие сферы военного искусства».

«Но на этом останавливается помощь, которую можно ожидать от теории, так как она не в состоянии ни дать формулы для решения задач, ни указать тот узкий путь, на котором надо искать решение. Указав полководцу *все множество понятий и их соотношения*, теория вновь его покидает, и когда надо действовать, она предоставляет ему самому принимать решение в соответствии с имеющимися в его распоряжении средствами и с прирожденными ему моральными силами. Из этого двойного уравнения обычно вытекает верное ощущение и правильная оценка того, что надо делать, и соображения разума, по-видимому, имеют меньше влияния на конечное решение, чем вытекающие из обстановки требования и опасности».

В вопросе о войне эта цитата лишней раз приводит к тому же нравочению: все действия связаны логикой, которую можно представить в виде теории. Знакомство с этой теорией развивает и дает опору мышлению.

Когда же вопрос идет о переходе к действию, то чтобы возвыситься до свободы, позволяющей господствовать над событиями, надо обратиться к познанию истины, к убеждениям, а также к характеру и моральным силам, развивающимся на основе этого убеждения.

В этом двойном уравнении школа дает нам всего одну половину и на вторую лишь указывает, сокращая, но не устраняя вовсе, неизбежное расстояние между кубком, налитым вином и устами, между теорией и практикой.

Исходя из этих соображений, мы еще раз вновь приступим к изучению истории 1870 года, войны вчерашнего дня, чтобы попытаться усмотреть общие соображения, которые господствуют в современной войне, и, в особенности, в будущей, чтобы попытаться установить теорию и, в частности, отметить отношения, существующие между различными фазами стратегии.

Мы остановимся на подробном исследовании первой фазы стратегии, то есть той, которая завершается первым сражением, и в этом анализе будем

стремиться открыть логические основания составляющих ее операций, чтобы выяснить их роль в будущем, а также методы их осуществления, могущие привести к благоприятному результату.

а. О причинах войны

Прежде чем устанавливать, куда нас ведет война, посмотрим, как она зарождается и откуда исходит.

Мольтке начинает свою историю борьбы 1866 года следующим признанием, исполненным грубой откровенности: «Война с Австрией стала исторической неизбежностью».

Война 1870 года зародилась из тех же оснований, то есть единственно и исключительно из желания Пруссии вести ее, а это желание, в свою очередь, выросло из развития честолюбия Пруссии и сознания своей силы⁵.

С того дня, как князь Бисмарк взял на себя сам рассказать события, этот вопрос не подлежит ни малейшему сомнению.

13 июля 1870 года Мольтке, Роон и Бисмарк завтракали вместе и беседовали о войне, которую ожидали с нетерпением. В это время Бисмарку принесли телеграмму от короля, имевшую весьма успокоительный, мирный характер.

Телеграмма была немедленно прочитана; канцлер пишет дальше:

«Роон и Мольтке одновременно уронили свои ножи и вилки.

Мы были глубоко опечалены, и у всех было чувство, что дело пропало.

Тогда я обратился к Мольтке и поставил ему следующий вопрос:

— Действительно ли наш аппарат, нужный нам, чтобы вести войну, то есть наша армия, настолько хороша, что мы можем начать войну с максимальными шансами на успех?

— У нас никогда не было лучшего аппарата, — ответил Мольтке.

Роон, к которому я питал, правда, меньшее доверие, полностью подтвердил слова Мольтке.

— В таком случае продолжайте спокойно завтракать, — сказал я своим двум компаньонам.

После этого я присел за маленький круглый мраморный стол, стоявший рядом со столом, за которым завтракали, еще раз внимательно прочел телеграмму, взял карандаш и свободным жестом вычеркнул то место, где говорилось, что Бенедетти обратился с просьбой о новой аудиенции, и хвост телеграммы приставил к голове.

Телеграмма приобрела совершенно иной вид. Я прочел ее Мольтке и Роону в новой редакции, которую я ей дал. Они воскликнули в один голос: великолепно, это произведет нужное действие.

Мы с аппетитом продолжали завтракать. Продолжение известно».

Этот рассказ не требует комментариев.

1866 год выбросил из германского союза Австрию, могучую соперницу Пруссии; 1870 год должен был объединить Германию с плюсом в пользу той же Пруссии.

Что могло быть лучшим цементом для объединения Германии, чем германская кровь, пролитая в защиту отечества от исконного врага?

Одним словом, все может служить поводом для войны, когда одна из сторон хочет войны. Стратегическому наступлению предшествует наступление историческое или, вернее, политическое. Но желание войны только тогда будет оправдано, если сопровождается развитием военной мощи. И таким образом, вопреки латинской поговорке: «*Si vis pacem, para bellum*» (если хочешь мира, готовься к войне. — *Примеч. пер.*), мы часто видим народы, которые вооружаются, чтобы вскоре перейти в наступление.

б. О цели и средствах войны

Но был ли соображен весь размах и был ли набросан предварительно план этой войны, в которую бросились так легкомысленно? До каких пределов предполагали вести войну, и каковы намеченные операции для осуществления ее программы?

Клаузевиц, учитель Мольтке, вскармливавший идею войны с Францией, уже давно написал следующее:

«Итак: так как центр мощи государства заключается в его армии и столице, то план коалиции должен быть таков:

- 1) разбить французскую армию в одном или нескольких сражениях;
- 2) овладеть Парижем и, наконец,
- 3) отбросить за Луару остатки разбитой французской армии.

Уязвимый пункт французской монархии находится между Парижем и Брюсселем; в этом направлении столица отстоит от границы всего на 220 километров. Здесь и лежит естественный центр, около которого должна группироваться часть войск коалиции (здесь им надлежит действовать).

Если Франция примет решение продолжать угнетать Европу, как она это делала в течение полутора столетий, я убежден, что действуя таким образом, мы заставим ее раскаяться. Наказать эту гордую нацию и принудить ее подчиниться условиям, необходимым для спокойствия мира, надо за Парижем, на Луаре».

Осуществлялось ли пророчество когда-нибудь полнее?

Была ли когда-нибудь точнее выполнена программа?

В чем заключалась эта программа?⁶

Сначала сражение, может быть даже несколько сражений, затем взятие Парижа и оттеснение противника за Луару. Лишь поставленная в такие условия Франция согласится заключить мир.

И мы видим, что стратегия начинает вести войну, имея совершенно определенные объекты, и *каждая фаза борьбы* будет иметь свою цель.

Надо иметь цель; это общее элементарное правило повседневной жизни, необходимое, чтобы достигать какого-либо результата. В тактике никто не помышляет этого оспаривать, так как цель — это главный объект сражения, на который устремлены важнейшие усилия и направляется решительная атака.

Почему иначе обстоит бы дело в стратегии? Как в стратегии можно обходиться без цели и плана, когда все объективные данные могут быть установлены еще в мирное время? Центр могущества противника, а, следовательно,

и точки, против которых следует направлять удары для достижения победы, можно определить, по примеру Клаузевица, уже в мирное время. Таково заключение, к которому приводит изучение а priori.

Таковы же последствия а posteriori: имела ли место в действительности хоть одна кампания, в которой Фридрих, Наполеон или Мольтке заранее не определили бы цели?

«Я буду в Берлине раньше их», — сказал Наполеон в начале октября 1806 года, и на то, чтобы быть в Берлине раньше их, он ориентирует всю свою стратегию и соответственно нацеливает атаки; накануне Иены с этой целью он задерживает на Заале корпус Даву и Бернадотта, что едва ли могло бы быть тактически оправдано.

Он не ограничивается подготовкой завтрашнего дня, он метит дальше, он думает о послезавтрашнем дне. Бесспорно, он хочет дать большое сражение главным неприятельским силам, и оно, несомненно, должно иметь победоносный исход. При этом он не пренебрегает тактикой боя, но от формы этого сражения, имеющего целью захват неприятельской коммуникационной линии, он требует не только опрокинуть противника, но выдвигает большие задачи; ему необходима подготовка второй части программы: быть в Берлине раньше пруссаков, какова цель войны, чтобы найти там *правительство без армии*, то есть беспомощное, аналогично тому, как он уже расправился с армией *без правительства*, то есть без ресурсов (денежных средств, людей).

В 1870 году порой не непосредственное, но всегда постоянное и определенное преследование отдаленной цели являлось развитием глубокой мысли Клаузевица. Мольтке реализовал ее, когда он своим стратегическим развертыванием в начале войны стремился отрезать французские армии от Парижа и Луары, когда он подготавливал сражение на Сааре (на 8 и 9 августа), а также в операциях под Мецом и Седаном.

Следовательно, стратегия, *первой целью* которой является разыскать и столкнуться с главными силами противника, имеет также более далекие цели, чем эта встреча и это сражение. Но если с самого начала надо предвидеть иные результаты и намечать другие цели, то полководец, начиная с первого сражения, чтобы свести все линии своего поведения к одной точке, должен с первого же шага установить конечную цель войны.

В абсолютной форме, в которую облачается современная война, все имеет свою причину, и действия следуют одно за другим без антрактов. Они постоянно сливаются в такой степени, что можно рассматривать только один их результат, то есть конечный. Или война кончена, или еще ничего не сделано. Частные успехи лишь настолько имеют значение, поскольку они обеспечивают финальный результат, то есть принуждают противника принять наши условия. «Только конец венчает творение» (Клаузевиц). Первое сражение в равной мере подчиняется этому правилу, как и прочие частные результаты.

Установление конечной цели, этого решительного объекта, очевидно, вытекает из политики, которая только и может нам сказать, для чего она ведет войну и зачем, положив перо, берется за меч. Ответ на этот вопрос каждый раз, несомненно, будет различен. Существуют столицы, но существуют и другие центры национального могущества, другие органы, необходимые для жизни народов или правительств; значение их, в свою очередь, изменяется

в зависимости от эпохи и страны (сопротивление Австрии не будет таковым, как сопротивление Испании). Однако, ответ на поставленный вопрос является тем не менее необходимой основой, и стратегия должна получить его от политики или истории; без него она может действовать только вслепую. Зато раз установленный, этот ответ укажет *путь*, по которому надлежит вести предшествующий сражению маневр, а также очертит *пределы*, до которых следует развивать операции при использовании победы.

Разве не вследствие ошибочного установления конечной цели потерпел крушение Наполеон в 1812 году? Он напрасно рассчитывал, что взятие Москвы и покорение половины России обеспечат желательный для него мир. Вспомним к тому же отчаяние Наполеона, когда он, проиграв сражения⁷ при Ла-Ротьер, Лане, д'Арсисе и так далее, возобновляет свои действия против неприятельских путей сообщения и видит, что союзные армии не сворачивают за ним, а продолжают марш на Париж. Их монархи знали также, где находятся центры могущества государств, и тоже понимали, что Наполеон, как император, не сможет пережить Наполеона, побежденного в бою, генерала без армии, и что эту империю в агонии надо прикончить не преследованием призрачной армии, а низвержением правительства в Париже, так как, пока империя существовала, она при случае была способна восстановить эту армию.

Вспомним также Наполеона на другой день после Ватерлоо, когда он, созерцая свой военный погром, сказал: «Какой-нибудь Людовик XIV сумел бы выкарабкаться». Конечно, он этими словами не приписывал «Королю-Солнце» таких военных талантов, которыми он сам не обладал; следовательно, он видел элементы могущества другого порядка, которые бы могли спасти монарха.

И еще, на поле сражения Арсис-Сюр-Об, Наполеон беседовал с Себастиани, своим соотечественником, к которому он питал доверие. Себастиани, удивленный размахом проектов, планируемых Наполеоном, и слабостью его наличных сил, советовал ему декретировать поголовное ополчение, которое спасло Францию в 1793 году. Но император со свойственными только ему величием души и широтой взглядов, которые продолжали без горечи парить над всеми катастрофами, воскликнул: «Что вы мне говорите о поголовном ополчении в стране, где революция покончила со священниками и дворянами, а я с революцией».

Нации, действительно, имеют несколько категорий могущества; монарх со своим правительством, аристократией, духовенством или поголовное ополчение, или революционная идея, или национальное чувство, в 1809-1810 годах воодушевлявшее Испанию и ее хунты⁸, а в 1813 году поднявшее Германию; силу их мы не можем отрицать. Ввиду этого, с ними необходимо считаться, чтобы установить момент остановки государственной жизни и, таким образом, определить направление и предел проектируемых военных операций. Каждый раз, когда мы имеем дело с определением этого предела, этого направления, нам приходится сталкиваться с условиями частного случая. И оценка их, как и все оценки на войне, не представляет ничего абсолютного. Она может явиться лишь как подытоживание учета основных условий момента и совокупности существующих отношений.

Тем не менее, если мы, например, обратим внимание на нашего соседа на западе, то увидим, что он представляет империю, федерацию государств, из которых часть расположена к северу, а часть к югу от реки Майна, то есть

Северную и Южную Германию, имеющие различные интересы и различные темпераменты, но у которых одна голова, находящаяся на севере, в Пруссии, а именно в Берлине. Туда и надо будет проследовать, чтобы нанести последний удар, но уже на Майне, под Майнцем, эта держава была бы разделена на две части. Следовательно, рациональные планы должны заключаться в движении на Берлин через Майнц, не потому, что там удобно переправиться через Рейн, и не потому, что левый берег там командует над правым, или наоборот, а потому, что Майнц представляет пункт, в котором интересы севера связываются с интересами юга, а, следовательно, и могут быть разъединены⁹.

Ввиду этого наша стратегия, в поисках решительно сражения, встречи с главными силами противника, не будет действовать безразлично правым или левым крылом, а будет стремиться отбросить неприятельские армии от направления на Майнц, а затем будет преследовать цель — отрезать им дорогу на Берлин.

Что же касается мира, то он будет заключен, когда наша стратегия будет иметь перед собой правительство, не способное спорить, то есть правительство без армии, которая или уничтожена, или отрезана от него¹⁰.

Здесь обрисовывается масштаб, в котором необходимо развить подготовку к войне, в соответствии с обширностью программы: потребное количество действующих войск, укомплектований, частей для занятия территории, обеспечения сообщений, осады крепостей, охраны железных дорог и так далее, не говоря уже о соответствующих вспомогательных службах — администрации и так далее.

Таковы усилия и средства, которых требует современная война.

Во всяком случае, из сказанного нами отнюдь не следует делать заключение, что стратегия вновь поставлена в зависимость от географии и местности, что она обращается к поискам позиций или ключей страны; она лишь должна в национальной войне иметь на учете национальные интересы и органы.

Когда Мольтке избирает целью Париж, он, очевидно, метит в сердце Франции, Франции централизованной в огромных размерах в одной точке — в столице. То же происходит, когда Мольтке предлагает закончить счета севернее Луары: он прекрасно понимает, что борьба там разрешится. Он знает, что история судьбы южной Франции, как в отношении внешней, так и внутренней политики, всегда определялась участием северной Франции. Высшее командование еще раз проникается иными идеями, а не только борьбой с главными силами противника. Для него вся стратегия и вся военная наука не заключается целиком в формуле: *направлять главные силы прямо на главную неприятельскую армию*; наше замечание, впрочем, отнюдь не подрывает значения этой неизбежной, но недостаточной операции, а лишь просто его дополняет. Исходя из этой формулы, Мольтке, правда, первой целью обозначил главные силы неприятеля, но одновременно он метил дальше на Париж, Луару, что и обусловило метод подхода к первой цели.

В данном случае его стратегия основывалась на наступлении на Париж и к Луаре, чтобы настичь там безоружное и бессильное спорить правительство. Но предварительно надо было пройти через Мец, через север Франции,

одним словом, через все пункты, где можно было разбить французские силы. Надо было выполнить эти предварительные условия, или первый шаг еще не был бы сделан. Это и определило порядок вторжения.

Обосновать правильность этой теории может история.

Германское командование, посредством маневров, которые оно вдохновило, и неожиданного, но, во всяком случае, частично подготовленного удара под Мецом и Седаном, к 1 ноября сумело радикально очистить театр военных действий от всех организованных сил Франции.

После Меца и Седана во Франции не осталось ни одной армии, достойной именоваться таковой, и, несмотря на это, чтобы добиться мира, пришлось вести жестокую борьбу еще в течение четырех месяцев.

Следовательно, в организованных армиях (Мецской и Седанской) не заключается еще все могущество страны, это первый вывод.

Но можно ли предвидеть, во что бы вылилась борьба: если бы германское командование под Мецом и Седаном одержало лишь тактический успех, если бы немцы разбили наши армии, но не отрезали бы их от родины? Очевидно, французская армия возродилась бы в Париже и на Луаре посредством новых призывов, влитых в уцелевшие от Меца и Седана кадры. Насколько затянулась бы тогда эта борьба, которая и без этих кадров все же продолжалась еще четыре месяца? Какой характер могла бы принять война при наличии правительства, которое бы понимало сущность национальной войны и целиком бы поспешило из Парижа к армиям, выставленным провинциями, то есть Францией? Что бы произошло, если бы правительство, отделяя судьбу Парижа от судьбы страны, поняло, что сопротивление возможно там, где имеется сообщение с морем, которое доставляет оружие и хлеб, где есть территория, поставляющая человеческий материал и всевозможные средства, а также дающая пространство, чтобы драться и маневрировать вопреки противнику?

При наличии такого правительства нашим противникам не оставалось бы ничего другого, как переправиться через Луару и, имея истощенную уже армию, предпринять систематическое завоевание территории на протяжении 600 километров, до нашей южной границы, и просить непрерывного благоволения фортуны вплоть до Пиренеев; а это, может быть, было больше, чем фортуна хотела дать, это, может быть, означало стать для нее надоедливым.

При наличии правительства, отказывающегося вступить в переговоры, в благополучно протекающей войне можно достичь цели и запротоколировать гибель враждебного государства, лишь достигнув его крайних противоположных границ, что исключит возможность существования какого-либо враждебного правительства.

Но туда надо дойти. В 1812 году захвата Москвы оказалось недостаточно.

И к тому же надо, чтобы занятая территория была действительно покорена и находилась в подчинении. Взятие Мадрида и захват Испании не сильно обеспечили владение страной.

В истории имя Гамбетты будет славно тем, что он понял, что центр мощи страны заключается не в его столице, но в самой нации со всеми ее многообразными источниками средств. Столица содержит всего два миллиона жителей, которые вскоре окажутся блокированными, страна же содержит тридцать пять миллионов людей, располагающих еще свободой маневрирования и наступления. Заслуга Гамбетты и состоит в том, что, базируясь на нации, он организовал национальную войну¹¹ и борьбу до последних пределов.

К несчастью, даже выдающимся умам трудно вырваться совершенно из-под власти идей своего времени; таким образом, и Гамбетта не сумел применить свою теорию целиком.

Организовав национальные армии, Гамбетта не сумел вести национальную войну, не сумел освободиться от господствовавшего мнения, связывавшего судьбу нации с судьбой столицы. Первой целью для своих чудом созданных армий он ставит освобождение Парижа и, таким образом, истощает их силы в атаках на многочисленные, обученные и победоносные войска, в непосильном для них наступлении; в поисках немедленного и полного решения, дать которые они не могут, он направляет их по совершенно неблагоприятной для молодых и неопытных войск, местности — Босии¹².

Программа, разумно отвечающая требованиям национальной борьбы, имела бы совершенно иной характер. В первую очередь, она преследовала бы защиту шаг за шагом территории, которая дает средства, а затем стремилась бы к освобождению всей страны. Проведение этой программы приводило сначала к обороне, единственному лишь виду войны, возможному для молодых формирований¹³, так как он использует пространство, время и местность, и позволяет уклоняться от решительного боя с противником, которому, чтобы сломить сопротивление и покорить страну, необходима полная победа. В конечном результате, когда молодые войска втянулись бы в войну и прониклись доверием к самим себе, программа включила бы и наступление против противника, вынужденного разбросаться, растянуться, истощившегося в бесплодных усилиях, нуждающегося во всем вследствие длины его коммуникационных линий. Такова тактика, которой надо было держаться¹⁴.

Для такой задачи у великого патриота и могущественного организатора не имелось достаточно специальных знаний¹⁵. Устройство и творчество в военном деле, а впрочем, и в других областях, продуктивны лишь в том случае, если они создаются на прочном фундаменте: в данном случае таковым должно было бы являться полное понимание природы войны и войск. Противоположным примером является Карно, который, именно благодаря такому пониманию, смог обосновывать победу на принципе поголовного ополчения.

ГЛАВА II. Разработка плана войны

Выше было изложено, как Клаузевиц и Мольтке, исходя из нашего политического положения и исторического прошлого, наметили направление германского наступления: разбить наши важнейшие армии, переброситься

к Парижу и Луаре и таким образом достичь *цели войны*. Мимолетно мы указали и на *подготовку*, которую надо осуществить еще в мирное время, чтобы обеспечить этому наступлению достаточную силу проникновения. Было кратко отмечено, каким образом германский план мог бы быть парирован организацией Гамбеттой нации, надлежаще использованной в военном отношении.

Так обоснованный германский план в мирное время состоял в том, чтобы подготовить и направить инструмент, способный его реализовать: организовать армию, предвидеть ее потребности и затем двинуть ее в бой. Следовательно, вопросы организации, мобилизации, транспорта, сосредоточения и довольствия войск являются первыми, которые надо разрешить. В мирное время эти вопросы составляют задачу генерального штаба, которую Мольтке резюмирует следующим образом: «Она состоит в тщательном изучении в малейших подробностях сосредоточения больших войсковых масс и их перевозок на случай любой войны и в том, чтобы заранее иметь наготове необходимые для выполнения планы».

Он добавляет: «С момента начального движения армии военные соображения соприкасаются с самыми разнообразными политическими и географическими соображениями. Но все предстоящие распоряжения могут быть заранее обсуждены, и если войска готовы выступить в поход, а служба транспорта находится в организованном состоянии, то они должны привести к искомому результату». Таким путем эти распоряжения включаются в план войны и занимают в нем существенное место. Вследствие развития железных дорог, распорядок сосредоточения, имеющий в виду войну масс, существенно изменился с начала столетия.

Действительно, железные дороги дают возможность быстро сосредоточить на границе миллионы людей и немедленно использовать все средства, которые дает мобилизация. Вследствие этого, нормально, первые столкновения получают решающее значение для всей кампании. Они принимают гигантские размеры, особенно характерные для нашей эпохи, в то время как остальные операции в большей степени напоминают 1805-й, 1800-й и даже 1796 годы. Первые операции выиграли в значении, быстроте и стремительности, и поэтому они обусловили особенную тщательность мобилизации, еще в мирное время во всех подробностях установленное сосредоточение и необходимость и важность прикрытия его, которое должно функционировать с момента начала политического кризиса. Отсюда вытекает подготовка целой серии действий, относительно которых войны Наполеона могут ориентировать нас в принципиальных вопросах, но подробности исполнения коих осветить не могут.

Более того, миллионы людей, сосредоточенные вблизи противника и готовые без промедления на него напасть, не могут прибегать к старой формуле: «расходиться, чтобы жить, сосредоточиваться, чтобы драться»; при их численности эта формула не гарантирует им ни того, ни другого результата. Надо двигаться и жить в сплоченном порядке, а для этого необходимо получать довольствие с тыла. Опять становится необходимой система продовольственных продуктов на колесном обозе, замененная во время революции системой реквизиций; она возрождается из самого развития национальных армий. Функционирование снабжения войск продовольствием должно быть обеспечено еще в мирное время созданием особых органов и предусмотрено планом войны.

Но операции также должны считаться с требованиями снабжения и их следствиями. Если железные дороги, по крайней мере, в начале войны, необходимы для довольствия армии, то последняя не может слишком удаляться от них. Точно так же в случае неуспеха армия должна отойти во внутренние области, способные ее прокормить, то есть в производительные районы. Таким образом, территория становится базой для операции действующих сил, а железные дороги — их непременными коммуникационными линиями. При таких условиях значение столицы, места пребывания правительства, которое может легко быть отрезано от армий, превышает значение крупных центров страны, морских портов и богатых провинций, где армии еще могут найти средства для жизни, а также и возможность поддержать свое правительство при условии, что оно последует за ними. Таким путем, развитие национальной войны умалило роль столицы, как объекта операций, и выдвинуло новое значение национальных объектов¹⁶.

Подробно изучив и заблаговременно до известной степени обсудив и подготовив распорядок мобилизации, прикрытия, перевозок, сосредоточения и довольствия, многие бы охотно попытались включить в план войны и программу операций, которые бы вели к цели войны. Однако, по этому поводу нельзя строить иллюзий. Сам Мольтке сказал:

«Когда речь идет о задачах стратегии и применения имеющихся средств, то есть об операциях, то наши собственные распоряжения вскоре встречаются со свободно принятыми решениями противника. Правда, если своевременно мы готовы и исполнены достаточной решимости, чтобы захватить инициативу, то это может оказать влияние и заставить противника изменить свои намерения, но только бой является единственным средством, чтобы заставить неприятеля отказаться от них».

«Кроме того, материальные и моральные следствия всякого серьезного боя оказывают столь серьезное влияние, что обычно приводят к полному изменению обстановки и, следовательно, создают новое основание для дальнейших комбинаций».

«Совершенно невозможно установить, хотя бы с некоторой уверенностью, план операций, выходящий за пределы первого столкновения с главными силами противника. Только человек совершенно чуждый понятиям военного искусства, может видеть в развитии какой-либо кампании приведение в исполнение плана, заранее установленного во все подробностях, и которого точно придерживаются до самого конца. Полководец, несомненно, всегда имеет перед глазами основную цель, которую он преследует, и не теряет ее из виду, несмотря на необходимость принимать различные частные решения, однако он никогда не может заранее достоверно определить пути, по которым он рассчитывает до нее добраться».

Подводя итог предыдущему, мы видим следующее:

1. Возможность достаточно надежно подготовить все до первого большого сражения, то есть до первого столкновения с главными силами противника, так как до этого момента обе стороны свободны в своих решениях, и в обоюд-

ном положении еще не наступило коренных изменений; каждая из сторон еще свободна в своих действиях, и нет ни побежденных, ни победителей.

2. Эта подготовка имеет существенное значение:

- ввиду самодовлеющего значения результата *генерального сражения*;
- ввиду последствий этого решительного сражения, являющихся *предпосылкой*, на фоне которой будет развиваться осуществление плана войны. Это развитие окажется возможным, если сражение было завязано соответственно, и невозможно в противоположном случае.

Однако, не будем думать, что удачное сражение устраняет все затруднения и дает время исправить ошибочно составленный план. По этому поводу Мольтке говорит:

«Едва ли в течение всей кампании удастся исправить ошибки, которые были допущены при первоначальном сосредоточении».

Мы уже говорили, что если бы Мец и Седан являлись лишь тактическими победами, в результате коих французы были бы отброшены к Парижу и на Луару, то еще почти ничего не было бы достигнуто.

3. Невозможность сколько-нибудь достоверно установить план операции за пределами первого генерального сражения. После него обстановка для обеих сторон подвергается изменению: нужно вновь выяснить ее в соответствии с результатами сражения.

Только победившая сторона может рассчитывать продолжать осуществлять свои намерения, несмотря на помеху со стороны неприятеля. Ее комбинации стоят на твердом основании, которого не хватает противнику.

Ввиду этого многое зависит от того, кому удастся первому занять столь выгодное положение; отсюда простое понимание военного дела толкает обе стороны искать генерального сражения, решительной победы¹⁷.

Во всяком случае, к этому стремится та сторона, которая обладает большей решимостью и большей уверенностью в своих силах.

Таким образом, *первой целью армии является важнейшая неприятельская армия*; результатом встречи будет или победа, или поражение, дающие *новое основание для дальнейших комбинаций*.

Однако, этот результат не дает еще всего, так как хотя в сражении победитель подчиняет себе волю побежденного, но окончательно ее *не устраняет*.

«Такие успехи, как Седан, когда одним ударом сметаются с театра военных действий целые армии, являются совершенно исключительными. Обычно воля побежденного продолжает в известной степени давить на общий подсчет. Несмотря на поражение под Вертом и дурное состояние армии Мак-Магона, тем не менее, последняя, усилившись в Шалоне, заставила главные силы неприятеля приостановить наступление на Париж и направиться к северной границе».

«Следовательно, сама победа не дает безусловной обеспеченности планам командования, и последнее должно постоянно считаться с условиями момента и новыми противодействующими влияниями. Последние приведут к новым боям, которые, в свою очередь, будут менять обстановку, как меняется вид в калейдоскопе при каждом новом толчке. Таким образом, полководец ежедневно, а иногда и через несколько часов вынужден координировать свои комбинации с вновь создающейся обстановкой» (фон-дер-Гольц).

Стратегия должна медленным и верным шагом продвигаться вперед *от результата к результату*, никогда не уклоняясь от *намеченного направления*, от цели всех усилий, установленной на основании предварительного исследования общей военной и политической обстановки; для этого необходимо координировать операции с требованиями новых данных, выявляющимися на каждом шагу, все время, не теряя из виду конечной цели, сколько бы труден и извилист не был ведущий к ней путь. Этого нельзя заранее предусмотреть, в особенности в подробностях исполнения.

Таким образом, план войны перестает быть планом операций, что вполне оправдывает афоризм императора (Наполеона), что у него никогда не было плана операций; это, конечно, отнюдь не означает, что он не знал, куда и за чем идет.

У него был план войны, он видел конечную цель. Он шел вперед и, по мере выяснения обстоятельств и в соответствии с ними, устанавливал средства, чтобы приблизиться и достичь цели.

1. Заблаговременно обсужденный и подготовленный во всех подробностях исполнения распорядок, который, без существенных изменений, приводит к первому большому сражению.

2. В дальнейшем развитие руководящей мысли, которая должна привести к достижению конечной цели, опрокинуть или подчинить себе враждебное правительство и занять территорию. Путь проходит через операции, руководство коими находится в зависимости от требований обстановки, и главное назначение которых заключается в нанесении поражения неприятельским силам.

Такова программа войны, заключающейся в плане.

Таков был план Мольтке, разработанный зимой 1868-1869 годов и осуществленный в 1870 году.

ГЛАВА III. Мероприятия, разрабатываемые в мирное время

Сосредоточение. Сбор сил в пространстве

Предположения Мольтке содержатся в мемуаре, который он представил на одобрение короля зимой 1868-1869 годов, а также в некоторых инструкциях, данных большому генеральному штабу в Берлине весной 1870 года.

Первые предположения намечают операцию, неправильно называемую нами сосредоточением, и не лучше немцами — термином *стратегическое развертывание*; на языке Наполеона эта операция называлась *сбором армий*¹⁸. Ее необходимо рассматривать с точек зрения группировки в пространстве и группировки во времени.

Необходимо иметь в виду пространство, так как, подготавливая первые столкновения, сбор армии не должен готовить их неизвестно как и неизвестно где, так как эти большие сражения являются большой посылкой, откуда естественно вытекает план войны. «Едва ли в течение всей кампании возможно исправить ошибку, допущенную в момент первоначального стратегического развертывания». (Мольтке). Необходимо иметь в виду время, так как инициа-

тива, которую оно позволяет захватить более расторопному из двух противников, имеет следствием смятение в операциях другого; время быстро приближает нас к преследуемому результату. Фон-дер-Гольц по этому поводу говорит следующее: «Если бы французское стратегическое развертывание на три дня опередило немецкое, то это дало бы ныне возможность французам без единого выстрела обложить Мец и Тионвиль, беспрепятственно продвинуться до Саары, перерезать сообщения Страсбурга и заставить германские силы развешиваться в том же районе, как и в 1870 году».

Возвратимся к мемуару: он, прежде всего, оценивает силы, которые могут вступить в дело.

Северная Германия насчитывает тринадцать армейских корпусов, из которых можно будет располагать десятью, а три будут оставлены для охраны побережья и для наблюдения за соседними государствами (географические и политические соображения, которые к началу военных действий связываются с военными соображениями): итого 300 тысяч бойцов.

Французы будут иметь не больше 250 тысяч. К тому же германское превосходство еще возрастает при следующих условиях:

1. Если присоединится Южная Германия.
2. Если явится возможность использовать три армейских корпуса, первоначально задержанных на месте.
3. Если из 250 тысяч человек французы еще выделят экспедиционный корпус, назначенный для изолированных операций.

Как видно, в противность французам и изобретателям теорий, которые стремятся достигнуть успеха искусной, как они думают, диверсией, несмотря на то, что она их ослабляет, в данном случае вся игра строится, по примеру Наполеона, на войсковой массе, увеличенной, наращенной елико возможно и *устремленной в одном и том же направлении*. Вес численного превосходства является верным средством достижения преследуемого результата, то есть сокрушения противника, тогда как десант, даже действительно *произведенный* на германском побережье, нисколько не подготавливает сокрушения германских армий, но облегчает поражение французских.

Так как у немцев численное превосходство обеспечено с самого начала и в дальнейшем может только возрасти, то мемуар указывает способ его использования — *наступление*.

«Нельзя отрицать, насколько важно воспользоваться численным превосходством, которое с самого начала обеспечено силами одной Северной Германии».

Наступать, чтобы не дать времени противнику возместить свой недостаток сил.

Следовательно, стратегическое развертывание будет приурочено к наступлению. Но в течение подготовки наступления в том или ином направлении, можно самим явиться объектом *внезапной атаки в том или другом направлении*. Как отразить ее?

1. «Что касается первых (французских экспедиций на побережье), то для их отражения будет оставлено достаточно сил внутри страны».

2. Французы могут атаковать Южную Германию.

«Что касается операции против Южной Германии, то по этому поводу в Берлине уже состоялись совещания с представителями войск, выставляемых

южными государствами. Было признано, что если допустить непосредственную оборону верхнего Рейна и Шварцвальда, то уже одно удаление помешало бы Северной Германии в важнейший момент оказать немедленное и существенное содействие. Наоборот, гораздо большая обеспеченность для Южной Германии будет вытекать из сосредоточения всех ее сил на Среднем Рейне, откуда они могли бы действовать наступательно либо по правому, либо по левому берегу, во фланг вторгающейся армии, что неизбежно заставит последнюю остановиться или начать отход».

«Справедливость требует отметить, что, присоединившись к этой точке зрения, германские государи доказали свою преданность общему делу и свое доверие к верховному командованию... так как они не усомнились обнажить от действующих войск, коими они располагали, пределы собственной территории и немедленно присоединить их к Северной Германии...». Опыт 1866 года, который Мольтке искусно использовал, убедил их в необходимости объединиться под единым командованием.

Назовем это уроком стратегии или уроком патриотизма. Что касается начальника генерального штаба, то он основывает защиту угрожаемой территории на силе массы, собранной и готовой к возможно скорейшему наступлению. В частности, это прикрытие он основывает на группировке, следствием которой является фланговая атака.

Вот правильное использование памятного поучения Бонапарта: «Чтобы защищать Геную, Болье должен был бы прибегнуть к косвенному прикрытию, собрав *все свои силы* между Акви и Каиро, на левом фланге ожидаемого французского марша по береговой дороге на Геную».

«После Монтеноте, пьемонтцы, вместо того, чтобы занимать Милезимо, должны были уклониться к Дего и примкнуть к австрийцам. Таким образом, они бы косвенно прикрыли Турин, так как оказались бы на фланге дороги, ведущей к этому городу, а своим присоединением к австрийцам уменьшили бы шансы французов на победу».

Кроме того, избранный район сосредоточения также представлял то преимущество, что прикрывал наилучшим образом Северную Германию, то есть коммуникационную линию.

Здесь выясняется значение, которое в современной войне имеет идея обороны, прикрытия. Она выливается в *сосредоточении всех наличных средств* в наиболее благоприятном для наступления направлении, откуда они непосредственным или косвенным образом прикрывают важнейшие пункты государства, так как противник не может им угрожать до тех пор, пока не столкнется с главными силами, а это столкновение решит все.

Ввиду этого, вопрос о защите самой территории должен решаться под тем же углом зрения, как относительно Южной Германии в 1870 году, Генуи и Турина в 1796 году. Немедленное и непосредственное прикрытие, часто бесплодное, становится бесполезным. История гласит нам об этом со времени сражения при Вальми: герцог Брауншвейгский владел дорогой на Париж, но оказался бессилён предпринять что-либо против столицы, хотя путь к ней

был свободен; а затем, когда его попытка 20 сентября потерпела неудачу, он был вынужден поспешно отступить, чтобы избежать уничтожения. Нет победы — ничего не достигнуто. Пусть же второстепенные интересы расточатся и не будут затуманивать нам главную цель, которую мы всегда должны ясно видеть перед собой, а равно единственное средство достигнуть ее — *насколько возможно сильную массу*. «В Европе существует много хороших генералов, но их глаза сразу разбегаются на слишком многое, я же вижу только одно — неприятельские массы. Я стремлюсь их сокрушить и вполне уверен в том, что после этого все остальное дастся само собой». (Наполеон).

Пример Мольке поучает нас, что не следует заниматься близоруким дроблением обороны государства на защиту Парижа, побережья Котантена¹⁹, Прованса и других границ, находящихся в опасности. Обеспечение всех этих пунктов явится результатом сосредоточения всех сил в одном центральном районе, откуда они смогут действовать наступательно против вторгающейся неприятельской армии²⁰.

3. Французы могут, наконец, нарушить нейтралитет Бельгии, Люксембурга, Швейцарии.

«Если французы вступят в Бельгию, то их армия значительно уменьшится вследствие необходимости выделения отрядов для занятия Брюсселя и наблюдения Антверпена».

«С берегов Мозеля еще легче противодействовать дальнейшему движению французов за Маас, чем от Кельна, так как мы заставляем противника обратиться фронтом на юг и принять решительное сражение в тот момент, когда все его сообщения находятся под угрозой».

Следовательно, образ действий по отношению к противнику будет заключаться в сражении, в котором примут участие все силы, — положительный и решающий аргумент. Сверх того, это сражение явится атакой во фланг, угрожающей путям сообщения неприятеля, что будет обстоятельством, еще сильнее подчеркивающим его решительный характер. Что касается возможности разойтись с неприятельской армией, то нет оснований опасаться ее, «так как расстояние от Брюсселя до Кельна больше, чем расстояние от Кельна до Майнца, Кайзерлаутерна и Трира, и в таком случае мы успеем своевременно оказать на нашем Нижнем Рейне». Это рассуждение — бесспорная истина.

Также обстоит дело относительно нарушения нейтралитета Швейцарии:

«Оно вызвало бы большие затруднения для Франции, так как она встретила бы там серьезную и хорошо организованную милицию». Французская армия не могла бы продолжать движение вперед, вследствие угрозы с фланга. Следовательно, если мысль французов будет идти по верному пути, то они не предпримут высадки десанта на наших побережьях.

Они не нарушат нейтралитет Швейцарии или Бельгии.

Но если оно, исходя из ошибочного расчета, примут одну из этих комбинаций, то лучшим ответом на их наступление все же явится сосредоточение в одном районе, исключаящее выделение каких-либо отрядов.

Одним словом, не надо ни швейцарского, ни бельгийского, ни южно-германского, ни прибрежного либо иного варианта.

На все эти гипотезы будет отвечено *наступлением всеми соединенными силами, исходящими из одного и того же сосредоточения и из одного района*, заранее установленного. Район сосредоточения не безразличен, *он должен являться центральным и снабженным оборудованием*, которое позволяет возможно быстро собрать войска и перейти в наступление, что является единственным средством для пресечения французской опасности в Швейцарии, Бельгии, Южной Германии или на побережье.

Так как, будучи законченным, это сосредоточение должно предусматривать возможность перехода в наступление в различных опасных направлениях, то оно должно иметь не только фронт, но также глубину и последовательные линии; как мы увидим в дальнейшем, оно должно быть расчлененным.

От этого прошлого обратимся с вопросом к будущему; применимы ли принципы Мольтке к сосредоточению завтрашнего дня?

Увидим ли мы две одновременно подготовляемые операции, одну в Эльзас-Лотарингии, а другую на Нижнем Рейне? Это было бы два наступления вместо одного, к тому же особых, вследствие разделяющего их пространства. Об этом нельзя и мечтать. Но, могут сказать, эта операция, оставаясь единой, чтобы избежать преграды, образуемой нашими крепостями, может достичь известных выгод, развиваясь преимущественно не в Эльзас-Лотарингии, а на Нижнем Рейне и в Бельгии, а, следовательно, и будет иметь место в действительности. Предусматривать это едва ли стоит; так как сосредоточение, прежде всего, будет преследовать цель соединения всех сил в возможно кратчайшее время, что требует самого широкого использования железнодорожных линий, высадочных платформ и так далее. Следовательно, сосредоточение, безусловно, будет происходить исключительно в наиболее оборудованном районе. В этом отношении район Нижнего Рейна нельзя сравнивать с Эльзас-Лотарингией. Будущее сосредоточение расписывается на местности количеством и густотой высадочных платформ. Они находятся в Эльзас-Лотарингии²¹.

В дальнейшем мы увидим, что в пользу Эльзас-Лотарингии, как района сосредоточения, гласят и другие обстоятельства.

Во всяком случае, если теперь немцы, ошибаясь в понимании своих интересов или руководствуясь какими-либо ускользающими от нашего внимания соображениями²², нарушат нейтралитет Бельгии или Швейцарии, то для нас в этом можно усмотреть только выгодную сторону.

1. Независимо от преград, которые немцам пришлось бы преодолеть по пути в связи с противодействием этих малых государств, им пришлось бы еще ослабить свои силы, оставив отряды перед Антверпеном или в Брюсселе.

2. Они предоставили бы нам случай атаковать их во фланг всеми нашими соединенными силами, конечно, при условии, что мы, в свою очередь, последовательно придерживались следующих принципов:

а) сбор *всех наших сил в одну массу без выделения отрядов*;

- б) в *одном районе*, наилучшим образом оборудованном железными дорогами и высадочными платформами — единственное средство для быстрого окончания сосредоточения;
- в) при условии придания сосредоточению такой *формы*, которая бы, по своей глубине²³ давала возможность, в случае необходимости, обратиться фронтом на северо-восток или юг;

Перед этим господствующим правилом должны исчезнуть все вопросы об угрожаемых границах, как бы по внешности они не казались интересными. Во-первых, защита границ, как это показал опыт Южной Германии в 1870 году, не может быть достигнута немедленно и не может быть поставлена достаточно солидно; в противность этому «свобода маневра всех наших сил, сохраненная до того момента, когда перед ними откроется возможность действовать²⁴, поставит все под вопрос и при успехе все обеспечит».

Вернемся к району единого сосредоточения, который способен ответить всем возможностям, должен занимать центральное положение и быть широко оборудован железными дорогами, чтобы давать возможность во время воздействовать по любому направлению.

Первой целью окончившей сосредоточение армии является ядро неприятельских сил. Отсюда сосредоточение, в мере возможности, должно быть обращено лицом к району предполагаемого развертывания неприятеля. Это тот район, в котором железнодорожная сеть позволяет в кратчайший срок собрать ядро армии; что ясно подчеркивает мемуар:

«Если французы захотят максимально использовать свои железные дороги для ускорения сосредоточения всей совокупности их сил, то им неизбежно придется высаживать свои войска в Меце и Страсбурге в виде двух масс, разделенных Вогезами. Их соединение сможет быть достигнуто лишь по колесным дорогам». Сосредоточение германских сил одной массой в Палатинате позволяет порознь атаковать обе французские группы. Если же оказалась бы необходимость одновременно защищаться от обеих групп, «то в этом случае в Палатинате мы будем располагать внутренними операционными линиями между французскими группами». Эта комбинация подразумевает идею стратегической обороны. Несмотря на это, хотя Мольтке и подошел к необходимости предусмотреть оборонительные действия, он все же намечает ответить на наступление новым маневром. Он, по-видимому, не предполагал осуществление операции по внутренним линиям; таковая, действительно, представила бы серьезные затруднения, принимая во внимание массы, которыми пришлось бы маневрировать. Он рассчитывает воспрепятствовать французам соединиться, что они могут достигнуть только движением вперед, и не допустить их захватить инициативу наступления путем выигрыша времени, быстротой достижения результатов и переходом в атаку.

Действительно, Мольтке говорит: «Соединение всех сил в Палатинате в одинаковой мере служит прикрытием как для Нижнего, так и для Верхнего Рейна и открывает возможность вторгнуться в неприятельскую страну; своевременное осуществление этого вторжения, вероятно, опередит появление французов на германской территории в любом направлении».

Дать окончательный ответ на всевозможные предприятия противника посредством наступления *всеми соединенными силами*, располагающими численным *превосходством* против *более слабого* численно неприятеля, силы которого *разделены* местностью, это действительно здоровая позитивная стратегия.

«Благодаря до мельчайших подробностей подготовленной мобилизации, готовым планом перевозок, которые каждому корпусу дают возможность знать день и час его погрузки и выгрузки», возможность незамедлительного перехода в наступление для Мольтке являлась обеспеченной *во времени*.

Таким образом, Мольтке приводит в движение свои армии не успешным сбором их, как это делал Наполеон в начале похода, а методической подготовкой, которая является результатом долголетних усилий удивительно организованного генерального штаба. Тем не менее, результаты, достигнутые Мольтке, как нам покажет дальнейшее исследование, являлись менее обеспеченными, чем результаты, которых достигал император, так как мерилом уверенности работы всегда является предвидение, на которое способно управление.

Кроме того, сосредоточение должно происходить в районе, где возможно питать армии, безразлично, последует ли за окончанием сосредоточения переход в наступление или к обороне. Сосредоточение также должно учитывать намеченное направление наступления и пути на случай возможного отступления. Железные дороги, посредством которых производилось сосредоточение, обычно открывают возможность легко довольствоваться армии, лишь бы отступление, в случае неудачи, направлялось в наиболее важную часть территории, и, следовательно, чтобы сосредоточение происходило впереди этой части. Ввиду этого во Франции район сосредоточения, по-видимому, должен ныне находиться где-то на линии Шато — Сален — Клермон-Ферран²⁵. Насколько сосредоточение на этом направлении будет выдвинуто вперед или подано назад, определяется сроками готовности.

Одновременно сосредоточение должно прикрыть угрожаемые пограничные провинции. В настоящее время общественное мнение имеет слишком большое влияние, чтобы правительство могло оставить эти границы без защиты. Кроме того, пограничные провинции представляют средства²⁶ и территорию, от которых таким образом пришлось бы отказаться, и явились бы потерянным пространством, которое пришлось бы вновь отбирать. Но необходимость прикрытия провинции отнюдь не означает ее занятие. Согласовать эту идею с обязательным участием всех войск в решительных действиях, а, следовательно, обеспечить угрожаемым провинциям желательную безопасность, либо косвенным образом, как Мольтке обеспечивал Южную Германию в 1870 году, либо посредством войск прикрытия, о которых будет говориться в дальнейшем, не нарушая при этом принципа сосредоточения всех сил. Надо одной и той же группировкой удовлетворить как этим политическим обязательствам, так и военной необходимости: таковы требования, из которых, прежде всего, должны исходить работы генерального штаба.

ГЛАВА IV. Группировка сил

Затем Мольтке переходит к группировке сил, которые он двинет в генеральное сражение, являющееся первой преследуемой целью, и преследуемой известным образом.

«Мобилизованные массы, вследствие своей значительности, могут действовать только будучи подразделены на несколько армий». Но как их подразделить? Существуют ли какие-нибудь законы или логика в этом подразделении, или оно является делом случая?

«Состав каждой из них (каждой армии) должен быть установлен в соответствии со специальной задачей, которую ей предстоит разрешить (при маневрировании, в сражении, добавил бы он, если бы закончил свою мысль) и распределением различных армейских корпусов, урегулированным так, чтобы позволить им в наикратчайший срок изготoвиться».

Следовательно, состав армий не должен быть гармоничным и симметричным, а должен варьировать, в зависимости от специальной задачи, намеченной для каждой из них. Вот первый вывод.

Вот первый закон. Но ввиду того, что наступление намечается всей группировкой, прежде чем приступить к изучению этих особых задач и соответственно изменяющихся сил каждой армии, Мольтке построит всю группировку в духе наступления, образовав ее из центра, двух крыльев и резерва, что является действительно гармоничной группировкой сил. Он не формирует, под давлением случайных соображений, три, шесть или семь армий, а, прежде всего, четыре²⁷, со следующими назначениями:

1-я армия: II корпуса. Правое крыло, у Витлиха.

2-я армия: IV корпуса. Центр, Нейнкирхен-Гомбург.

3-я армия: V корпусов. Левое крыло, у Ландау-Раштадт.

4-я армия: II корпуса. Резерв, впереди Майнца.

Центр, два крыла, резерв. Вот, следовательно, система, отвечающая этому постоянному требованию — обеспечивать главное направление и охранять фланги, и случайно возникающим требованиям, которые удовлетворяются резервом. Резерв окажется на месте в том случае, если 3-й армии будет указано действовать против французов, наступающих в Южную Германию. Тогда 3-я армия будет вынуждена сосредоточиться на правом берегу Рейна и маневрировать самостоятельно, пока не вступят в дело главные силы.

В таком случае, главные силы, сгруппированные как система атаки, окажутся в неполном виде, и будут представлять тело, имеющее всего лишь одну руку. Но ему приготовили вторую руку в виде резервной армии, образованной из гвардии и XII корпуса. Она образует в изменившейся группировке левое крыло²⁸.

Вот к чему сводится в системе Мольтке роль стратегического резерва. Теория таких резервов, образующих армии второй линии, никогда не использовалась на практике великими полководцами. Действительно, нет оснований включать их в систему атаки²⁹.

Назначение резерва заключается или в усилении ведущих бой войск, или в парировании случайностей, или в нанесении решительного удара. Первый случай не касается стратегии — состязания армий.

Отброшенный батальон можно поворотить в бой посредством свежей части, нового батальона. Но Клаузевиц говорит: «Еще не было примера, чтобы разбитая армия перешла в наступление благодаря прибытию новой армии. Дезорганизация в ней пускает уже слишком глубокие корни³⁰.

Вспомним, что царило на другой день после Ватерлоо, Садовой или Фрешвиллера³¹.

Дать решение путем решительной атаки? Тактика нам свидетельствует, какими методами, какой экономией сил, каким наслоением усилий достигается результат, и почему решение откладывается на самый окончательный конец боя, когда перед нами будет выдохшийся, истощенный противник. Вместо этого тактического закона последовательного наслоения усилий в стратегии, как мы только что видели, действует закон совпадения усилий³². Следовательно, нечего и думать, что решение даст резервная армия, находящаяся во второй линии. Если ее нет на фронте к моменту завязки боевых действий, то в ее распоряжении не может быть ни необходимого времени, ни пространства, ни требуемого морального элемента, чтобы дать победу.

Третье соображение, имеющее в виду случайность, наоборот, встречается в стратегии точно так же, как и в тактике. Однако, по мере увеличения масштаба, в котором приходится распоряжаться, риск внезапно встретиться с случайностью уменьшается. Крупные стратегические операции обыкновенно развиваются столь медленно, на столь обширных пространствах, и их результаты обыкновенно отличаются столь малым разнообразием, что их всегда можно своевременно предвидеть и принять соответственные меры.

Следовательно, стратегический резерв имеет основание существовать для отражения непредвиденного лишь при невозможности действовать и необходимости сохранять выжидательное положение; какие условия, оправдывающие наличие стратегического резерва, сложились бы для немцев, если бы французы захватили инициативу и заняли Южную Германию или Бельгию. И наоборот, стратегический резерв перестает быть рациональным с того момента, когда командование принимает окончательное решение перейти в наступление. Это заставляет Клаузевица сказать: «Момент, когда существование стратегического резерва становится вразрез с логикой, предупреждает принятие основного решения. Следовательно, с минуты его принятия, резерва быть больше не должно. Поэтому надо всеми силами не допускать самую мысль о создании стратегического резерва, единственной задачей которого было бы парирование случайностей».

С того момента, как Мольтке переходит в наступление, стратегический резерв перестает существовать — он растает в главной армии, то есть во 2-й. Его группировка для атаки не включает резервной армии. Роль этого резерва предусматривала лишь особую задачу, указанную выше, на тот случай, если французы захватят инициативу и начнут обходить германское сосредоточение.

В последнем случае преимущества расположения в две линии становятся явными, безразлично, будет ли направляться вторжение через Бельгию или Южную Германию.

Однако, все эти соображения теряют значение, когда речь идет о стратегической обороне. При обороне резерв вновь является единственным средством для отражения наконец обнаружившегося главного натиска противника.

Вспомним, например, намеченное, но не осуществленное Мольтке наступление на 8-е и 9 августа 1870 года на Сааре. Очевидно, что произвести контратаку и приостановить окружение, которое должна была произвести 3-я армия на Верхней Сааре возможно было только посредством маневра крупных резервов, располагающих достаточным пространством.

По мере того, как увеличиваются расстояния и силы, этот маневр должен развертываться на все возрастающих дистанциях. 5-го и 6 августа 1870 года три германские армии, как известно, представляли фронт приблизительно в 100 километров. Без преувеличения можно и в будущем рассчитывать на подобные же расстояния. При таких условиях резерву часто придется продвигаться на 50–60 километров и даже больше, чтобы достигнуть района своих действий и расположиться лицом к указанной ему цели. Чтобы закончить подобный маневр вовремя, потребуются ускоренные методы, иначе маневр запоздает. Применение специально приспособленных железных дорог является единственным способом, дающим возможность осуществить этот маневр во многих случаях.

Как было видно, Мольтке организовал свои силы в расчлененную систему. В противность единой армии (один массив или кордон) австрийцев в 1866 году и французов в 1870 году, он подразделил наличные силы на несколько армий, что давало ему возможность действовать ими во всех направлениях. Его система предполагает наличие четырех армий, пока командование остается в выжидательном положении и, таким образом, находится в зависимости от возможной инициативы противника. Когда же он переходит в наступление, система сокращается до трех, то есть превращается в тело с двумя руками — центр и два крыла. Как образует он ее для наступления?

«Операция против Франции, говорит Мольтке, будет заключаться в простом, по возможности сомкнутом, марше по французской территории до момента, когда мы встретим неприятельскую армию, чтобы вступить с ней в бой».

«Общее направление наступления на Париж, так как, продвигаясь к этому городу, мы вернее всего можем рассчитывать приблизиться к намеченной цели, то есть встрече с неприятельской армией».

Но неприятельская армия, являясь первой целью, которую он, таким образом, рассчитывает найти и затем разбить, как мы видели, не является окончательной целью — остается еще Париж и Луара. Итак, маневр должен стремиться отрезать французскую армию от Парижа и Луары: французов будут обходить с правого фланга, и соответственно будет организована вся система наступления. Состав каждой германской армии определяется особой задачей в этом маневре.

Развивая этот ход мысли, намечается, что центр двинется прямо вперед и атакует на фронте; на левое крыло, то есть 3-ю армию, будет возложено производство решительной охватывающей атаки, ввиду чего эта армия должна

быть усилена насколько возможно; во всяком случае, она должна значительно превосходить французские силы, которые можно предполагать встретить в Эльзасе. Это даст ей возможность, наверное, достигнуть поля сражения на Сааре и обеспечит осуществление того усилия, которое от нее ожидается.

Что же касается армии правого крыла, то задача, поставленная ей с самого начала, сводится просто к прикрытию и охранению. Она будет включать минимальное количество сил.

Таковы соображения, из которых вытекала организация системы наступления, заключающаяся в следующем:

Центр, главная армия, задача которой сводится к прямому удару на противника — 2-я армия; после расформирования резервной армии она будет заключать шесть армейских корпусов — III, IV, IX, X, XII и гвардейский, и четыре кавалерийских дивизии (5-я и 6-я, гвардейская и саксонская кавалерийские дивизии).

Ударное крыло, — задачей которого является маневр и решительная атака в генеральном сражении — 3-я армия, силой в пять корпусов: V и XI прусский, I и II баварский, баден-виртенбергский корпус и две кавалерийские дивизии (2-я и 4-я).

Оборонительное крыло, охраняющее фланг — 1-я армия, силой в два корпуса, VII и VIII и одна кавалерийская дивизия (3-я).

Многие охотно предположили бы, что эта группировка находилась в зависимости от количества находящихся в распоряжении сил, и, при наличии большого числа армейских корпусов, было бы образовано и большее число армий. Ничего подобного. Три корпуса (I, II, IV), по политическим соображениям, первоначально оставленные внутри страны, вскоре освобождаются и прибывают на театр военных действий. Молотке мог бы сформировать из них новую армию. Однако в его глазах не имеется для этого никаких оснований; напротив, она нарушила бы общую гармонию и экономию системы. Чтобы быть рациональной, система должна заключать центр и два крыла, всего три группы армейских корпусов, каждая отвечающая своей особой задаче. Организация системы наступления не будет подлежать изменению. Корпуса, прибывающие последними, пойдут лишь на усиление уже существующих организмов. Они будут распределены между тремя армиями: I корпус войдет в состав первой армии, II — во вторую, IV — в третью. При этом не будут опасаться включить во 2-ю армию семь корпусов и четыре кавалерийские дивизии. Эта огромная масса будет иметь наибольшую численность, которая когда-либо объединялась под начальством одного лица.

Чтобы достигнуть поля генерального сражения, три армии, вышедшие из этих соображений, должны были пройти пути различной длины и выполнить различные задачи. До того, как сформированная в Баварском Палатинате 3-я армия могла заставить почувствовать свое воздействие на поле генерального сражения, которое стремились разыграть, возможно скорее на Сааре, она должна была победить французские силы в Эльзасе, преодолеть сравнительно трудные горные проходы Вогезов и совершить большие переходы; а 1-я и 2-я

армии могли быстро выйти на Саару, не преодолевая предварительно никаких препятствий. Следовательно, формирование 3-й армии должно было заканчиваться раньше. Распределение армейских корпусов по армиям обусловливается этими соображениями о сроках готовности.

Если бы немцы при современных условиях произвели отступление, имея группировку аналогичную 1870 году, то часть их войск наткнулась бы, в ближайшем расстоянии от границы, на преграды; несомненно, часть дорог, по которым они двигались, оказались бы перерезанными крепостями Туль, Эпиналь и Верден и фортами-заставами на Маасе и Верхнем Мозеле. Правда, со времени изобретения мелинита, эти укрепления утратили большую часть своего значения, но все же они могут выдержать огонь полевой артиллерии; это препятствие, тем не менее, должно быть преодолено войсками, прежде чем они смогут продолжать свой марш.

Чтобы удовлетворить этому требованию, которое нельзя обойти, немцы снабдили армии запряженной пешей артиллерией, то есть артиллерией крупного калибра.

Но сверх того, в будущем, как и в прошлом, будут существовать армии маневрирующие и армии, ведущие фронтальную атаку. Первые реализуют решения, подготовленные вторыми. По наполеоновской системе последние называются авангардом, а по системе Мольтке — центром³³. Первым вменяется в задачу решительная атака, следовательно, все усилия будут направлены на усиление их состава; вторых будут сокращать, при соблюдении условия, что их фронт сохранит необходимую прочность и устойчивость; последние могут быть обеспечены сильной артиллерией и полевой фортификацией. Отсюда вытекает широкое современное распространение артиллерии крупного калибра, применение бронированной артиллерии и фортификации на полях сражений.

Этим и объясняется современное устройство германской артиллерии действующих армий. Наряду с легкой полускорострельной пушкой, в каждом армейском корпусе имеется дивизион гаубиц, калибром в 10,5 см, а в некоторых армейских корпусах и тяжелые запряженные батареи, частью вооруженные 21 см мортирами, предназначенные для атаки наших фортов, — застав и малых крепостей; другая же, большая часть, вооружена 15 см гаубицами (фугасный снаряд весом около 40 килограммов).

Какие требования предъявляются к этой артиллерии?

1. Справиться с полевой фортификацией противника.
2. Усилить оборону укрепленных позиций, устройство которых будет сочтено необходимым.
3. Справиться с неприятельской полевой артиллерией.
4. Бесспорно, превосходным огнем разгромить объект решительной атаки.

Будущее Сен-Прива подвергнется не только обстрелу гвардейской артиллерии и артиллерии XII и X корпусов, но также тяжелой запряженной артиллерией *армии*.

Таким образом, в разрушительную силу полевой артиллерии вносится новый элемент мощи, для того, чтобы справиться с несомненно возрастающей с каждым днем силой сопротивления. 38 тысяч человек, которые образуют пешую артиллерию, должны принять непосредственное участие в полевых боях вместо того, чтобы выжидать для вступления в бой, чтобы их атаковали в кре-

постях Страсбург или Мец, или чтобы они сами приступили к атаке Туля или Эпиналя. Это является примером постоянного развития принципа экономии сил, который, вместо узкой специализации и неизменного применения к решению частной задачи, бросает все силы, независимо от их вида, в решающее на войне действие — *в сражение*.

Но это новое оружие, обладающее особыми свойствами, не будет равномерно распределяться по всем армиям. Группировка его опять-таки зависит от особой задачи каждой армии.

Не говоря о расположенных на крыльях армиях, которые будут снабжены мортирными батареями, для преодоления фортов и малых крепостей, лежащих на их пути, надо предвидеть, что мы встретим гаубичные батареи в армиях центра, предназначенных для фронтальной атаки. Обрамленные другими войсками, центральные армии, действительно, не могут маневрировать; чтобы продвинуться вперед, им необходимо опрокинуть и разрушить останавливающие их преграды. Средством к тому является артиллерия крупного калибра. Когда центральные армии продвинулись, насколько допускает их наступательная сила, нужно, чтобы они сумели *продержаться*. По плану Мольтке 1870 года для решительной атаки 1-я и 2-я армии прибывали на Саару 7-го и 8 августа, а 3-я армия могла подойти только 9-го. Следовательно, две первые в течение двух дней были предоставлены самим себе.

Для того чтобы продержаться, армии должны прибегнуть к средствам позиционной войны: усиление артиллерии по численности и калибру, укрытие артиллерии — навесного огня посредством местности, настильного огня посредством щитов или башенных установок³⁴.

Сверх того, усиление армий центра различными видами артиллерии в итоге дает возможность осуществить значительную экономию в пехоте. В настоящее время, по-видимому, установлено, что длинная линия артиллерии, утвердившая свое превосходство или численностью, или технической подготовкой личного состава, или качеством материальной части, или оказавшаяся неуязвимой вследствие снабжения достаточной защитой от огня, может приостановить всякое продвижение неприятеля, не имея необходимости в сильной поддержке пехоты.

Итак, германский маневр 1870 года, возобновленный в современных условиях, может пойти другим темпом. Центр, вышедший на Мозель (как 2-я армия в 1870 году должна была выходить на Саару), устанавливает на правом берегу гаубичные батареи и маленькие башни и, таким образом, бесспорно, нас здесь останавливает. Наряду с этим, на крыльях, или, по крайней мере, на одном из них, надо ожидать армий, ведущих решительную атаку; они усилятся за счет достигнутой на фронте экономии и будут способны, благодаря постоянно растущему численному превосходству, бурной атакой сломить всякое сопротивление. В этом заключается влияние развития техники на войну. Война, благодаря новым дарам техники, может и должна тяготеть к новым формам, которые, однако, отнюдь не отвергают вечные принципы; новые формы требуют более точного и явно выраженного их применения. Подготовка неизбежна для достижения желанного решения. Когда исследование подходит к вопросу о технике, надо проявлять тем большее предвидение, что прошлое в этом отношении ничего не дает. Без опыта 1866 года, может быть, еще долго продолжался бы спор о до-

стоинствах заряжающегося с казны ружья; также спорили бы и о пушках, если бы не было 1870 года. Легко предвидеть, что будущая война, которая будет широко пользоваться воздушными шарами, телеграфами, железными дорогами, укрытой скорострельной и тяжелой артиллерией, будет основываться на тех же принципах, но по-новому. Будут ставиться те же вопросы, как и в прошлом. Исходя из этого порядка мыслей, будущая война развернет перед нами устройство германских армий и снабжение их специальным оборудованием в соответствии с особой задачей каждой из них, которая вытекает из общего маневра *всех сил*. Во всяком случае, война еще раз покажет, что заранее намеченный и *подготовленный для больших сил основной маневр, в котором примут участие армии различного состава, соразмерно распределенные*, имеет больше шансов на успех, чем *импровизированное* в последний момент на месте наступление, *без специальных средств*, которыми была бы подчеркнута задача. Чтобы отразить этот маневр, мы должны использовать все наши войска, какого бы вида они не были, распределить их по армиям и снабдить всем новейшим оружием в соответствии с особыми задачами каждой армии, которые выпадают на них при подготовленном во всех подробностях наступательном маневре или организованной на первое время обороне. Чтобы отсрочить составление плана этого маневра и подготовку к атаке укреплений, входящую в него, тщетно было бы ссылаться на неопределенность данных для решения этих вопросов или отсутствие указаний о масштабе предстоящих действий. Очень легко отдать себе отчет, что от Нанси до Шато — Сален 27 км; от железной дороги Мец — Страсбург до Мозеля 50 км³⁵. Следовательно, поле для гипотез и всяческих комбинаций очень узко; не может быть значительных колебаний и в оценке материальных препятствий, которые надо преодолеть, и расстояний, которые предстоит покрыть.

ГЛАВА V. Сбор сил во времени

Прикрытие

Сосредоточение, урегулированное в отношении пространства, должно быть также урегулировано *во времени*: оно должно быть закончено возможно скорее:

1. Чтобы положить предел возможным предприятиям противника.
2. Чтобы без промедления атаковать; это не даст возможности противнику усилить свои слабые стороны, в частности, недостаточную численность.
3. Считаясь при этом с особыми задачами каждой армии.

Как мы видели, 3-я армия должна была быть готова первой. Ввиду этого, в нее не могли быть включены корпуса, долго мобилизующиеся или требующие перевозки на большие расстояния. Таким образом, намеченное генеральное *сражение* устанавливает *сосредоточение* во времени, точно так же как и в пространстве, а, следовательно, обуславливает перевозки, а отсюда и мобилизацию, то есть заблаговременную подготовку.

Иначе говоря, в современных условиях операции начинаются еще в мирное время, что лишний раз подтверждает необходимость подходить со стратегиче-

ской точки зрения к мирной подготовке по мобилизации и перевозкам. Она не может быть разработана самостоятельно, совершенно независимо от идеи сражения. Чтобы сражение вылилось из мирной подготовки, необходимо, чтобы последняя являлась бы предпосылкой.

Время сосредоточения должно еще учитываться, как период кризиса, так как, пока сосредоточение продолжается, мы не в состоянии встретить наступление неприятеля, поскольку сосредоточение не является *прикрытым*.

Посмотрим, какое внимание уделяет Мольтке понятиям *время и прикрытие*, чтобы обеспечить сосредоточение, которое в результате должно вылиться в следующее:

1-я армия у Витлиха, в 75 км от французской границы (три перехода);

2-я армия в направлении Кайзерслаутерна, в 25 км от французской границы (один переход);

3-я армия у Ландау — Рашгадт, в 20 км от французской границы (один переход).

В глазах Мольтке быстрота выполнения должна обеспечить сосредоточение. Оно подвергнется риску лишь в том случае, если противник будет наступать, но мы опередим его благодаря более развитой подготовке *мобилизации и перевозок*. (Впоследствии мы увидим пробелы этого рассуждения).

Когда он ставит вопрос: «Сможем ли мы, не рискуя быть потревоженными в нашем первоначальном сосредоточении, вынести его за Рейн, в Палатинат, по соседству с французской границей», он, не давая дальнейших объяснений, ограничивается ответом: «На этот вопрос должно быть отвечено утвердительно». Это странное утверждение, не являвшееся твердо обоснованным, вскоре было опровергнуто событиями. Однако, Мольтке усматривает два случая:

Первый случай — когда французы, проводя мобилизацию двумя эшелонами, частью сил, на восьмой день начнут наступление против главной германской армии.

«Вследствие большого скопления в северо-восточной части государства гарнизонов и лагерей и благодаря сильно развитой сети железных дорог, французы несомненно могли бы, не выжидая прибытия запасных, в очень короткий срок сосредоточить на границе армию в 150 тысяч человек. Этот род быстрого проявления инициативы отвечает характеру нации. Этот вопрос ставился на обсуждение в военных кругах».

«Допуская, что эта импровизированная армия, которая к тому же будет обильно снабжена кавалерией и артиллерией, на восьмой день сосредоточится около Меца, мы и тогда сохраняем возможность своевременно сократить пробег по железным дорогам наших поездов и выгрузить массу наших сил на самом Рейне. Французская вторгающаяся армия сможет дойти до нас только через шесть переходов, но на четырнадцатый день она уже будет остановлена превосходными силами».

$8+6=14$, *математически точный* подсчет, стратегия в цифрах, значение которой нельзя оспаривать. На четырнадцатый день французы будут остановлены на Рейне и разбиты превосходными силами, на которые они натолкнутся. Но это еще не высшее достижение стратегии, так как с ним непосредственно связаны следующие серьезные минусы:

- 1) без боя бросается пространство глубиной в 120 км со всеми его средствами;
- 2) перед противником очищается граница, и ему представляется возможность произвести всевозможные разрушения;
- 3) при переходе в наступление операция затянется на шесть лишних переходов;
- 4) утрачивается соприкосновение с противником.

Таковы неудобства, которые вытекают, в первую очередь, из-за отсутствия прикрытия: обеспечение, основанное не на войсках, а исключительно на *времени и пространстве*, является функцией, в которой не хватает одной переменной.

Второй случай — тот, если французам удастся изготавиться, включая и призыв запасных, первыми, и они перейдут в наступление раньше, чем немцы закончат полностью сосредоточение своих сил. В глазах Мольтке является недопустимым, чтобы французы изготовились раньше восьмого дня, то есть до начала германских перевозок по сосредоточению. Он рассчитывает парировать его следующим образом:

«Предположим, что французы сосредоточили все свои силы против 2-й армии (131 тысяча человек), и что последняя вынуждена отойти на резервную армию (63 тысячи человек). При таких условиях на двенадцатый день мы все же окажемся в состоянии принять сражение, имея около 200 тысяч человек, на прекрасной Марнгеймской позиции у Кирхгеймболанден. Но в этом случае французы должны были бы отказаться от всяких серьезных начинаний на верхнем Рейне и на Мозеле, и имеется полная возможность усилить главную массу наших войск (194 тысячи человек) посредством всей 3-й армии (130 тысяч человек), и 1-я армия тем временем продвинулась бы вдоль реки Наэ во фланг и в тыл неприятеля. Таким образом, при сколько-нибудь удачном управлении мы можем вступить в решительное сражение с 300 тысячами человек».

В этом случае, как и в предыдущем, Мольтке отвечает на наступление большим сражением, в которое вступит, имея *бесспорное численное превосходство*. Расположение в данном случае оборонительное, отнесено настолько вглубь, что в сражении могут принять участие все армии: 1-я, 2-я, 3-я и резервная.

Вот как надо понимать оборонительную позицию армии и, тем более, нескольких армий. Это не местность, на которой останавливаются благодаря представляемым ею тактическим преимуществам, а район, в котором есть возможность встретить подошедшего противника своевременно подтянутыми и сосредоточенными войсками, имея превосходство в силах, что является решающим аргументом.

Здесь проявляется одна из характерных черт стратегии Мольтке: он стремится достигнуть сражения при наличии численного превосходства, обращаясь только к пространственным протяжениям — математической величине. Это рассуждение, из которого вытекает сосредоточение на Рейне и сражение при Марнгейме, Мольтке вновь повторяет 25 августа, когда вопрос будет заключаться в том, чтобы остановить французскую армию, находящуюся на марше из Шалонского лагеря к Мецу.

Оно очень несложно.

Эта армия из четырех корпусов, находившихся, по имеющимся данным, 23 августа в Реймсе, может 25-го достигнуть Эна, а 27-го — Мааса. Ее движение можно будет остановить у Дамвиллер, так как в течение трех дней маршей (28 августа) в этом пункте можно сосредоточить следующие силы.

Два корпуса из Мецской армии.

Три корпуса из Маасской армии.

Два корпуса из 3-й армии.

Итого семь корпусов.

Следовательно, в этом пункте, в одном переходе от Мааса, французам придется вступить в бой со значительно превосходящим в численном отношении противником. Как видно, Дамвиллер расположен на дороге Реймс — Вузье — Мец и является центром круга, радиус которого короче расстояния Дамвиллер — Вузье и охватывает расположение семи германских корпусов.

Если данную стратегию рассматривать исключительно с точки зрения цели, которую она себе ставит, то надо признать за ней математическую точность, исполненную величия и простоты. Если эта цель достигнута, то есть сосредоточение в Дамвиллере закончено 28 августа или в начале августа в Марнгейме, то Мольтке предстоит вступить в сражение в исключительно благоприятных условиях.

Но является ли вполне обеспеченным достижение этого предварительного условия — своевременного сосредоточения перед лицом деятельного противника, от которого ничто его не отделяет? Какими гарантиями он располагает?

Впрочем, возвратимся к началу августа. Какие затруднения здесь явятся при выполнении, особенно вследствие требования изменить общую ориентировку, предъявляемого к уже собравшимся войскам? Они сгруппированы для наступления, а им придется отступать и обороняться. Больше того, главной армии, еще не пополненной и не подготовленной к тому, в трудной местности с ограниченными путями сообщений (две дороги), придется проделать отступление протяжением в 100 км.

Здесь мы видим, насколько стратегия Мольтке уступает стратегии Наполеона, например, в 1806 году. У Наполеона сосредоточение первоначально носит чисто оборонительный характер, а к концу — явно наступательный. Операция не остается неприкрытой ни на один момент и ни в какой фазе своего развития, идет ли речь о сборе сил, или об их изготовке, или о моменте начала движения, а также о подготовке оборонительного или наступательного сражения; у Наполеона имеется особый орган, дающий стратегическое обеспечение: сначала прикрытие, затем общий авангард. Если неприятель надвигается или грозит, то Наполеон находит обеспечение не только в пространстве, но и в этой группе войск, способной маневрировать, а при необходимости и дать отпор. Стратегическая безопасность Наполеона является функцией от большего числа переменных, и сама допускает больше вариантов и комбинаций. Это позволяет достигать намеченной цели сосредоточения сил более уверенно и на меньшем удалении, несмотря на противника. Сверх того, благодаря прикрытию, мы не только защищены от неприятельских ударов, но и сохраняем возможность, в случае необходимости, еще в течение сосредоточения наладить или видоизменить маневр.

Однако, начало стратегического обеспечения было известно и применялось германским штабом и практиковалось им, в особенности в 1814-м и 1815 годах. Клаузевиц говорит о нем в главе о передовых частях. Он указывает, насколько отречение от этих принципов явилось фатальным для некоторых маршалов конца империи и ссылается на то, как Блюхер прикрывал свое квартирное расположение в 1815 году двумя специально предназначенными корпусами: I — в Шарлеруа, II — в Синее, чтобы на крайний случай обеспечить возможность сбора всех сил в Сомбреф.

Мольтке в 1870 году не применяет этих теорий; он не верит в стратегическое обеспечение, в необходимость прикрытия. У него нет прикрывающих частей, так как таковыми нельзя назвать отряд из четырех батальонов, четырех эскадронов и одной батареи, который прикрывал между Майнцем и Триром сосредоточение 1-й армии в Витлихе, ни отряд из двух батальонов и четырех эскадронов, занимавший на фронте 2-й армии Саарлуи и пространство от последнего до Саарбрюкена. Только 3-я армия имела перед собой в лице Баварской бригады силу, способную дать серьезное обеспечение. Чтобы иметь возможность действительно прикрыть сосредоточение своих сил, Мольтке в 1870 году должен был бы немедленно перебросить на границу два армейских корпуса, например, VII и VIII, мобилизация которых была бы ускорена. Но в те времена приведение войск в состав военного времени было еще недостаточно гибким, чтобы иметь часть войсковых единиц, мобилизуемых в два приема, которая бы обеспечивала другой части нормальную мобилизацию. Впрочем, если Мольтке ищет прикрытия сосредоточения исключительно в пространстве и отказывается от всякого прикрытия войсками, то им руководят соображения морального порядка. Он очень высокого мнения о французах, как они проявили себя в Крымскую и итальянскую войны и Мексиканскую экспедицию; ввиду этого он, прежде всего, стремится избежать для германских войск всякой частной неудачи, даже всякого попятного движения. Нейтралитет Австрии и Италии и поддержка Южной Германии, без сомнения, будут куплены лишь этой ценой. Будут ли первые прусские корпуса, выдвинутые для прикрытия, иметь достаточную маневроспособность, чтобы ускользнуть от гибели и разгрома? Не получит ли упрощенная тактика движения напролом, которую столь горячо преподавали в последние годы перед войной, форменного опровержения с самого начала, не скомпрометирует ли ее окончательно полученный удар? Как можно эту тактику заставить сначала вести отступательные бои, а затем вновь броситься вперед?

Таковы, по-видимому, трудности исполнения, которые приковали внимание Мольтке, хотя он и был учеником Клаузевица³⁶. Лишний раз, измерив расстояние, которое отделяет теорию от практики, он, в заключение, выразил большее доверие математике, чем маневру, сделал ставку на численность, а не на моральные силы. Мольтке не счел себя способным вести более крупную игру, чем ту, на которую он решился; если это признание ставит его ниже Наполеона, тем не менее нельзя не преклоняться перед разумностью человека, который свои взгляды ставит на уровень своих способностей, и в результате, хотя и менее гениальным, более приземистым путем, но господствует над противником, правильно оценивая и точно изучая его, и достигает успехов, не превзойденных в истории.

Как бы то ни было, сосредоточение на Сааре было решено; открывались следующие возможности:

В первом случае — отнести его на Рейн.

Во втором случае — отвести армии назад на Марнгеймскую позицию.

Но кто предупредит о необходимости произвести ту или другую эволюцию?

Войска прикрытия, говорит Мольтке. Они образуются на Сааре:

Четырьмя батальонами, четырьмя эскадронами и одной батареей, посланными из Майнца в Трир и прикрывающими 1-ю армию, формирующуюся на Мозеле близ Ветлиха; двумя батальонами и четырьмя эскадронами, занимающие на фронте 2-й армии пространство от Саарбрюкена до Саарлуи.

Предполагается, что эти части явятся своего рода сигнальным звонком, который сможет предупредить начальника генерального штаба о необходимости обратиться к первой или второй комбинации.

«Если к моменту, когда будет приступлено к сосредоточению, то есть на восьмой или девятый день, появятся опасения, что оно не сможет быть закончено на линии Гомбург-Нейнкирхен, *о чем должны предупредить войска, удерживающие Саару*, то можно будет отодвинуть назад сосредоточение, перенести его на Рейн».

Недостаточность этого метода бросается в глаза. Система, поднимающая тревогу из Саарбрюкена, в действительности могла быть приведена в действие давлением полка или бригады неприятеля, что вызвало бы изменение сосредоточения, не имеющее никакого оправдания.

Чтобы в будущем избежать, за недостатком прикрытия, проявлений такого несовершенства, а именно *недостатка данных о противнике, недостаточной обеспеченности*, и чтобы иметь заслуживающее внимания предупреждение, в Германии был создан XVI корпус, состав соседних корпусов был усилен, что позволяет теперь при объявлении войны сосредоточить в районе Шато-Сален и в Эльзасе целую армию прикрытия, в состав которой войдут три армейских корпуса, XVI, XV, XIV и часть VIII.

Через двадцать четыре часа к французской границе могут быть направлены две сильные кавалерийские дивизии, два армейских корпуса, доведенные почти до полного военного состава, и три дивизии, мобилизованные на две трети.

Через четыре дня, необходимые для сбора обозов, авангардная армия, приведенная в военный состав, может поддержать действия всей германской кавалерии.

Эта организация на границе расширяется изо дня в день. Германский военный министр Верди-дю-Вернуа, испрашивая согласие рейхстага на формирование при I и XIV корпусах по третьей дивизии, сказал следующее:

«Необходимость усиления на западе и на востоке вызывается не зависящими от нас обстоятельствами. Но мы ясно усматриваем задачи, которые в случае войны лягут на эти войска. Мы должны так организовать эти части, чтобы сосредоточение было бы действительным образом прикрыто и обеспечено».

«Применение этих войск, прежде всего, требует организации их для совместной работы. Следовательно, требуется иметь такие высшие командные инстанции, начальники которых могли бы нести ответственность за выполнение возложенных на них задач».

«В итоге, чтобы успокоить создавшееся по этому поводу беспокойство, я укажу, что дивизии данных корпусов в известных случаях могут и не вернуться в состав своих армейских корпусов».

Законченная организация сильного прикрытия сильно отразится на событиях первых дней после объявления войны. Тот же самый Верди-дю-Вернуа, который в свою бытность министром провел формирование XVI корпуса, знает нас с последствиями в следующих строках:

«Можно сомневаться в том, будет ли начало будущей европейской войны представлять такую же картину полного бездействия, как в 1870 году. Представляется вероятным, что размер и значение событий, которые разыграются на границе, увеличатся».

«В будущем придется с первого же момента *наблюдать* за противником и выделять для этой задачи определенные части. Также придется принять меры, чтобы *сохранить* неприкосновенность территории. Чисто военные требования мобилизации (призыв людей, реквизиция лошадей, обеспечение продовольственных складов, железнодорожных материалов и так далее), не говоря уже о других соображениях, обуславливают необходимость прикрытия угрожаемых районов».

«В большинстве случаев, как и раньше, в особенности, если намечается переход в наступление, появится *стремление* вынести как можно больше вперед пункты высадки, что заставит равным образом *выдвинуть вперед* части прикрытия».

«С другой стороны, совокупность следующих обстоятельств в будущем, вероятно, изменит картину событий».

«Не следует рассчитывать, что на границе повторится мобилизация французов 1870 года».

«С того времени великие державы увеличили в пограничном районе свои гарнизоны мирного времени и к тому же дали им организацию, позволяющую, хотя бы частично, более быстрый переход в военный состав».

«Наконец теперь, *по крайней мере, в теории признается существенная важность наступательных предприятий, имеющих место на границе до начала крупных операций.* Мероприятия по усилению пограничных гарнизонов имеют больший размах, чем потребность в образовании наблюдательных отрядов. Они указывают на тенденции застраховаться от набега неприятеля. *Но сверх того количество имеющихся войск позволяет начать наступательные операции, которые могли бы отвечать общей обстановке.* Развертывание значительных сил, намеченное вдоль границы в начале войны, увеличивает вероятность частных столкновений, даже если последние не входят в намерения командования. Горячность войск и товарищеское чувство превратят незначительное дело в немаловажное событие. Мы не говорим уже о возможности продвижения вперед всей армии».

«Боевые действия можно будет также начать, перейдя границу и с меньшими силами, при условии, чтобы состав их был достаточен для успешного проведения намеченного предприятия. Во всяком случае, надо рассчитывать, что боевые действия начнутся до начала больших операций»³⁷.

ГЛАВА VI. Переход к действию

Мольке, продолжая в своем мемуаре исследовать возможные случаи, рассматривает вариант, когда французы не перейдут в наступление, и 2-я армия сможет без затруднений закончить сосредоточение и затем перейти в наступление.

«В предположении», — говорит он, — «что к этому моменту еще не будет собрано достаточно данных о сосредоточении главного ядра неприятельских сил, можно будет располагать четырьмя дивизиями кавалерии, силой в семьдесят шесть эскадронов, которые, при поддержке пехоты, доставят все необходимые сведения».

Когда состоится переход к действию, система наступления будет образована вышеупомянутой группировкой, то есть центром и двумя крыльями.

Эта группировка будет двинута для атаки главных неприятельских сил, обнаружить и установить которые явится задачей кавалерийской массы, поддержанной пехотой.

Весной 1870 года Мольке окончательно дополняет и уточняет свою мысль в нижеследующей записке, посланной начальникам отделений Большого Генерального штаба.

Берлин, 6 мая 1870 года

«Операция против Франции будет заключаться в простом, возможно более сосредоточенном продвижении по французской территории на несколько переходов, пока мы не встретим неприятельские силы и не дадим им сражения».

«Общее направление этого марша будет на Париж, так как, двигаясь на столицу, мы вернее всего можем рассчитывать встретить наш объект — неприятельскую армию».

«На прямом пути из Палатината на Париж расположена крепость Мец. Мы ее оставим вправо; ее потребует лишь наблюдать».

«Наше первое стратегическое развертывание, если до того не произойдет сражения, будет иметь место на Мозеле, между Люневилем и Понт-а-Муссоном (50 километров по прямой)».

«При этом продвижении, в первой линии будет 2-я армия, во второй — 4-я армия, оба фланга будут прикрыты 1-й и 3-й армиями. *Наша инициатива подчинит себе волю противника*».

«Достигнув линии Люневиль — Понт-а-Муссон, мы будем иметь в тылу две железные дороги. На этой линии, если не раньше, мы вступим в решительный бой, и, следовательно, относительно дальнейшего мы ничего не можем в подробностях предвидеть».

«Кроме сопротивления, которое мы можем сразу же встретить, этот марш, приблизительно в 15 миль³⁸, будет сопряжен с особыми трудностями, ввиду значительности масс, которые придется продвигать на узком пространстве».

«Если французы двинутся навстречу с подходящими силами, то и мы, и противник окажемся в равных условиях».

«Дело сложится иначе, если французы, сосредоточившись, будут поджидать нас, или подпустят на близкое расстояние и затем двинутся на нас; развернувшись в боевой порядок».

Из предыдущего вытекает, что Мольтке не учитывает, чтобы французы могли избрать другой образ действий, свернув с прямой линии: изменить свою группировку, сосредоточившись вправо или влево, атаковать одно из крыльев и так далее.

Идея маневра кажется ему столь же неосуществимой для противника, как и для немцев.

«Чтобы нам произвести сосредоточение для сражения, нужен один день, который нам должен обеспечить *армейский авангард*. Он же должен выяснить более точно, где находится противник. Следовательно, *армейский авангард* должен быть сильным и особенно богат кавалерией».

«Этот авангард будет состоять из 5-й пехотной дивизии и кавалерийского корпуса. Для сформирования этого корпуса в распоряжении имеется 3-я, 4-я, 10-я³⁹ и гвардейская кавалерийская дивизии, всего семьдесят шесть эскадронов, которых будет объединять особый начальник, 6-я пехотная дивизия будет следовать позади, образуя поддержку».

«Задача кавалерии не будет заключаться в сохранении своих сил в одной массе, как это необходимо, когда предстоит решить сражение; наоборот, ее дивизии должны разойтись в самых разнообразных направлениях и, в свою очередь, должны отрядить небольшие части, пока не будут обнаружены главные силы неприятеля. Пехотная дивизия сможет поддержать эти отряды малыми частями, которые будут следовать на повозках. Но ее главные силы останутся сосредоточенными, чтобы, занимая крепкие позиции, иметь возможность помочь потесненной кавалерии собраться».

«Кавалерия может предшествовать пехоте на несколько переходов, сила ее обеспечивает ей отступление».

«Напротив, сильные пехотные части должны вообще, и в частности в подобном случае, избегать попятных движений. Надо всегда сосредоточиваться с движением вперед. Благодаря кавалерии, 5-я дивизия совершенно не подвергается опасности натолкнуться на сосредоточенные силы неприятеля; при содействии конницы, она может в течение двадцати четырех часов устоять против неприятельского *армейского* корпуса. Она должна будет на один переход следовать впереди армии».

Это несомненная идея общего авангарда, который должен доставлять верховному командованию данные о ядре неприятельских сил, а также обеспечивать *двадцать четыре часа*, требующиеся, по мнению Мольтке, для сосредоточения *достаточных сил*.

О достоинствах этого авангарда как осведомительного органа (семьдесят шесть эскадронов, поддержанных с тыла пехотной дивизией) надо сделать несколько замечаний.

Разведку должны вести отряды кавалерии, брошенные в различных направлениях, при поддержке мелких пехотных частей, передвигающихся на повозках или иным способом. Это слабое средство; подобная разведка не может проникнуть взором за пределы хорошо организованного сторожевого охранения; за отсутствием средств атаки (пехоты, артиллерии) она не способна заставить противника показать себя, если последний не хочет себя обнаруживать; таким образом, такая система разведки может развеять только то, что противник согласен дать нам рассмотреть. Тезисы и система разведки

Наполеона были совершенно иными, как видно из письма Наполеона принцу Евгению (1809 год). «...Я узнал о Вашем движении на Керменд (принц Евгений выдвинул свою кавалерию на разведку, поддержав ее одним баденским батальоном). Но кавалерия не должна была двигаться без пехоты. Я опасаясь, чтобы этот баденский батальон, удалившись настолько от прочих сил, не потерпел неудачи. Как следует из письма генерала Макдональда, противник все еще находится против Вильдона, а корпус Гиулая находится в направлении Радкерсбурга; при таких условиях сильная кавалерийская дивизия, выдвинутая через Керменд в тыл противнику, могла бы обеспечивать наши сообщения, в особенности, если бы она была поддержана сильным отрядом из войск генерала Макдональда, выдвинутом в том же направлении. Генерал Макдональд должен выслать на разведку *сильный авангард* в Фюрстенфельд и оттуда на Керменд». Как видно, Наполеон считает, что кавалерия своими силами не может произвести разведки, и требует, чтобы она перед намеченным пунктом была подкреплена сильным авангардом, включающим и пехоту, и артиллерию. Семьдесят шесть германских эскадронов 1870 года, рассеянные по обширному фронту, и «имеющие в нескольких переходах за собой 5-ю пехотную дивизию» не могли обладать значительной силой проникновения, что же касается до 5-й пехотной дивизии, то она могла дать им опору, помочь им собраться, в случае отступления, но ее удаление мешало бы ей принять непосредственное участие в развязке.

Мог ли этот авангард, по крайней мере, оказать достаточно продолжительное сопротивление, чтобы выиграть время для сосредоточения?

«Он должен будет предшествовать армии на один переход». Следовательно, он даст на сосредоточение двадцать четыре часа, впрочем, это все, что Мольтке требует.

«Чтобы произвести сосредоточение ввиду предстоящего сражения, нам нужен один день, который армейский авангард должен обеспечить».

Он требует двадцать четыре часа, и, по-видимому, они у него будут, если неприятельский удар направится на 5-ю дивизию, но что успеет он сосредоточить за это время? Силы, находящиеся на расстоянии одного перехода, не больше. Каково будет их количество?

Возьмем, для примера из расписания проектированных маршей, двадцать третий и двадцать пятый день мобилизации; распределение сил будет следующее:

23-й день { 1-я армия — фронт Мерциг, Саарбург.
2-я армия — фронт Форбах, Сааргемюнде, Рорбах.
3-я армия — фронт Ингвейлер, Буксвиллер.

Общее протяжение фронта занимает больше 100 километров.

25-й день { 1-я армия — фронт Буллэ, Бузонвиль.
2-я армия — фронт Фокмон, Сент-Авольд, Моранж, Рорбах.
3-я армия — фронт Друлинген, Ла-Птит-Пьер, Сент-Авольд.

Общее протяжение фронта 80 километров.

Если авангард атакован на двадцать третий день мобилизации, то немедленно отдается приказ о сосредоточении. 2-я армия может, в течение двадцать четвертого дня, сосредоточиться в своих собственных пределах; точно также и 1-я, и 3-я армии в своих пределах смогут сосредоточиться.

Следовательно, если противник атакует на двадцать четвертый день, то он встретит 2-ю или 1-ю, или 3-ю армии, но всего лишь одну из них, то есть треть сил, так как армии слишком удалены друг от друга, чтобы принять участие в одном и том же бою. Таковы же будут результаты, если вместо того, чтобы самостоятельно сосредоточивать каждую армию, общее сосредоточение будет отнесено на какой-нибудь пункт фронта.

Больше того, если противник появится, минуя 5-ю пехотную дивизию, что не представляет для него затруднений ввиду ширины пространства, по которому он может подойти, то в распоряжении даже не окажется и двадцати четырех часов.

Мольтке продолжает: «Правда, 2-я армия на девятнадцатый день уже закончит сосредоточение на границе (близ Бильдштот, Сент-Энбер), но у нее еще не будет обозов. Помимо того, необходимо подтянуть 4-ю армию. Конечно, первые прибывающие части 4-й армии могут быть последовательно направлены на Цвейбрюкен, но чтобы подтянуть последние, надо не менее четырех суток. Таким образом, 4-я армия полностью станет на свое место позади 2-й армии лишь на двадцать четвертый день».

«По-видимому, невыгодно переходить границу раньше, чем мы будем в состоянии принять сражение в любой день».

«Ввиду особых обстоятельств необходимо, чтобы *движения всех корпусов и дивизий специально регулировались верховным командованием*».

Как видно, Мольтке предполагает командовать не армиями, а армейскими корпусами и дивизиями. Движением этих частей, даже еще до какого-либо воздействия неприятеля, будет руководить верховное командование. Трудно полнее признать, что подразделение по армиям несовершенно; оно с самого начала оказывается нежизненным.

«Сгруппировав 2-ю и 4-ю армии в три основные колонны, в два эшелона, будет возможно вести их до Мозеля, имея фронт и глубину движения в один переход. Таким образом, однодневного перехода будет достаточно, чтобы сосредоточить 150 тысяч человек к центру или даже на одно из крыльев первой линии».

«Все корпуса будут иметь при себе свои обозы: последние будут остановлены (чтобы расположиться вагенбургом вне дорог), лишь, когда авангард даст знать о близости противника».

«Длина переходов должна быть определена в две с половиной мили⁴⁰. Выступать придется ранним утром».

«IV и X корпуса образуют частные авангарды».

«Кавалерийские дивизии 2-й армии будут находиться впереди; на вытягивание пехотных дивизий потребуется около шести часов. Следовательно, 4-я армия, в общем, около полудня будет нагонять обозы 2-й армии, что, однако,

не помешает ей достигнуть своих бивуаков, хотя бы потребовалось продолжать марш и в после полуденное время».

«Ввиду политической обстановки является маловероятным, чтобы 1-я армия встретила сопротивление, передвигаясь, чтобы примкнуть к правому крылу 2-й армии.

Наоборот, очень возможно, что 3-ю армию придется сразу же подкрепить за счет 4-й армии. Удовлетворив эту потребность, оставшиеся части 4-й армии последуют за наступлением 1-й и 2-й».

«Если же французы, наоборот, сосредоточат все свои силы на нашем фронте, то 3-я армия присоединится к общему наступлению на Мозель. Во всяком случае, нам всегда придется иметь в виду, что мы можем оказаться перед необходимостью повернуть фронт на юг».

«Имея в виду общее или частичное сосредоточение наших сил, необходимо ежедневно учитывать имеющиеся поперечные сообщения».

Признав систему Мольтке несовершенной для парирования неприятельского наступления на случай обороны, постараемся установить, каковы ее достижения в наступлении. Допустим, что сосредоточение сил на линии Витлих, Нейнкирхен, Гомбург, Ландау закончилось без затруднений, что движение вперед началось, что противник не атакует 5-ю пехотную дивизию, и что кавалерия обнаруживает главные силы французов. Тогда намеченная Мольтке операция состоит в том, чтобы обрушиться на эти главные силы центром своей группировки — главной армией. Эта армия должна атаковать неприятельский фронт, чтобы вцепиться и связать его; тем временем разовьется обходное движение одной из фланговых армий, долженствующее дать решение, принципиально это будет правофланговая 3-я армия, специально для этого организованная.

Это, действительно, та мысль, которая вытекает из чтения инструкции от 6 мая 1870 года; когда наступит июль, то именно эту операцию и будут стремиться выполнить. Политическое положение значительно улучшилось; Южная Германия решительно присоединилась к Северной. Однако, число армий, находившихся в распоряжении прусского командования, не изменилось, они лишь усилились. План остался тем же.

«По-видимому, *основному плану* ставки его величества отвечало бы, если бы было занято выжидательное положение, и мы стремились бы удержать французскую армию (Лотарингскую) на Сааре, пока продвижение 3-й армии не позволит ей перейти к решительным действиям. В случае решительного столкновения на самой французской границе, 1-я и 2-я армии могли бы вступить в бой на фронте, а 3-я армия, быть может, вскоре оказалась бы в состоянии атаковать во фланг на верхней Сааре»⁴¹.

Разрешив свою задачу в Нижнем Эльзасе, 3-я армия, чтобы принять участие в действиях против главной неприятельской позиции на Сааре, должна была направляться с таким расчетом, чтобы 9 августа выйти на Саару выше Сааргемиونده.

В дальнейшем, факты нам выяснят слабую сторону намеченной комбинации, и тогда мы вернемся к изучению ее. Теперь же займемся достоинством системы, рассматриваемой самостоятельно, что является прямым долгом критика.

I. Сражение, которое проектируется на Сааре на 8-е и 9-е августа, может иметь место при следующих условиях:

- 1) если французы до того не перейдут в наступление;
- 2) если французы не отступят;
- 3) если французы не начнут маневрировать вправо или влево. Одним словом, комбинация может удасться лишь при условии, что противник, по существу, неподвижен, так как до этого дня наступление ничем его не связывает.

II. Кроме того:

1) если французы отступят, то маневр придется впустую. Придется организовывать новую операцию, кризис же народится и будет продолжаться в течение всего времени подготовки. Кроме того, результатом удара впустую явится такое сосредоточение и скопление армий, которое на несколько дней лишит их подвижности;

2) Если французы будут маневрировать вправо или влево от намеченного пункта, в особенности к востоку, то заранее намеченная операция создаст беспредельную путаницу, среди которой придется наметить и организовать новую операцию.

III. Решение достигается фланговой армией, в сражении на Сааре 3-й армией, приблизительно третьей частью сил; это, бесспорно, значительная масса, способная обеспечить тактический результат и победу дня, но в то же время неспособная обусловить такие огромные последствия, какие давали наполеоновские операции и сражения, в которых решение достигалось направлением главных сил.

IV. Примерно 9 августа, в течение операции на Сааре, соединение 1-й, 2-й и 3-й армий должно последовать на самом поле сражения (как в 1866 году соединение трех армий под Кениггрецем). Это соединение, следовательно, до последнего дня остается спорным и неверным, поставленным в зависимость от маневра противника; таким же неверным оказывается, в конечном итоге, и преследуемый тактический результат — решение.

Сопоставим с этим представлением Мольтке о наступлении *непосредственным маневром боевого организма* наполеоновскую концепцию — безразлично 1805-го, 1806-го или 1807 годов. Его боевой организм состоит из трех колонн, трех масс (1806 год), и имеет голову, собственный орган, в виде общего авангарда (в 1806 году он состоял из I корпуса и резервной кавалерии, под начальством зятя Наполеона, Мюрата). Маневр Наполеона заключается в том, чтобы разыскать противника этим авангардом, который имеет достаточную численность, и в случае необходимости может быть усилен. Затем, против неприятеля, уже связанного авангардом, будет направлен маневр и атака главных сил всей армии боевого организма, уже осведомленного и сосредоточенного целиком до начала боевых действий. Обойдя неприятеля главными силами, Наполеон сразу появляется на коммуникационной линии неприятеля и захватывает ее. Отсюда эти сражения с перевернутым фронтом, имеющие столь существенные последствия, характерные для наполеоновских войн.

Как видно, Наполеон ожидает *конечного успеха* от тактики, и успеха *значительного* (главные силы являются его маневренной частью). Но одновременно он много требует и от стратегии; в частности, он требует от нее указания направления, на котором эти значительные тактические результаты могут приобрести решительное сокрушающее значение.

В конечном счете, сопоставление полководцев, с точки зрения завязки сражения, дает следующее: Наполеон своими сосредоточенными главными силами обходит противника еще до сражения и лишь затем начинает атаку. Мольтке обходит противника *во время* самого сражения и только *частью* сил (в сражении на Сааре 3-й армией); при этом сосредоточение сил и средств происходит на самом *поле сражения* путем концентрического схождения колонн. Наполеон *более уверенно* следует к победе, *более обильной* результатами. Он их достигает благодаря своей стратегии, которая должна указать направление, открывающее путь к ним, и благодаря вождению войск, которое, пользуясь применением авангарда, позволяло достигать высших результатов в комбинации времени и пространства.

Зато операции Наполеона связаны с крупным риском: обходя, он рискует сам быть обойденным; перерезывая сообщения неприятеля — потерять собственные. Отсюда заботы великого деятеля за свою операционную линию. Ограничимся одним примером: в 1806 году Наполеон организует двойное базирование — на Дунай и на Рейн.

При современных армиях, которых оккупированная местность не в состоянии прокормить и которые могут жить только подвозом с тыла, значение маневра, направленного против неприятельских сообщений, существенно возросло. Если он приведет к успеху, то это означает гибель противника. С другой стороны, эти сообщения стали относительно короткими, и их легко прикрыть. Сверх того, при современных размерах армий и некоторых других новых обстоятельствах выход на неприятельские сообщения сопряжен с крупными затруднениями, равно как и подготовка, и проведение сражения с перевернутым фронтом.

Таким образом, исходным пунктом наполеоновского сражения, ведущего к большим результатам, бесспорно, является применение авангарда; достижения Наполеона вытекают также из того, что он, сосредоточивая с самого начала свои войска на фланге неприятеля (на правом в 1800-м и 1805 году, на левом в 1806 году), сразу захватывал коммуникационную линию; отсюда Ульм и Иена. Но в его распоряжении находились и помянутые значительные *пространства*, и он использовал их для этой цели. Надо вспомнить отправные точки маневра его армий и количество переходов, предшествовавших сосредоточению. Таких расстояний для маневра теперь не существует, и если не следить за сохранением их, то они и вовсе исчезнут. Железные дороги *немедленно* перебрасывают к общей *границе* человеческие массы противных сторон, в особенности, если к железным дорогам не предъявляют других требований, кроме полного использования для перевозки войск, по возможности, до ближайших к границе пунктов. Железные дороги бросают высаживаемые войска лбом против лба, *фронт к фронту*; развертывание получает линейный характер, и при желании возможно полного использования железных дорог, занимает все протяжение узкой общей границы (как, например, граница между Францией и Германией в 1870 году в Палатинате).

В наполеоновскую эпоху сосредоточение происходило походным порядком, следовательно, медленно. Главнокомандующий имел в своем распоряжении достаточно времени, чтобы разведать группировку неприятеля, и по мере того, как складывалась его оценка обстановки и намерения неприятеля, он имел возможность изменять направление марша и шаг за шагом продвигать свои колонны, с целью выиграть неприятельский фланг.

Теперь, для ускорения сосредоточения, имеется тенденция заранее во всех подробностях устанавливать перевозки; при таких условиях сосредоточение не может быть изменено. Заблаговременная разработка перевозок создает лишнюю *гибкости операции*, которая ведет к навязанному *сосредоточению*, *в заранее установленном направлении*, которое обычно приходится не против фланга, а против центра неприятельских сил⁴².

Сосредоточение происходит с максимальной скоростью и *одновременно* с сосредоточением противника. Оно уже заканчивается в тот момент, когда можно было бы рассчитывать получить точные данные относительно неприятеля, выяснить, где его фланг и так далее, но уже нет времени изменить сосредоточение и отнести его против установленного, наконец, фланга.

Таким образом, вследствие скорости, с которой происходит операция сосредоточения, тот из противников, который стремится взять в свои руки инициативу стратегического наступления, должен бесповоротно ее фиксировать заранее. При этом теряются следующие возможности: комбинировать стратегический маневр, сообразно с установленным в последнюю минуту положением неприятеля; выиграть неприятельский фланг или тыл; возможно лишь путем охвата частью сил организовать сражение, рассчитанное по-наполеоновски на достижение больших стратегических результатов.

Таковы соображения, обусловившие маневр Мольтке в 1870 году, а priori исключая наступление против неприятельской коммуникационной линии. О нем начнут размышлять только после Верта и Шпихерна, которые позволят провести операцию вокруг Меца.

Может быть, надо искать причину, почему Мольтке ограничился более прозаическим маневром сравнительно с артистическими гениальными операциями Наполеона, в том, что он заранее усматривал современные трудности их выполнения. Операция Мольтке легче может быть доведена до благоприятного исхода; надо ещешний раз подчеркнуть осторожность и мудрость теории, не посягающей на вечно истинный принцип применения силы — атаки фронта и решительной атаки, но в применении его руководствующейся мерой, которая в данном случае представляется отвечающей отношению сил, и характером, который надо дать ведению операции в этих условиях; безусловно, правильное распределение сил *по фронту*, и, несомненно, спорное *в отношении глубины* их эшелонирования.

Что же касается до операции, нацеленной против коммуникационной линии, то только будущее покажет, возможна ли еще она в условиях численности, пространства и времени на рубеже XIX и XX столетий. Запомним лишь, что артистическую и логическую сторону развития военного искусства надо искать в этом направлении.

Что же касается до распределения сил в отношении глубины, то мы уже ознакомились с взглядами Мольтке на авангард — крупный кавалерийский корпус, поддержанный сзади, на расстоянии нескольких переходов, пехотной дивизией; итак:

Орган разведки сомнительного достоинства. Орган сопротивления, недостаточно могущественный. Больше того, он не дает и этого органа, не сохраняет его в своем непосредственном распоряжении, а распределяет все наличные силы между тремя армиями. Что же получается? — каждая армия имеет собственную цель и посвящает на ее достижение *все* свои средства. Но в таком случае проектированный кавалерийский корпус не создастся, и задача, признанная, однако, необходимой для развития операции в целом, останется невыполненной. Из этого можно немедленно сделать следующий вывод: чтобы выполнение задач авангарда, необходимость которого признавалась даже Мольтке, являлось обеспеченным, авангард должен иметь организационную законченность, ставящую его в независимое от армии положение; авангард должен оставаться в распоряжении главнокомандующего.

Что касается Мольтке, который не имел в своем распоряжении такого органа, то легко можно предвидеть следующее:

1. *Разведывательных данных* у него не будет, или он будет осведомляться последним; отсутствие данных заставит его откладывать принятие решений или заставит решаться, основываясь на гипотезах; он будет действовать вслепую.

2. За отсутствием прикрытия, которое бы обеспечивало сосредоточение всех сил, он будет неожиданно сталкиваться с противником, не успевая собрать разбросанные для марша части своих армий.

Итак, для Мольтке организически совершенно недоступно основанное на знании обстановки *стратегическое управление*, и он поведет свои армии от неожиданности к неожиданности.

Что же выйдет? Ответ дадут нам его войска. Руководимые таким же способом, его армии, встретив противника, очевидно, атакуют его не потому, что им дан соответственный приказ атаковать, не потому, что у них нет приказа не атаковать (каким образом они могли бы получить таковые, когда неизвестно, где противник). Внезапно оказавшись в присутствии неприятеля, войска неизбежно должны принять какое-нибудь решение, и солдатские чувства будут диктовать им образ действий.

Пока верховное командование еще воздерживается от решения, войска уже подписывают обязательства. Пока оно, ввиду окружающего его тумана, уклоняется от действительного руководства, войска избирают определенную линию поведения; войска руководят стратегической операцией, руководство которой фактически переходит в другие руки. Каково это?

Не имея никаких оснований, совершенно не представляя себе цели, войска руководятся первым инстинктом, зовущим к деятельности, и атакуют. Стратегическая операция переходит на ускоренный темп; ее понесло, но, по крайней мере, продолжает ли операция свое бытие, как стратегический маневр? Это мы посмотрим.

Войска атакуют.

Они не знают, находятся ли перед ними главные неприятельские силы, или небольшая часть их, за отсутствием данных, без которых обходится главнокомандующий и без каковых, по его примеру, обходятся и командующие армиями — та же школа, та же среда; войска атакуют, не зная, по силам ли им противник.

Они не знают намерений верховного командования, которые, находясь в зависимости от недостаточных или запоздалых сведений, не могут принять определенных очертаний или уже не отвечают обстановке дня.

Ввиду положения в служебной иерархии авангардных начальников, последние вступают в бой, не зная общего положения своей армии (командирам бригад не сообщают по дням группировку всех сил в совокупности), следовательно, они не знают, предпринимают ли они рациональный или нерациональный шаг.

Как видно, войска ввязываются в бой в полном неведении:

1. Неприятельского положения.
2. Положения их собственной армии. Из этого вытекает вся необоснованность решения, предпринимаемого по их инициативе;
 - а) с тактической точки зрения: большая опасность — направить удар на весьма превосходные силы противника.
 - б) со стратегической точки зрения: сражение завязывается там, где оно не являлось желательным верховному командованию, когда оно его не хотело (подготовка сражения еще не закончена), и иначе, чем оно его хотело.

Непредвиденное, импровизированное и не поддающееся руководству сражение — таковы, скажем мы, неперемненные последствия подобного вождения. При наличии деятельного противника исход был бы роковым. В итоге, стратегия дурно завязывает бой, и верным следствием был бы разгром, если бы превосходство в тактике не выдвигало на поддержку стратегии свои аргументы, которым всегда принадлежит решающее значение⁴³.

Впоследствии факты в изобилии подтверждают обоснованность этой критики. Если мы излагаем эти выводы прежде фактов, то это потому, что их можно предвидеть заранее. Когда мы строим систему, то мы заранее должны оценить что она может дать. Известные последствия, вытекающие из самой организации, являются роковыми и определенными. Что посеешь, то и пожнешь; грушевое дерево дает только груши; будут ли условия для него благоприятны или нет, яблок оно никогда не даст.

Таким образом, теперь же запомним и установим превосходство наполеоновской комбинации, в которой авангард не только дает возможность достигнуть атакой крупных результатов, о чем говорилось выше, но также делает достижение их обеспеченным; авангард позволяет атаковать там, где хотят, как и когда хотят, с полным пониманием положения; авангард организован так, чтобы видеть, атаковать, выдерживать, отступить, маневрировать и так далее.

Вспомним 1806 год.

Если мы сделаем попытку перейти от маневра, проектированного и частично осуществленного Мольтке в 1870 году, к операциям, на которых останавли-

ваются мысль немецких писателей в 1900 году, то концепция их нам покажется той же.

Йорк-фон-Вартенбург останавливается на трудности выполнения наполеоновского маневра в современных условиях. Фон-дер-Гольц признает, что верховное командование не в силах удержать в своих руках действительное управление; он великолепно усматривает, что в действительности управление переходит в руки начальников тактических авангардов.

«Когда находящиеся в движении массы вынуждены совершать марш на широком фронте, то шансы внезапно натолкнуться в том или другом пункте на противника увеличиваются. Тогда соседние колонны спешат устремиться на выстрелы. Решительный бой завязывается на местности, на которой наш выбор не останавливался, и в момент, когда его не ожидали. Таким образом, именно по отношению *главнейшего акта* войны, боя и сражения, высшее командование меньше всею является хозяином положения и оказывается в наибольшей степени подчиненным чужой воле и капризам случая. Ему почти нормально придется считаться с «совершившимся фактом» и в тот момент, когда до него дойдет первое донесение о столкновении, оно уже будет иметь дело с основательно разгоревшимся боем».

«Столь слабое влияние главнокомандующего на завязку решительных эпизодов войны, на тактические кризисы, является одной из главных трудностей, характеризующих современную войну. Часто оказывается, взята линия поведения, идущая наперекор самым искусным планам главнокомандующего, и *самые точные его расчеты являются опрокинутыми*».

«Нам возражат, что его воля должна быть всем известна и всеми уважаться. Но на войне невозможно все предвидеть. Чтобы действовать, каждый должен руководствоваться *преходящим лучом света*, который в известный момент частично рассеивает мрак».

При наличии такого бессилия командования управлять, признаваемого германской организацией, оно оказывается вынужденным предоставлять принятие решения частным начальникам, которые силою вещей оказываются неосведомленными. Разве не предпочтительнее наполеоновская организация, которая гарантирует верховному командованию возможность продолжать командовать, дабы ничто не делалось наперекор его планам и не опрокидывало его расчеты, и которая *представляет обеспечение* от неприятельских предприятий и увлечений своих войск; она до желательного момента *удерживает* войска от притягательной силы сражения и дает *длительность* мимолетному лучу света, вследствие непрерывности работы *обеспечивающего* органа, находящегося в руках главнокомандующего, и, таким образом, позволяет ему действительно руководить ведущей к сражению операцией.

Полковник Бернгарди, оставаясь на почве концепции Мольтке, стремится еще обострить ее путем большего развития подготовки, с целью придать исполнению молниеносный характер. Он пишет:

«Подготовка мирного времени должна сделать шаг вперед, сравнительно с современным ее состоянием».

«По окончании сосредоточения наступательный маневр должен проявиться внезапно, как молния из-за туч; он должен иметь характер естественной необходимости, присущей логическому выводу. Чтобы такое наступление оказалось возможным, надо подготовить и изучить его самым тщательным образом и расписание переходов установить во всех подробностях».

«Вся эта подготовка в течение будущей войны скажется полностью и придаст ей особый характер. Общий план *не должен ограничиваться подготовкой сосредоточения, имеющего в виду различные операции*, которые возможно предвидеть и выполнить, но которое откладывает решение (выбор предстоящей операции) относительно подлежащих реальному осуществлению действий до того момента, когда сосредоточение будет закончено, и все, что возможно, будет известно о противнике. Такой образ действий был еще возможен в 1870 году. Теперь же основанием для сосредоточения уже должно являться определенное решение действовать, и эта воля к действию должна быть доведена до таких пределов (подготовкой, дающей возможность выиграть время), что противник, несмотря на то, какие бы планы он не составлял, был бы безусловно подчинен закону, предписываемому нашей инициативой».

Следовательно, будущее германское сосредоточение не является сбором войск для преследования в дальнейшем одного из нескольких вариантов: оно имеет в виду операцию, намеченную а priori, выполнение которой фиксировано заранее (направления и средства), которой к тому же предшествует обширная подготовка, дающая выигрыш времени у противника и в итоге сотканная из *воли и решимости* — условия, гарантирующие инициативу и возможность сразу поставить неприятеля в подчиненное положение. Это постоянное усилие, направленное на то, чтобы в *кратчайший срок захватить руководящее положение в борьбе*. Но как бы эти черты не были развиты, нам представляется, что для того, чтобы операция привела к известным военным достижениям, к сокрушению противника, надо, чтобы удар был нанесен, и нанесен верно. А для этого операция должна вестись не наугад, а в светлую, чтобы эта операция, подготовленная с определенной идеей, установленной а priori, оказалась подготовлена с верной идеей, то есть в направлении, где она окажет надлежащее действие и приведет к успешному сражению с важными последствиями. Без такого конца быстрота и инициатива не представляют ценности, следовательно, идея и направление операции, установленные заранее, должны иметь в основании стоящие соображения. В 1870 году подобные возможности не открывались перед немцами и их вождем Мольтке. Чтобы атаковать французские армии, немцы должны были сосредоточиваться, имея в виду несколько вариантов, так как до объявления войны французы не имели определенного плана сосредоточения, и Мольтке не мог знать, каков он будет, чтобы выяснить французское сосредоточение, Мольтке должен был обождать, пока оно закончится.

Иначе обстоит вопрос для германского генерального штаба в 1900 году. Великие европейские державы имеют планы сосредоточения, которые предстоит осуществить с началом войны. Отчасти эти планы начертаны местностью, сетью железных дорог и высадочными платформами; они также начертаны в различных документах, трактующих их шире или уже, в различных исполнительных мероприятиях, заблаговременно установленных. Эти данные, более

или менее известные, дают возможность полностью или частично восстановить установленный противником план сосредоточения.

«*Сохранить в тайне* подготовительные к войне мероприятия в их *совокупности является невозможным*; они проводятся в жизнь так, что все их видят и знают. Каждый может отдать себе отчет в силах, которые будут двинуты на войну, и если некоторые частности останутся в тайне, то это ничего не изменяет в представлении о целом, которое можно себе составить». (Полковник Бернгарди).

Таким образом, полковник Бернгарди считает, что в мере возможности быстро проведенная операция окажется обеспеченной во времени, а также придется правильно и в отношении *пространства*, так как она организована с здравым смыслом и базируется на данных о неприятельском сосредоточении, то есть на реальные величины, которые позволяют быстрой операции быть также и верной.

Подобная комбинация является применением в стратегии идеи Фридриха Великого, осуществленной им косым боевым порядком в тактике: заранее твердо разработанная в своих приемах атака дает выигрыш во времени над мероприятиями неприятеля — концепция к которой, как мы видим, всегда возвращается прусское мышление. Тем не менее, как она провалилась в тактике, также она проваливается и в стратегии перед наполеоновской концепцией, перед армией, маневрирующей в стратегии, как в тактике, чтобы создать в обоих случаях внезапность; последнюю, при современных условиях, прежде всего, может дать нефиксированное до последнего момента сосредоточение; такое сосредоточение невозможно знать и взять заранее на мушку; при современном развитии материальных средств, в особенности железных дорог, являющихся душой работы по сосредоточению, такое отсутствие заблаговременной фиксации является возможным. Этот новый шаг вперед вновь возрождает являвшуюся недоступной за последнее время эластичность.

Сосредоточение 1870 года, сравнительно с сосредоточением Наполеона, являлось отчасти обусловленным по форме и зафиксированным в пространстве необходимым для экономии времени обязательством *полностью использовать все железные дороги*, пригодные для перевозки войск к границе. Эти железные дороги не были ни слишком многочисленны, ни слишком провозоспособны; их использование являлось еще делом новым.

Ныне дело обстоит иначе.

Военные требования вызвали постройку чисто стратегических железнодорожных линий.

Требования торговли и промышленности увеличили число и мощность чисто коммерческих железнодорожных линий.

Все уголки государства стремятся иметь железные дороги. Многие из них имеют двойную колею.

Использование железных дорог для военных операций (например, на больших маневрах) превратилось в обычное явление. Связь между эксплуатирующими органами (акционерными обществами) и генеральными штабами, между железнодорожным персоналом и армией стала действительной и близкой.

Вывод:

1) Нет больше необходимости *полностью* использовать все железнодорожные линии, ведущие к границе; имеется избыток, или, по крайней мере, изо-

билие железнодорожных линий, излишняя провозоспособность; является возможность комбинировать использование железных дорог и составить *несколько* комбинаций.

2) Обучение персонала позволяет лишь в *последний* момент остановиться на одной из комбинаций, которая устанавливает распределение сил в пространстве.

Следовательно, в отличие от того, что было в 1870 году, вновь возрождается возможность сосредоточения, решенного в последний момент и создающего *ipso facto* (тем самым. — *Примеч. пер.*) внезапность в стиле Наполеона, в особенности, если к этому гибкому использованию железных дорог еще добавить сочетание походных движений.

Эта гибкость позволяет при наступлении переместить предусмотренное противником сосредоточение, передвинуть центр тяжести сил, уклонив группировку вправо или влево и организовать систему внезапных ударов, при условии, чтобы она вместе с несколькими другими была изучена и подготовлена в мирное время, но остановились бы на ней уже только во время самой войны.

При обороне она также дает возможность в последний момент организовать контрудар значительными силами, в размере целой армии.

В итоге, в том и другом случае так понимаемое сосредоточение готовит противнику, который встречает не ту группировку, которую он ожидал, *стратегическую внезапность*. Оно позволяет в самое короткое время ответить на операцию, которую противник во что бы то ни стало проводит, и парировать его наконец развернувшуюся решительную атаку контратакой не меньшего масштаба, которая создаст, чтобы поставить последнюю точку в сражении, добрую внезапность⁴⁴.

Так в XX веке превосходная концепция Наполеона, сначала внезапность в *пространстве*, а затем во *времени*, открывает возможность восторжествовать над концепцией Бернгарди, который использует только одну категорию внезапности, время, быстроту выполнения, достигаемую путем более тщательной подготовки, и оставляет без внимания прочие элементы, образующие операцию.

Чтобы оттолкнуться от подобных идей, многие охотно сослались бы на хрупкость и негибкость железных дорог и на необходимую для них планомерность; эта задача будущего — установить предел возможности их использования. Находясь в верных руках, до сих пор они давали все, что от них требовали. Разве германское сосредоточение 1870 года не оставило далеко позади себя предвидения, которые Жомини формулировал в 1866 году?

Во всяком случае, борьба невозможна между двумя стратегиями, из которых:

1. Одна высаживает армии по заранее предусмотренному и более или менее известному плану, и затем направляет их прямо вперед.

2. Другая, которая высаживает войска в соответствии с решением, принятым в последний момент, и только тогда определяет направление перевозок, лишь в этот момент группируя маневренную армию, предназначенную:

— или для решительного наступления;

— или для контратаки.

Примечания

- ¹ Перевод «Плана войны» выполнен для настоящего сборника с третьего издания: General F. Foch. «De la conduite de la guerre. La manœuvre pour la bataille» Paris. 1915 г., стр. 494. Отсутствие перевода этого классического труда на русский язык объясняется, как мы уже указывали, преобладанием в нем военно-исторического содержания. Значение этого труда нам рисуется несравненно крупнее «Принципов войны» того же автора, второе издание которого, в значительно исправленном переводе, подготавливается к печати В.В.Р.С.
- ² Говорят, что сам Фох в январе 1915 года обратился к офицерам своего штаба с просьбой забыть все, чему он учил и чему у него учились.
- ³ Мировая война показала, что считать надо. (*Примеч. ред.*)
- ⁴ Это замечание Наполеона по поводу труда Ронья содержится в приводимом нами отрывке из трудов Наполеона. (*Примеч. ред.*)
- ⁵ Серьезные современные историки держатся другого взгляда и не склонны придавать провокации Бисмарка решающее значение. Бисмарк лишь дал крупный козырь французской партии войны. Причины войны 1870 года заключались в условиях внутренней политики Франции, которые привели крайние бонапартистские элементы, во главе с императрицей Евгенией, к убеждению, что династические интересы требуют успешной войны с Пруссией, и которые отбросили проект французского министерства иностранных дел — ответить на «Эмскую депешу» предложением созыва международного конгресса для принципиального урегулирования вопросов о порядке занятия членами царствующих династий новых престолов. Французский академик Вельшингер, после обстоятельного изучения вопроса, пришел к выводу, что вина за войну 1870 года ложится на французское правительство. M. Welschinger, de l'Institut: La Guerre de 1870. Causes et responsabilites. T. I, Plon 1910 г. (*Примеч. ред.*)
- ⁶ Тот же Клаузевиц писал по поводу вторжения во Францию в 1814 году:
«Целью стратегического наступления не могло служить завоевание Франции, так как страна таких размеров и с таким многочисленным населением, исполненным воинственного духа, вообще не может быть покорена. Кроме того, для такого завоевания моральные и физические силы союзных армий были совершенно недостаточны».
«Вообще, овладеть большим государством возможно лишь, разложив его политически. Этот принцип, в особенности, применим к Франции. Всякая столица государства всегда является центром политических группировок, а Париж больше всякой другой».
«Следовательно, целью стратегического наступления должно быть полное сокрушение неприятельской армии и захват столицы. Достигнуть одного из этих результатов недостаточно, необходимо достигнуть обоих. Допустим, что французские потери под Лейпцигом вынудили Бонапарта уйти за Париж, и, тем не менее, эта победа не давала основания рассчитывать на взятие Парижа и на революционное движение, которое бы явилось его следствием. Скорее представляется, что человек, подобный Бонапарту, нашел бы средства возро-

дить во Франции новую и притом значительную военную мощь. Прежде чем рассчитывать на внутреннее разложение Франции, долженствовавшее открыть пропасть, которая поглотит могущество Бонапарта, надо было уничтожить точки опоры его политического существования».

«Таким образом, целью стратегического наступления являлось сначала уничтожение военных сил, вновь собравшихся во Франции для образования главного ядра, а затем захват Парижа.

Следовательно, надо было стремиться соединенными силами искать главные силы неприятеля, чтобы вызвать их на новое решительное сражение».

«Затем, разбив французскую армию, надо было соединенными силами или частью их направиться на Париж».

«В интересующем нас случае цель наступления в достаточной мере указывается самим объектом наступления: французская армия и Париж».

7 В русских трудах — неверная транскрипция — Лаон.

8 Испанские союзы и комитеты. (*Примеч. пер.*)

9 В связи с развитием сепаратистского движения в Баварии, это исконное операционное направление через Майнц в Тюрингию приобретает ныне особенное значение. (*Примеч. ред.*)

10 Фош заблаговременно указывает контуры условий перемирия с Германией, заключенного в ноябре 1918 года, и Версальского мира. (*Примеч. ред.*)

11 Ошибка Гамбетты заключалась в том, что правительство действовало как правительство национальной обороны, а не республиканской обороны, что он пытался организовать национальную войну, а не революционную войну. Слишком поздно Гамбетта понял, что исключал революционные и классовые мотивы, и, стремясь опереться исключительно на патриотизм в чистом виде, он противопоставлял германской организованности «подмоченный порох». В этом отличие работы Гамбетты в 1870 году от Робеспьера в 1793 году и Троцкого в 1918-1919 годы и причина его конечного поражения. (*Примеч. ред.*)

12 Старое французское наименование района на реке Луаре, к северо-востоку от Орлеана. (*Примеч. пер.*)

13 Сомнительно. Революционные войска — всегда молодые. Несомненно, нужна революционная энергия, чтобы вести их вперед. Фош здесь становится на узко профессиональную точку зрения. Генералы и в 1793 году, и в 1870 году равно требовали времени, чтобы оттянуть наступление. Вопрос очень сложный, на котором мы остановимся в другом труде. (*Примеч. ред.*)

14 Нам представляется, что рекомендуемый Фошом образ действий не тактика, а стратегия, и что едва ли те общие линии ведения войны Гамбеттой, которые диктовала ему политика, отвечали идеям Фоша. Для отступления до Пиренеев и для принесения в жертву Парижа французский диктатор нуждался в крупных предпосылках. (*Примеч. ред.*)

15 Мы бы сказали: как государственный человек, как политик, Гамбетта лишь к концу своей диктатуры сумел отбросить веру в революционную и патриотическую фразу, оковы демократического сентиментализма. Не отсутствие

профессионально-военных знаний, а молодость его, как политика, сделали французского трибуна несостоятельным для успешного проведения войны. Военно-историческая комиссия французского генерального штаба в своей левой, республиканской фракции разделяет нашу точку зрения, а не Фоша. Укажем на труд V. Dupuis *La Direction de la Guerre*. Paris, 1912.

- 16 Эти рассуждения Фоша, конечно, имели в виду французское правительство в Париже и обусловили выезд французского правительства из Парижа в 1914 году, за несколько дней до Марны. В основе этого решения лежит мужественное решение продолжать войну и в случае потери столицы. Вопрос только в том, достаточно ли Фош учитывал политическое значение Парижа. Но, ставши на путь этих рассуждений, Фош затронул очень существенный вопрос о важных для продолжения войны экономических центрах, которые приобретают особенное значение при затяжной войне, имеющей характер борьбы, направленной против всего народа и условий его существования. Эти строки Фоша получают особенно важное значение для настоящего времени. (*Примеч. ред.*)
- 17 Вот абзац, под которым не подписался бы Клаузевиц. От «простого понимания» до «верного понимания» еще далеко. Что выгодно одной стороне, то почти никогда не бывает выгодно другой. (*Примеч. ред.*)
- 18 Чрезвычайно характерными являются слова, которыми называется операция по занятию армиями исходного положения на границе. Наполеоновский сбор армии (*reunion*), недалеко от него ушедшее современное французское «сосредоточение армий» (*concentration*) и имеющее совершенно другой привкус мольтковское «стратегическое развертывание» (*strategischer Aufmarsh*). Вся разница между наполеоновским и мольтковским пониманием военного искусства отражается в наименовании одной и той же операции столь различными терминами, как сосредоточие, сбор, концентрация с одной стороны, и развертывание — с другой. Это различие понимания стратегии освещено в ч. III. Ист. воен. искусства А. Свечина. Фош занимает определенно наполеоновскую точку зрения; мы не поймем, как французы в 1914 году могли так ошибочно развернуть свои армии, если не вдумаемся в теорию Фоша, лежавшую в основе французского плана. (*Примеч. ред.*)
- 19 Часть Нижней Нормандии, побережье Ла-Манша. (*Примеч. пер.*)
- 20 Борьба с местными интересами за центральную идею войны — это боевой конь стратегии. Как известно, план Шлиффена был испорчен его приемником, Мольтке-младшим, который принимал к сердцу интересы Лотарингии и Восточной Пруссии и ослабил в их пользу ударное правое крыло немцев. Силезия защищалась немцами не непосредственно, а сосредоточением сил против правого русского крыла (Лодзинская операция). Однако, сосредоточение на центральных позициях, которое отстаивает Фош, далеко не является панацеей: противнику открываются широкие перспективы для охвата занимающего фланговую позицию неприятеля и поворот больших масс с центральной позиции крайне хлопотлив. Попытка французов отнестись в 1914 году к возможности движения немцев через Бельгию так же, как Мольтке относился к возможности форсирования верхнего Рейна французами в 1870 году, едва не привела к катастрофе. Фош упустил из виду, что

метод прикрытия угрожаемых направлений занятием фланговых позиций хорош только при перевесе сил, иначе создается Дрисская мышеловка 1812 года. В том случае, если война складывается затяжная, на измор, местные интересы должны расцениваться под совершенно другим углом. Ни немцы, ни французы в августе 1914 года не оценили огромное значение, которое владение Котантеном (берегом Ла-Манша) будет иметь на результат войны. (Примеч. ред.).

- ²¹ *Предусматривать наступление через Бельгию едва ли стоит (ce n'est pas a grevoir). Удивительное дело — пророчество Фоша было высказано как раз в момент, когда прусский большой генеральный штаб переходил от программы малого нарушения нейтралитета Бельгии к большому плану Шлиффена. Удивительно ослепление французской стратегии и мысли Фоша Наполеоновскими реминисценциями. Проводимая Фошем ссылка на сосредоточение высадочных платформ исключительно в Эльзас-Лотарингии была уже неверна в момент, когда писался этот труд; никакое дальнейшее напряжение строительства всякого оборудования против бельгийской границы не могло заставить французов стать на почву реальности. (Примеч. ред.).*
- ²² *Напомним их: вступление в решительное сражение, в ныне наиболее выгодных условиях. Французы, положительно, в стратегической кунсткамере, не заметили шлиффеновского слона. Отметим большой плюс Фоша — взвешивая соображения за и против нарушения нейтралитета Бельгии, он не упоминает соображений правового порядка, которые в глазах французского, как и немецкого генерала, положительно значения не имели; в курсе стратегии они слишком отзывались бы лицемерием и могут рассматриваться лишь как материал для агитации и пропаганды. (Примеч. ред.).*
- ²³ *Глубина германского сосредоточения в 1870 году для Мольтке являлась вынужденной, так как немцы не владели обоими берегами верхнего Рейна и поневоле должны были скучиться впереди имеющихся переправ; Мольтке смотрел на него, как на переходную форму, и надеялся более широко и менее глубоко развернуть армии на Сааре. Фош же является, как и вся французская школа, апологетом «гносной крайности сосредоточения». В августе 1914 года глубина французского сосредоточения не спасла от сумятицы при перестроении войск против вторгнувшихся через Бельгию немецких армий. Излагаемые Фошем принципы стратегического развертывания явно ответственные за проигрыш французами большого пограничного сражения. (Примеч. ред.).*
- ²⁴ *Эта возможность в 1914 году открылась перед французскими армиями на Марне; свобода маневра, которую приобрели французы, обязана своим происхождением отнюдь не скученному начальному развертыванию французских армий и принесению в жертву всех интересов северной Франции, а широкому наступательному движению от бельгийской границы, обеспечившему время и пространство, необходимое для маневра. (Примеч. ред.).*
- ²⁵ *Однако, в случае нарушения немцами нейтралитета Бельгии, французские армии, сосредоточенные на этой оси, оказываются обращенными тылом не к Парижу, а к швейцарской границе, на что и рассчитывал Шлиффен. (Примеч. ред.).*

- ²⁶ И даже очень богатые средства: пограничные с Лотарингией и Бельгией провинции Франции представляют подавляющую массу ресурсов Франции в угле и железной руде. Однако, экономическим соображениям труд Фоша, имеющий в виду самую короткую войну, почти вовсе не отводит места... (Примеч. ред.).
- ²⁷ В 1914 году, если не иметь в виду слабую 1-ю армию в Эльзасе, то французский план стратегического развертывания также состоял в гармонической группировке четырех армий — трех на фронте и одной в резерве, причем эти армии были соразмерно обременены большим количеством корпусов и резервных дивизий. Вся «гармония» сразу, конечно, утратилась, когда корпуса и дивизии начали перебрасываться из одной армии в другую, и явилась необходимость формировать две новых армии. Шаблон Фоша оказал явное давление на составителей французского плана. (Примеч. ред.).
- ²⁸ Такова же была схема использования в 1914 году 4-й (резервной) французской армии, которая заменила 5-ю левофланговую, когда движение немцев через Бельгию вынудило двинуть последнюю к Намюру. Маневры Жоффра в середине августа 1914 года были бы совершенно непонятны по своей неуклюжести, если бы не объяснялись простым применением толкования Мольтке в теории Фоша. (Примеч. ред.).
- ²⁹ Вместо ссылки на авторитет великих полководцев, в данном случае было бы более рационально обратить внимание на изменившиеся условия сообщений и связи, а также продолжительности боевых столкновений. Мировая война произвела полный переворот во взглядах на стратегический резерв, а сам Фош в 1918 году чувствовал себя спокойно, только располагая 30-40 дивизиями в своем стратегическом резерве. Требовалось иметь в резерве уже не армию, а целую группу армий. (Примеч. ред.).
- ³⁰ Разбитая 27-30 августа 1914 года под Красником 4-я армия при помощи подошедших подкреплений (9-я армия), не выходя из боя, нашла силы уже 2 сентября перейти в наступление и 8 сентября нанесла под Тарнавкой решительный удар. В эпоху Клаузевица, при несравненно более коротком сроке решения боевого столкновения и отсутствии железных дорог для переброски подкреплений, это было бы невозможно. (Примеч. ред.).
- ³¹ Фрешвиллером французы называют сражение, именуемое нами Вертом; Садовая — это сражение при Кенигреце в 1866 году. (Примеч. пер.).
- ³² Такое резкое противопоставление стратегии и тактики, якобы руководимых противоположным законом, совершенно не в духе современного мышления. Мы говорим «оперативный», подразумевая под этим обширную область, в которой понятия «стратегический» и «тактический» настолько тесно слиты, что трудно провести грань между ними — Фош держится терминологии Клаузевица; однако, для Клаузевица все протяжении сражения во времени и пространстве является, с точки зрения стратегии, только одним мгновением, только одной точкой. Рассуждения Фоша поэтому не вызывают противоречия, если считать все наступление Людендорфа в 1918 году, с 21 марта по 18 июля, одним стратегическим мгновением, а весь

фронт от Ипра до Шампани одной стратегической точкой. Тогда, пожалуй, теория о вреде такого стратегического резерва, который не успели использовать в это решительное «мгновение» (5 месяцев) и в этой точке (около 300 километров) — верно. (*Примеч. ред.*).

³³ Интересная точка зрения, характерная для всеобъемлющего толкования французами понятия «авангард». (*Примеч. ред.*).

³⁴ Фош имеет в виду передвижные башенные установки Шумана для 57-миллиметровых пушек; эти тяжелые и неуклюжие башни вскоре были забракованы для полевой войны. Пулеметы вполне заменили ближний огонь, преимущественно картечью, этих скорострельных пушек. (*Примеч. ред.*).

³⁵ Автор имеет в виду указать на то, что развертывающиеся друг против друга германская и французская массы отделяются только расстоянием в три перехода. (*Примеч. ред.*).

³⁶ Едва ли можно с этим согласиться. Учение о стратегическом авангарде — характерная черта французской доктрины на рубеже XIX и XX века. Отказ от распыления усилий, от ввода войск в бой капля за каплей, от постановки отдельных корпусов под угрозу поражения — эти достижения Мольтке Фош не может оценить, так как он, как и другие французские военные писатели, преклоняется перед более тонким военным искусством Наполеона. Но Тюренн фехтовал еще утонченнее, однако его придворную шпагу едва ли кто-нибудь будет ценить выше меча, которым рубил Наполеон. Фош соглашается, что искусство Мольтке отвечало воспитанным в грубой тактике германским войсковым массам 1870 года, наполненным резервистами, которым трудно оценить хитрости ретроградных движений, и тем подрывает основы своей атаки на Мольтке. (*Примеч. ред.*).

³⁷ Исходя из этих соображений, к которым примкнул Фош, французы провели в августе 1914 года два неудачные вторжения в Эльзас: первое закончилось поражением у Мюльгаузена, второе — отозванием войск, необходимых на важнейших участках фронта. Набеги русской и австрийской конницы в начале войны, произведенные также под известным давлением этих мыслей Верди-дю-Вернуа, привели к отрицательным результатам. Немцы ограничились нечаянным нападением на Льеж, по существу отбитым, и давшим успех только потому, что бельгийцы колебались, следует ли им воевать, а в рядах немцев оказался Людендорф. В общем, опыт мировой войны против пограничной войны в период мобилизации и сосредоточения. Что касается до парламентских речей Верди, как военного министра, то необходимость охраны границ являлась исключительно благовидным предлогом для предъявления требования об увеличении армии новыми дивизиями. Сначала в I корпусе Верди требует формирования третьей дивизии, доказывает, что дивизия другого корпуса помочь не может; на замечание возражающих против увеличения армии социалистов, указывающих на неудобство управления трехдивизионным корпусом, Верди успокоительно отмечает, что закончив свою задачу по прикрытию сосредоточения, дивизия будет выделена из корпуса. А преемник Верди с таким же апломбом будет доказывать, что прикрывать границу трехдивизионным корпусом нельзя, а надо прибавить еще одну дивизию, что позволит сфор-

мировать новый корпус и разделить между ним и корпусом I задачу прикрытия Восточной Пруссии. Едва ли Фошу следовало такой аргументации уделять столько внимания. *(Примеч. ред.)*.

- ³⁸ 110 километров. *(Примеч. ред.)*.
- ³⁹ 10-я кавалерийская дивизия в действительности не была сформирована в течение кампании 1870-1871 годов.
- ⁴⁰ 18 1/2 километров. *(Примеч. пер.)*.
- ⁴¹ Франко-германская война, труд прусского генерального штаба.
- ⁴² Эти соображения для настоящего времени неверны. Уже в 1870 году Мольтке мог маневрировать станциями высадки, отодвигая выгрузку к Рейну или продвигая ее к границе. К моменту же мировой войны германское управление железными дорогами было доведено до высокой степени гибкости, и любые технически возможные изменения направлений движущихся эшелонов с войсками были возможны в каждую минуту, без всякого смятения. Правда, что Австрия начала войну 1914 года с жесткими планами перевозок и не смогла изменить направление перевозок, данных на Сербию, в Галицию, когда Россия объявила войну. В России была полужесткая система, с вариантами, заблаговременно разработанными. *(Примеч. ред.)*.
- ⁴³ Из тех фактов, которые натолкнули немцев на теорию встречного боя, Фош делает вывод, жестоко осуждающий всякие встречные действия, и стремится сохранить, вопреки эволюции военного искусства, наполеоновское централизованное руководство сражением. Авангард является основной панацеей. Это осуждение встречного боя — основное учение французской доктрины. *(Примеч. ред.)*.
- ⁴⁴ Мы не можем разделить мнения, что «стратегическая внезапность» на Марне опрокинула план Шлиффена и представляет торжество доктрины Фоша. Но мы относим целиком на счет последней проигрыш французами пограничного сражения. *(Примеч. ред.)*.

РАЗДЕЛЕНИЕ ПОЛКОВОДЧЕСКОГО ТРУДА У ШЛИФФЕНА

Вопрос об организации верховного руководства войной представляется очень важным для стратегии, и, начиная с Ллойда, все классики посвящали особую главу своих трудов обрисовке требований, предъявляемых ими к полководцу. Теоретический подход к выяснению этого вопроса давал лишь жалкие результаты. «Единоначалие», «полная мощь избранному полководцу» — дальше вариаций на эту тему умозрительный подход не вел. Чтобы сказать здесь новое слово, нужна была вся независимость от умозрений своих современников, которой обладал начальник прусского генерального штаба, граф Шлиффен, находившийся с 1906 года в отставке. «Презирай только разум и науку», цитировал однажды Шлиффен своему сотруднику отрывок из «Фауста» Гете. Это шлиффеновское презрение к дерзновениям разума надо понимать как выдвигание на первый план опыта, фактов военной истории, в хвосте за которыми, бесконечно отставая, ковьялет наше теоризирующее сознание. «Перед каждым, намеревающимся сделаться полководцем, лежит великая книга, озаглавленная «Военная история». Чтение ее, надо сознаться, не всегда занимательно. Приходится преодолевать массу безвкусного материала. Но за ним открывается действительность, заставляющая подчас сердце биться сильнее; глубины же истории дают познание, как все было, как все могло бы быть, и как все повторится в будущем».

Шлиффен подходит к полководческой проблеме, как верный ученик Клаузевица, усматривающий в войне продолжение политики. Искусство ведения войны для Шлиффена не только задача стратега, но и задача политика. В верховном управлении нужно добиться сочетания политики и стратегии. В давно прошедшие времена это удавалось при объединении в одном лице функций политического и военного вождя государства. В новой истории, даже при монархическом устройстве, такие случаи являются исключениями. Появился очень опасный разрыв между политикой и стратегией, народилась какая-то «чисто военная точка зрения», противопоставляемая политической, несмотря на то, что сама возможность ее существования оспаривается Клаузевицем: «существует бессмысленный обычай — призывать, при обсуждении военных замыслов, военных, чтобы они высказались с чисто военной точки зрения, что следует делать правительству; но еще бессмысленнее предложение теоретиков — передавать все имеющиеся средства полководцу, который составит чисто военный план для войны или кампании».

Генералы, командовавшие армиями в XVIII веке, были лишены какой-либо политической компетенции; поэтому они являлись не полноправными распорядителями на театре войны, а узкими специалистами, вынужденными спрашивать на все важнейшие вопросы указания из столицы. Это было еще терпимо в период, когда войны представляли борьбу двух правительств, в которых не принимали участие широкие народные массы, и это является недопустимым в XIX и XX веках. Здесь нужны другие решения.

Французское решение в начале мировой войны¹ склонилось в пользу военной диктатуры. В ближайшие месяцы после Марны Жоффр правил, по существу, не только армией, но всей страной; он далеко вышел за пределы

Альфред фон Шлиффен

полномочий главнокомандующего, и в порядке своих приказов отменял, изменял, дополнял имевшие силу законы республики; кабинет министров безмолвно подчинялся его диктатуре. Нельзя сказать, чтобы это решение было особенно удачным, и позволило бы скорее найти правильные линии руководства войной. Клаузевиц, разбирая три возможные комбинации между политической точкой зрения и условно допускаемой им «военной» — подчинять себе политику, не считаться с ней, подчиняться политике, приходит к выводу, что единственно возможное решение заключается в подчинении военных соображений политическим требованиям, так как только в этом случае руководство войной будет иметь характер монолита, без каких-либо трещин. И действительно, с дальнейшим течением мировой войны, политические предпосылки ведения ее получили огромный вес, и Антанта должна была коренным образом переконструировать свое управление. Клемансо и Ллойд-Джордж в конце войны являлись ее истинными руководителями, а Фош являлся лишь техническим исполнителем, отнюдь не играя роли военного диктатора.

Шлиффен еще перед мировой войной дает теорию такого руководства войной; его статья «Полководец» представляет обоснование и той организации высшего военного управления, которое ныне установлено для СССР. Нельзя отказаться от полноты политической компетенции полководца; нельзя ныне нигде найти лица, которое совмещало бы в себе и наивысшую политическую и наивысшую стратегическую компетенции — таких лиц ныне не существует в природе, даже в монархической стране, в военной юнкерской Пруссии, которую имеет в виду Шлиффен. Отсюда следует разложение полководца на некий комитет или совет. Наиболее компетентный генерал должен предпочесть положению ограниченного в своих правах полководца положение начальника штаба у лица, пользующегося достаточным политическим авторитетом. Возможность успешного функционирования полководца в его разложенном виде доказана исторически дуумвиратом Блюхер — Пнейзенау в 1813-м, 1814-м, 1815 годах и триумвиратом король Вильгельм — Бисмарк — Мольтке в 1870-1871 годах. Мольтке не был полководцем, а только очень важным элементом полководческого комитета. В будущем, при современной сложности политических и военных вопросов, открывается арена только для полководческого коллектива, а не для полководца, воплощенного в одном лице.

Приводимая ниже статья «Полководец», впервые напечатанная в 1908 году в военной энциклопедии Альтена, представляет поистине стихотворение в прозе. Свои очень смелые мысли Шлиффен высказывает в виде сарказмов. Саркастическая насмешка — это характерный стиль Шлиффена; так он накладывал и резолюции на официальных бумагах, так вел разбор полевых поездок, так давал оценки и в военно-исторических трудах, например, в своем важнейшем труде, известном ныне русским читателям, — «Канны». Только очень невнимательный читатель найдет черносотенно-монархические взгляды в трудах Шлиффена. Надо уметь читать между строк и понимать, что Шлиффен насмехается над фатализмом, видит бессилие монархов справиться с лежащими на них задачами, боится за тот замещающий полководца комитет из Вильгельма II с его слабым политическим советником и Мольтке-младшим, которому предстоит осуществлять составленный им план войны². Значение личности не исчезает в полководческом коллективе; хотя один из его

членов должен быть отмечен печатью гения. Шлиффен ее не видит ни у кого из своих заместителей — и глубокий пессимизм проникает через всю статью.

Насколько смела мысль Шлиффена, мы можем понять, сравнивая выводы Шлиффена с выводами, которые делает Людендорф в своем труде «Война и политика». Людендорф, как и Мольке-старший, поклонник Клаузевица; Клаузевиц особенно гениален в разработке вопроса об отношениях между стратегией и политикой и, в сущности, исчерпывающим образом разобрал только этот вопрос. И все же поклонники Клаузевица в мундирах — Мольке, Верди, Леваль, Людендорф — как раз в этом пункте вступают в острое противоречие с Клаузевицем. Людендорф, серьезно занявшийся теорией стратегии только после мировой войны, приходит к такому искажению мысли Клаузевица: «Война — это продолжение внешней политики другими средствами, вся прочая политика должна подчиняться требованиям войны». Какое непонимание связи внутренней и внешней политики; какое представление о человеческих массах и движущих ими интересах; какой шаг назад по сравнению с Шлиффеном, который — один из очень немногих генералов, сумевший и в этом вопросе не разойтись с Клаузевицем...

Долгие годы работы над планом войны наложили свою печать на мышление Шлиффена; его военно-исторические работы отнюдь не имеют характер объективного исследования: стратегические тенденции проникают все историческое изложение Шлиффена, и военная история в его руках обращается в горячую проповедь.

Резкие оценки, яркие сопоставления, юмор великого специалиста, всю жизнь облакавшего свои поучения в форму сатиры, могут показаться русскому читателю удивительными в научном труде. Но нужно быть филистером, чтобы отнести шлиффеновского «Полководца» в категорию фельетонов.

Редакция

ПОЛКОВОДЕЦ

Во главу войска или армии назначается главнокомандующий, верховный главнокомандующий, генералиссимус или генерал-аншеф. Монарх или глава государства, от которого зависит выбор, предполагает, что имеет в назначенном лице полководца. Нередко ему приходится разочароваться, так как полководцем нельзя быть назначенным, полководцем надо родиться и быть предопределенным. Смуглый пастушок Давид, которому было суждено победить филистимлян, Самуилом помазывается в цари, то есть в полководцы. Девятилетний Ганнибал клянется в вечной вражде к римлянам и посвящается в полководцы перед алтарем Ваала. К Наполеону не приходил первосвященник, и он не стоял перед алтарем Ваала, но все же еще корсиканским мальчиком он был воспламенен «*Fer sacre*» (священный огонь. — *Примеч. пер.*). Сын революции, как второй Прометей, сам похитил огонь с неба.

Задачей полководца является уничтожить или полностью сокрушить даже более сильного противника, о котором он не знает, где он находится, куда направляется и что намеревается предпринять. Чтобы достигнуть этой цели, полководец должен упорно преследовать избранный им путь, энергично преодолевая все встречающиеся затруднения, быстро находя выход при неожиданностях, до крайности развивая достигнутый успех и мужественно претерпевая удары судьбы. Чтобы оказаться на высоте этих требований, в полководце должно быть что-то сверхчеловеческое, что-то неземное, назовем ли мы это сверхчеловеческое и неземное словом гений, или как-либо иначе. Полководец должен верить в покровительство какой-то высшей силы. Цезарь уверен в помощи свыше, когда он в бурную погоду переправляется на маленькой лодочке из Бриндизи в Дирахуиум и кричит отчаявшимся корабельщикам: «*Quid times, Caesarem vehis*» (чего опасаетесь, Цезаря везете. — *Примеч. пер.*). Александр Македонский считает себя сыном Юпитера. Константин Великий побеждает «*In hoc signo*» (по знамени свыше). Кромвель считает себя избранным орудием. Валленштейн вопрошает небо, благоприятствуют ли ему звезды. Под Бородиным Наполеон получает уверенность в победе, когда из-за туч появляется «солнце Аустерлица». Даже у Фридриха Великого была надежда, что песнь его гренадер «Дай Бог, чтобы я усердно выполнил то, что мне сделать надлежит», поможет ему достичь едва возможного результата. Вильгельм I видел в самой блестящей победе мировой истории «перст божественного провидения».

Но если начинающий свою карьеру полководец полагается единственно на свое божественное предназначение, на свой гений, на поддержку и покровительство высшей силы, то его победа будет плохо обеспечена. Напряженной работой подготавливается полководец к своему высокому призванию; его духовные и умственные силы должны возвыситься до полной ясности. Александр Македонский укрошает Буцефала и упражняется в единоборстве

с оружием в руках, но он также сидит у ног Аристотеля. Цезарь был философом, оратором и историком. Еще в наше время ни один гимназист ничего не стоит, пока не изучит несколько книг Галльской войны. Густав-Адольф говорил на семи языках. Фридрих Великий владел всеми отраслями науки, за исключением орфографии и немецкого языка. Наполеон, в бытность школьником в Бриене, кажется, был слаб в латыни, но он имел «*Du feu rouit l'algebre*» (огонек к алгебре). У Мольтке не хватало, чтобы стать цеховым ученым, только академического стажа и докторского и профессорского титулов.

Но как много знаний требуется от полководца! Он должен не только уметь привести войско к победе, он должен его создать, вооружить, снарядить, обучить, обмундировать и прокормить. Возможно, конечно, что найдутся и другие лица, которые возьмут на себя эти задачи, но едва ли им удастся угодить полководцу. Полководец не может стать во главе любой армии. Он должен иметь собственное войско. Надо полагать, что выражение Наполеона «люди, это ничто, один человек — это все», означает, что один человек должен сформировать по своему духу и мысли людей, то есть своих солдат. Вахмистр в лагере Валленштейна говорит:

«Кто нас всех так выковал,

Что никогда вы нас не различите.

Никто другой как Валленштейн».

Не македонская фаланга, а фаланга Александра Македонского разбивает персов на Гранике. Не римские легионы, а легионы Цезаря переходят через Рубикон. «Богом благословенные драгуны» Кромвеля побеждают при Насби. Наполеоновские гренадеры отправляются в Россию. Потсдамский вахтпарад Фридриха Великого берет штурмом Лейтен. Армии болеют, страдают и умирают вместе со своими полководцами. Когда отлетел дух философа из Сан-Суси, угасла и его армия. Наполеоновская армия не пережила Ватерлоо. Это не она погибла под Седаном. Точно так же не армию Фридриха Великого повел герцог Брауншвейгский к Иене.

Однако, войска, хотя бы и самого лучшего, недостаточно, чтобы вести войну. Война является лишь средством политики. Чтобы это средство оказалось действительным, нужна подготовительная работа государственного человека. Никто не понимал этого лучше Наполеона. В 1806 году он победил пруссаков, прежде чем раздался первый выстрел на передовых постах. «Ваше величество», — писал он 12 октября, — «Вы будете разбиты». Это адресат знал столь же хорошо, как и отправитель. Сражение при Иене было только формальностью, избежать которую не позволяла честь. Следовательно, полководец должен быть и выдающимся государственным человеком, и дипломатом. Кроме того, он должен иметь в распоряжении те огромные суммы, которые поглощает война.

Удовлетворить всем этим требованиям может только монарх, который располагает совокупностью всех средств государства. Следовательно, полководец должен быть монархом. Среди великих полководцев мы видим имена Александра Македонского, Карла Великого, Густава Адольфа, Карла XII, Фридриха Великого — все они родились монархами. Кромвель и Наполеон, доказав свои полководческие способности, произвели себя в монархи. Цезарь и Валленштейн поступили бы так же, если бы тому не воспрепятствовали кинжалы Каски и партизана Деверу. Когда Рим оказывался в опасности, сенат назначал

диктатора на правах монарха, и тем самым давал ему возможность стать полководцем и разбить врага. Ганнибал не был и не стал монархом. Этот минус и привел к гибели полководца карфагенской республики.

Пока во время войны сохранялось издревле установленное совпадение между понятиями монарх и вождь, до тех пор не было и недостатка в материале, из которого создавались полководцы. Но недостаток в полководцах сказался тогда, когда на троне наследственной монархии оказались лица, не считавшие себя способными или призванными стать во главе войска и все же хотевшие или долженствовавшие вести войну. Они оказывались вынужденными доверить одному из генералов важнейшую прерогативу монарха. Обойтись без затруднений было нелегко. Генерал должен побеждать. Но если он побеждал слишком часто и выявлялся полководцем, то достоинство монарха оказывалось в опасности. Для последнего нет необходимости в наличии тенденций Макбета или Валленштейна. Уже радостные возгласы: «Саул побил тысячи, а Давид десятки тысяч», не ласкают слух ни одного монарха. Чтобы избежать наихудших последствий, монарх сохранял в своих руках руководство войной. Армии руководились из венских и версальских кабинетов. На генералов возлагались лишь узкие и ограниченные задачи. Им предписывалось осадить какую-либо крепость, разрушить город, захватить провинцию и иногда дать сражение. Решительное сражение и преследование должны были тщательно избегаться. Кондэ, Тюрен и Евгений Савойский довели этот условный образ ведения войны до величайшего совершенства. Стать полководцами они не должны были, так как полководец является естественным соперником короля. Угроза этого соперничества уже однажды вложила в руки Саула копье, чтобы пригвоздить конкурента к стене. Велизарий был посажен в темницу, ослеплен³, и чтобы влачить существование, должен был выпрашивать сквозь узкое темничное окно обол у проходящих. Как он смел, победить готов и дважды спасти страну! Некий французский генерал, который не побеждал, был отозван, другой же, которому счастье, по-видимому, слишком благоприятствовало, был сослан в свои имения. Австрийские генералы, терпевшие поражения в турецких войнах, назначались комендантами крепостей, победителю же при Асперне⁴ было запрещено всякое выступление, выходящее из круга частной жизни. Один русский генерал, возвращаясь на родину с половиной армии после похода, опустошившего Восточную Пруссию, Померанию и Неймарк, до последнего момента сомневался, не придется ли ему продолжать свой путь прямо в Сибирь, или же он получит орден святого Андрея Первозванного, необъятные земли и много тысяч душ крепостных.

В Пруссии дело обстояло иначе. Наследники фридриховской славы считали для себя неизбежной необходимостью выступать в поход вместе со своими армиями. Но так как ни Фридрих Вильгельм II, ни Фридрих Вильгельм III не чувствовали себя хотя бы немного полководцами, то они возлагали главнокомандование на герцога Брауншвейгского. Таким образом, на походе создавались две ставки — королевская и герцогская, которые часто съезжались, чтобы держать военный совет. Окончательное решение, естественно, оставлялось за королем. Герцогу предоставлялось выполнять все, что он не желал и не одобрял. На это-то грустное полководчество и обрушился Наполеон. Чувствительные поражения, которые он нанес европейским державам, не могли быстро

вызвать существенного улучшения. Выдвинулось несколько толковых генералов, но не полководцев. Еще в 1813 году лицо, именовавшееся главнокомандующим⁵, зависело от двух совещательных коллегий, из которых первая состояла из императоров и королей, а вторая из безработных и безответственных генералов. К счастью, во главе одной из союзных армий оказался человек, не сидевший у ног Аристотеля и не чувствовавший в себе «*du feu pour l'algebre*», но все же обладавший некоторыми существенными качествами полководца и умевший пополнить недостающие посредством своего начальника штаба. Этот полководческий дуумвират добился самостоятельности, увлек за собой вождей остальных армий и сделал возможным поражение непобедимого, но уже стареющего мирового завоевателя.

Открытие роли начальника штаба привело к восстановлению положения: «король является предводителем на войне». Монарх больше не выступает в поход зрителем, являющимся помехой для генерала, назначенного главнокомандующим, а сам берет на себя роль полководца, но имеет при себе начальника штаба, который ему докладывает обстановку и вызываемые ею требования. Этот метод имел успех на войне, которую в 1859 году Наполеон III вел с Австрией, но на стороне противника дал отрицательные результаты, а в начале кампании 1870 года не удался и тому же Наполеону. Одно назначение начальника штаба является недостаточным; берущий на себя заглавную роль должен иметь хотя бы некоторые задатки полководца. Ввиду этого, оба противника 1859 года возвратились к прежнему методу, австрийцы в кампанию 1866 года, французы при дальнейшем ходе войны 1870 года. Они назначали главнокомандующих с неограниченными полномочиями, но сохраняли за собой обычное право вмешательства. Ни Бенедек, ни Базен не стремились к должности полководца, так как сознавали свое несоответствие, и приняли ее лишь по принуждению. Подчиняясь этому насилью, они все же охотно бы одержали победы, если бы хоть немного знали, как за это взяться и с чего начать. Но так как они непокорно и упорно не побеждали, то были по заслугам приговорены, один к духовной, а другой к физической смерти.

В Пруссии проблема полководца, наконец, была разрешена. В 1866 году король сам возглавляет созданную им же его собственную армию. При нем находится политик и начальник генерального штаба. Ни один из этой тройки не соединяет в себе всех данных, требующихся для полководца; но каждый обладает в большем или меньшем количестве теми качествами, которые создают полководца, и имеет возможность дополнять остальных двух. — Первая задача монарха-полководца и его двух паладинов состояла в том, чтобы по возможности улучшить соотношение между собственными и неприятельскими вооруженными силами. Эта задача преимущественно разрешается путем привлечения союзников к образованию коалиции, союза, Антанты⁶. Но такие союзы дают сравнительно мало, ввиду стремления каждого отдельного члена спихнуть на другого львиную долю работы и оставить за собой таковую при дележе. Такие обстоятельства и помогли Фридриху Великому уничтожить образовавшуюся против него коалицию: он атаковал одного из союзников, прежде чем последний мог рассчитывать на поддержку другого, а затем обращался направо и налево на подходивших в разброд противников. Между 1805 и 1807 годами Наполеон разбил сначала австрийцев, затем австрийцев и рус-

ских, затем пруссаков и, наконец, опять русских. Хотя в своей совокупности враги Наполеона и имели значительное численное превосходство, он все-таки в большинстве случаев умудрялся иметь дело в бою с явно уступавшими ему в численности силами. Сам Наполеон ценил союзников лишь постольку, поскольку они одновременно являлись его вассалами. Прочие державы он старался держать в отдалении, заботился о том, чтобы они связывали друг друга или поручал им отвлечь на себя часть неприятеля.

Подобным же образом действовал Бисмарк. Ему представлялось выгоднее, чтобы Италия удержала три австрийских корпуса, чем если она с вдвое большими силами будет сражаться наряду с пруссаками. Франция и Россия первоначально, несомненно, должны были удовольствоваться ролью зрителей. Бисмарк не слишком стремился, чтобы эти державы поддерживали Пруссию; ему было гораздо важнее, чтобы они не поддерживали Австрию. Средние германские государства были отвлечены тремя дивизиями генерала фон-Фалькенштейна, ворвавшегося в Гессен и Ганновер. Все прочие попытки прикрытия отдаленных провинций отдельными отрядами удалось побороть. Судьба всей страны должна была разрешиться на главном театре войны. Там находилось семь австрийских и один саксонский корпус. По численности они приблизительно равнялись девяти направленным туда прусским корпусам, но уступали в вооружении. Ввиду этого, превосходство с самого начала было за Пруссией. Однако, надо было заранее предвидеть, что в случае, если война слишком затянется или примет решительно невыгодный оборот для одной из воюющих сторон, то и в 1866 году одна или другая из соседних держав вступит в войну, как это сделала Пруссия в 1806 году, Россия в 1805 году, Австрия и Швеция в 1813 году. Европа может благосклонно созерцать, как две воюющие страны взаимно обессиливают друг друга, и в то же время не потерпит, чтобы одна из воюющих сторон, путем наращивания своих сил новым излишком, стала опасна для остальных держав. Ввиду этого Франция, в мудром предвидении, предполагала в нужную минуту выступить с мирным посредничеством и извлечь из него честный маклерский заработок. Во избежание этого, Мольтке стремился быстро закончить войну одним сражением, чтобы поставить всех пред совершившимся фактом и, таким образом, пресечь дальнейшие шаги.

Чтобы уничтожить противника, надо, прежде всего, знать, где он находится. Разузнать это обыкновенно удается, в особенности теперь, когда развертывание армий в сущности уже предопределено сетью железных дорог. Гораздо труднее выяснить, куда устремится противник из своего района развертывания. Те сведения, которые могут дать кавалерия и дирижабли, обычно получаются слишком поздно. Полководец должен или угадать, или вычислить намерения противника. Во избежание недоразумений Наполеон часто пользовался таким приемом: он двигался на неприятельскую столицу, будучи твердо уверен, что на этом пути он натолкнется на то, что он ищет. В 1806 году Шарнгорст решил атаковать Наполеона на занимаемых им, по имевшимся сведениям, растянутых позициях, исходя из предпосылки, что французы останутся там еще в течение 20 дней. Но прежде чем Шарнгорст успел пройти половину пути до места ожидаемой встречи, противник уже исчез. Мольтке, наоборот, направил свои армии по двум различным путям туда, где, по его расчету, австрийцы должны были оказаться спустя десять дней.

Для уничтожения найденного противника Наполеон обычно стремился обойти его с фланга и принудить к сражению с перевернутым фронтом. Таким путем в 1806 году Наполеону удалось принудить прусскую армию к отступлению в неблагоприятном для нее направлении к западу, вследствие чего она могла уйти за Одер, лишь описывая большую дугу. В плане Мольтке на 1866 год не предвиделось отступления неприятеля в неблагоприятном для нее направлении, а высказывалось стремление к окружению и полному уничтожению противника. Расчет Мольтке был правилен, у него было достаточно твердости и энергии; не эти причины обусловили, что план Мольтке не удался, а то обстоятельство, что у командующих армиями и корпусных командиров отсутствовала школа и дисциплина, отчего одна из армий двинулась в решительную атаку слишком медленно и лишь с частью своих сил. У противника оказалось достаточно времени, чтобы избежать окружения. Было достигнуто не уничтожение противника, а лишь, наподобие 1806 года, отступление его в неблагоприятном для него направлении. Для надлежащего преследования прусским командующим армиями не хватало наполеоновской энергии. Во всяком случае, противник был вынужден очень кружными путями отойти под прикрытие Дуная. Но тогда как в 1806 году прусская армия погибла, еще не успев отойти за Одер, в 1866 году австрийская армия, при помощи железных дорог, ускользнула от преследователя и ушла, хотя и в весьма плачевном состоянии, за Дунай. Там было сосредоточено войско, которое по численности превосходило находившиеся против него на другом берегу Дуная прусские армии. Положение Пруссии осложнилось еще тем, что Франция, по примеру русских в 1806 году, уже успела вмешаться. В 1806 году Пруссия еще имела в резерве один корпус на правом берегу Вислы. К нему присоединилась русская армия, чтобы приостановить дальнейшее наступление Наполеона. Правда, в конечном результате разрешить эту задачу не удалось, но она потребовала продолжительного, кровопролитного и полного тягостей похода, который впервые поколебал устои гордой наполеоновской постройки. Однако, за все убытки пришлось расплачиваться лишь Пруссии. Россия извлекла даже некоторую прибыль. В 1866 году Франция предполагала применить тот же метод и в своем воображении уже видела себя обладательницей левого берега Рейна и возглавляла новый Рейнский союз. Но она хотела достигнуть своей цели без таких сражений, как Прейсиш-Эйлау и Фридланд, а лишь путем дипломатической кампании. Но в этой области Наполеон III не дорос до Бисмарка. После нескольких тщетных попыток он должен был начать отступление. Австрия была предоставлена самой себе; угрожаемая Венгрией, она должна была склониться к миру, когда ее генералы заявили, что австрийские армии больше наступать не могут.

Известную закономерность в современных войнах, известное совпадение задач полководцев трудно отрицать. В 1870 году также намечалась коалиция против Германии. И она бы образовалась, если бы предшествовавшие войне переговоры велись с такой же медлительностью, как в 1866 году. Война вспыхнула, прежде чем трактаты были заключены. Гром пушек под Вертом отбил всякое желание нагнать потерянное время. На этот раз сражения на уничтожение удались, так как частные начальники, или, по крайней мере, большая их часть, приобрели известное понимание планов Мольтке. Мец и Седан явились

столь блестящими боевыми подвигами, что нейтральные державы устояли перед искушением вмешаться в распря соседей. Страх подвергнуться подобной же катастрофе заставил их воздержаться. Взамен выявился другой момент: остатки французской армии и те новые силы, которые удалось собрать, бежали в Париж. Вновь внезапно приобрела значение борьба за крепости, которая в старые времена представляла самую существенную часть войны, но за последнее столетие как будто была отброшена на последнее место. К осаде такой гигантской крепости немцы оказались абсолютно не подготовленными. Война должна была быть закончена несколькими ударами. Теперь же она затянулась. Противник выиграл время, чтобы сформировать новые армии, а косо смотревшие державы имели возможность одуматься и взвесить, не представляется ли еще удобным подавить вновь нарастающее могущество. В 1805 году Наполеон избежал нормальной второй половины войны посредством достигнутого им заключения мира в Шенбрунне и Пресбурге, в 1807 году он сумел ее выдержать, а в 1813 году он на ней погиб; в 1866 году решительность Бисмарка устранила эту часть войны, но в 1870 году ей суждено было вылиться в грандиозную осаду, причем предстояло преодолеть все те опасности, которые с одной стороны вызывались столь полным отсутствием подготовки к ней, а с другой — попытками прорыва из Парижа и подачи помощи ему извне. Только ясное мышление Мольтке смогло довести до конца вторую часть этой кампании, правда, затянувшуюся на значительно более продолжительный срок, но закончившуюся едва ли менее блестяще, чем первая.

Теперь не представляется возможным, что борьба за крепость будет вычеркнута из программы будущих войн. Будущему полководцу придется с ней считаться. Во всех наших крупных сражениях, таких как Кениггрец, Гравелот, Седан, Париж, неприятельские крепости имели исключительно полезное значение для Пруссии и Германии. Они произвольно привлекали противника, не решающегося атаковать, задерживали его и способствовали или облегчали его окружение. И в этом лишь с трудом можно усмотреть основания, чтобы мы желали срытия валов и рвов, броневых башен и бетонных массивов. Они не испугают атакующего, наоборот, он извлечет из них выгоду. Правда, трудности, которые создаются в связи с новыми изобретениями и множеством крепостей, могут озадачить. Но всех их надо преодолеть, если неуклонно преследуется цель не отгеснить, а уничтожить противника. Все же условием настоящих и прошлых успехов является истинный полководец. В 1866-м и 1870 годах полководец был представлен в виде триумvirата, и этот опыт удался, но это вовсе не значит, что ему всегда надлежит удался.

Примечания

- ¹ Мы должны отметить, что в левой, республиканской части французского генерального штаба, весьма немногочисленной, взгляды Шлиффена нашли известный отклик. Так полковник Дюпюи (в труде: *La direction de la guerre*, 1912 г.), не цитируя Шлиффена, излагает очень близкую к его трактовке теорию «интегрального полководца». (*Примеч. ред.*)
- ² Уже в приведенном выше отрывке из фон-дер-Гольца читатель мог заметить тревогу, что то оперативное руководство, которое систематизировал Шлихтинг, удалось в 1870 году, благодаря общему подъему, таланту и авторитету Мольтке-старшего, и легко может не дать успеха при других условиях.
- ³ Историческая традиция, не имеющая под собой реальной почвы. (*Примеч. ред.*)
- ⁴ Эрц-герцог Карл. (*Примеч. пер.*)
- ⁵ Князь Шварценберг.
- ⁶ Согласия. (*Примеч. пер.*)

Именной указатель

- Август*, Фридрих Август II Сильный (1670-1733), польский король 563
- Адам*, в Библии первочеловек и отец рода человеческого, созданный Богом 6
- Аздрубал*, брат Ганнибала 102
- Александр* император, см. Александр I
- Александр I* (1777-1825), российский император 98, 373, 403, 454, 551
- Александр II* (1818-1881), российский император 86, 557
- Александр*, см. Александр Македонский
- Александр Великий*, см. Александр Македонский
- Александр Македонский*, Александр Великий (июль 356 до н. э. — июнь 323 до н. э.), царь Македонии, один из величайших полководцев и государственных деятелей древнего мира 61, 66-69, 72, 172, 183, 184, 204, 213, 215, 222, 225, 243, 251, 313, 314, 331, 336, 372, 405, 439, 440, 443, 540, 541, 548
- Алексеев* Михаил Васильевич (1857-1918), русский военный деятель, генерал от инфантерии 219
- Амбиорикс*, король одного из галльских племен, много раз наносил поражения войскам Цезаря 70
- Андрей Первозванный*, по церковной легенде, апостол, один из первых (отсюда прозвание) и ближайших учеников Христа 315
- Антоний* Марк (около 83-30 до н.э.), древнеримский полководец 71
- Антонов А.С.*, эсер, глава мятежа в Тамбовской губернии (1920-1921) 325
- Ариадна*, в греческой мифологии дочь критского царя Миноса и Пасифаи, внучка солнца Гелиоса 160, 179
- Ариовист* (I в. до н.э.), вождь германского племени свевов 69
- Аристотель* (384-322 до н.э.), древнегреческий философ и ученый 150, 314, 316
- Архимед* (около 287-212 до н. э.), древнегреческий ученый, математик и механик 114
- Атилла*, Аттила (?-453), предводитель гуннов с 434, возглавил опустошительные походы в Восточную Римскую империю (443, 447-448), Галлию (451), Северную Италию (452) 366
- А.Ф.Н.* 536
- Афраний*, римский полководец 71
- Ахилл*, полководец 71
- Ахилл*, Ахиллес, в «Илиаде» — один из храбрейших греческих героев, осаждавших Троя 148
- Ахмед-Мухтар-паша* 235
-
- Багратион* Петр Иванович (1765-1812), князь, русский генерал от инфантерии (1809), герой Отечественной войны 1812 97
- Базен Франсуа* (1811-1888), маршал Франции (1864), участник войн в Алжире (1835), Испании (1837), Крымской войны (1853-1856), австро-итало-французской войны (1859) и Мексиканской экспедиции (1862-1867) 244, 316, 515

Барклай-де-Толли Михаил Богданович (1761-1818), князь (1815), русский генерал-фельдмаршал (1814), герой Отечественной войны 1812 97

Баскаков, профессор академии Генштаба, ученик Г.А. Леера 102

Баварский герцог 93

Беллюнский герцог, см. Виктор маршал

Бенедек Людвиг Август (1804-1881), австрийский генерал. В 1846 руководил подавлением Краковского восстания, участник австро-итальянской войны (1848-1849) и подавления Венгерской революции (1849) 61, 218, 316, 450, 467, 508, 509, 514

Бенедетти В., французский посланник в Пруссии

Беннигсен, Беннигсен Леонтий Леонтьевич (1745-1826), граф (1814), генерал от кавалерии (1802), в 1807 командовал армией в войне с Францией 404, 430, 439

Бервик Яков Фиц-Денс (1670-1774), участник многих европейских войн, в том числе за испанское наследство, полагал, что воинское искусство должно подчиняться определенным правилам, был приверженцем обороны 156

Беренхорст, автор труда «Замечания о военном искусстве» 161, 335, 372, 375

Бернадотт Жан Батист (1763-1844), в 1810 избран наследником шведского престола, шведский король Карл XIV (1818-1844), маршал Франции, основатель династии Бернадоттов 77, 260, 430, 547, 548, 551

Бернар Клод (1813-1878), французский физиолог и патолог, один из основоположников экспериментальной медицины и эндокринологии 563

Бернгарди Фридрих фон (1849-?), прусский генерал, известный военный писатель 298, 300, 301, 523, 553

Бернгарди Теодор фон (1803-1887), немецкий историк, экономист и дипломат 506, 531, 536

Бертье Луи Александр (1753-1815), владетельный принц Невшательский, герцог Валанженский (1805), принц Ваграмский (1809), маршал (1804) и вице-коннетабль (1807) Франции 403, 514, 520, 521

Бертран Анри Грасьен (1773-1844), граф (1808), французский генерал, участник всех наполеоновских войн, с 1804 — адъютант Наполеона I, с 1813 — главный маршал императорского двора 565

Бессус, убийца Дария 68

Бисмарк Отто Эдуард Леопольд фон Шенхаузен (1815-1898), князь, германский государственный деятель 216, 258, 302, 317, 318, 319, 336, 476, 479

Блуме 19, 324, 454

Блюменталь фельдмаршал, 536, 553

Блюхер Гёбхард Леберехт (1742-1819), князь Вальштатт, прусский генерал-фельдмаршал 77, 93, 94, 171, 285, 430, 431, 434, 452, 508, 510

Богуславский фон Альберт (1834-?), генерал-лейтенант, немецкий военный теоретик 19, 20, 327, 503, 505, 506, 520, 521, 522, 559

Болье И., командующий австрийской армией, фельдмаршал 270

Бонапарт — см. Наполеон Бонапарт

Бонналь Вильгельм Генрих (1844-?), французский военный писатель, бригадный генерал, профессор военной истории и тактики 24, 55, 253, 451

Брауншвейгский герцог (1735-1807), см. Фердинанд Карл-Вильгельм

- Виллеруа** Франсуа де (1643-1730), маршал Франции, известен бездарным командованием войсками 74
- Вильгельм**, см. Вильгельм I
- Вильгельм I** Гогенцоллерн (1797-1888), прусский король с 1861 и германский император с 1871 237, 313, 473, 510, 513, 517
- Вильгельм II** Гогенцоллерн (1859-1941), германский император и прусский король в 1888-1918, внук Вильгельма I 253, 521
- Вимпфен**, начальник штаба эрц-герцога Карла 333
- Винтерфельд** 535
- Витгенштейн** Петр Христианович (Людвиг Адольф Петер) (1769-1843), граф, светлейший князь (1834), русский генерал-фельдмаршал (1826) 94
- Водонкур** (1772-?), французский генерал и писатель, основатель «Журнала военных знаний» 98
- Врангель** Петр Николаевич (1878-1928), барон, один из главных руководителей белого движения в Гражданскую войну, генерал-лейтенант (1918) 26, 325, 369
- Врангель** Ф., см. Фридрих-Карл
- Вреде**, командир корпуса армии Наполеона 441
- Вурмзер** Д., фельдмаршал, командовал австрийской армией в войне против Наполеона в Аустерлицком сражении 543
- Гаури**, командующий дивизией 247
- Гальба**, суассонский король 69, 70
- Гамбетта** Леон (1838-1882), премьер-министр и министр иностранных дел Франции (1881-1882) 136, 246, 265, 303, 507
- Гамид-паша**, командующий 6-й турецкой дивизией, участник сражения при Фарсале 234
- Гамилькара** Барка (?-229 до н. э.), карфагенский полководец, отец Ганнибала 151
- Ганнибал** (247 или 246-183 до н. э.), карфагенский полководец, сын Гамилькара Барки 61, 67, 69, 72, 81, 83, 95, 102, 151, 153, 169, 171, 172, 184, 186, 190, 194, 195, 205, 208, 313, 315, 331, 541, 548, 563
- Гаструбал**, зять Ганнибала 151
- Гегель** Георг Вильгельм Фридрих (1770-1831) — немецкий философ, представитель немецкой классической философии 29, 178
- Гейсман** Платон Александрович (с 1916 Гейсманс) (1853-1919), военный историк и теоретик, генерал от инфантерии (1913), автор диссертации от трудах фон-дер-Гольца 246, 376
- Генрих** принц, Генрих Прусский, командующий войсками в Саксонии во время франко-прусской войны 92, 530, 531, 535
- Герлах** Леопольд фон, прусский генерал 533
- Гёргей** Артур (1818-1916), в период Революции 1848-1849 в Венгрии главнокомандующий (с марта 1849) венгерской национальной армией, военный министр (с мая), диктатор (с августа, после ухода в отставку Л. Кошута) 216
- Герман**, командующий корпусом под Бергеном 439, 448

- Броун* (1705-1757), генерал-фельдмаршал австрийской армии, большой знаток военного дела, за что Фридрих II считал его своим учителем 532
- Бургундский герцог* 192
- Бурбаки*, командующий французской армией в кампанию 1870 216, 236
- Бюжо де ла Пикорни*, Тома Робер, герцог Ислийский (1784-1849), маршал Франции 163
- Бюлов* Адам Генрих Дитрих фон (1757-1807), прусский военный теоретик 19, 20, 24, 29, 30, 57, 85, 88, 98, 109, 120, 156, 231, 323, 324, 325, 326, 331, 332, 335-367, 372, 400, 406, 407, 428, 448, 449, 523, 531
- Вагнер* Адольф (1835-1917), немецкий экономист и политический деятель 85
- Валленштейн* Альбрехт Вальдштейн (1583-1634), герцог Веймарский, полководец, имперский главнокомандующий в Тридцатилетней войне 1618-1648 77, 313, 314, 315, 528
- Вальдерзее* Фридрих (1795-1864), военный пристель, был прусским военным министром 191
- Вальдкирх* 156
- Вандом*, Вандам Доминик Жозеф Рене (1770-1830), граф Юнебургский (1808), герцог Вандомский, французский генерал 41, 74, 150
- Вандомский герцог*, см. Вандом
- Вартенбург*, Йорк фон Людвиг (1759-1830), граф, прусский фельдмаршал (с 1814)
- Вегаций* Флавий Ренат (конец IV- начало V вв.), римский военный теоретик и историк 56, 154
- Ведель*, генерал, командующий прусской армией в Семилетнюю войну 553
- Веймарский герцог* 77
- Вейротер*, офицер русского Генерального штаба, допустивший ошибку при Аустерлицком сражении 439
- Велизарий* (Велисарий, около 504-565), византийский полководец при императоре Юстиниане I 315
- Великий курфюрст*, см. Фридрих Вильгельм
- Веллингтон* Артур Уэлсли, Уэллингтон (1769-1852), герцог (1814), английский фельдмаршал (1813) 450, 510, 522, 552
- Вентурины*, автор труда «Математическая система прикладной тактики» 399
- Верди*, см. Верди-дю-Вернуа
- Верди-дю-Вернуа*, германский военный министр 19, 20, 23, 30, 180-225, 249, 251, 252, 254, 286, 287, 307, 376
- Верцингеторикс* (?-46 до н. э.), вождь галльского племени арвернов, возглавивший в 52 восстание галлов против Рима 70
- Виктор*, Виктор-Перрен Клод (1764-1841), герцог Беллунский (1808), пэр Франции (1815), маршал Франции (1807) 433, 454
- Виктор Эммануил I* (1759-1824), король сардинский в 1802-1821, в 1793-1796 командовал сардинской армией в войне против революционной Франции 75
- Виллизен* 19, 20, 23, 105-132, 181, 326, 368, 376, 473, 518, 555
- Виллар* Клод Луи Эктор (1653-1734), герцог (1705), французский маршал-генерал (1733) 74, 150, 366, 449

Дельбрюк Ханс, Дельбрюк Ганс Готлиб Леопольд (1848-1929), немецкий историк и политический деятель 178, 184, 217, 327, 331, 333, 399, 450, 453, 479, 506, 523-556

Дон граф 533

Дон-Карлос, дон Карлос (Старший) (1788-1855), вождь испанских карлистов, брат короля Фердинанда VII, претендовавший после его смерти на испанский престол (под именем Карла V) 451

Дорант, персонаж комедии Мольера «Мещанин во дворянстве» 150

Драгомиров Михаил Иванович (1830-1905), русский военный теоретик и педагог, генерал от инфантерии (1891) 156, 477

Дройзен Иоганн Густав (1808-1884), немецкий историк 503

Дюпюи полковник, автор труда «La Direction de la guerre» 320

Дюрок 168

Евгений принц, см. Евгений Савойский

Ева, в Библии жена Адама 6

Евгений Савойский (1663-1736), принц, австрийский полководец, генералиссимус (1697) 41, 42, 61, 67, 74, 150, 290, 315, 428, 429, 432, 518, 529, 534, 541, 551

Евгения (1853-1870), императрица Франции, супруга Наполеона III 302

Екатерина II Алексеевна (1729-1796), российская императрица с 1762 29

Елизавета Петровна (1709-1761/1762), российская императрица с 1741, дочь Петра I 553

Жомини Антуан Анри (Генрих Вениаминович) (1779-1869), военный теоретик и историк, генерал от инфантерии (1826) 12-14, 19, 24, 32, 55, 61, 85-90, 94, 98, 99, 101, 102, 140, 143, 154-158, 161, 162, 164, 231, 301, 323, 328, 331, 332, 337, 338, 369, 370, 372, 375, 376, 399, 400, 402-454, 473, 477, 479, 508, 509, 510, 518, 520, 554, 555

Жоффри Жозеф Жак (1852-1931), маршал Франции (1916), начальник Генштаба (1911-1914) 252, 306

Жубер Бартеlemi Катрин (1769-1799), французский генерал 433

Журдан Жан Батист (1762-1833), граф (1816), маршал Франции (1804) 146, 373, 426, 436, 542

Журден, персонаж комедии Мольера «Мещанин во дворянстве» 141

Зибель Генрих фон (1817-1895), немецкий историк и политический деятель (национал-либерал) прусско-малогерманского направления 503

Игорь (?-945), великий князь Киевский с 912, в 941 и 944 совершил походы в Византию, с которой заключил договор 439

Изабелла (1451-1504), королева Кастилии с 1474 66

- Йорк-фон-Вартенбург**, Йорк фон Вартенбург Людвиг (1759-1830), граф, прусский фельдмаршал (с 1814) 298
- Йоркский** герцог, командовал корпусом союзных войск против Наполеона в 1793 году 419, 420
- Каменев** Сергей Сергеевич (1881-1936), военачальник, командарм 1-го ранга (1935) 6
- Канитц**, генерал, участник сражения у селения Кай 532
- Кант** Иммануил (1724-1804), немецкий философ и ученый, родоначальник немецкой классической философии 105
- Капрар**, граф 194
- Карл Великий** (742-814), франкский король с 768, император с 800, из династии Каролингов 314
- Карл V** (1500-1558), император «Священной Римской империи» (1519-1556), испанский король Карлос I (1516-1556), из династии Габсбургов 366, 528
- Карл Людвиг Иоганн** (1771-1847), эрц-герцог Австрийский 19, 24, 32, 85, 99, 146, 151, 156-158, 163, 175, 176, 320, 323, 331, 332, 338, 372, 373-377, 378-401, 404, 406, 420, 436, 439, 444, 446, 448, 450, 470, 543, 546, 549, 550, 552, 554-556
- Карл VIII** (1483-1498), король Франции, сын Людовика XI 439
- Карл XII** (1682-1718), король Швеции с 1697, из династии Пфальц-Цвайбрюккен, полководец 50, 52, 53, 80, 81, 236, 314, 439, 519, 522, 563
- Карно** Лазар Никола (1753-1823), французский математик, политический и государственный деятель, член Парижской Академии наук (1796) 264, 435, 445, 543
- Карцев**, преподаватель тактики русской Академии Генерального штаба 557
- Каски** 314
- Кастильоне** герцог, см. Ожеро
- Катина**, французский маршал 74, 150
- Катон** Марк Порций (Старший) или Цензор (234-149 до н. э.), римский государственный деятель, писатель 72
- Каффарелли**, генерал 168
- Квинтий** Цицерон 70
- Келлерман** Франсуа Этьен (1735-1820), герцог Вальми (1808), маршал Франции (1804) 434, 544
- Кейт**, прусский генерал, командующий корпусом 552
- Кельнский** архиепископ 73
- Керенский** Александр Федорович (1881-1970), российский политический и государственный деятель 329
- Кеммерер**, немецкий военный теоретик 86
- Кинмайер**, австрийский генерал, командовал отрядом в сражении под Аустерлицем в 1805 году 438
- Кир**, Кир II Великий (?-530 до н. э.), первый царь (с 558 до н. э.) государства Ахеменидов 68
- Китченер** Горацио Герберт (1850-1916), граф, британский фельдмаршал (1909) 555
- Клаузевиц** Карл (1780-1831), немецкий военный теоретик и историк, прусский генерал 12-16, 19, 20, 23, 24, 29-32, 85, 86, 105, 107, 108, 132, 140,

- 141, 142, 149, 150, 154-156, 160, 165, 167, 169, 178, 182-185, 200, 217, 229, 231, 249, 252, 253, 256, 259, 260, 264, 276, 285, 302, 304, 306, 324, 327, 331, 333, 335, 337, 339, 368, 371, 375, 400, 405-407, 446, 447, 449, 453, 454, 462, 471, 477, 501, 508, 510, 518, 519, 522, 523, 525, 527, 531, 536, 546, 550, 553, 556
- Клебер** Жан Батист (1753-1800), французский генерал 561
- Клемансо** Жорж (1841-1929), премьер-министр Франции (1906-1909, 1917-1920), председатель Парижской мирной конференции (1919-1920) 311
- Клерфэ**, Клерфе, австрийский генерал 436
- Клит**, личный друг Александра Македонского 68
- Кнезебек**, прусский генерал-адъютант 552
- Кнобельсдорф**, командующий прусским отрядом в кампанию 1870 203
- Кобургский** принц 435, 436
- Колен**, автор исследования о Наполеоне 82
- Коленкур** 404
- Кольмар**, см. фон-дер-Гольц
- Кольшмидт**, автор русского перевода книги фон-дер-Гольца «Стратегия и вождение армий» 246
- Кондильяк**, Кондийак Этьенн Бонно де (1715-1780), французский философ-просветитель, член Французской академии (1768) 30
- Кондэ** принц (Конде Луи I Бурбон, 1530-1569), принц, вождь французских кальвинистов (гугенотов) 73, 74, 150, 151, 152, 315
- Конрад** 399
- Константин** наследный принц 247
- Константин I Великий** Гай Флавий Валерий (около 285-337), римский император 313
- Конт** Огюст (1798-1857), французский философ, один из основоположников позитивизма и социологии 133, 137, 554
- Коперник** Николай (1473-1543), польский астроном, создатель гелиоцентрической системы мира 116
- Корнель** Пьер (1606-1684), французский драматург 59, 82
- Край** 417
- Кромвель** Оливер (1599-1658), деятель Английской революции XVII века, руководитель индепендентов, один из главных организаторов парламентской армии 313, 314
- Ксенофонт** (около 430-355 или 354 до н. э.), древнегреческий писатель и историк 367
- Ксеркс I** (?-465 до н. э.), царь государства Ахеменидов с 486, сын Дария I 443
- Ксиландер** 98, 101
- Куропаткин** Алексей Николаевич (1848-1925), генерал от инфантерии (1901), в 1898-1904 — военный министр Российской империи 223, 224, 400, 474
- Кутузов**, Голенищев-Кутузов Михаил Илларионович (1745-1813), русский полководец, генерал-фельдмаршал (31 августа 1812) 438, 462, 553, 554
- Лабениус**, помощник Цезаря 70, 71, 72
- Лагранж** Жозеф Луи (1736-1813), французский математик и механик 61

- Лазаревич*, автор русского перевода книги фон-дер-Гольца «Стратегия и вождение армий» 246
- Лан*, Ланн Жан (1769-1809), герцог де Монтебелло (1808), маршал Франции (1804) 77, 83, 165
- Ланжуинэ* 440
- Ла-Огет*, генерал-лейтенант 146
- Лаплас* Пьер Симон (1749-1827), французский астроном, математик, физик 61, 451
- Ласси* Петр Петрович (1678-1751), русский генерал-фельдмаршал (1736), граф (1740) 29
- Лафайет* (1757-1834), маркиз, французский политический деятель, игравший большую роль в Великой французской революции 440
- Ле-Бон* Густав, см. Лебон Густав
- Лебон* Густав, Лебон Гюстав (1841-1931), французский социальный психолог 249, 451
- Леваль* Жюль Луи (1823-1908), французский военный теоретик, дивизионный генерал (1880) 23, 54, 55, 86, 109, 133-179, 181, 249, 375, 452, 473
- Левенгаупт* Адам Людвиг (1659-1719), граф, шведский военачальник, генерал-лейтенант (1706) 80, 81
- Леонид* (508/507-480 до н. э.), спартанский царь с 488. В греко-персидских войнах в 480 возглавил греческое войско против персидского царя Ксеркса, погиб в сражении у Фермопил 153
- Леер* Генрих Антонович (1829-1904), военный теоретик и историк, генерал от инфантерии (1896), профессор и в 1889-1898 — начальник Академии Генштаба 24, 30, 54, 102, 133 178, 183, 246, 323, 331, 332, 335, 338, 368, 376, 449, 450, 527, 555, 557-571
- Ленин* Владимир Ильич (настоящая фамилия Ульянов, 1870-1924), российский политический деятель 9
- Летов-Форбек*, известен защитой германской колонии в юго-восточной Африке 222
- Ли* Роберт Эдуард (1807-1870) генерал, участник Гражданской войны 1861-1865 в США, командующий силами Конфедерации 171, 190, 225
- Ллойд* Генрих (1729-1783) 23, 24, 27, 29-53, 85, 106, 107, 109, 183, 338, 346, 351, 369, 376, 404, 446, 453, 523
- Ллойд-Джордж*, Ллойд Джордж Дэвид (1863-1945), премьер-министр Великобритании в 1916-1922, один из лидеров Либеральной партии 311
- Локк* Джон (1632-1704), английский философ, создатель идейно-политической доктрины либерализма 30
- Лотарингский* герцог 194
- Лотарингский* принц 92
- Лувау* Франсуа Мишель Ле Телье де (1641-1691), маркиз, французский государственный и военный деятель, в 1666-1683 — военный министр 145
- Людендорф* Эрих (1865-1937), немецкий генерал (1916), один из идеологов германского милитаризма 21, 221, 253, 306, 307, 329, 330, 370, 448, 450, 474, 476, 521, 553
- Людовик XIII* 399

Людвиг XIV (1638-1715), французский король с 1643, из династии Бурбонов 40, 73, 145, 261, 366, 528, 541, 545

Людвиг XV (1710-1774), французский король с 1715, из династии Бурбонов 40

Люксембург Франсуа Анри де Монморанси-Бутвиль (1628-1695), герцог, маршал Франции (1675) 73, 150

Лютер Мартин (1483-1546), деятель Реформации в Германии 367

Магомет, Мухаммед (около 570-632), основатель ислама, почитается как пророк 46, 440

Мазепа Иван Степанович (1644-1709), гетман Украины (1687-1708) 80

Макбет (?-1057), шотландский король с 1040, пришел к власти, убив короля Дункана I 315

Макк фон Лайберих Карл (1752-1828), барон, австрийский генерал-фельдмаршал 97, 376, 400, 416, 417, 435, 438, 565, 566, 571

Макдональд Жак Этьенн Жозеф Александр (1765-1840), маршал Франции (1809), герцог Тарентский (1809) 93, 290, 431, 441, 452

Макиавелли Никколо (1469-1527), итальянский политический мыслитель, историк, писатель 530

Мак-Магон Патрис (1808-1893), герцог (звание и титул получил за победу в 1859 при Мадженте), маршал Франции 196, 267

Малаховский 523

Мальборо Джон Черчилл (1650-1722), герцог Мальборо (1702), английский полководец и государственный деятель, генерал-фельдцейхмейстер (1702) 428, 432, 518, 529, 551

Мальяр 252, 367

Мария-Терезия (1717-1780), австрийская эрц-герцогиня с 1740, из династии Габсбургов 66

Мармон Огюст Фредерик Луи Виес де (1774-1852), маршал Франции, герцог Рагузский 148, 425, 433, 539

Мартынов Евгений Иванович (1864-1937), военный теоретик и историк, генерал-лейтенант (1910) 11, 560

Массена Андре (1758-1817), герцог Риволи (1808), князь Эслингский (1810), маршал Франции (1804) 429

Медем Николай Васильевич (1796-1870), барон, российский военный теоретик, генерал от артиллерии (1864), профессор стратегии Военной академии, председатель Главного военно-учебного комбината 12-14, 16, 24, 30, 84-103, 446

Мейер Эдуард (1855-1930), немецкий историк древнего мира 506

Мелас Михаэль (1729-1806), барон, австрийский фельдмаршал-лейтенант (1796) 76, 376, 400, 417, 422, 423, 429, 544

Мемнон, командующий персидской армией от имени Дария 67

Ментенон мадам де 366

Меньков Петр Конович (1814-1875), русский военный деятель и писатель, генерал-лейтенант (1867) 85

Мерецков Кирилл Афанасьевич (1897-1968), маршал Советского Союза (1944), Герой Советского Союза (1940) 11, 16

- Меринг Франц** (1846-1919), один из руководителей левого крыла германской социал-демократии, философ, историк, литературный критик 525
- Метелл** Нумидийский (?-91 до н. э.), римский полководец, консул, возглавлял римские войска в Африке в войне против нумидийского царя Югурты (109-107) 72
- Меттерних** Клеменс, Меттерних-Виннебург (1773-1859), князь, министр иностранных дел и фактический глава австрийского правительства (1809-1821), канцлер (1821-1848) 551
- Мехмед-Али** Мехмет Али (Мухаммед Али, 1769-1849), правитель Египта в 1805-1849, основатель династии, правившей до Июльской революции 1952 235
- Милютин** Дмитрий Алексеевич (1816-1912), граф (с 1878), русский государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал (1898) 32, 85, 102
- Минерва**, в римской мифологии богиня, покровительница ремесел и искусств 554
- Митридат I** (Аршак VI) (?-около 136 до н. э.), парфянский царь, около 170-138/137 66
- Михневич** Николай Петрович (1849-1927), военный теоретик и историк, генерал от инфантерии (1910), профессор (с 1892) и в 1904-1907 — начальник Академии Генштаба, в 1911-1917 — начальник Главного штаба 133, 368, 554
- Мовильон** полковник 348
- Моджо**, автор исследования «Тактика пехоты» 56
- Мольер** (настоящее имя Жан Батист Поклен) (1622-1673), французский драматург, актер, театральный деятель 150
- Мольтке** Хельмут Карл Бернхард (Старший) (1800-1891), прусский и германский военный деятель, генерал-фельдмаршал, военный теоретик 19, 20, 23-25, 61, 149, 171, 181-185, 187, 191, 193, 194, 198-200, 211-214, 216-218, 222, 227, 228, 232, 234, 237, 238, 246, 247, 249, 251, 253-255, 258-260, 262, 264-268, 270-280, 282-285, 288, 299, 305-307, 314, 317-320, 326, 328, 447, 452, 455-476, 477, 479, 503, 505, 508-511, 513-516, 518, 520, 521, 525, 527, 540, 554, 568-571
- Мольтке** Хельмут Иоганн (Младший) (1848-1916), граф, германский генерал-полковник, племянник Мольтке (Старшего), в 1906-1914 — начальник генштаба и штаба Ставки в начале 1-й мировой войны 221, 476, 521
- Момзен**, автор работ о военных установлениях Римской империи 525
- Монтебелло** герцог, см. Лан
- Монтекукколи**, Раймунд (1609-1680), граф, с 1679 — имперский князь и герцог 73, 74, 365, 372, 530
- Монсей** 554
- Монтень** Мишель де (1533-1592), французский философ-гуманист и писатель 162
- Монтескье**, Монтескье Шарль Луи (1689-1755), французский просветитель, правовед, философ, писатель 30, 31, 59, 432
- Монтолон**, автор исследования «Мемуары Наполеона» 83

- Монури М.** французский генерал, командующий 6-й армией в битве на Марне 224
- Мориц**, см. Саксонский Мориц
- Моро Жан Виктор** (1763-1813), французский военачальник, генерал 83, 146, 373, 427, 428, 436, 530, 542-545, 547, 554
- Мортье Эдуар Адольф** (1768-1835), герцог Тревизский (1808), маршал Франции (1804) 425, 433, 434
- Московский князь**, см. Ней
- Мюллер** 40
- Мюллер Адам**, государствовед начала XIX века 501
- Мюнстерский архиепископ** 73
- Мюрат Иоахим** (1767-1815), герцог Бергский и Клевский (1806), король Неаполитанский (с 1808), французский военный деятель, маршал Франции (1804) 93, 135, 165, 293, 565
- Наги**, австрийский генерал 475
- Наполеон**, Наполеон I, Наполеон Бонапарт (1769-1821), французский государственный деятель и полководец, первый консул Французской республики (1799-1804), император французов (1804-1814 и март-июнь 1815) 23, 32, 54, 55, 58, 59-83, 85, 88-90, 93-97, 127, 130, 135, 146, 148, 150-152, 154-161, 163-165, 169-172, 176, 179, 183, 184, 190, 198, 204-208, 210, 212, 215, 223, 228, 229, 236, 238, 243, 247, 253, 255, 256, 260, 261, 265, 268-271, 274, 284-286, 290, 293-295, 300-302, 307, 313-319, 324-328, 331, 333, 335-338, 367, 372, 373, 376, 377, 400, 403-406, 417-419, 421, 423, 424, 427-434, 436-447, 449-452, 454, 455, 461, 475, 477, 503, 505, 506, 508-515, 518-522, 525, 527, 530, 533, 534, 537-552, 554, 555, 559, 563, 565, 566, 568-571
- Наполеон III**, Шарль Луи Наполеон Бонапарт (1808-1873), французский император в 1852-1870 187, 190, 196, 213, 217 316, 318, 404
- Неарх** (год рождения неизвестен-312 до н. э.), соратник Александра Македонского, с 334 — правитель Ликии и Памфилии, участник похода в Индию 68
- Незнамов Н.Н.**, редактор книги фон-дер-Гольца «Стратегия и вождение армий» 246
- Ней Мишель** (1769-1815), герцог Эльхингенский (1808), князь Московский (1812), маршал Франции (1804) 60, 77, 83, 93, 403, 563
- Нерон**, консул Римской империи 102
- Николай I** (1796-1855), российский император с 1825 403, 453
- Николаев**, переводчик Мольтке 473
- Новицкий Василий Федорович**, преподаватель Академии Генштаба РККА 11
- Ньютон Исаак** (1643-1727), английский математик, механик, астроном и физик, создатель классической механики 160
- Обручев Владимир Александрович** (1836-1912), военный деятель, генерал-майор (1906) 220, 224, 225, 474

Ожеро Пьер Франсуа Шарль (1757-1816), маршал Франции (1804), герцог Кастильоне (1806) 77, 83, 404, 433, 441
Окунев Николай Алексеевич (1788-1850), генерал-лейтенант, участник Отечественной войны 1812 года, войны с Турцией в 1829 году, написал ряд работ по военным вопросам 172
Олег (? — 912), древнерусский князь, в 907 совершил поход в Византию, в 907 и 911 заключил с ней договоры 439
Орлеанский герцог, Карл (1391-1463) 74
Осман-паша, маршал, командующий турецкой армией под Плевной 235, 243, 244, 245, 248

Павел I (1754-1801), российский император с 1796 448

Павел-Эмилий 66

Парменион, полководец армии Александра Македонского 68

Паскаль Блез (1623-1662), французский математик, физик, христианский философ и писатель 400

Паскевич Иван Федорович (1782-1856), граф Эриванский (1828), светлейший князь Варшавский (1831), российский генерал-фельдмаршал (1829) 426, 450

Плутарх (около 45-около 127), древнегреческий писатель и историк 541

Полибий (около 201-около 120 до н. э., древнегреческий историк 151

Полонский В.И., журналист 6

Помпей, см. Помпей Гней

Помпей Гней Великий (106-48 до н. э.), римский полководец 71, 72

Помпей Секст (около 75-35 до н. э.), римский полководец и политический деятель, сын Гнея Помпея 72

Пор, царь древнеиндийского государства в центре Пенджаба, разбит Александром Македонским 68

Потоцкий, переводчик Мольтке 473

Прометей, в древнегреческой мифологии титан, защитник людей от произвола богов 313

Прюдом, литературный персонаж, олицетворяющий мешанскую банальность 139, 178

Пугачев Емельян Иванович (1742-1775), предводитель крестьянских войн 1773-1775 в России 51

Пуебл, командующий корпусом в сражении под Прагой 532

Пузыревский Александр Казимирович (1845-1904), русский военный историк и теоретик, генерал от инфантерии (1901), профессор (1889) 246, 520, 521, 560, 561, 571

Пфуль Карл Людвиг Август (1757-1826), барон, прусский военный теоретик, офицер Генштаба, полковник 563

Пио-Сегюр, маршал 105, 147, 163, 164, 178, 179

Радецкий Йозеф (1766-1858), граф, австрийский фельдмаршал (1836) 508

Ранке Леопольд фон (1795-1886), немецкий историк, автор истории Пруссии 533

- Редерер* 152, 165
- Ренненкампф* Павел Карлович (1854-1918), российский генерал от кавалерии (1910) 228, 246, 329, 473, 502
- Ренье* Жан Луи (1771-1814), граф, французский генерал 441
- Римский-Корсаков* А.М., командующий корпусом, участник Цюрихского сражения (1799), генерал 448
- Ришелье*, Ришельё Арман Жан дю Плесси (1585-1642), кардинал (с 1622), с 1624 — глава королевского совета, фактический правитель Франции 441, 454
- Ришпанс*, французский генерал 544
- Робеспьер* Максимильен (1758-1794), деятель Французской революции, один из руководителей якобинцев 303
- Ронья*, автор «Размышления о военном искусстве» 23, 59, 61, 83, 85, 157, 302
- Роон* Альбрехт (1803-1879), граф (с 1871), прусский военный деятель, генерал-фельдмаршал (с 1873) 258
- Румянцев* П.А., командующий отрядом в сражении у Цорндорфа, генерал 553
- Руссо* Жан-Жак (1712-1778), французский писатель и философ 324, 335, 336, 339
- Руфузильяк*, французский военный писатель 32, 57
- Рюстов* 163, 339
-
- Сабиний* 70
- Савойский* герцог 74, 443
- Савари* Жан (1774-1833), французский военачальник 565
- Саксонский* Мориц (1696-1750), французский военный деятель и военный теоретик, маршал Франции (1744) 35, 37, 43, 157, 163, 176, 443, 530
- Саксонский* маршал, см. Саксонский Мориц
- Салтыков* Петр Семенович (1696-1772/73), русский генерал-фельдмаршал (1770), участник Семилетней войны 92, 553
- Самсонов* Александр Васильевич (1859-1914), русский генерал от кавалерии (1910) 223, 228, 246, 329, 473, 502
- Самуил* 313
- Сардинский* король, см. Виктор Эммануил I
- Саул*, основатель Израильско-Иудейского царства (XI в. до н. э.) 315
- Свечин* Александр Андреевич (1878-1938), русский и советский военный историк и теоретик, генерал-майор (1916) 3, 5, 6, 9-11, 13, 15, 27, 304, 473
- Себастиани* О., командир кавалеристского корпуса в армии Наполеона 261
- Сен-Жермен*, граф, министр Франции 56
- Сен-Сир*, см. Гувьон Сен-Сир
- Сериньи* 55
- Сильва* Маркус да, савойский исследователь, автор труда «Pensess zur la tactique et zur la strategie» 368
- Смилга* Ивар Тенисович (1892-1938), государственный и политический деятель, экономист 6
- Смит* Адам (1723-1790), шотландский экономист и философ, один из крупнейших представителей классической политэкономии 27

- Снесарев** Андрей Евгеньевич (1865-1937), военачальник, востоковед, профессор 3, 5, 6, 9-11, 13, 16
- Спенсер** Герберт (1820-1903), английский философ и социолог, один из родоначальников позитивизма 162, 330
- Серины** 55
- Станислав**, Станислав Лещиньский (1677-1766), польский король (1704-1711, 1733-1734) 80
- Статира**, дочь Дария I, супруга Александра Македонского 68
- Стефан**, топограф 55
- Субиз** Карл Роган (1715-1787), принц, маршал Франции 93, 94
- Суворов** Александр Васильевич (1730-1800), знаменитый русский полководец 29, 171, 429, 439, 568
- Сулейман-паша I** (1495-1566), турецкий султан, Османская империя достигла при нем высшего военно-политического могущества 235, 243, 244
- Сульт** Никола Жан де Дьё (1769-1851), герцог Далматский (1807), маршал Франции (1804) 77, 83, 164, 444, 514, 521, 548
- Сухомлинов** Владимир Александрович (1848-1926), генерал от кавалерии (1906), в 1908-1809 — начальник Генштаба российской армии, в 1909-1915 военный министр 370
- Сципион Африканский (Старший)** (около 235-около 183 до н. э.), римский полководец, во 2-й Пунической войне разгромил войска Ганнибала при Заме (202) 71, 72, 171, 176, 548
- Тайзен**, автор труда «О военном завещании Фридриха Великого» 523
- Талейран**, Талейран-Перигор Шарль Морис (1754-1838), князь Беневентский (1806-1815), герцог Дино (с 1817), французский дипломат, государственный деятель 549
- Тамерлан** (1336-1405), полководец, эмир с 1370, создатель государства со столицей в Самарканде 66
- Тацит** 335
- Тезей**, легендарный афинский царь (около XIII в. до н. э.) 179
- Темпельгоф** фон генерал 346, 405
- Торстенсон** Леннарт (1603-1651), граф, шведский полководец времён Тридцатилетней войны 1618-1848, фельдмаршал (с 1641)
- Траун** граф 92
- Трейчке** Генрих (1834-1896), немецкий историк, представитель так называемых малогерманцев 503, 514
- Троцкий** Лев Давидович (настоящая фамилия Бронштейн, 1879-1940), политический и государственный деятель 6, 303
- Тьер** Адольф (1797-1877), глава исполнительной власти с февраля 1871, в сентябре 1871-1873 — президент Франции, историк 143, 145, 405
- Тюрен**, Тюренн Анри де Ла Тур д'Овернь (1611-1675), виконт, маршал-генерал Франции (1660) 61, 67, 72-74, 151, 170, 186, 189, 194, 196, 210, 211, 307, 315, 530, 541

Удино Никола Шарль (1767-1847), герцог Реджо (1810), маршал Франции (1809) 93, 441

Файоль Анри (1841-1925), выдающийся французский ученый, создатель современной теории организации, управленец-практик, один из основоположников классической школы 133

Фабий Кунктатор, см. Фабий-Максим

Фабий-Максим, Фабий Максим Кунктатор (275-203 до н. э.), римский полководец, 5 раз избирался консулом, дважды диктатором 95, 102, 447

Фалькенгайн Эрих фон (1861-1922), немецкий генерал, военный министр 1913-1914, начальник Генерального штаба в 1914-1916 527

Фалькейштейн Фогель-фон генерал 217, 317

Федин А., слушатель Академии Генштаба РККА 10, 16

Фекьер, французский военный писатель, автор работ по признакам военного искусства 147

Фемистокл (около 525-около 460 до н. э.), афинский полководец, в период греко-персидских войн с 493/492 — архонт и стратег (неоднократно) 546

Фердинанд, Фердинанд II Арагонский, Фердинанд V Католик (1452-1516), король Арагона с 1479, Сицилии (Фердинанд II) с 1468, Кастилии (Фердинанд V) в 1479-1504 (как муж королевы Кастилии Изабеллы) 66

Фердинанд Брауншвейгский, см. Фердинанд Карл-Вильгельм

Фердинанд Карл-Вильгельм (1735-1806), герцог Брауншвейга в 1780-1806, прусский генерал-фельдмаршал, участник Семилетней войны, в войне с Наполеоном — главнокомандующий прусской армией 29, 42, 81, 270, 314, 315, 531, 535

Ферино 78, 79

Флеминг, автор труда «Совершенный немецкий солдат» 530

Фолард Жан-Шарль (1669-1752), французский тактик 164

Фон-Вердер, генерал 516

Фон Герлах, см. Герлах Леопольд фон

Фон-дер-Гольц, Гольц Кольмар фон-дер (Гольц-паша) (1843-1926), барон, германский генерал-фельдмаршал (1911) 24, 226-248, 254, 267, 269, 298, 320, 372, 505, 514, 520, 523, 523

Фон Граверт, прусский генерал 547

Фон-Фалькенштейн, см. Фогель-фон-Фалькенштейн

Фогель-фон-Фалькенштейн, генерал 217, 317

Фон-Шмидт, генерал 177

Фон-Штейнметц, генерал 516

Фортуна, в римской религии — богиня счастья, случая, удачи 162

Фош Фердинанд (1851-1929), маршал Франции (1918), британский фельдмаршал (1919), маршал Польши (1923), член Французской академии (1918) 23, 137, 182, 217, 249, 324, 320, 503, 521, 527

Франсуа, командир 1-го прусского корпуса, участник боя у Сталюпенена, генерал 501

Франц-Иосиф, Франц Иосиф I (1830-1916), император Австрии и король Венгрии с 1848, из династии Габсбургов 198, 220

Франциск I (1494-1547), французский король (с 1515) 528
Фрейтаг-Лорингофен, автор труда «Вождение армий Наполеоном в его значении для настоящего времени» 24, 503, 505, 506
Френч Дж., фельдмаршал, командующий британским экспедиционным корпусом в Первой мировой войне 447
Фридрих, см. Фридрих II
Фридрих Великий, см. Фридрих II
Фридрих II Великий (17120-1786), прусский король с 1740, из династии Гогенцоллернов, полководец 29, 54, 55, 61, 66, 67, 75, 88, 90-94, 120, 133, 170, 176, 184, 221, 232, 240, 246, 260, 300, 313-316, 327, 336, 337, 346, 361, 371, 405, 406, 425, 429, 432, 439, 508, 510, 518-521, 523, 525, 527-529, 531-541, 545-553, 555
Фридрих Вильгельм III (1770-1840), прусский король с 1797, из династии Гогенцоллернов 315
Фридрих Вильгельм (1620-1688), курфюрст Бранденбурга с 1640 (так называемый Великий курфюрст), из династии Гогенцоллернов 73, 199
Фридрих-Карл, принц, командующий 2-й прусской армией во время франко-прусской войны 187, 217, 466, 475, 508, 516, 520
Фуад-паша 244

Хойер, автор первой истории военного искусства 399

Цезарь Гай Юлий (102 или 100-44 до н. э.), римский диктатор в 49, 48-46, 45, с 44 — пожизненно, полководец 61, 67, 69-72, 82, 83, 176, 183, 184, 211, 313, 314, 331, 405, 548, 568

Цитен, командующий армией в сражении под Торгау 533

Чингиз-хан, Чингисхан (Тэмуджин, Темучин) (около 1155-1227), основатель и великий хан Монгольской империи (с 1206), организатор завоевательных походов против народов Азии и Восточной Европы 66

Чичагов Павел Васильевич (1767-1849), адмирал (1807), в Отечественную войну 1812 — командующий армией, действовавшей против южного фланга Наполеона 78, 94, 454

Шампоне, французский генерал, взявший в плен Макка 571

Шанзи 236, 520

Шарнгорст Герхард Иоганн Давид (1755-1813), прусский военный деятель, генерал (1807) 317, 473, 508

Шателер 436

Шварцбург-Зондерсгаузен князь 342

Шварцбург-Рудольфштадт князь 342

Шварценберг принц 441, 454

Шварценберг Феликс (1800-1852), князь, австрийский государственный деятель, фельдмаршал-лейтенант 320, 430

Шведский принц, см. Бернадотт Жан Батист
Шерф, военный писатель 332, 448, 477, 502
Шеффер-Бюдель 26
Шиллер Иоганн Фридрих (1759-1805), немецкий поэт, драматург и теоретик искусства Просвещения 375
Шлиффен Альфред фон (1833-1913), граф, германский военный теоретик, генерал-фельдмаршал (1911) 24, 27, 182, 220, 221, 225, 304, 305, 313-320, 326, 328, 329, 377, 448, 450, 474, 505, 521, 522, 523
Шлихтинг фон генерал 19, 24, 227, 228, 231, 241, 246, 247, 320, 332, 475, 479, 502, 503, 506, 520
Шмидт 436
Штольберг, командующий прусским отрядом в кампанию 1870 203
Штрефлер, австрийский издатель 475

Эванс 451

Эвклид, Евклид (предп. III-IV до н. э.), древнегреческий математик, автор первого из дошедших до нас теоретических трактатов по математике 429

Эджем-паша 233

Эзон, древнегреческий баснописец VI в. до н. э., считавшийся создателем (канонизатором) басни 139, 159, 453

Эйлер Леонард (1707-1783), математик, механик, физик 61, 160

Эйнштейн Альберт (1879-1955), физик-теоретик, один из основателей современной физики 527

Экмюльский принц, см. Даву

Эмбер, генерал 172

Юба царь 71, 72

Юпитер, в римской мифологии — верховный бог 313, 554

Содержание

КЛАССИКА ВСЕГДА АКТУАЛЬНА	6
ТОМ ПЕРВЫЙ	17
ВВЕДЕНИЕ. МЕТОДЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ	19
МАТЕРИАЛИЗМ ЛЛОЙДА	29
ВВЕДЕНИЕ К ИСТОРИИ ВОЙНЫ В ГЕРМАНИИ 1756 ГОДА МЕЖДУ ПРУССКИМ КОРОЛЕМ И ИМПЕРАТРИЦЕЙ С ЕЕ СОЮЗНИКАМИ, ИЛИ ВОЕННЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕМУАРЫ ГЕНЕРАЛА ЛЛОЙДА	33
ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ НАПОЛЕОНА И СИСТЕМА РОНЬЯ	59
КОММЕНТАРИИ НАПОЛЕОНА I О НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ВОЙНЕ ...	62
КРИТИЧЕСКОЕ ОТРИЦАНИЕ МЕДЕМА	85
МЕДЕМ	
I. О ПЕРВЫХ СОЧИНЕНИЯХ ГЕНЕРАЛА ЖОМИНИ	88
II. НОВЕЙШЕЕ СОЧИНЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ЖОМИНИ О СТРАТЕГИИ	98
УМОЗРЕНИЕ ВИЛИЗЕНА	105
В. ФОН ВИЛИЗЕН. ТЕОРИЯ БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ	111
ПОЗИТИВИЗМ ЛЕВАЛЯ	133
ЛЕВАЛЬ. ВВЕДЕНИЕ К ПОЗИТИВНОЙ ЧАСТИ СТРАТЕГИИ	138
ПРИКЛАДНОЙ МЕТОД ВЕРДИ-ДЮ-ВЕРНУА	181
ЭТЮДЫ О ВОЙНЕ И. ФОН-ВЕРДИ-ВЕРНУА	185
АЗИАТСКИЕ МОТИВЫ ФОН-ДЕР-ГОЛЬЦА	227
БАРОН КОЛЬМАР ФОН-ДЕР-ГОЛЬЦ, СТРАТЕГИЯ И ВОЖДЕНИЕ АРМИЙ	230
УЧЕНИЕ ФОША	249
МАРШАЛ ФЕРДИНАНД ФОШ. ВЕДЕНИЕ ВОЙНЫ	255
РАЗДЕЛЕНИЕ ПОЛКОВОДЧЕСКОГО ТРУДА У ШЛИФФЕНА	309
ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛ ГРАФ АЛЬФРЕД ФОН ШЛИФФЕН, ПОЛКОВОДЕЦ	313

ТОМ ВТОРОЙ	321
БАЗИРОВАНИЕ И УДАРНОСТЬ	323
МОНИЗМ БЮЛОВА	335
ГЕНРИХ ДИТРИХ БЮЛОВ	
ПРИНЦИПЫ СТРАТЕГИИ	340
ДУХ НОВЕЙШЕЙ ВОЕННОЙ СИСТЕМЫ	341
О ПОЛИТИКЕ И СТРАТЕГИИ	366
ГУСТАВ-АДОЛЬФ В ГЕРМАНИИ	367
НАУЧНЫЙ ФУНДАМЕНТ ЭРЦ-ГЕРЦОГА КАРЛА	373
ЭРЦ-ГЕРЦОГ КАРЛ АВСТРИЙСКИЙ	
ОСНОВЫ ВЫСШЕГО ВОЕННОГО ИСКУССТВА	378
ОСНОВЫ СТРАТЕГИИ	389
УДАРНОСТЬ ЖОМИНИ	403
ЖОМИНИ. О СТРАТЕГИИ	408
МОЛЫТКЕ: «ВРОЗНЬ ИДТИ И ВМЕСТЕ ДРАТЬСЯ»	455
МОЛЫТКЕ.	
О ГЛУБИНЕ ПОХОДНЫХ КОЛОНН	459
О ФЛАНГОВЫХ ПОЗИЦИЯХ	461
ЗАМЕЧАНИЯ О СОСРЕДОТОЧЕНИИ В ВОЙНУ 1866 ГОДА	464
О СТРАТЕГИИ	469
РЕЧЬ МОЛЫТКЕ В ЗАСЕДАНИИ РЕЙХСТАГА 14 МАЯ 1890 ГОДА ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ПРОЕКТА УСИЛЕНИЯ МИРНОГО СОСТАВА ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ	471
АВТОМАТИЗМ ШЕРФА	477
В. ФОН-ШЕРФ. О ВОЖДЕНИИ ВОЙСК	481
ПОЗИЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ	503
А. ФОН-БОГУСЛАВСКИЙ. РАЗМЫШЛЕНИЯ О СТРАТЕГИИ	507
ДЕЛЬБРЮК — ИСТОРИК ИЗМОРА И СОКРУШЕНИЯ	523
ГАНС ДЕЛЬБРЮК	
ФРИДРИХ КАК СТРАТЕГ	528
НАПОЛЕОНОВСКАЯ СТРАТЕГИЯ	536
ИДЕАЛИЗМ ЛЕЕРА	557
Г.А. ЛЕЕР. БЕЗЫДЕЙНОСТЬ	562
Именной указатель	572